Перед судом правды

Третий Рим
Чаемая Монархия
Русская смута

Сочинения Н.Д. Тальберга

Гдѣ ти смѣрте жа́ло; гдѣ ти а́дє побѣда

Йстина ѿ землѝ возсїѧ̀, ѝ пра́вда съ небесѐ прини́чє

Н. Д. ТАЛЬБЕРГ

ПЕРЕД СУДОМ ПРАВДЫ

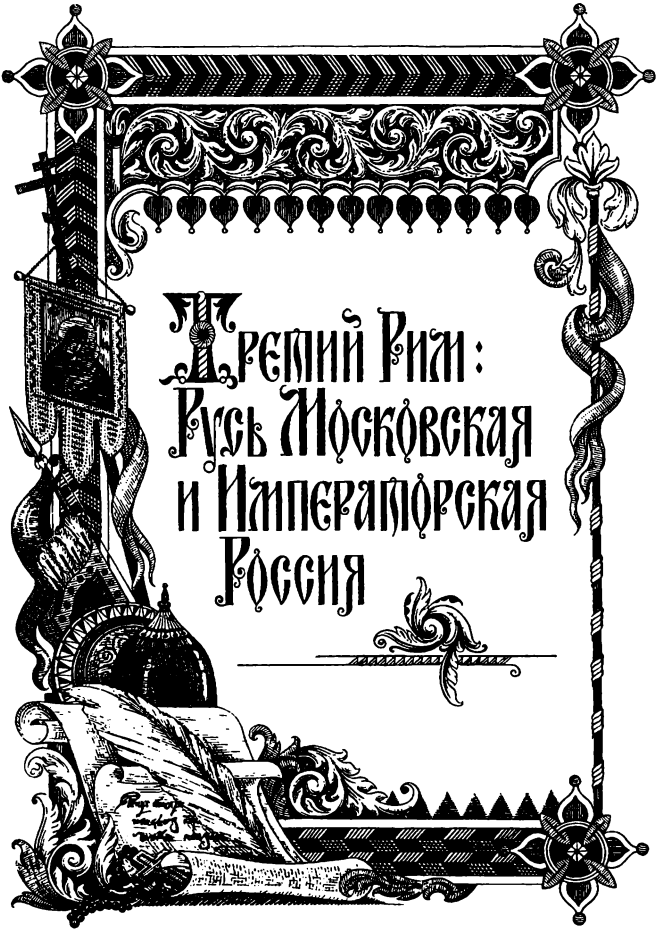
Третий Рим: возвышение и крушение. Чаемая Монархия. Русская смута

книга вторая

Москва 2004

Во вторую книгу двухтомника включены два сочинения Н. Д. Тальберга: «Третий Рим: Русь Московская и Императорская Россия» и «Русская смута». В последнем особенно интересен анализ автора как свидетеля не таких далеких от нас событий и последствий двух революций — в феврале и октябре 1917 г., поучительные уроки которых так актуальны в наши дни.

Н. Д. Тальберг с полным правом принадлежит к будителям русского духа, напоминающим о нашей принадлежности к России, о священном долге знать ее великую историю, о которой А. С. Пушкин сказал: «...я ни за что не согласился бы переменить отечество или иметь другую историю, чем та, которую нам послал Бог».


Третий Рим:
Русь Московская
и Императорская
Россия

По историческому пути

Лучшим доказательством правильности и соответствия пользе России того или иного действия служит отношение к нему враждебных Монархии сил.

Достаточно поэтому прочитать направленные против постановлений Церковного Собора в Карловцах громовые статьи иудейских газет и дружно помогающих им таинственных, заявляющих себя монархическими органов, как «Русское дело», берущее под свою защиту главного изменника Царю — Родзянко, и «Возрождение», редактируемое Ксюниным, в марте 1917 г. гнуснейшим образом отзывавшегося о Государе Императоре, дабы понять, что там, на чужбине, в единокровной и единоверческой Сербии, прозвучал действительно русский голос.

Двуглавый Орел. Вып. 23. Париж. 1 14. 1922. С. 3--10.

Возражать явным и тайным врагам Монархии мы не станем. Они сами прекрасно знают неустойчивость своих позиций, но им велено вести по всему монархическому фронту разрушительную работу, и они добросовестно выполняют это задание.

Но необходимо открыть глаза тем честным русским людям, которые, питаясь часто вредной газетной пищей и отравляемые подпольной работой всюду проникающих агентов темных сил, не всегда могут разобраться в обстановке и склонны делать неверные заключения.

«Церковь должна быть вне политики» — доказывают им доброжелатели, эти волки в овечьих шкурах. Под политикой же разумеют участие Церкви в обсуждении и разрешении государственных вопросов.

Если решиться разделить эту точку зрения, то придется отнестись с полным осуждением ко всей тысячелетней высокоисторической работе нашей Православной Церкви, которая неразрывно связала себя с монархической государственностью.

Святая Русь сложилась единой мудрой работой ее Великих Князей и Царей с Российскими митрополитами и Патриархами.

Церковь освящает благодатью величайший чин — Помазание Монарха на Царство.

Она же причислила к лику святых Великого Князя Александра Невского за его великую государственную работу. Обратимся затем к поучительнейшим примерам русской истории.

Преподобный Феодосий Киево-Печерский являлся первым советником князей Киевских, закладывавших основы русской государственности.

Святитель Петр, митрополит Киевский и первый митрополит Московский, основавший Успенский собор, где короновались русские Цари, входил во все вопросы государственного строительства. По его пророческому совету столица перенесена была из Владимира в Москву, которой он предрек великую будущность.

Ближайший его преемник, святитель Алексий, из рода бояр Плещеевых, строгий инок, против своей воли, только из послушания принявший митрополичью кафедру, осознав свой общегосударственный долг, сделался ближайшим советником трех Великих Князей. В царствование одного из них — малолетнего Димитрия Иоанновича — он на самом деле правил государством. Дважды в интересах России ездил Святитель в Золотую Орду. Явно осеняемый благодатью Божией, он своею пламенной молитвою исцелил слепую Тайдулу, жену хана.

Ученик его и друг, Преподобный Сергий, проникнутый величайшим иноческим смирением, долго не решавшийся воспринять и священство и игуменство, почитая себя недостойным, тем не менее затем проявляет грозное и властное вмешательство в дела государственного строительства.

В 1365 г. он, по поручению митрополита Алексия, *идет* в Нижний для примирения враждующих между собою Суздальских князей, братьев Бориса и Димитрия Константиновичей, отказывающихся подчиниться Великому Князю Димитрию Иоанновичу. Там он требует от мятежного князя Бориса уступки удела старшему брату и явки на ответ перед Великим Князем. Встретив с его стороны отказ, Преподобный Сергий закрывает в Нижнем все церкви и прекращает богослужение.

Мятежный князь смиряется. Преподобный возвращается, конечно, в умиленном сознании совершенного долга, не помышляя о том, что через несколько столетий таковое его действие назвали бы «политикой», не свойственной служителю Церкви.

В 1385 г. князь Олег Рязанский, взяв Коломну, грозит Великому Князю взять Москву. Высланное против него войско под водительством князя Владимира Андреевича Храброго

терпит поражение. Москва в опасности. По просьбе Великого Князя Димитрия Иоанновича Преподобный Сергий *идет* в Коломну, убеждает князя Олега, который смиряется и заключает вечный мир с Великим Князем.

В величайший исторический момент — в канун Куликовской битвы — Преподобный помогает ратному устройству, благословляет полководца и, как доказательство неразрывной связи Церкви с государством, посылает из иноческого покоя на бой с татарами схимонахов Пересвета и Ослябю, своею геройской смертью нерушимо запечатлевших этот святой союз.

Святитель Филипп, митрополит Московский, безбоязненно вмешивался в дела государства, обличая Царя Иоанна Васильевича Грозного, не переставая, конечно, молиться за Государя.

Патриарх Гермоген, в царствование нынешнего боголюбивого Государя причисленный к лику святых, явил величайший пример пастыря Церкви, долгом своим почитавшего служить пользе монархической государственности.

Действенное участие в этой области он проявил еще в царствование Царя Василия Шуйского. В конце ноября 1606 г., когда против Царя восстали Болотников, Ляпунов и другие, Патриарх Гермоген рассылал грамоты,

приказывая духовенству молиться о здравии и спасении «Богом венчанного Государя» и о «покорении ему всех врагов». Зная, что Россия начинает гибнуть из-за длительной измены присяге, Патриарх Гермоген вызвал из Старицы бывшего Патриарха, престарелого Иова, чтобы он даровал разрешение народу от грехов — *нарушения крестного целования и измены*. Для этого было устроено 20 февраля 1607 г. всенародное покаяние в Успенском соборе. Иов стал у Патриаршего места, а Гермоген, совершив молебное пение, взошел на Патриаршее место. Народ просил у Иова прощения в своих грехах и подал челобитную, которая была прочитана архидиаконом. В ней русские люди исповедовались пред бывшим Патриархом, как они клялись верою и правдою служить Царю Борису Феодоровичу и не принимать вора, называвшегося царевичем Димитрием, и изменили своей присяге, как клялись потом сыну Бориса Феодору и снова преступили крестное целование и присягнули Лжедимитрию.

Патриархи приказали тому же архидиакону прочитать разрешительную грамоту, в которой, прося Бога, да подаст он всем мир и любовь, да устроит в Царстве прежнее соединение и да благословит Царя победами над врагами, разрешали всех православных от

содеянных ими грехов — прежних клятвопреступлений и измены*.

Патриарх вдохновлял к великому государственному подвигу и других архипастырей. Так, преемник Гермогена, Казанский митрополит Ефрем изрек проклятие за измену Царю на город Свияжск и этим так поразил его жителей, что они просили снять с них святительскую клятву и дали обещание впредь быть верными Василию Иоанновичу. Тверской архиепископ Феоктист так одушевлял свою паству, что она отбила от Твери войска Самозванца; а когда они подступили к Твери вторично и взяли ее, Святитель от врагов приял мученическую смерть. Другие иерархи потерпели за свою верность Государю различные тяжкие гонения.

Смута ширилась, но Патриарх, делаясь все более беззащитным, не менее мужественно восставал против крамольников. В 1609 г., вытащенный мятежниками из Успенского собора на Лобное место среди Красной площади, подвергавшийся оскорблениям, Святитель отказался выполнить их требование о низложении Царя Василия Иоанновича и своею твердостью заставил заговорщиков смириться и бежать в

* *Назаревский В. В.* Чтения из истории Царствующего Дома Романовых. 1613–1913 гг. Вып. 1. Смутное время и деятельность Патриарха Гермогена. СПб., 1911. С. 18.

Тушино. Он отправил туда следующую грамоту:

«Обращаюсь к вам, *бывшим православным христианам* всякого чина и возраста, а ныне не ведаем, как и назвать вас: *ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от Соборной и Апостольской Церкви, отступили от Богом и святым елеем помазанного Царя*; вы забыли обеты Православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитывались, возросли; преступили крестное целование и клятву — стоять до смерти за дом Пресвятыя Богородицы и за Московское государство и пристали к ложномнимому царику вашему. Болит моя душа, болит сердце... я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братие и чада, свои души и души своих родителей, отошедших и живых, посмотрите, как отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас, не на своих ли братьев! Не свое ли отечество разоряете? Заклинаю вас именем Господа Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца, а мы, по данной нам власти, примем вас кающихся и упросим Государя простить вас: Он милостив...»

В день решительного мятежа против Царя — 17 июля 1610 г.— Патриарх продолжал стоять за него как Монарха, венчанного Церковью на Царство.

Он говорил народу, что там нет спасения, где нет благословения Божия; что *измена Царю есть страшное злодейство, за которое грозно накажет Бог,* и что она не избавит Россию от бедствий, а еще глубже погрузит ее в бездну.

После насильственного пострижения Царя Патриарх объявил это пострижение незаконным, молился за Василия Иоанновича в храмах как за законного Царя и не считал его иноком, а монахом признал князя Туренина, который вместо возражавшего Царя дерзновенно произносил священные обеты.

С 1610 г. государство осталось без правящего Царя, вся власть перешла к Святителю. «Патриарх,— как правильно говорит Назаревский,— за отсутствием Государя, при измене русскому народу временного его правительства, в качестве начального человека Земли Русской, счел себя вправе призвать всех к оружию».

Поляками и русскими изменниками он был заточен в Чудов монастырь, но и оттуда звучал его голос.

Державшие с ним связь москвичи с его согласия так писали в другие города: «Будьте с нами обще заодно, против врагов наших и ваших. Помяните одно: только коренью основания крепко, то и древо неподвижно (то дерево неподвижно, которое в корне основания крепко). Если коренья не будет, к чему прилепиться. Здесь — корень нашего *Царства*, здесь — знамя *отечества*, — образ Божией Матери, Заступницы христианской, Ея же евангелист Лука написал. Здесь — *великие светильники и хранители Петр, Алексий и Иона чудотворцы*... Или вам, православным христианам, то ни во что поставить?..»

Как ярко, образно приводится здесь связь между — Верою, Царем и Отечеством, теми понятиями, которые некоторые легкомысленные люди пытаются теперь святотатственно отделить друг от друга.

Мученическою смертью запечатлел Патриарх Гермоген свое великое служение Церкви и государству, и неужели все это — историческая гордость России — было только «политикой», вредящей Православию?

Филарет Никитич Романов, еще в сане митрополита Ростовского, вдохновляемый Патриархом, показал в лице своем образец доблестного пастыря.

Когда в 1608 г. Сапега с ляхами возмутил Суздаль и Переяславль против Царя Василия Иоанновича, тогда верные ростовцы, не надеясь на крепость своих стен, предложили митрополиту вместе с ними удалиться в Ярославль. Но владыка Филарет сказал, что не бегством, а кровью должно спасать отечество, что благородная смерть лучше жизни срамной, есть другая жизнь и венец мучеников для христиан, *верных Богу и Царю*. Видя бегство жителей, святитель Филарет с немногими ратными людьми заперся в соборной церкви. Все исповедались, причастились и изготовились встретить смерть. Не ляхи, а переяславцы осадили храм, стреляли, ломились в двери и яростным ревом отвечали на голос митрополита, молившего их не быть извергами. Двери были выломаны, и ростовцы, окружив святителя Филарета, бились до изнеможения. Злодеи ограбили святыни, разрубили золотую раку святителя Леонтия, а митрополита Филарета, босого, в изорванном польском кунтуше и татарской шапке, со страшным издевательством увезли в Тушино к Самозванцу.

Отправленный во главе посольства к королю Польскому Сигизмунду, митрополит Филарет твердо отстаивал русские интересы, отказываясь дать распоряжение воеводе Шеину сдать полякам Смоленск.

Претерпев тяготы польского плена и только в июле 1619 г. возвратившийся в Москву, он, возведенный в сан Патриарха, принимал самое деятельное участие в делах государственных, помогая Сыну вывести Россию из того ужасного состояния, в которое ввергла его первая Смута.

Святитель Митрофаний Воронежский, хотя и не соглашался со всеми нововведениями Петра Великого, но являлся его деятельным помощником в создании флота.

И в последующие времена наши высшие иерархи и выдающиеся священники, как, например, отец Иоанн Кронштадтский, не считали себя вправе устраняться от того, что теперь малодушными и «теплыми» принято называть политикой.

Величайший архипастырь прошлого столетия, митрополит Филарет, пребывавший почти постоянно в Москве, являлся частым советником Государей, и его мудрому перу принадлежит исправление редакции Манифеста Императора Александра II об освобождении крестьян.

В годину начавшейся в 1904 г. смуты наши иерархи также не устранили себя от политической жизни государства. Вспомним твердые выступления против подымавших голову крамольников митрополита Московского Влади-

мира, убиенного после революции в Киеве, архиепископов: Вологодского Никона, Гермогена Саратовского, не оставившего своего Государя и в Тобольске, а затем убитого революционерами, митрополита Киевского Флавиана, этого просвещеннейшего иерарха, благословлявшего в 1906 г. первый монархический съезд в Киеве.

Нельзя не упомянуть здесь и тех Преосвященных, которые, не опасаясь тогда «политики», шли работать в представительные учреждения и кои делались известными именно своей полезной национально-государственной работой на окраинах России.

Нет, что бы ни говорили нынешние «радетели» Церкви, тщетны будут их попытки отрицать за Церковью обязанности принимать участие в государственном строительстве.

Да, там, в России, где вообще замерла всякая политическая жизнь, Церковь должна оберегать только духовную чистоту своей паствы. Но здесь, обращаясь к чадам своим, «в рассеянии сущим», представители верующих — духовенство и миряне — обязаны были сказать, как мыслят они спасение дорогой Родины.

Церковный Собор, состоявший из иерархов и священников, приводивших свою паству к верноподданнической присяге Помазаннику Божию и его законным наследникам, не мог не

призвать всех покаяться, возвратиться к служению той Династии, на верность которой целовали Святой Крест и Евангелие за себя и за потомков своих русские люди в 1613 г.

Они вместе с благочестивыми мирянами это и сделали, и верится, что там, у Престола Всевышнего, вымаливая спасение заблудшей, гибнущей Отчизне, Святители всея Руси благословили этот патриотический призыв Церковного Собора.

26 декабря (ст. ст.) 1921 г.
Собор Пресвятыя Богородицы

Православная Монархия

Пройдя по страдному пути низвержения и отрицания религии и возвращаясь теперь снова к Богу, мы должны понять, что восстановление России возможно только на основах Православной Церкви.

Важен общий религиозный подъем, значение коего я старался доказать в статье «Жизнь в Духе» (см. далее в наст. изд., с. 347), необходимо доброжелательное, терпимое отношение ко всем не противогосударственным и не

Двуглавый Орел. Вып. 7. Париж. 28.4 11.5.1927. С. 10–13; вып. 8. 25.5 7.6. С. 10–14; вып. 9.22.6 5.7. С. 11–15.

безнравственным вероучениям. Но Православие, будучи религией большинства русских подданных, охватившее всецело внутренний мир русского человека,— является тем прочным цементом, который скрепляет нашу Родину.

Восприняв Россию в колыбели ее исторической жизни, Православная Церковь дала должное духовное направление тогда еще детской народной душе. Освещая ее и дальше светом правой веры, она, в свою очередь, восприняла от верующего народа все лучшее. Вот почему в России особенно горело и, несмотря даже на нынешние гонения, горит Православие ярким светом.

«Каждый человек,— говорит профессор П. И. Ковалевский*,— стремится к тому, что ему симпатично и что его привлекает. Одни люди по своей натуре мягки, сердечны, уступчивы,— другие, напротив, воинственны, повелительны и склонны к господству. Что говорится об отдельных людях, то можно сказать и о нациях. Эти особенности наций послужили основою к тяготению к той или другой вере. Романские народы, в которых почти равномерно царят и возвышенные чувства, и блестящее мышление, увлеклись и воплотили в себе католическую религию и вошли в сферу воздействия

* Не смешивать почтенного профессора с Е. П. Ковалевским, деятелем февральской революции, одним из разжигателей за рубежом церковной смуты.

воинствующей церкви. Хладнокровная, преимущественно холодно, логически-отвлеченно мыслящая германская нация увлеклась другим — холодным протестантизмом. В нем она нашла удовлетворение стремлениям холодного рассудка к господству, преобладанию и неуступчивости.

Славянская раса — мягкая, нежная, сентиментальная, с возвышенным чувством и благородными мыслями — нашла себе удовлетворение в Православной Церкви. Она всеми своими силами увлеклась любовью, состраданием, милосердием, самопожертвованием и всепрощением учения Христа...

Православие есть та нравственная формула, — продолжает он далее, — в которой душа русского находит себе удовлетворение, — и само уже Православие в дальнейшем утверждает и укрепляет прирожденные, присущие нации черты».

История России не отделима от истории Православной Церкви. «Наша Святая Русь, — писал А. С. Хомяков, — создана самим христианством. Таково сознание Нестора, таково сознание святого Илариона и других. Церковь создала единство Русской Земли и дала прочность случайности Олегова дела» (Т. I. С. 231).

И ту же мысль развивает в беседе, называемой «Церковь и Государство», архиепископ

Херсонский Никанор, выступивший в 1890 г. печатно против анархических учений графа Л. Толстого.

«Православная Церковь,— писал Владыка,— принесла на Русь из Православной Византии идею Великого Князя, как Богом поставленного владыки, правителя и верховного судии подвластных народов, устранив славяно-варяжскую идею князя, как старейшего в роде атамана удалой, покоряющей огнем, железом и дубьем дружины. Церковь перенесла на Русь из Византии идею государства, с устранением варяжской идеи земли с народом, которую княжеский род может дробить без конца, как удельную свою собственность. Церковь утвердила единство народного самосознания, связав народы единством веры, как единокровных, единодушных чад Единого Отца Небесного, призывающих Его Пренебесное Имя на едином языке, который с тех пор стал для всех славянских племен единым, родным и священным языком. Церковь создала сперва одно, потом другое дорогое для народа святилище, в Киеве и Москве, закрепив там своим благословением, своими молитвами, сосредоточением там высших церковных учреждений местопребывание всесвязывающей государственной власти. Церковь перенесла на Святую Русь грамоту и культуру, государственные законы и чины Визан-

тийского Царства. Единственно только Церковь была собирательницею разрозненных Русских княжеств, разделенных еще больше, чем старинные племена славянства, удельными усобицами. Единственно только Церковь спервоначала была собирательницею русских людей, князей, городов и земель, раздавленных татарским погромом. Церковь выпестовала, вырастила слабого Московского Князя сперва до Великокняжеского, а потом и до Царского величия. Пересадив и вырастив на Русской Земле идею византийского единовластительства, Церковь возложила и святое миропомазание древних Православных Греческих Царей на Царя Московского и всея Руси. Церковь же оберегла народ и Царство и от порабощения игу ляшскому в годину смут самозванцев и общего шатания умов...»

Понимание значения Православной Церкви так ярко изложено в речи, сказанной обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым на обеде, данном г. Киевом в день юбилейного торжества 900-летия Крещения Руси*:

«Мы празднуем в благодарном трепете перед Богом 900-летие величайшего события нашей истории. В эти 900 лет совершилось над

* К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. М.-Пг., 1923. С. 833.

нами чудо судеб Божиих: из грубого рассеянного языка славянского возникло великое государство, выросло народное сознание, собралась Земля Русская через Киев и Москву. Разрушались вокруг царства славянских племен под игом иноверных. Русскому народу Бог дал удержаться, вырасти, вынести тяжелое иго степных варваров, сбросить его с себя, пережить и преодолеть бедственное безначалие, отразить римско-польскую напасть, вернуть свои отхваченные врагами окраины, добраться до моря, укрепиться в силе и славе русского оружия, утвердиться незыблемо в вере, заповеданной предками.

Не нашей силой все это совершилось, а силой Божией в судьбах нашего народа. И явилась сила Божия в Церкви Православной, в которую вошел язык наш 900 лет тому назад водительством Святого Благоверного Князя Владимира. Благословен и блажен этот день, положивший твердое основание судьбам нашим. Что бы с нами сталось без этой Церкви, страшно и подумать. Она одна, одна помогла остаться нам русскими людьми, собрать свои рассеянные силы, одушевила вождей и народ, дала ему терпение пережить страшные невзгоды от голода и мора, и от своих лихих людей, и от чужих, и одолеть врагов своих; посылала сынов земли нашей умирать за свою землю,

научила рассыпанное стадо собираться около пастыря.

С Востока, откуда воссиял Свет Христов всему миру, приняли мы веру свою, приняли церковные уставы, приняли несказанную, несравненную красоту богослужения и в него вложили свою русскую душу — глубоким могучим словом своего языка и чудным звуком родной своей песни. И еще: не русская ли душа одна изукрасила и возлюбила у себя тот чудный звук русского колокола, который так таинственно будит ее и зовет в церковь и от земли — домой, на небо. От древнего древа, насажденного на Востоке Апостолами и Святителями Вселенской Церкви, приняли мы могучее зерно, и вот из него выросло на земле нашей тоже единое с ним сеннолиственное древо, и укрыло всю землю своею сенью, и привлекает под сень свою единоплеменные языки и своих нам единоверцев, коим радостно даем мы и Евангелие, и службу церковную на родном их наречии. Отцы и братие, что милее и любезнее, что дороже Церкви — всем нам, и великим и малым, какая красота милее и сочувственнее церковной красоты для русского сердца? Церковь — мать родная и милая русскому человеку. Все мы дети ей, и если кто блуждает от нее далече, тот, Бог даст, вернется еще в родительский дом, к Матери. Храм

наш — дом русскому человеку, дом самый ближний, где все равны, от мала до велика, все имеют и находят свое место, где почерпывают одинаково радость и утешение. Тут наша сила, тут тайная сокровищница судеб наших, тут хранилище драгоценнейших наших преданий и родник сил наших, которым суждено еще явиться в будущем, если в будущем оправдаем мы делами правды и любви всю истину нашей веры. Для того мы и собрались сюда, чтобы вспомянуть Его великую милость к русскому народу и от полноты сердца, горящего любовью к Родине, благодарить Его и молить, да оправдается в делах наших и в судьбах наших наша вера, да возрастет и процветает наша Великая Церковь, Церковь, единая с народом, и народ, единый с Церковью».

Поучительны примеры нашей истории, подтверждающие все, сказанное преосвященным Никанором, А. С. Хомяковым, К. П. Победоносцевым.

Православное духовенство, в лице архипастырей, священников, иноков, принимало огромное участие в создании великой русской Монархии.

Начало просвещения русского народа положено было православным духовенством. Святой Михаил, первый митрополит Киевский, дал и первое наставление о том, как надо вести

просвещение. При кафедрах епископов открывались училища для детей.

Духовное просвещение полюбилось русскому народу. На заре русской культуры выявились такие выдающиеся произведения, как поучения Илариона, первого Киевского митрополита русского происхождения, как «Слово о полку Игореве» и другие. Первым русским историком был Нестор, инок Киево-Печерской обители.

Помогая князьям, умиряя споры их между собою, *духовенство* приобретало всегда исключительное значение в тяжкие для Руси годины.

Во время страшного татарского нашествия *митрополит Кирилл*, лишенный крова в разрушенном Киеве, весь поглощен был поддержанием духа князей и народа. Разъезжая по государству, он бодрил усталых, успевая устроять и общественный быт. Святой митрополит Петр сумел в 1313 г. получить от хана Узбека ярлык, подтвердивший добытые митрополитом Кириллом права духовенства. «Да никто,— писалось в ярлыке,— не обидит в Руси Церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритов, игумнов, попов». Вокруг Церкви сплачивался порабощенный народ, *духовенство* же, понимая свой религиозный и государственный долг,— поддерживало Великих Князей.

Святитель Петр, сам уроженец Волыни — по-нынешнему «украинец», — проникновенно возвеличил значение Московского княжества. Крестник Московского Князя Иоанна Даниловича Калиты, сын черниговского боярина Бяконта, — *святой Алексий*, митрополит Московский, в малолетство Димитрия Иоанновича Донского правил государством, отстояв для него Великокняжеский Престол. По его же, святителя Алексия, приказанию приводил Преподобный Сергий Радонежский к повиновению законной власти восставших против нее: в 1365-м — князей Суздальских, в 1385-м — Олега Рязанского.

Святитель *митрополит Иона* и с ним все проникнутое государственным сознанием духовенство помогло злодейски ослепленному Великому Князю Василию Васильевичу II Темному одолеть сопротивление удельных князей, препятствовавших единодержавию. Духовенство — «служители алтаря», как говорилось в грамоте, — грозили анафемой главному врагу Великого Князя князю Димитрию Шемяке.

Когда созрело время свержения татарского ига, духовенство оказало решительное влияние на медлившего, осторожного Иоанна III. *Митрополит Геронтий*, архиепископ *Ростовский Вассиан*, игумен Троицкий Паисий и другие убедили Иоанна сразиться с татарами. «Вся

кровь падет на Тебя,— говорил ему древний старец Вассиан,— за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними. Или боишься смерти? Не безсмертный ты человек — смертный, а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю. Дай мне, старику, войско; увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами». Твердое обличительное, но и благословляющее на подвиг письмо того же архиепископа Вассиана, присланное в стан Великого Князя, окончательно заставило его действовать решительно.

Духовенством спасено было единодержавие и в опасные годы малолетства Иоанна Васильевича IV Грозного, когда, казалось, могла уничтожиться вся длительная, патриотическая работа преемников Калиты.

Историк Виппер, издавший в России в 1922 г. примечательную книгу «Иван Грозный», пишет по этому поводу:

«Время малолетства Ивана IV — критический момент для московского Самодержавия, которое Герберштейну показалось властью, не имеющей себе равной на свете. Если Монархия в Москве спаслась от крушения, не потерпела ущерба от "вельмож" на манер Польши, то всего более она обязана была своей могущественной союзнице — Церкви. Иерархи с какой-

то особой горячностью ринулись в политическую борьбу: князья Шуйские, по-видимому рассчитывавшие вытеснить правящий дом Калиты, встретили резкий отпор духовенства; в короткий срок трех лет им пришлось свергнуть одного за другим двух митрополитов — Даниила и Иоасафа. Но в результате церковники одержали победу: с 1542 г. начинается митрополитство знаменитого *Макария*, вышедшего из школы Ивана III (Макарий родился в 1482 г.). Под его влиянием Иван IV объявлен в 1547 г. совершеннолетним, но вместе с тем поставлен под опеку священника Сильвестра, которая еще на шесть лет (1547—1553) оставляет в тени неоперившегося, не расправившего свои гениальные дарования и свои порочные наклонности будущего Грозного».

Святой Патриарх Гермоген старается остановить страшную Смуту XVII века. Твердо отстаивал Святитель Царя Василия Шуйского, мужественно обличал крамолу, говоря, что измена Царю есть страшное злодейство, за которое грозно покарает Бог. Когда же с 1610 г. государство оказалось без правящего Царя, то вся государственная власть перешла к Святителю. «Патриарх,— пишет историк В. В. Назаревский,— за отсутствием Государя, при измене русскому народу временного его правительства, в качестве начального человека Земли

Русской, счел себя вправе призвать всех к оружию».

Патриархи *Филарет* и *Никон* были ближайшими соправителями двух первых Царей из Дома Романовых.

Только противоканонические новшества Петра Великого — которому, по-настоящему, должны поклоняться современные сторонники «аполитичности» духовенства,— искусственно преуменьшали государственное значение последнего. Но и тогда *св. Митрофан Воронежский* деятельно помогал Царю Петру в его работах по возвеличению военной мощи России. В последующие же столетия все выдающиеся иерархи: митрополит Московский Платон, законоучитель Цесаревича Павла Петровича, тогдашний борец против масонства и его детища — либерализма, митрополит Филарет, Киевский и Московский, Иннокентий, архиепископ Херсонский, Макарий, митрополит Московский, Игнатий, архиепископ Воронежский, Никанор, архиепископ Херсонский, Иоанн, епископ Смоленский, Феофан, епископ Тамбовский, Владимир, митрополит Московский, Антоний, архиепископ Волынский, и другие – идейно — проникновенным словом и печатными произведениями будили в народе сознание истинной государственности, творя этим созидательную работу.

Огромно было значение и святых обителей, в течение веков напитавших душу русского народа целебной влагой православной государственности.

Даже само поклонение Пресвятой Богородице в сердцах и умах Руси Православной нерушимо связывалось со строем государственным. «Домом Пресвятой Богородицы» звался Великий Новгород. Почитание святых икон — Знаменской, Новгородской, Владимирской, Смоленской, Тихвинской, Казанской — вызвано проявлением милости Божией к Русскому государству.

Знаменитый Софийский собор в Киеве был заложен Ярославом на том месте, где он в битве разбил в 1036 г. печенегов. При Владимире святом выстроен был в Василеве храм Преображения в память избавления князя от грозившей ему на войне опасности. Мстислав, князь Тмутараканский, брат Ярослава Мудрого, воздвигает храм Богоматери после победы над вождем касогов Редедей. И так было за все бытие России.

Историю нашей Родины лучше и вернее всего изучать по ее церквам и монастырям. Святыни Киева, Пскова, Новгорода, Ростова, Твери, Москвы, Петербурга и другие — сама история Русского государства.

Но, конечно, работая над созданием, укреплением России, духовенство мыслило существование ее только как Монархии. Такому сознанию учили духовенство и правила святых Апостолов, и священные предания Византийской Церкви, давшей нам христианство, и знание русского народа, с которым ему приходилось ближе всего соприкасаться.

Правила святых Апостолов определили отношение Церкви к Царской власти. «Аще кто досадит Царю, или Князю, не по правде: да понесет наказание. И аще таковой будет из клира, да будет извержен от священного чина. Аще же мирянин, да будет отлучен от общения церковного» (Правило 84-е).

Толкования этого правила (Зонара, Вальсамон) указывают, что основано оно на Моисеевом законе: «Князю людей твоих да не речеши зла» (Исх. 22, 28) и на посланиях святых Апостолов: Петра, говорившего: «Царя чтите» (I Пет. 2, 17), и Павла, заповедавшего молиться за Царя (1 Тим. 2, 2). То же толкование дает и Славянская Кормчая (Никон. 10). Развивая те же мысли, известный сербский канонист епископ Никодим, указывая, что постановления святых Апостолов относились к языческим Государям, говорит о том, что тем более необходима покорность и уважение к христианским Царям, сынам и охранителям Церкви.

Монархическое начало твердо проводится в постановлениях Вселенских Соборов. Отцы Халкидонского Собора видели в Императоре Маркиане посланного Богом воителя, собирающего рать против сатаны.

Профессор Г. В. Вернадский в статье своей «Византийские учения о власти Царя и Патриарха» приводит следующее определение, помещенное в официальном памятнике IX века, в так называемой Эпанагоге (8 гл. III титул):

«Государство составляется из частей и членов подобно отдельному человеку. Величайшие и необходимейшие части — Царь и Патриарх. Поэтому единомыслие во всем и согласие Царства и Священства составляют душевный и телесный мир и благоденствие подданных».

Это сознание неразрывности связи Монархии с Православною Церковью перешло из Византии и в Россию. Уже Владимира святого епископы называют Царем и Самодержцем, говоря ему: «ты поставлен от Бога». *Лука Жидята* так поучал народ: «Бога бойтесь, князя чтите: мы рабы, во-первых, Бога, а потом Государя». Ту же мысль проводит и *митрополит Никифор* в своем поучении Владимиру Мономаху: «Князья избраны от Бога. Он царствует на Небесах, а князю определено царствовать на земле». Глубоким пониманием

значения княжеской власти звучит и слово *митрополита Илариона,* посвященное памяти Князя Владимира святого: «Государей наших сделай грозными народам, бояр умудри... Церковь возрасти».

Твердо, неуклонно стояли служители Церкви в старой Руси за Царскую власть, за утверждение ее силы. «Можно сказать,— пишет историк Сергей Соловьев,— что вместе с мечом светским, великокняжеским против удельных князей постоянно направлен меч духовный».

Другие единомышленники Святители, причисленные к лику святых, *Иона, митрополит Киевский* (глава Русской Церкви), и *Иона, архиепископ Новгородский,* наложили на себя общий обет — ежедневно молиться об установлении Самодержавия в России.

Великий печальник за Землю Русскую — проникновенный исповедник Православной Монархии — *святой Патриарх Гермоген* называл «*бывшими православными христианами*» мятежников, так как они «отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от Соборной и Апостольской Церкви, отступили *от Богом и святым елеем помазанного Царя*».

Именно Богом помазанный Царь. Православная Русская Церковь благодатно освящала Самодержца, помазывала Его на Царство и сообщала силу религиозного авторитета.

Нарочитое таинство миропомазания коронующегося Самодержца, вхождение Его в алтарь через Царские врата, стояние и поклонение, совершаемое им на священном месте — у святого престола, приобщение Святых Таин — по образу священнослужителей — прямо из святой Чаши — весь этот священный чин Коронования утверждал неразрывную связь Церкви с Самодержцем, а через Него со всем государством, а также свидетельствовал, что Православная Церковь признает Православного Царя как Помазанника Божия, как лицо благодатно освященное и церковно посвященное.

Профессор Г. В. Вернадский в труде своем «Византийские учения о власти Царя и Патриарха» подтверждает, что в Византии: *«Императорский сан был особою формою священнослужения, и все чины Императорского Двора в Византии не просто служили, а священнодействовали».*

Правило же 69-е шестого (Трульского) Собора, запрещая мирянам входить через Царские врата, говорит: «Но по некоему древнейшему преданию, отнюдь не возбраняется сие власти и достоинству царскому, когда восхощет принести дары Творцу». В толковании к этому правилу древний византийский канонист Вальсамон указывает, что Православные Импе-

раторы, как архиереи, *«правят крестный знак с трикирием»*.

Также и современный канонист, сербский епископ Никодим в известной книге своей объясняет эти, связанные с 69-м правилом Трульского Собора, священные права Царской власти — священным помазанием Государей на Царство.

В века нынешние у истинных служителей Православной Церкви сохранилось древнее правильное понимание Царской власти.

Прекрасно выразил это понимание *знаменитый митрополит Филарет Московский* в слове своем, сказанном 25 июня 1851 г. в Успенском соборе, в день рождения Императора Николая I:

«Народ, благоугождающий Богу, достоин иметь благословенного Богом Царя. Народ, чтущий Царя, благоугождает чрез сие Богу; потому что Царь есть устроение Божие. Как Небо безспорно лучше земли и небесное лучше земного, то также безспорно лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и учил Бог Боговидца Моисея: *Виждь да сотвориши по образу, показанному тебе на горе* (Исх. 25, 40), то есть на высоте Боговидения. Согласно с сим, Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле Царя; по образу Своего Царства непрехо-

дящего, продолжающегося от века и до века — Царя наследственного».

Ученейший архиепископ Херсонский Никанор в труде своем «Что такое Царский Престол»* писал: «Поймите все, что не одна только настоящая, современная Православная Церковь, но и вся отошедшая в горний мир, десятивековая Православная Христова Церковь всея Руси, утвердясь на основах веры, надежды и молитвы Святой Вселенской Церкви и на камне Христа, едиными усты и единым сердцем изрекает изменникам, крамольникам против Православного Царя анафему: "Помышляющим, яко Православные Государи возводятся на Престолы *не по особливому о них Божию благоволению и при помазании дарования Святаго Духа*, к прохождению великаго сего звания, в них не изливаются: и тако дерзающим против их на бунт и измену: анафема, анафема, анафема!"»

И действительно, в чине последования в неделю Православия произносится: *«Отрицающим Божественное происхождение Царской власти и надлежащее отношение к ней — анафема!»*

Тот же голос истинного понимания Православной Царской власти звучал со Святой Горы

* Поучения, беседы, речи, послания Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. Изд. Фесенко. Одесса, 1890.

Афонской. «Долг наш,— писал в 1863 г. подвизавшийся там грузин *иеромонах Иларион,* — иметь сердце и мысли всегда устремляемыми к Богу за Августейшего нашего Императора и за всю Православную Церковь. Сия есть первейшая обязанность наша и наиприятнейшая по отношению к Богу и к людям, хотя мы и грешны. Кто, брате, может представить православного христианина, не молящегося за Благочестивейшего Царя нашего, Который есть только один, но не многие? И кто не обязан Его любить? Не есть ли Он единственная похвала христиан и слава Христа? Потому, что только Он, по образу Христа Помазанника, по естеству подобен Ему и достоин называться Царем и *Помазанником Божиим*, потому что Он имеет в себе Помазующего Отца, Помазанного Сына и Имже помазася Духа Святаго...» «Поэтому,— говорил старец,— кто не любит своего благочестия (веры) и Богопоставленного Государя, тот *недостоин именоваться и христианином*».

Замечательно, что все это писал не русский, а грузин, подданный не Русского Императора, а турецкого султана, сильно рисковавший за выражение таких своих убеждений.

Священное значение истинной Царской власти понималось и в твердыне Православия — Оптиной пустыни. В мае 1911 г. отец Иосиф,

ученик и преемник *старца Амвросия*, незадолго до своей кончины говорил своему духовному сыну: «Знай, пока стоит Престол Царя Самодержавного в России, пока жив Государь, до тех пор значит милость Господня не отнята от России».

Преподобный Серафим, Саровский чудотворец, хваля усердие и верность верноподданных Царю, прямо говорил: «После Православия они суть *первый долг наш* русский и главное основание истинного христианского благочестия». В день 14 декабря 1825 г. преподобный Серафим, — прозорливо видя происходящее в С.-Петербурге, — подробно рассказал своему келейнику отцу Павлу о бунте в столице. Получив же известие о восшествии на Престол Императора Николая I, воскликнул: «Ну вот, это так! Слава Богу! Слава Богу! Царя Богоизбранного даровал Господь Земле Русской. *Сам Господь избрал и помазал Его на Царство».*

Отец Иоанн Кронштадтский всегда учил верности Богоустановленной Царской власти.

Вникая в слова вероучителей и пастырей Церкви, понимаешь, что, говоря о Монархии, они всегда разумеют истинную монархическую власть — *самодержавную* и что только власть Царя — Милостию Божией Помазанника Божия, а не Царя мятежным хотением народа

приемлется церковно православным сознанием как власть истинная.

В своем освященном Божественным Помазанием царственном подвиге Православный Царь-Самодержец должен подчиняться единственно велениям своей христианской совести. «От Господа Бога вручена Нам власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы *дадим ответ* за судьбы Державы Российской» — этими словами Манифеста 3 июня 1907 г., при роспуске революционной второй Государственной Думы, Император Николай II ясно определил внутреннюю сущность Самодержавия.

Да, только перед Господом Богом ответственен Самодержец за Свои поступки и ошибки. А также за грехи и провинности Своего народа.

«Верую, ино о всех своих согрешениях Суд ми прияти, яко рабу, и не токмо о своих, *но и о подвластных мне,* дать ответ, *аще моим несмотрением* согрешают», — писал Царь Иван Васильевич IV Грозный.

Нет страшнее этой ответственности наших Самодержцев. Лишь немногие задумывались над тем, какого напряжения должны достигать душевные переживания Самодержца, от воли и поступков Которого зависит участь стомиллионного народа, судьба великого государства.

Недолговечны поэтому, в сравнении с конституционными монархами, были наши Самодержцы с древнейших времен.

Только глубокая вера в Промысл Божий, только ощущение таинственной благодати священного Миропомазания давали Русским Царям необходимую сверхчеловеческую силу и волю, не позволяли Им впадать в отчаяние.

«Так *отчаянно тяжело* бывает по временам, что, если бы не верил в Бога и в Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни для нашей дорогой России... Часто, очень часто вспоминаю я слова Св. Евангелия: *да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте*. Эти могучие слова действуют на меня благотворно! *С полным упованием* на милость Божию кончаю мое письмо. Да будет воля Твоя, Господи!» — писал своему другу К. П. Победоносцеву 31 декабря 1881 г. на первом году царствования Император Александр III.

Тогда еще не миропомазанный, Император едва выдерживал страшную тяжесть легшего на Его плечи царственного бремени. Глубокая христианская вера поддержала Его изнемогавший дух, но никаких человеческих сил не хватило бы без особой Вышней Помощи. Только

после священного коронования в Успенском соборе, только когда Император по человеческому закону стал Императором и по Благодати Святого Духа — Помазанником Божиим, — только тогда Александр III обрел в Себе всю ту могучую силу духа и воли, которая так послужила славе, силе миру Его великого царствования.

* * *

Просты и легки обязанности монарха *конституционного*, безвластного. Ни за что и ни перед кем он не отвечает, ни о чем и никто его не спрашивает. Он «царствует, но не правит». Он является вывеской и прикрытием управляющих государством вождей политических партий.

Если что делается противное его разуму и совести, его успокаивают тем, что ум и совесть конституционного монарха — это верность конституции. Конституция — это кабальная запись, выданная монархом в том, что он лишается права действовать по своему разуму и по своей совести.

Верность монарха конституции состоит в том, чтобы своим именем, своею подписью он скреплял, узаконивал всякую гадость, всякое преступление, если только этого желает захватившая власть политическая партия.

Верность монарха конституции очень редко совпадает с верностью своей совести. Поэтому конституционная монархия по существу *безсовестна*.

Конституционный монарх хорошо знает, какими нечистыми и безнравственными способами достигается успех на выборах в политические учреждения. Знает он, как мало избранные путем демагогии, обмана и подкупа депутаты являются действительными представителями народа. Но он обязан — в силу конституции — поддерживать этот низкий обман всею силою своего авторитета — наследия тех времен, когда Царственные предки его были настоящими Государями и слушались велений своей совести, а не велений чужой безсовестности, отчего в народе и поднесь сохранилось уважение и влечение к монархии.

Только иудо-масонская изобретательность могла придумать такое утонченное издевательство и наглый подмен благодетельной для народов, освященной Божиим благословением монархической власти.

Конечно, ясное и чистое православное сознание не может мириться с ложью конституционной монархии, ибо всякая ложь есть дело дьявольское и богопротивное.

Не случайно Православная Церковь в России всегда была на страже Самодержавия

Русских Государей. Тяжкий грех взяла на себя наша иерархия в марте месяце 1917 г., так легко отказавшись от Самодержца, Который, конечно, не переставал быть Помазанником Божиим. Прославленный за четыре года до революции 1917-го святой Патриарх Ермоген от Помазанника Божия не только не отрекся, но и мученическую смерть принял за верность Православной Монархии.

Отступление от благого Ермогенова примера и отречение от Богопомазанного Царя не только не послужило на благо Русской Церкви, но, наоборот, явилось поворотным местом, с которого открылся Церкви тяжелый крестный путь страданий и великих потрясений. Не помогло и установление молитвы о «Богохранимом временном правительстве». Разве не кощунственна была эта молитва об изменниках и мятежниках, только что насильственно свергших Того, о Ком Святая Церковь двадцать лет молилась как о Помазаннике Божием?

Владыка Антоний, ныне митрополит Киевский и Галицкий, в слове, сказанном 20 февраля 1905 г. в Исаакиевском соборе, пророчески предсказал страшные удары, которые постигнут и народ, и Православие, если Россия отрешится от Самодержавия Царского.

Теперь, после великого разрушения, все, истинно верные Православию и народу, поняли

жизненную необходимость Самодержавия, соединенного с Церковью и ограждающего ее от козней диавольских. Это, естественно, страшит слуг сатаны — иудо-масонов. И вот идет лихорадочная работа по вытравливанию истинного понимания Православной Монархии. В содержимых на средства масонов издательствах наемные лжеучители отрицают Богоустановленность Царской власти, опорочивают священное значение Помазания на Царство, проповедуют отделение Церкви от государства. Писатели типа Б. Зайцева пытаются подменить и исказить исторические лики святых стоятелей за Православную Монархию, как, например, Преподобного Сергия Радонежского. Лицемерные святоши осуждают акафисты святому Ермогену: там-де излишне воспета его государственная деятельность.

Бердяев и ему подобные дописываются до огульного отрицания всех Вселенских Соборов за их тесную связь с Монархией.

В содержимых на средства масонов и иудеев «академиях» подготовляются будущие пастыри, нарочито отравленные этим мертвящим духом разделения Православной Церкви от государства. Тем же иудо-масонством выдвигаются иерархи вроде митрополита Евлогия, открыто называющие себя конституционалиста-

ми и право «народоправства» основывающие на примере Святой Троицы.

Истинно православным — и духовенству и мирянам — должно ясно понимать все величие идеала Православной Самодержавной Монархии, заповеданного нам со времен апостольских.

Дело софианцев и плененного ими иерарха-конституционалиста — дело гиблое: «Праведный верою жив будет; а если *кто* поколеблется, не благоволит к тому душа Моя (Аввак. 2, 3—4). *Мы же не из колеблющихся* на погибель, но *стои́м* в вере к спасению души» (Евр. 10, 38—39).

Конституционные лжеучения, как и все лжеучения, первоисточником своим имеют отца лжи — диавола, князя мира сего. И потому Святая Церковь всегда благословляла имéнно Самодержцев — *Помазанников Божиих*, а не ставленников мятежного хотения человеческих толп.

Государи — веры ревнители

Всегда ревностными сынами Церкви Православной были потомки святой Княгини Ольги и равноапостольного Князя Владимира —

Двуглавый Орел. Вып. 10. Париж. 21. 7 3.8. 1927. С. 4—8; вып. 11. 15 28.8. С. 6—10.

Государи русские — Князья, Великие Князья, Цари, Императоры. Имена шестидесяти святых Князей и Княгинь вписаны в православные русские святцы.

Ныне приближается время восстановления России. Своевременно вспомнить великое служение Русских Государей Церкви Православной, и из доброго примера поучительного старого познать, как должно строить грядущее новое.

Одним из первых в 1246 г. погибает *за веру* в языческой орде святой Князь Михаил Черниговский. «Я могу поклониться царю вашему,— говорит он волхвам и вельможам Батыя,— ибо Небо вручило ему судьбу государств земных; но христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». «Возьмите славу мира! — воскликнул святой Князь, сбросив княжескую мантию,— хочу небесной. *Христианин есмь!*» И с этими словами скончался в ужасных муках. Сам Батый, удивляясь твердости мученика, назвал его великим мужем.

Горячо верующим христианином погиб в 1318 г. Великий Князь Михаил Всеволодович Тверской. Долго он был пленником-колодником хана Узбека, вперед знал свою участь, но все время проявлял спокойствие, черпая его *в вере*. «Друзья,— говорил он боярам своим,— вы долго видели меня в чести и славе:

будем ли неблагодарны? Вознегодуем ли на Бога за уничижение кратковременное? Выя моя скоро освободится от сего древа (колодки), гнетущего оную».

Ночи он проводил в молитве и в пении утешительных псалмов Давидовых; отрок княжеский держал перед ним книгу и переверты-вал листы: ибо стража всякую ночь связывала руки Михаила. «Кто даст ми криле яко голубине? и полещу и почию...» — умиленно воскликнул святой Князь слова псалма в последнюю минуту, когда палачи приближались убить его.

Ярко просиял над Россией святой Великий Князь Александр Невский... «Лицом красен, очими светел и грозен, и паче меры храбр, сердцем легок» — в трудное время правил и управлял он Русью.

Ревность о вере — вот что всегда отличало лучших Русских Князей.

За отказ отречься от веры погиб от руки татар храбрый в бою святой Князь Василько Ростовский.

Примером Русских Князей вдохновлялись и князья-пришельцы. В Пскове князем был пришедший из Литвы Довмонт, во святом крещении Тимофей. «Псковитяне́, — пишет Карамзин, — славя храбрость Довмонта, с восхищением видели в нем набожность христиан-

скую». В часы опасности и кровопролития князь Довмонт говорил: «Добрые мужи псковичи! кто из вас стар — тот мне отец; кто молод — тот брат! Помните отечество и *Церковь Божию*». Довмонт-Тимофей умер в 1299 г. и был причислен к лику святых.

Когда в 1480 г. немцы осадили Псков, псковичи обнесли вокруг города одеяние своего почившего святого князя и затем отбили грозное нападение врагов.

Горяч в вере был и Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской, воспитанник святого митрополита Алексия. Готовясь к страшной битве с Мамаем, он в церкви у Преподобного Сергия искал благословения. Громко читая псалом «Бог нам прибежище и сила», Великий Князь первый, как простой воин, устремился в бой с татарами.

Подобно Владимиру Мономаху, Димитрий Донской ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий пост приобщался Святых Таин и носил власяницу на голом теле. Достойной спутницей его жизни была его супруга Великая Княгиня Евдокия, в иночестве Евфросиния, причисленная к лику святых.

Многие князья не удовлетворялись выполнением правил доброй христианской жизни и перед кончиной стремились принять постриг и схиму.

Так в 1269 г. поступил Димитрий Святославович, князь Юрьева-Польского. «Сей набожный князь,— пишет Карамзин,— принял схиму от епископа Ростовского и, закрывая глаза навеки, сказал ему: "Святый Владыко! Ты совершил труд свой и приготовил меня к пути дальнему, как доброго воина Христова. Там, в жизни вечной, царствует Бог милосердия: иду служить Ему с верой и надеждой"».

В то же приблизительно время умирает князь Василько Владимирский, брат знаменитого Даниила Галицкого, друг Сербского короля Стефана Драгутина. «Сей достойный брат Даниилов, некогда воин храбрый и неутомимый, кончил дни свои монахом и тружеником: повествуют, что он жил несколько времени в дикой, заросшей кустарником пещере, оплакивая грехи прежнего мирского властолюбия и ратной деятельности».

В схиме умирает возвеличивший Москву Князь Даниил Московский, причисленный к лику святых.

Лик Святой Руси ярко изобразился в описанной Карамзиным кончине Князя Михаила Александровича Тверского (конец XIV в.). Занемог Князь жестоко. «К нему возвратились тогда послы из Константинополя: тверской протопоп Даниил и церковники, которые ездили с милостынею в Грецию и привезли от Патриарха

в дар Князю икону Страшного Суда. Забыв болезнь и слабость, он встал с ложа, встретил сию икону на дворе, целовал оную с великим усердием и пригласил к себе на пир знатнейшее духовенство вместе с нищими, слепыми и хромыми; братски обедал с ними и, ведомый слугами, каждому из гостей поднес так называемую «прощальную чашу» вина, моля их, чтобы они благословили его. Никто не мог удержаться от слез. Облобызав детей, бояр, слуг, Михаил пошел в соборную церковь, поклонился гробам отца и деда, указал место для своей могилы и стал на паперти, где собралось множество людей, которые смотрели на него с горестным умилением. Сей некогда величественный Князь, быв необыкновенно высок и дороден, казался уже тению; бледный, слабый, он едва передвигал ноги. Народ плакал и безмолвствовал; но когда Михаил, смиренно преклонив голову, сказал: "Иду от людей к Богу; братия! отпустите меня с искренним благословением!",— тогда все зарыдали, единодушно восклицая: "Господь благословит тебя, князь добрый!" Он сошел со ступеней. Сыновья и бояре хотели вести его во дворец, но Михаил, к изумлению их, указал рукой на Лавру св. Афанасия. Приведенный в монастырь, был там пострижен епископом Арсением, назван Матфеем, и в седьмой день скончался, с

именем князя умного, милостивого и грозного в похвальном смысле».

При нашествии на Москву Тамерлана, в 1395 г., Великий Князь Василий I переносит в столицу из Владимира чудотворную икону Божией Матери, и когда татары неожиданно ушли, то спасение Москвы, вместе с народом, он приписывает помощи Владычицы, а не своей ратной доблести.

Великий Князь Василий II Темный в 1440 г. спасает Русскую Церковь от Флорентийской унии. При всеобщем смятении духовенства он ревностно вступил в спор с принявшим унию митрополитом Исидором, настаивает на церковном суде и изгоняет его.

Великий Князь Иоанн III, заболев в 1503 г. после смерти супруги своей Софии (Палеолог), ищет помощи не у врачей, а в молитве. Он едет на богомолье в лавру Святого Сергия, в Переяславль, в Ростов и в Ярославль и с богомолья возвращается здоровым.

И Иоанн III и его сын Василий III проявляли особую настойчивость в требовании сохранения православия дочерью Иоанна III Еленой, вышедшей в 1495 г. замуж за литовского князя Александра, ставшего потом и королем Польским. Иоанн III дал дочери, например, такую наставительную запись: «Память Великой Княгине Елене. В божницу латин-

скую не ходить, а ходить в греческую церковь; из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь». Елена была достойной дочерью своего отца, по свидетельству польских историков, всегда гнушалась латинского.

Василий III, столь любивший царскую пышность, был весьма смиренен в церкви, где, удаливши многочисленных царедворцев, стоял всегда один у стены, близ дверей, опираясь на посох. Перед смертью Василий III умолял духовника своего протоиерея Алексия и любимого старца Мисаила: «Не предайте меня земле в белой одежде! Не останусь в мире, если и выздоровлю». Но бояре не хотели допустить пострижения Великого Князя в монашество. Карамзин так описывает последние часы жизни этого могущественного Государя:

«Шумели, спорили, а Василий крестился и читал молитвы; уже язык его тупел, взор меркнул: рука упала, он смотрел на образ Богоматери (Владимирской) и целовал простыню, с явным нетерпением ожидая обряда. Митрополит Даниил взял черную ризу и подал игумену Иоасафу. Князь Андрей (брат Царя) и Воронцов хотели вырвать ее. Тогда

митрополит с гневом произнес ужасные слова: *"Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!* Никто не отнимет у меня души его. Добр сосуд сребряный, но лучше позлащенный". Василий отходил. Спешили кончить обряд. Митрополит, надев епитрахиль на игумена Иоасафа, сам постриг Великого Князя, переименованного Варлаамом. Второпях забыли мантию для нового инока; келарь троицкий Серапион дал свою. Евангелие и схима ангельская лежали на груди умирающего».

По свидетельству Карамзина, современники юного Царя Иоанна IV Васильевича так описывали его в эпоху *первой половины* царствования: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым перед Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: *да властвую, как Всевышний указал властвовать Своим истинным Помазанникам!* Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных *прохлад* царских. Ласковый к вельможам и народу, любя, награждая всех по достоинству, щедростью искореняя бедность, а зло примером

добра, сей *Богом урожденный* Царь желает в день Страшного Суда услышать глас милости: *ты еси Царь правды!* и ответствовать с умилением: *Се аз и люди, яже дал ми еси Ты!*»

То же говорили о молодом Царе англичане торговцы, приезжавшие в Россию. Указывая на величие России, хваля отношение Государя к подданным, англичане заключали свои речи так: «Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему Государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решает; не скучает делами и не веселится ни звериною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: *как служить Богу* и как истреблять врагов России!»

Вот подлинные слова Иоанна IV на Стоглавом «соборе слуг Божиих»:

«Тогда (после московского пожара) ужаснулась душа моя и кости во мне затрепетали; дух мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродетели. От вас требую ревностного наставления, пастыри христиан, учители царей и вельмож, достойные святители Церкви! Не щадите меня в преступлениях; смело упрекайте мою слабость; гремите словом Божиим, да жива будет душа моя!»

Горячо помолившись в коломенской церкви Успения перед иконой Богоматери, той самой, которая была с Димитрием Донским в Куликовской битве, двинулся Иоанн IV в 1552 г. в поход против Казани. По пути во Владимире он прикладывался к гробу святого Александра Невского и молился у мощей муромских угодников князя Петра и супруги его княгини Февронии.

Подобно Димитрию Донскому, воодушевляемый его хоругвью с крестом наверху, со словами «О Твоем имени движися», повел Иоанн войска свои брать Казань. Перед приступом 1 октября Царь объявил войску, что, готовясь «пить общую чашу крови» (участвовать в приступе), необходимо очистить душу исповедью. Во время Литургии, при чтении диаконом слов Святого Евангелия: *да будет едино стадо и един пастырь!* — произошел решивший судьбу Казани взрыв подкопанной стены.

«Радуйся, благочестивый Самодержец! — прислал сказать Государю главный военачальник князь Михайло Воротынский. — Твоим мужеством и счастьем победа совершилась: Казань наша. Царь ее в твоих руках, народ истреблен или в плену, несметные богатства собраны: что прикажешь?» — «*Славить Всевышнего*», — ответствовал Иоанн, воздел руки на небо, «велел петь молебен под святою

хоругвью, — пишет далее Карамзин, — и, собственною рукою на сем месте водрузив животворящий крест, назначил быть там первой церкви христианской».

Весь православный облик Самодержца, русского патриота, выявился в слове, сказанном Иоанном IV при торжественном въезде в Москву после покорения Казани:

«Собор духовенства православного! Отче митрополит и владыки! Я молил вас быть ревностными ходатаями пред Всевышним за Царя и Царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю, да буду щитом ее в нашествии варваров; советовался с вами о казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огонь в наших селах, унять текущую кровь россиян, снять цепи с христианских пленников, вывести их из темниц, возвратить отечеству и Церкви. Дед мой, отец и мы посылали воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле. Тогда явился другой неприятель, хан крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить христианство. Вспомнив слово Евангельское: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть!* — вы, достойные святители Церкви, молились — и Бог услышал вас, и помог нам, — и хан, гонимый единственно гневом Небесным, бежал малодушно!.. Ободренные явным действием

вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели и, милостию Божией, мужеством князя Владимира Андреевича, наших бояр, воевод и всего воинства, сей град многолюдный пал пред нами: судом Господним в единый час изгибли неверные без вести, царь их взят в плен, исчезла прелесть Магометова, на ее месте водружен святый крест; области Арская и Луговая платят дань России; воеводы московские управляют землею; а мы, во здравии и веселии, пришли сюда к образу Богоматери, к мощам великих угодников, к нашей святыне, в свою любезную отчизну, — и за сие Небесное благодеяние, вами испрошенное, тебе, отцу своему и Освященному Собору, мы с князем Владимиром Андреевичем и со всем воинством в умилении сердца кланяемся». Тут Государь, князь Владимир и вся дружина воинская поклонились до земли. Иоанн продолжал: «Молю у вас и ныне, да ревностным ходатайством у Престола Божия и мудрыми своими наставлениями способствуйте мне утвердить закон, правду, благие нравы внутри государства; да цветет отечество под сению мира в добродетели; да цветет в нем христианство; да познают Бога истинного неверные, новые подданные России, и вместе с нами да славят Святую Троицу во веки веков. Аминь!»

(*Н. М. Карамзин.* История Государства Российского. Т. 8. Издание А. С. Суворина. С. 171.)

Царица Анастасия — великое звено, связавшее Дом Рюрика с Домом Романовых, воскресившая чудные образы святой Евфросинии (Евдокии), супруги Димитрия Донского, святой Великой Княгини Анны Кашинской, святой Евфросинии, княжны Полоцкой, и др., — истинная Государыня, своими добродетелями озарявшая Русскую Землю. «Воспитанная без отца в тиши уединения, — пишет Карамзин по поводу брака юного Царя, — Анастасия увидела себя как бы действием сверхъестественным перенесенную на театр мирского величия и славы: но не забылась, не изменилась в душе с обстоятельствами и, все относя к Богу, поклонялась Ему и в царских чертогах так же усердно, как и в смиренном печальном доме своей вдовы-матери. Прервав веселые пиры Двора, Иоанн и супруга его ходили пешком, зимою, в Троицкую Сергиеву Лавру и провели там первую неделю Великого поста, ежедневно молясь над гробом святого Сергия». Велико было горе народное, когда 7 августа 1560 г. скончалась Анастасия. «Никогда общая горесть, — пишет Карамзин, — не изображалась умилительнее и сильнее. Не Двор один, а вся Москва погребала *первую* любимейшую Царицу. Когда несли тело в Девичий Воскресенский монастырь,

народ не давал пути ни духовенству, ни вельможам, теснясь на улицах ко гробу. Все плакали, и всех неутешнее бедные, нищие называли Анастасию именем матери. Им хотели раздавать обыкновенную в таких случаях милостыню — они не принимали, чуждаясь всякой отрады в сей день печали».

Достойный сын Анастасии, Царь Феодор Иоаннович, весь проникнут был православной церковностью. Православный русский народ — по святым канонам — должен был иметь главу Церкви. При Царе Феодоре, с согласия Восточных Патриархов, было установлено Патриаршество в России. И как славно было кратковременное царствование этого чистого, боголюбивого Государя.

Из стен Ипатьевского монастыря взошел на Престол Самодержцев Российских потомок Царицы Анастасии — юный Царь Михаил Феодорович. И он, и его ближайшие потомки Цари были теми же ревностными исповедниками, защитниками Православия, строгими охранителями церковного быта в жизни Царского Дома. Богослужения строго по уставу, посты, церковные торжества занимали свое определенное, незыблемое место в жизненном укладе Царей.

Крупный надлом в этом многовековом строе произведен был Петром Великим, нарушившим даже канонический строй Церкви. Дав западным

влияниям ворваться во внутреннюю жизнь Царского Дворца, разломать там многое, Император Петр все же в душе оставался верующим православным. Глубоко почитал он святителя Митрофана Воронежского, часто внимал его советам. Царем Петром для благословения новой столицы перенесены были в С.-Петербург мощи святого Александра Невского и установлен, внесенный даже в законодательство, ежегодный крестный ход 30 августа — в память перенесения святых мощей Благоверного Великого Князя.

«По совещанию со Святейшим Синодом, Император повелел устроить великолепную раку и приготовить все нужное для перенесения мощей святого Александра Невского. В 1724 г. торжественная процессия двинулась к северу из древней обители Владимирской; до Новгорода Великого — древней отчины святого Князя — церковные служители несли мощи его на руках; здесь же нетленно почиющий Князь поставлен был в богато убранную ладью и, вниз по Волхову, продолжал шествие, как и в те дни, когда ратоборствовал в пределах страны той. На реке Неве встретил витязя Невского сам Император и перенес святые мощи его на великолепную галеру. Шествие продолжалось далее; сам Император правил рулем; а его сановники сидели у весел; хор

певчих в продолжение всего пути не переставал петь священные гимны в честь угодника Божия. Архиепископ Новгородский Феодосий, члены Святейшего Синода и весь Освященный Собор встретили у врат новой Лавры мощи святого Князя и своими руками внесли раку с нетленными останками святого в храм, посвященный имени святого Александра» (Столп, воитель Земли и Церкви Русской святой Благоверный Великий Князь Александр Невский. Издание Афонского Пантелеимонова монастыря. М., 1901).

Святому Исаакию Далматскому — в день коего Петр родился — посвятил Царь свою столицу. «А икона Успения? — с волнением спросил Петр, когда ему доложили о пожаре в Киево-Печерской Лавре. — Ну так Лавра цела», — с радостью воскликнул он, услышав, что святая икона не пострадала.

Будучи в Соловецком монастыре, Петр I стал на богослужении в Великую Субботу читать паремии; дочитав до Ис. 49, 15—16, Царь расплакался и быстро вышел из церкви. И этот Царь, выставляемый врагами чуть ли не «антихристом», умер, выполнив величайший христианский долг — жизнью своей пожертвовал для спасения погибавших.

Дочь Петра, Императрица Елисавета, вернулась к старому церковному быту Русских

Государей. Твердо стояла она за Православие. Памятен отказ ее дать права иудеям, искавшим соблазнить Императрицу государственными выгодами: «От врагов Христовых не желаю иметь интересныя прибыли».

Глубоко православными были наши Государи, царствовавшие в XIX в. Защищая Православную веру, вступали они в борьбу с утеснявшими Православие турками, нередко поступаясь при этом началом солидарности Монархов в борьбе с революционными движениями. Император Николай I поддержал восстание православных греков против их законного Государя — Турецкого султана.

Истинное понимание должного отношения Членов Императорского Дома к правилам Церкви ярко выразилось в письме Императрицы Марии Феодоровны к Ее сыну Великому Князю Константину Павловичу, которому она в течение 19 лет отказывала в согласии на развод с супругой — Великой Княгиней Анной Феодоровной*.

«При самом начале приведу Вам на память пагубные последствия для общественных нравов, также огорчительный для всей нации опасный соблазн, произойти от этого долженствующий; ибо по разрушении брака Вашего

---

* *Михаил Зызыкин.* Царская власть и закон о Престолонаследии. София, 1924. С. 155.

последний крестьянин отдаленнейшей губернии, не слыша больше имени Великой Княгини при церковных молитвах возглашаемым, известится о разводе Вашем, с почтением к таинству брака и к самой вере поколеблется... Он предположит, что вера для Императорской Фамилии менее священна, нежели для него, а такового довольно, чтобы отщетить сердце и умы подданных от Государя и всего Царского Дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазн сей производится от Императорского брата, обязанного быть для подданных образцом добродетели! Поверьте мне, любезный Константин Павлович, единою прелестью неизменяющейся добродетели можем мы внушить народам сие о нашем превосходстве уверение, которое обще с чувством благоговейного почитания утверждает спокойствие Империи. При малейшем же хотя в одной черте сей добродетели нарушении общее мнение ниспровергается, почтение к Государю и его Роду погибает».

В два последних царствования именно в Царской Семье сохранялся должный церковный быт, горел огонь истинной веры. Не властолюбие, а православное отношение к Царскому долгу заставило Императоров Александра III и Николая II твердо стоять за Самодержавие.

В царствование Императора Николая Александровича русский народ, как и встарь, видел

Царя, Царицу, Членов Царской Семьи, вместе с народом поклоняющихся святыням. Открытие в присутствии Царственных богомольцев святых мощей преподобного Серафима Саровского, паломничество Государя Императора на поклонение к открытым в Его царствование святым мощам Феодосия Черниговского, перенесение мощей святой Евфросинии, княжны Полоцкой, говение Царской Семьи в древней Москве — все это в глазах верующего народа являло образ истинно православного служения Царского.

Непонятая и оклеветанная, в действительности глубоко православная и русская, Императрица Александра Феодоровна, усопшая матерь Великого Князя Николая Николаевича — Великая Княгиня Александра Петровна (в постриге инокиня Анастасия), подвижница веры и мученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, столь же глубоко верующие и церковные, мученики Великий Князь Димитрий Константинович и Князь Иоанн Константинович — восстановили дивные образы Благоверных Княгинь и Князей Святой Руси.

* * *

...Весна на Урале. По дорогам медленно движется крестный ход. По горам разносится песнь Воскресения. То шествует икона святой

великомученицы Екатерины — дар верующих людей Екатеринбурга святому угоднику Божиему Симеону Верхотурскому, просиявшему в XVII столетии... Идут паломники, и еще звучит в их сердцах слово, сказанное в Екатеринбургском соборе отцом Иоанном Сторожевым:

«Какое, братие, великое, какое неизъяснимое утешение знать и видеть, что Державный Вождь народа русского, коему вверены Богом судьбы отечества нашего, в основание всего в своем Царстве полагает не иное что, как благочестие, сам лично давая пример глубокого, чисто древлерусского благочестия, любви к благолепию служб церковных, почитания святынь русских, заботы и усердия к прославлению великих подвижников святой богоугодной жизни».

Государь Император в то время прислал в дар для раки «избраннаго и дивнаго Сибирския страны чудотворца» святого Симеона — великолепную сень.

Впоследствии тот же протоиерей Иоанн Сторожев в июле 1918 г. служил в Ипатьевском доме обедницу и давал Царственным Узникам святой Крест для целования.

Святые Князья Русские: Михаил Черниговский, Михаил Тверской взирали на Них с небесных высот и вместе со святым сонмом

благословляли Благоверную Царскую Семью и укрепляли Их дух на представший Им путь...

Когда, по воле Божией, воскреснет Россия, то, верим, законные Цари наши, осенив свою грудь, как встарь, открыто и явно носимым православным крестом, восстановят, оградят и укрепят ныне разрушенный богоборцами канонический строй Русской Православной Церкви, а затем, с помощью Божией, уврачуют и всю Россию и сделают ее снова не только великой и славной, но воистину Святой Русью.

10 (23) июля 1927 г.

Царь-Самодержец и Святейший Патриарх

Россия возродится силою Православной веры, которую никогда не осилит сатанинская власть иудо-большевиков.

Огромно значение Церкви и духовенства в предстоящем деле восстановления Самодержавной Монархии и устроения Российского государства. Это учитывается масонством, которое поэтому всячески старается проникнуть в среду духовенства, подчинить себе все, соприкасающееся с Церковью.

Двуглавый Орел. Вып. 12. Париж. 25.9 8.10. 1927. С. 4–7; вып. 13. 25.10 7.11. С. 2–5; вып. 14. 12 25.12. С. 18–21; вып. 15. 25.1 7.2. 1928. С. 7–10.

Тем более важно нам, монархистам, установить правильный взгляд на значение Православия в России и вперед выяснить будущие отношения между православным Самодержцем и православным Патриархом.

Было бы весьма ошибочно разрешать этот вопрос в зависимости от впечатлений сегодняшнего дня. Вопрос о Патриархе и о взаимоотношениях его с Самодержцем должен быть разрешен прежде всего на основании церковных канонов.

Затем должно быть учтено историческое прошлое, указывающее, как мирно уживалась Православная Церковь с Православным Государством, как стройно согласованы были действия Царей и Первоиерархов и каким благом являлось это согласие и для Церкви, и для государства.

Канонически вопрос о Патриаршестве разрешается просто и ясно: 34-е Правило святых Апостолов говорит:

«Епископам *всякаго народа* подобает знать *перваго из них*, и признавати его, яко главу и ничего превышающаго их власть не творить без его разсуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех. Ибо тако будет единомыслие и прославится Бог

о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святый Дух».

Русский народ должен иметь Первоиерарха Русской Церкви — Патриарха всея России.

Опасаться соперничества Патриаршей власти с Царскою не следует. Каноны церковные требуют от Святителей Церкви поддержания Богом установленной Царской власти. Русское православное духовенство всегда этому и следовало. Прежние митрополиты Киевские и Московские, давно по положению независимые от Константинопольского Патриарха, были действительными предстоятелями Русской Церкви. Это способствовало тому, что они, чуждые какой бы то ни было «аполитичности», были главнейшими сподвижниками Русских Государей. Вот свидетельство Н. М. Карамзина:

«Несмотря на свою знаменитость и важность, духовенство наше не оказывало излишнего властолюбия, свойственного духовенству Западной Церкви, и, служа Великим Князьям в государственных делах полезным орудием, *не спорило с ними о мирской власти*. В раздорах княжеских митрополиты бывали посредниками, но избираемые единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского*, сей обыкновенной угрозы пап для ослуш-

ников их воли; отступая же иногда от правил христианской любви и кротости, действовали так в угодность Государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые. Одним словом, Церковь наша вообще не изменялась в своем главном первобытном характере, смягчая жестокие нравы, умеряя неистовые страсти, проповедуя и христианские, и государственные добродетели. Милости ханские не могли ни задобрить, ни усыпить ее пастырей: они в Батыево время благословляли россиян на смерть великодушную, при Димитрии Донском — на битвы и победу. Когда Василий Темный ушел из осажденной Москвы, старец, митрополит Иона, взял на себя отстоять Кремль или погибнуть с народом и, наконец, буде верить летописям, в восторге духа предвестил Василию близкую независимость России» (Т. 5. Изд. А. С. Суворина. С. 329—330).

Велико было политическое значение этого церковного умиротворения. Митрополит Кирилл в 1269 г., «именем отечества и веры» умирял новгородцев, убеждал их не бороться с Великим Князем Ярославом Ярославичем. В 1296 г. на суде князей во Владимире, при унизительном участии ханского посла, только вмешательство епископов: Владимирского Симеона и Сарского Измаила, помешало братоубийственной резне. Митрополит Максим мирил

князя Георгия Даниловича Московского с князем Михаилом Ярославичем Тверским. Святой митрополит Алексий мирил князей Василия Михайловича Тверского с племянником его Всеволодом Александровичем Холмским. Мерами церковного воздействия, с помощью Преподобного Сергия, умиряет митрополит Алексий князей Нижегородских, Олега Рязанского. Архиепископ Новгородский Симеон в 1422-м усмиряет страшную междоусобную вражду в Новгороде. Духовенство, во главе с митрополитом Ионой, благодетельно вмешивается в смутное время беззаконий князя Димитрия Шемяки.

Митрополит Филипп в 1471 г. пишет новгородцам: «Слышу о мятеже и расколе вашем. Бедственно и единому человеку уклоняться от пути правого: еще ужаснее целому народу. Трепещите, да страшный серп Божий, виденный пророком Захариею, не снидет на главу сынов ослушных. Вспомните реченное в Писании: беги греха яко ратника; беги от прелести, яко от лица змиина. Сия прелесть есть латинская; она уловляет вас. Разве пример Константинополя не доказал ее гибельного действия? Греки царствовали, греки славились в благочестии: соединились с Римом (Флорентийская уния), и служат ныне туркам. *Доселе вы были целы под крепкою рукою Иоанна;* не уклоняйтесь от

святой великой старины и не забывайте слов Апостола: Бога бойтесь, а князя чтите. — Смиритесь, и Бог мира да будет с вами!» Тот же митрополит Филипп испрашивает потом у Иоанна III помилование непокорным новгородцам.

Митрополиты скрепляли своими подписями завещания Государей Московской Руси, давая им этим особую силу. Святой митрополит Алексий принимал ближайшее участие в заявлении отроком Димитрием Донским своих прав на Великокняжеский престол.

В 1425 г., по смерти Василия I, митрополит Фотий немедленно провозгласил Великим Князем сына его — десятилетнего Василия II. Когда дядя последнего Юрий Димитриевич отказался признавать племянника, то митрополит Фотий покинул Галич, куда приезжал уговаривать князя Юрия, не благословив ни его, ни города. В Галиче в день отъезда митрополита начался мор; князь Юрий верхом поскакал за митрополитом, в слезах каялся, подчинился, умолил митрополита вернуться и дать благословение.

В 1533 г., по смерти Василия III, митрополит Даниил тою же ночью привел бояр и приказных на верность трехлетнему Иоанну IV.

Митрополиты являлись главнейшими советниками Государей, временами их помощниками. Святой митрополит Киприан строго требовал

от духовенства подчинения власти княжеской и карал непокорных, например епископа Тверского Евфимия Вислева. В свою очередь, Василий I в 1393 г. пошел походом на Новгород за то, что новгородские власти отказались признавать суд митрополичий.

Митрополит Фотий по политическим основаниям сопровождает в 1430 г. 15-летнего Василия II к деду его 80-летнему Витовту на съезд Князей и послов разных стран в Троках под Вильной.

Иоанн III совещается с митрополитом Филиппом, намереваясь вступить в брак с византийской Царевной Софией Палеолог. В 1477 г. митрополит Геронтий призывается Иоанном III на совет по новгородским делам и укрепляет Государя в твердости. В 1480 г. Иоанн III совещается с митрополитом и духовенством, прежде чем вступить в бой с ханом Ахметом, и все духовенство в вопросе этом выступает ярко политически и воинственно.

В 1541 г. Крымский хан шел на Москву. «Между тем,— пишет Карамзин,— как наши полки располагались станом близ Оки, Москва умилялась зрелищем действительно трогательным: десятилетний Государь с братом своим Юрием молился Всевышнему в Успенском храме, пред Владимирской иконою Богоматери и гробом святого Петра митрополита о спасении

отечества; плакал и вслух народа говорил: "Боже! Ты защитил моего прадеда, в нашествии лютого Темир-Аксака, защити и нас, юных, сирых! Не имеем ни отца, ни матери, ни силы в разуме, ни крепости в деснице; а государство требует от нас спасения". Он повел митрополита в думу, где сидели бояре, и сказал им: "Враг идет: решите, здесь ли мне быть или удалиться?" После долгих обсуждений митрополит Иосиф решительно высказался за то, чтобы Государь оставался в Москве.

Где искать безопасности Великому Князю? Новгород и Псков смежны с Литвою и немцами; Кострома, Ярославль, Галич подвержены набегам казанцев; и на кого оставить Москву, где лежат святые угодники? Димитрий Иоаннович оставил ее без воеводы сильного! Что же случилось? Господь да сохранит нас от такого бедствия! Нет нужды собирать войско: одно стоит на берегах Оки, другое во Владимире с царем Шиг Алеем и защитят Москву. Имеем силу, имеем Бога и святых, коим отец Иоаннов поручил возлюбленного сына: не унывайте!

Все бояре единодушно сказали: "Государь! оставайся в Москве", и Великий Князь изустно дал повеление градским приказчикам готовиться к осаде».

Москву отстояли.

Во время Казанского похода Иоанн IV постоянно писал митрополиту Макарию, держа его в курсе событий. В ответ «митрополит писал ему с ласкою друга и с ревностью церковного учителя: "Будь чист и целомудрен душою, смиряйся в силе и бодрствуй в печали. Добродетели Царя спасительны для царства". И Государь, и воеводы читали сию грамоту с любовью. "Благодарим тебя,— ответствовал Иоанн митрополиту,— за пастырское учение, вписанное у меня в сердце. Помогай нам всегда наставлением и молитвою. Идем далее. Да сподобит нас Господь возвратиться с миром для христиан"». (*Н. М. Карамзин.* Т. 8).

Насколько велико было влияние Церкви на государственные дела, показывает то, что, одобрив составленный по его приказу Судебник, Иоанн IV передал его на рассмотрение «Собору слуг Божиих», созванных 23 февраля 1551 г. в Кремлевском дворце. Этот Стоглавый Собор обсуждал как Судебник, так и уставные грамоты об избрании во всех волостях и городах старост, целовальников и присяжных. По рассмотрении, Собор утвердил постановления Иоанна IV.

Патриархи Российские: Иов, а в особенности святой Гермоген, Филарет, Никон, как всем известно, принимали исключительное участие в делах государственных.

Никакого искания мирской власти для себя при этом не было. Первоиерархи мыслили о благе России, они ясно понимали, что благо это достижимо лишь при Самодержавии, освященном и благословленном Церковью, — и поэтому своим вмешательством в «политику» выполняли лишь свой церковно-патриотический долг.

Особое положение Патриархов Филарета и Никона проистекало из личного, исключительного доверия Царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. Делать из этих личных отношений — по родству или по дружбе с Царями — общие выводы о вредном соперничестве власти Патриаршей с властью Царской — совсем неосновательно. Последующие за Никоном Патриархи никогда властного — в мирских делах — положения не занимали, хотя и продолжали, конечно, быть добрыми советниками и наставниками Царей в их христианском служении Богу и Царству.

И только постепенно перевороты Петра Великого все более отдаляли Церковь и Первоиерархов от участия в государственной и политической деятельности. Это отдаление принизило значение Церкви и нанесло глубокий удар религиозному значению Монархии.

Возведение епископов на Первосвятительский Престол Церкви Русской всегда зависело от Русских Государей. С грамотами Великих

Князей ездили в Константинополь получать свое назначение митрополиты.

«Посылаю к вам архимандрита (имярек),— молю, да удостоите его быть митрополитом российским, ибо не знаю лучшего»,— писал в свое время Димитрий Донской.

Позднее епископату просто указывают имя желательного Государю Первосвятителя, или духовенство при избрании вперед знало, кто из предположенных в сан желателен Верховной Власти.

Карамзин так описывает посвящение при Иоанне III в митрополиты игумена Троицкого Симона (преемника удаленного за жидовскую ересь Зосимы): «Когда Владыки Российские в Великокняжеской думе нарекли Симона достойным Первосвятительства, Государь пошел с ним из дворца в церковь Успения, провожаемый сыновьями, внуком, епископами, всеми боярами и дьяками; поклонились иконам и гробам святительским; пели, читали молитвы и тропари. Иоанн взял будущего архипастыря за руку и, выходя из церкви, в западных дверях *предал* епископам, которые отвели его в дом митрополитов.

В день посвящения он (Симон) ехал на *осляти*, коего вел знатный сановник Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый митрополит должен был идти на свое место. Вдруг

священнодействие остановилось; пение умолкло; взоры духовенства и вельмож устремились на Иоанна. Государь выступил и громогласно сказал митрополиту: "Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая нам государство всея Руси, подает тебе сей Великий Престол архиерейства руковозложением архиепископов и епископов нашего Царства. Восприемли жезл пастырства; взыди на седалище старейшинства во имя Господа Иисуса; моли Бога о нас — и да подаст тебе Господь здравие с многоденством". Тут хор певчих возгласил *испола эти Деспота*. Митрополит ответствовал: "Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранит мирно твое Богопоставленное Царство, Самодержавный Владыко! да будет оно многолетно и победительно со всеми повинующимися тебе Христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди здрав, творя добро, о Государь самодержавный!" Певчие возгласили Иоанну многолетие.— Великие Князья всегда располагали митрополией и нет примера в нашей истории, чтобы власть духовная спорила с ними о сем важном праве; но Иоанн хотел утвердить оное священным обрядом: сам указал митрополиту Престол и торжественно действовал в храме, чего мы доселе не видали» (Т. 6. Гл. 3).

«В 1581 г. по кончине митрополита Антония, — пишет Карамзин, — избрав на его место Дионисия, Хутынского игумена, Иоанн (IV) с епископами и боярами установил обряд посвящения в сей верховный сан, не прибавив, кажется, ничего к старому, но только утвердив оный следующей грамотой». Следует грамота, из коей приведем главнейшие места.

«Нареченный митрополит идет с архимандритами Рождественским и Троицким к Государю. Царь сажает будущего митрополита и говорит ему речь о молитве». «Дня через два совершается *избрание*, объявляемое ему *благовестниками*, архимандритами Спасским и Чудовским». По поставлении митрополита и совершении Литургии, епископы возводят его «на место, где сидел Государь; сажают трижды, произнося: *испола эти Деспота*; снимают с него одежду служебную, возлагают ему на грудь икону вратную, мантию с источниками на плечи, клобук белый или черный (как Государь укажет) на главу и ведут на каменное святительское место. Царь приближается, говорит речь и дает святителю посох в десницу. Тут знатное духовенство, бояре, князья многолетствуют митрополиту. Он благословляет Царя и говорит речь. Духовенство и бояре многолетствуют Царю» (Т. 9. Гл. 7).

В «Истории» Карамзина изложено, как избрали и поставили первого Патриарха Русской Церкви. В 1588 г. приехавший в Москву Константинопольский Патриарх Иеремия объявил: «Уполномоченный нашею Церковью, благословлю и поставлю, *кого изберет Феодор, вдохновленный Богом*». Святители Российские наметили трех кандидатов: митрополита Иова, архиепископа Новгородского Александра и Варлаама Ростовского. Царь Феодор Иоаннович избрал митрополита Иова. «28 января 1589 г. после вечерни сей *наименованный* Первосвятитель, в епитрахили, в омофоре и в ризе пел молебен в храме Успения, со всеми епископами, в присутствии Царя и безчисленного множества людей; вышел из Алтаря и стал на амвон, держа в руке свечу, а в другой письмо благодарственное к Государю и духовенству. Тут один из знатных чиновников приблизился к нему, держа в руке пылающую свечу, и сказал громко: "*Православный Царь, Вселенский Патриарх и Собор Освященный возвышают тебя на престол Владимирский, Московский и всея России*". Иов ответствовал: "*Я раб грешный; но если Самодержец, Вселенский Господин Иеремия и Собор удосужи́вают меня столь великого сана, то приемлю его с благодарением*".

Торжественное посвящение совершено было 31 января на Литургии. Когда Патриарх, отпев Литургию, разоблачился, Государь собственною рукою возложил на него драгоценный крест с животворящим древом, бархатную зеленую мантию с источниками или полосами, жезл святого Петра митрополита, и в приветственной речи велел именоваться Главою Епископов, Отцем Отцев, Патриархом всех земель северных, по милости Божией и воле Царской» (Т. 10. Гл. 2).

После смерти Патриарха Филарета (в 1634 г.) установлен был следующий порядок избрания Патриарха.

На шести бумажках равной величины писались имена шести кандидатов из архиепископов, епископов и настоятелей степенных монастырей. Бумажки эти обливались со всех сторон воском, припечатывались Царскою печатью, и в таком виде Царь посылал их Собору, который в это время заседал в Успенском соборе. Три из жребиев клались на панагию умершего Патриарха. Затем все члены Собора одевались в ризы и служили акафист Богородице. Из трех жребиев вынимались два и откладывались в сторону. Так же поступали с тремя другими жребиями. Оставались, таким образом, два жребия, вынимали из них один, который и должен был содержать имя Патриарха.

Жребий, нераспечатанный, вручался боярину, который принес жребии от Царя. Боярин шел к Царю, и тот уже распечатывал жребий и узнавал имя избранного Патриарха. Боярин после этого шел опять в Собор и объявлял имя нового Патриарха.

Православные Государи оказывали исключительное влияние на избрание православных Патриархов и принимали, как мы видели, действенное участие в обряде их поставления.

Государи всегда с глубоким уважением относились к Первоиерархам Русской Церкви. Впрочем, известно немало случаев насильственного свержения Московскими Государями старейших иерархов. Так, Великий Князь Димитрий Донской сверг двух митрополитов: Пимена в 1381 г. за то, что тот самовольно внес свое имя в грамоту, отправленную Великим Князем Патриарху Константинопольскому Нилу; Пимен заточен даже был в Чухломе, но затем восстановлен в правах. Затем был изгнан в 1382 г. митрополит Киприан (впоследствии имевший громадное влияние при сыне Донского) за самовольное оставление Москвы во время нашествия Тохтамыша. В 1401 г. Великий Князь Василий Димитриевич велел митрополиту Киприану задержать в Москве архиепископа Новгородского Иоанна, ревностного ходатая за политические права Новгорода.

Более трех лет просидел архиепископ в келлии Никольского монастыря. В 1479 г. Иоанн III сменил архиепископа Новгородского Феофила, обвинив его в тайной связи с Литвою; он был прислан в Москву, где и умер через шесть лет в Чудовской обители.

В Чудовом монастыре кончил жизнь свою и архиепископ Геннадий, свергнутый в 1503 г. Иоанном III за несоблюдение церковных правил. Василий III свергнул, тоже по соображениям церковным, архиепископа Новгородского Серапиона, ссорившегося со святым Иосифом Волоцким. Исключительный характер носит свержение митрополита Даниила боярами во время малолетства Иоанна IV и удаление святого митрополита Филиппа... Иоанном Грозным. По церковным соображениям свергнут был в 1440 г. Великим Князем Василием II митрополит Исидор, предавший Православие на Флорентийском Соборе и принявший унию.

Митрополит Исидор объявил унию в Москве после богослужения, на котором стал поминать Римского папу Евгения.

«Духовные и миряне,— пишет Карамзин,— в изумлении смотрели друг на друга, не зная, что мыслить о слышанном. Имя Собора Вселенского (так назвал себя Флорентийский Собор.— *Н. Т.*), Царя Иоанна (Византийского) и согласие знатнейших православных иерархов

Греции, искони наших учителей, заграждали уста; безмолвствовали епископы и вельможи. В сем глубоком молчании раздался только один голос — Князя Великого. С юных лет зная твердо уставы Церкви и мнения Святых Отцов о Символе веры, Василий увидел отступление греков от ее правил, воспылал ревностью обличить беззаконие, вступил в прение с Исидором и торжественно наименовал его лжепастырем, губителем душ, еретиком, призвал на совет епископов, бояр, искусных в книжном учении, и велел им основательно рассмотреть флорентийскую соборную грамоту. Все прославили ум Великого Князя. Святители и вельможи сказали ему: "Государь! Мы дремали; ты един за всех бодрствовал, открыл истину, спас веру: митрополит *отдал ее на злате* Римскому папе и возвратился к нам с ересью". Исидор силился доказать противное, но без успеха: Василий посадил его за стражу в Чудов монастырь, требуя, чтобы он раскаялся, отвергнув соединение с латинской церковью. Таким образом, хитрость, редкий дар слова и великий ум сего честолюбивого грека, имев столь много действия на Флорентийском Соборе, где ученейшая Греция состязалась с Римом, оказались безсильными в Москве, быв побеждены здравым смыслом Великого Князя, уверенного, что перемены в законе охлаждают сердечное

усердие к оному и что неизменяемые догматы Отцов лучше всяких новых мудрствований. Узнав же, что Исидор через несколько месяцев тайно ушел из монастыря, благоразумный Василий не велел гнаться за ним, ибо не хотел употребить никаких жестоких мер против сего сверженного им митрополита, который, въехав в Россию гордо, пышно и величаво, бежал из нее, как преступник, в страхе, чтобы москвитяне не сожгли его под именем еретика на костре» (Т. 5. Гл. 3).

Точно так же в 1494 г. Иоанн III, убедившись в причастности митрополита Зосимы к ереси жидовствующих, велел ему как бы добровольно удалиться в Симонов, а оттуда в Троицкий монастырь.

На пользу, а не во вред Православию шло *такое* вмешательство в церковные дела Православных Государей.

В 1596 г. мирянин князь Константин Острожский открыто восстал против изменившего Православию Киевского митрополита и епископов-отступников, принявших на Брестском соборе унию с католичеством, и спас Православие в Малороссии.

Церковный Собор в Москве в 1551 г., известный под названием Стоглавого, по числу законных статей, им изданных, проходил под руководством Иоанна IV. «Сие церковное за-

конодательство, — пишет Карамзин, — принадлежит Царю более, нежели духовенству: он мыслил и советовал; оно только следовало его указаниям». И этот порядок, существовавший на Руси, вполне соответствовал установленным в знаменательную эпоху Вселенских Соборов взаимоотношениям Православных Царской и Церковной властей.

«Вы поставлены от Бога епископами во внутренних делах Церкви, а я епископом же во внешних ее делах», — говорил Император Константин (впоследствии причисленный к лику святых) Отцам Первого Вселенского Собора. «Когда священство не порочно, а Царство пользуется лишь законною властью, между ними будет доброе согласие», — говорил мудрый Император Юстиниан. У М. Зызыкина, в его книге «Царская власть и закон Престолонаследия в России» (София, 1924), сообщается, как понимала отношения между Императором и Патриархом Эпанагога — законодательный сборник, приписываемый Патриарху Фотию:

«Так как общежитие, подобно человеческому организму, состоит из частей и органов, то Царь и Патриарх суть самые важные и необходимые части. Посему полное единомыслие между Царской властью и властью иерархии есть условие мира и благоденствия подданных по душе и телу. Царь и Патриарх изображаются

так, как высшие представители двух сфер общежития».

«Царь есть законный заступник, общее благо для подданных своих, наказывающий не по неудовольствию и награждающий не по симпатии. Задача его деятельности состоит в том, чтобы посредством доброты сохранять и упрочивать наличные государственные средства, возмещать посредством неусыпного попечения потерянное и делать новые приращения в государственном благосостоянии и могуществе посредством мудрых и справедливых мер и предприятий. Царь должен защищать и соблюдать все написанное в Божественном Писании, потом, что установлено на семи Вселенских Соборах, а также признанные Римские законы. Царь должен отличаться православием и благочестием. Он должен изъяснять законы, установленные древними, и применительно к ним издавать новые законы о том, на что не было закона».

«Патриарх же есть живой образ Христа, словом и делом изображающий истину. Задача его в том, чтобы сохранить в благочестии и чистоте жизни тех, кого он принял от Бога, потом в том, чтобы и всех еретиков по возможности обратить в Православие и единение в Церкви, а всех неверующих заставить последовать вере, действуя на них посредством чистой

и чудной жизни. Конечная цель его служения — спасение вверенных ему душ, жить со Христом, распятие миру. Патриарх должен быть учителем, держать себя ровно с людьми высокого и низкого общественного положения, быть кротким в правде, обличительным в отношении непослушных, относительно истины и защиты догматов говорить перед лицом Царя не стыдясь. Патриарх один может изъяснять правила, установленные древними, определенные святыми Отцами и изложенные древними Соборами. Он должен судить и решать то, что происходило и установлено древними Отцами на Соборах частных и поместных».

Но в жизни участие Царей в церковных делах было значительнее, чем мыслилось в Эпанагоге.

Профессор Г. В. Вернадский в труде своем «Византийские учения о власти Царя и Патриарха» всесторонне останавливается на этом вопросе, разработанном выдающимися византийскими учеными и запечатленном в законодательстве. По его словам, существенным было то, «что Император стоит не вне христианской Церкви, но находится в тесном сопряжении с нею». Сопряжение это началось со времени Константина Великого. «Для всех Вселенских Соборов существенно то обстоятельство, что деятельность их проходила в полном единении

с Императорскою властью. Как высшая церковная власть, Император созывал Вселенские Соборы и утверждал их постановления. Во время заседаний Собора Император следил за его деятельностью и принимал в нем непосредственное участие». «Император принимал всегда самое живое участие в богословствовании, в выработке самих догматов Православной Церкви». Константин, формально даже язычник, подыскал для Первого Вселенского Собора решающее слово: «Единосущный». Царь в Византии часто определяет состав входящих в церковную службу песнопений, а иногда и является автором таких песнопений. Феодосий II и Пульхерия издают указ о повсеместном употреблении Трисвятой песни: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас». Юстиниан был сам автором церковного гимна, вошедшего во всеобщее употребление Восточной Церкви: «Единородный Сыне и Слове Божий». Императоры издавали «изложение» веры и «образец» веры. Церковно-общественное сознание мыслило «Императора как руководителя не только внешних дел Церкви, но и внутренних». Император есть вместе и Царь и Первосвященник. «Внешний епископ» постепенно становится «внутренним епископом», членом клира. В половине V века папа Лев Великий писал Императору Льву Макеле,

что Царская власть дана ему не только для управления миром, но и особенно для руководства Церковью. Князь-христианин должен быть причислен к сонму проповедников Христовых.

В правиле первом шестого (Трульского) Собора все время упоминается о Царях, при которых состоялись постановления предыдущих Соборов, и указывается, что «вероисповедание» шестого Собора «вящую крепость приняло, когда благочестивый Император постановления этого Собора своею печатию, ради достоверности, на все веки утвердил».

Верующие Государи наши чутко понимали, когда их государственное вмешательство в дела Церкви бывало неправильным.

В 1378 г., после смерти святителя Алексия, Великий Князь Димитрий Иоаннович велел Святителям Российским поставить во епископы любимого им архимандрита Митяя, но епископ Дионисий Суздальский твердо заявил свое несогласие на это, говоря, что в России только митрополит законно ставит епископов. Великий Князь спорил с ним, но все же уступил, и Митяй поставлен во епископы не был. В 1472 г. при въезде в Россию невесты Великого Князя Иоанна III Царевны Софии Палеолог ее сопровождал папский легат Антоний, который всю дорогу до Москвы ехал с латинским крыжем: то есть перед ним в особых санях везли

серебряное распятие. Узнав об этом, митрополит Филипп заявил Иоанну III: «Буде ты позволишь в благоверной Москве нести крест перед латинским епископом, то он внидет в единые врата, а я, отец твой, изыду другими вон из града. Чтить веру чужую — есть унижать собственную». Иоанн III, склонный ранее из дипломатических соображений разрешить такой въезд, немедленно приказал взять крест и спрятать в сани.

В деле ереси жидовствующих Иоанн III, долгое время относившийся к ней с несвойственной ему мягкостью, внял, наконец, твердым настояниям архиепископа Геннадия Новгородского и святого Иосифа Волоцкого (Волоколамского) и строго наказал еретиков. На церковном Соборе 1500 г. рассматривался внесенный Иоанном III вопрос об отобрании у духовенства недвижимого имущества. Духовенство во главе с митрополитом Симоном решительно восстало против этого. «Не дерзаем и не благоволим отдать церковного стяжания, ибо оно есть Божие и неприкосновенное». Великий Князь уступил.

Весьма показательно столкновение Иоанна III с митрополитом Геронтием. Иоанн III стал требовать, чтобы крестные ходы вокруг церкви ходили «посолонь», то есть от востока к западу. Спор этот, возникший в 1479 г. при

освящении Успенского собора, возобновился в 1482 г., когда Иоанн III, упорствуя в своем мнении, не давал митрополиту освящать новопостроенные храмы. Митрополит Геронтий, оставив в Успенском соборе свой посох, уехал в Симонов монастырь и заявил, что не вернется на свою кафедру, пока сам Великий Князь не будет бить ему челом. Вспыльчивый, властный, но церковный, Иоанн III смирился. Сперва он послал своего сына просить митрополита вернуться. Митрополит отказал. Тогда Великий Князь сам поехал к Геронтию, просил его вернуться и предоставил ему совершать крестные ходы так, как митрополит считал правильным. Также вынужден был Иоанн III выдать митрополиту Геронтию любимца своего — епископа Геннадия, бежавшего от суда митрополичьего во дворец к Великому Князю.

Царь Иоанн IV, открывая Стоглавый Собор, говорил: «Ныне молю вас, о богособранный Собор, ради Бога и Пречистыя Богородицы и всех святых, трудитесь для непорочной и православной веры, утвердите и изъясните, как предали нам святые Отцы по Божественным правилам, и, если бы пришлось, даже пострадайте за Имя Христово, хотя вас не ожидает ничего, кроме труда и разве еще поношения безумных людей: на то я и собрал вас. А сам я всегда готов вместе и единодушно с вами

направлять и утверждать православный закон, как наставит нас Дух Святый. Если, по нерадению вашему, окажется какое-либо нарушение Божественных правил, я в том не причастен, и вы дадите ответ перед Богом. Если я буду вам сопротивен, вопреки Божественных правил, вы о том не молчите; если буду преслушником, воспретите мне без всякого страха, да жива будет моя душа, да непорочен будет православный христианский закон и да славится пресвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Злодейское убиение митрополита Филиппа не есть доказательство противного, как беззакония Императора Аркадия в отношении святого Иоанна Златоуста не ломают твердо установленный порядок взаимоотношений Царей и Первосвятителей в Византии.

Мученик — святой Филипп — пал жертвою длительного безумия, охватившего под конец сознание глубоко верующего и мудрого Царя. В числе жертв этого безумия оказался и любимый сын Царя — Наследник Престола*.

Даже Царь Петр I — нарушитель канонического строя в Русской Церкви — умел преклоняться перед твердою волею иерархов. Однажды, вызванный Петром, святитель Митрофан Воронежский отказался войти в дом

* Эти «обвинения» навеяны сведениями, почерпнутыми в истории Н. М. Карамзина, человека «передовых» взглядов, масона. — *С. Ф.*

Царя потому, что перед воротами и на дворе поставлены были статуи языческих богов. Услышав, что Царь сильно разгневался, Святитель стал открыто готовиться к смерти. И вот грозный Петр уступает и приказывает убрать языческие статуи. По кончине святителя Митрофана, Петр горько плакал и сам нес гроб с его телом до места упокоения. Тут кстати будет указать на печатавшееся в «Новом времени» сообщение митрополита Киевского Антония [Храповицкого] (подтвержденное мне и письмом от 12 мая м[инувшего, 1927] г[ода]), что незадолго до своей кончины Петр Великий, увидев, что из Успенского собора, по распоряжению председателя Синода архиепископа Феодосия Яновского, вынесено Патриаршее место, гневно обрушился на архиепископа и велел вернуть Патриаршее место в собор, сказав, что Патриаршество упразднено лишь на время проведения государственных реформ.

Ярким символом правильных отношений между Православною Церковью и Православным Царем являлся трогательный обычай Московской Руси. В Неделю ваий в Москве совершался торжественный крестный ход. Митрополит ехал верхом, сидя боком на осле или коне, одетом белою тканью; левою рукою придерживал митрополит на своих коленях Евангелие, окованное золотом, а правою —

благословлял народ. Осла вел боярин; Государь, одною рукою касаясь длинного повода узды, нес в другой вербу. В этом величественном обряде Православный Царь являл себя народу смиренным сыном Православной Церкви.

Мы намеренно столь пространно излагали все эти примеры из истории родной земли. Возрожденная Россия должна будет вернуться к старым, неиссякшим еще истокам. По образцам Киевской и Московской Руси должны будут воссоздаваться отношения между Самодержцем и Патриархом. Как и тогда, так и теперь ничто не помешает правильному устроению этих отношений. Религиозная церковность Государей, понимание значения Самодержавия Патриархами — явятся порукой этому.

Во главе Русской Православной Церкви, конечно, должен стоять восстановленный *по повелению Государя* Церковный Собор. Собор этот избирает Патриарха всея России. Возможно, будут избираться три лица, и Самодержец соизволит на посвящение одного из них.

Во всяком случае, Самодержец должен высказать Собору свое мнение о предстоящем к избранию в Патриархи.

Просты и ясны должны быть отношения Патриарха и Царя. Царь есть старший сын Православной Церкви, возглавляемой на земле

Патриархом. Святейший Патриарх есть первый подданный Богом на Царство венчанного Царя-Самодержца. По заповеди равноапостольного Царя Константина, Царь сам не входит во внутренний строй церковный. Но, как глава Православного Государства, Русский Царь, по той же заповеди святого Константина, стоит на страже «внешних дел» церковных.

Православный Царь должен видеть — как и встарь — в Патриархе первого своего советника в делах государственных и наставника в делах личных и иметь с ним постоянное и ничем и никем не стесненное общение. Патриарх должен, по учению Святой Церкви, направлять всю силу церковного авторитета и влияния на помощь Царю в деле устроения его Православного Государства.

Освобожденная от всего наносного и неполезного, ведомая Церковным Собором и Патриархом, охраняемая и опекаемая Православным Самодержцем, освежившая среду духовенства живительным притоком новых сил, принявшая вновь в свое лоно старообрядцев, свято блюдущая долг укрепления Православной Царской власти, как Божиего установления, — Святая Церковь Православная освятит неизменно пребывающей в ней Благодатию великое Православное Царство и озарит своим дивным светом весь простор возрожденной Земли Русской.

К 500-летию падения второго Рима

Прочное основание Византийской Империи положил святой Константин Великий († 337). При нем «все части Римской Империи, — писал историк епископ Евсевий Кесарийский, — соединились в одно, все народы Востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единством власти, как бы одною главою; все начало жить под владычеством единодержавия, а славный во всяком роде благочестия Царь-победитель, первый проповедавший монархию Бога, и сам монархически управлял всем миром».

Византийская Империя связана в дальнейшем с окончательной победой христианства над язычеством, с укреплением истинной веры, с разработкой Вселенскими Соборами догматики и канонического права, с установлением Церковью обрядов богослужения, с созданием замечательного церковного песнотворчества.

Византийская Империя, достигшая при Императоре Юстиниане I (527 — 565) наибольших размеров, обогатила мир законами этого великого Императора и его выдающихся преемников.

Православная жизнь. Джорданвилль, 1953. № 6. С. 6 — 11.

Во время переселения народов Империя, с меньшими, чем Запад, потерями, сумела пережить натиск нахлынувших варваров, справилась с трудной задачей размещения славянских племен по западным и восточным границам, тем заградив себя оседлым земледельческим населением от дальнейших вражеских нападений. Не пострадала она особенно и от продвижения арабов. До XI в. стояла она преградой честолюбивым притязаниям Римских пап, пока не произошел разрыв с ними Православной Церкви без года девятьсот лет тому назад.

В XI в. Империя начала, однако, клониться к упадку. С 1025 по 1081 гг. Престол занимали 12 Императоров, царствования которых прошли в смутах. Тяжкие испытания пришлось выдержать Византийской Империи в XIII в. Католический Запад, шедший в лице крестоносцев в четвертый раз бороться с неверными, разгромил православный Царьград и основал там Латинскую империю, просуществовавшую 57 лет. Независимая Византия осталась только вне Европы, в виде Никейского государства. Его способные и решительные Монархи сумели в 1261 г. вновь воцариться в Константинополе.

Но значение Империи было подорвано. После удара, нанесенного с Запада, стала еще

больше определяться опасность, надвигавшаяся с Востока. Турки-сельджуки, когда-то обитатели Алтая, вытесненные затем монголами из внутренней Азии, проникли в XIII в. в Малую Азию. Вождь их Осман (1288—1326) укрепился в начале XIV в. горах Вифинии и создал новое государство. Сын его Урхан (1326—1359) подчинил себе Никомидию и большое число греческих городов в Малой Азии, сделав столицей своей Бруссу. В 1333 г., после поражения греков под Никеей, потерян был ими и этот исторический город. В 1356 г. Сулейман, сын Урхана, овладев Галлиполи, впервые утвердил турецкие владения в Европе. Османы приближались к Константинополю.

С запада же норманны, завоевав южную Италию и Сицилию, давно уже угрожали морским владениям Византии. Воссоздавшееся в XIII в. Болгарское царство, освободив себя от власти греков, старалось объединить всех славян. Взаимная вражда православных греков и болгар была умело использована турками.

В 1360 г. султан Мурад I взял Адрианополь и с 1365 г. сделал его своей столицей. Битвами на реке Марице и на Косовом поле (1389) сокрушена была Сербия. Сын Мурада, Баязет, покорил в 1393 г. Болгарию, а затем Молдавию и Валахию, Фракию и Македонию. Былая могущественная Византийская Империя

свелась в конце XIV в. к небольшой полосе между Черным и Мраморным морями и к Пелопонесскому полуострову.

В 1401 г. Баязет приступил к осаде Константинополя. Византия спасена была тогда вторжением в азиатские турецкие владения грозного вождя монголов Тимура-Тамерлана. Баязет был разбит и пленен Тамерланом в 1402 г. при Ангоре. Последовавшие после смерти Тамерлана раздоры между сыновьями Баязета почти на полвека отсрочили падение Византии.

Великая в прошлом, она находилась в упадочном состоянии. Она дряхлела и страдала внутренними неурядицами. Не было у тогдашнего греческого народа героического подъема духа, который мог бы противостоять воинственному пылу турок. Среди династии Палеологов были крупные люди. Но они пытались в борьбе со внешними врагами опираться больше на итальянских и испанских наемников. Последние временами удачно действовали против турок, но одновременно часто причиняли вред самому населению Византии.

Отдельные Императоры, вместо того чтобы призывать народ на защиту Церкви против фанатически настроенных последователей Магомета, сами отрывались от верного Православию народа, пытаясь отказом от правоверия

получить, чрез Римского папу, помощь от Запада.

Впервые на путь измены Православию вступил Император Михаил Палеолог, вытеснивший латинян из Царьграда, но боявшийся отобрания его ими. Тогда еще не назрела турецкая опасность, но папа нужен был Михаилу для закрепления собственного положения в воссоздавшемся государстве. На Лионском соборе в 1274 г. Император принял унию. Кроме небольшого числа духовенства и придворных, остальным духовенством и всем народом уния была решительно отвергнута. После кончины Михаила (1282) в походе сын его Андроник II из-за ненависти к отцу народа не посмел совершить над ним царского погребения, а должен был похоронить его в ближайшем монастыре.

Правнук Михаилов, Император Иоанн V (1341—1391), устрашенный турецкими завоеваниями на Балканах, возобновил переговоры об унии. Сын же его Иоанн VI (или VIII по другому исчислению, признающему двух Иоаннов Кантакузинов), по тем же соображениям, изменил в 1439 г. Православию на Флорентийском Соборе, приняв унию из рук папы Евгения IV, тогда как за десять дней до состоявшегося во Флоренции «соединения церквей» (5 июля) Базельский католический собор, осудив Евгения

как еретика, объявив его низложенным (25 июня), избрал папой Феликса V, в мире благочестивого Амедея VIII, герцога Савойского.

И эта уния не была принята ни подавляющей массой духовенства во главе со святым Марком, епископом Ефесским, ни народом. Надорвана была связь между Императорской властью и верным Православию народом, как раз тогда, когда турки задумали покончить с Византией.

Сын Мурада, молодой и воинственный Махмуд (Магомет) II, вступив в 1451 г. на престол, сразу же приступил к постройке крепости на берегу Босфора, в наиболее узком его месте, вблизи ворот Константинополя. С осени 1452 г. начались осадные работы.

Брат Иоаннов, Константин XII (по другому исчислению XI), царствовавший с 1449 г., попросил папу о помощи. Папа Николай V обещал несколько галер и послал в Константинополь грека-униата, кардинала Исидора, бывшего митрополита Московского, низвергнутого Великим Князем Василием II. Отступник совершил богослужение в Софийском соборе, на котором поминал папу и свергнутого Восточными Патриархами униатского патриарха Константинопольского Григория Мамму. Кроме Императора и его приближенных, только немногие присутствовали на богослужении. Верующие

устремились в монастырь Пантократор за советом к подвизавшемуся там праведному и ученому монаху Геннадию Схоларию. Последний, не показываясь народу, вывесил у окна своей келлии листок со словами: «Несчастные ромеи! Для чего вы заблуждаетесь, теряете надежду на Бога и возлагаете упование на франков? Для чего вместе с имеющим скоро пасть городом хотите погубить и свое Православие? Боже, умилосердись надо мною! Свидетельствую пред лицем Твоим, что я не повинен в сем преступлении. А вы, несчастные, что хотите делать при грозящем вам пленении? Вы дерзаете извратить веру отцов своих и покориться неправде. Никогда не оставлю тебя, любезное Православие, и не отступлю от тебя, священное предание, доколе душа моя обитает в сем теле».

Народ, после этого назидания, проклял окончательно унию, перестал посещать Софийский собор и, по словам греческого писателя Дуки, «если бы даже явился ангел с Неба и обещал грекам спасение под условием унии с латинянами, то они все-таки отвергли бы ее».

Мурад имел под Константинополем 250 000—300 000 воинов и 420 небольших парусных судов. Вооруженных греков в осажденном городе было 5000—7000 человек. Эскадра Генуи, под начальством одаренного военными способностями

рыцаря Джиованни Джустиниани, с 6000 воинами, прорвав блокаду, оказала существенную помощь грекам. Положение ухудшилось, когда туркам удалось по доскам, настланным на ограждавшие гавань цепи, перетащить свои суда внутрь ее. Перед штурмом Магомет предложил Константину удалиться свободно, обещая пощадить население. Император отклонил это предложение. Император со своими вождями приобщился, как православный, Святых Таин в Софийском соборе. Начался штурм, мужественно отражаемый. Джустиниани был ранен и вынужден был покинуть свой пост. Константин проявил большую храбрость и был убит в бою. Турки ворвались 29 мая 1453 г. в город, и Баязет вступил в столицу. Труп Императора нашли лишь на другой день. Его похоронили с императорскими почестями, но голову его Магомет приказал выставить на площади Августеон.

Византийская Империя пятьсот лет тому назад — почти в эти дни — перестала существовать. Вскоре под игом мусульман оказались все православные государства Востока.

Русский летописец, скорбя об участи Царьграда, писал: «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его дава́ли вельможам утеснять народ; не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез

и крови невинных, а полки греческие величались только цветною одеждою; гражданин не стыдился вероломства, а воин бегства, и Господь казнил властителей недостойных, умудрив царя Магомета, коего воины играют со смертию в боях и судии не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни одного Царства Православного, кроме Русского. Так исполнилось предсказание святого Мефодия [Патарского] и Льва Мудрого, что измаильтяне (турки) овладеют Византией; исполнится, может быть, и другое, что Россияне победят измаильтян и на седьми холмах ее водворятся».

Через 27 лет после падения Византии Великий Князь Иоанн III покончил с татарским игом (1480 г.). Россия становилась единственным в мире Православным Царством. Взоры всех православных народов Ближнего Востока с упованием обратились к Москве. Первый же Константинопольский Патриарх под властью турок, святой Геннадий Схоларий, прибег за денежною помощью к святому Ионе, митрополиту Московскому.

Ко времени занятия Константинополя Россия пятьсот лет жила уже в осиянии Православия, так полностно воспринятого ею из Византии. За эти века озарили Русскую Землю такие светочи, как святители митрополиты Петр и Алексий, Никита Новгородский, Леонтий

и Исаия Ростовские, Стефан Пермский, преподобный Антоний и Феодосий Киево-Печерские, Сергий и Никон Радонежские, Кирилл Белозерский, Сергий и Герман Валаамские, Пафнутий Боровский и другие угодники Божии. Высились величественные соборы Святой Софии в Киеве и в Новгороде, во имя Святой Троицы и Успения Божией Матери во Пскове, Владимире и Москве. Россия изобиловала храмами и обителями. Православная государственность укреплялась благочестивыми потомками святого Крестителя Руси — Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом, святым Мстиславом Великим, святым Андреем Боголюбским, святым Александром Невским, Димитрием Донским и преемниками последнего. Смирение русского народа ярче всего проявлялось в подвиге блаженных Христа ради юродивых.

Не на католическом Западе искал поддержки и помощи русский народ, а в твердом уповании на всеблагой Промысл Божий, в крепкой верности Православию, пример чему давали ему его Государи. Прискорбными, но подражания не нашедшими исключениями были обращения за помощью к папе в XI в. Великого Князя Изяслава I Ярославича, а в XIII в. князя Даниила Романовича, забывшего, в недолгое время своего отступничества, решительный отказ отца своего, Великого Романа Изяславича

Волынского и Галицкого, данный им посланцу папы Иннокентия III, манившего его королевским венцом.

В XIII в., когда Император Михаил Палеолог склонялся перед папой, даровавшим ему унию, юный Князь святой Александр Ярославич на берегах Невы и на льду Чудского озера мечом же отражал дерзновенных шведов и ливонских рыцарей, двинувшихся, с благословения Рима, мечом обращать в латинство русский народ.

В XV же веке, когда на Соборе во Флоренции принята была уния, Великий Князь Василий Васильевич II низверг принесшего ее в Москву митрополита Исидора, назвав его «ересным прелестником» и «лютым волком» — губителем душ. «Это одно из тех великих решений, — писал историк С. Соловьев, — которые на многие века определяют судьбы народов».

Москва — по своей верности Православию — имела все основания считать себя преемницей Православной Византии. В 1472 г. Великий Князь Иоанн III Васильевич, своим браком с племянницей последнего Императора Константина XII Софией Палеолог, еще теснее связал себя — по линии уже династической — с Византией. Во утверждение преемства, Иоанном был принят как государственный герб России византийский Двуглавый Орел со вклю-

чением в середину его московского герба — святого великомученика Георгия Победоносца, поражающего копьем дракона.

В начале XVI в., в царствование Великого Князя Василия III Иоанновича, смиренный старец Елеазаровского монастыря Филофей писал Мисюрю Мунехину († 1522), просвещенному и деятельному дьяку при Великокняжеском наместнике во Пскове: «Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся Христианская Царства приидоша в конец и снидошася в едино Царство нашего Государя. По пророческим книгам, то есть Росейское Царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

«Росейское Царство» возглавлено было с 1547 г. Царями, Помазанниками Божиими. Константинопольский Патриарх с собором 51 митрополита, признав в 1561 г. Иоанна IV Васильевича Царем, установив поминание его в храмах, писал ему: «Будем молить Бога о имени Твоем, да будешь и Ты, как равноапостольный и приснопамятный Константин».

Твердо хранилась Русью верность благочестию, так ярко проявленная дедом первого Царя, Великим Князем Василием II. Верность эта вдохновила русских людей на защиту своей Православной Земли в Смутное время начала XVII в. Она подвигнула их в середине того

же столетия на освобождение сородичей в Малороссии, стремившихся вырваться из-под многовекового польско-литовского католического ига, и на возвращение, во второй половине XVIII в., в отчий дом остального русского народа, подвергавшегося в Речи Посполитой гонениям воинствующего латинства. Верность же исконному благочестию позволила России изгнать в 1812 г. полчища двунадесяти языков, надругавшихся в Москве над Великими Святынями. Она же побудила Русских Царей и Императоров считать себя покровителями и защитниками Православного Востока.

Афонские монахи своим Кормителем и Ктитором называли еще Великого Князя Василия III. В последующие же столетия Святая Гора продолжала быть богато одаряемой Государями и народом. Единственным ктитором именовали того же Государя сербы. Богато и позднее одарялась иконами и церковной утварью братская Сербия. Константинопольский Патриарх в одной из грамот называл Царя Иоанна IV Грозного Ктитором Патриархии. Александрийский же Патриарх писал Царю Феодору Иоанновичу, что только милостыня его отца спасла Патриархию от окончательного разорения.

Православное русское воинство пролило потоки крови, борясь, по воле Государей, за

единоверцев на Балканах. Греция, Сербия, Румыния и Болгария обязаны своей независимостью Русским Императорам. Отстаивание благочестивым Императором Николаем I давних прав православных в Святой Земле привело Россию к тяжелой для нее Восточной войне (1853—1855) с четырьмя державами, при враждебности пятой. Заступничество боголюбивого Императора Николая II за единоверную Сербию вызвало в 1914 г. роковую войну с Германией и Австро-Венгрией.

«Росейское Царство» мирно просвещало христианством входившие в состав его иноверные народы севера и востока.

В отравленных материализмом и безбожием XIX и XX веках «Росейское Царство» сияло благочестием. Многочисленные монастыри видели в стенах своих миллионы богомольцев. К сонму святых Земли Русской присоединены были вновь прославленные святители и преподобные. Возродилось старчество. Наполнил мир чудесами приснопамятный Всероссийский пастырь отец Иоанн Кронштадтский, к прославлению которого мы приближаемся...

Свыше четырех с половиной веков существовало, наследовав Православной Византии, «Росейское Царство», в продолже́ние более девяти веков исповедовавшее Православную веру. В страшные мартовские дни 1917 г. оно

было повержено не ударами внешних врагов, а начавшимся ослаблением веры и изменой своих же крамольников.

Но живет оно в сознании тех миллионов русских людей, души которых, несмотря на все соблазны и насилия, не смогла полонить богоборческая советская власть. Тверда вера наша в то, что по молитвам святых, в Земле Российстей просиявших,— сегодня всеми православными русскими людьми прославляемых,— в сроки, определенные всеблагим Промыслом Божиим, воскреснет «Росейское Царство» — Третий Рим.

Слово, произнесенное в воскресенье 25 мая/7 июня [1953 г.] в день памяти святых, в Земле Русской просиявших, на акте Свято-Троицкой Духовной семинарии

400-летие взятия Казани

Поражение в 1223 г. на р. Калке было грозным предостережением для тогдашней Руси, на ее юге обезсиленной половецкими набегами, на всем же пространстве государства —

* Православная жизнь. Джорданвилль, 1953. № 2. С. 5—14. Доклад прочитан 8/21 декабря 1952 г. в Нью-Йорке на торжественном собрании, устроенном Св.-Владимирским Русским Православным обществом и Владимирскими кружками молодежи.

княжескими раздорами, не оставленными даже и во время этой первой битвы с татарами.

Летописец, повествуя о сем сражении, говорил: «Совершилось это с нами за грехи наши: Бог наслал на нас неразумие; людей погибло без числа; были вопли, стоны и печаль по всем городам и волостям. Этих злых татар мы не знаем. Откуда они пришли на нас, куда делись потом, не ведаем; только Бог про то ведает, да люди в книгах хитрые».

О злых татарах вскоре стали забывать. Княжеские раздоры продолжались. Не помышляли о собирании всех сил Земли для отпора страшной опасности, надвигавшейся из далекой Азии. Сказывалось отсутствие столь необходимой единой государственной власти.

И снова, уже в несметном количестве, нагрянули татары. Батый с 1238 по 1241 гг. легко покорил Русь. Ужасающим разрушениям подвергся обширный Суздальский край, все Поднепровье, Волынь и Галич. И в следующие годы повсюду рыскали отдельные татарские отряды.

Казалось, гибель грозила России. Но Господь Бог хранил ее. Завладевшие ею ханы оставили ей главные достояния: Церковь и княжескую власть. В тех же путях Божиего произволения, во главе Церкви и государства оказались сразу выдающиеся, духовно одарен-

ные лица, поставившие те вехи, руководствуясь которыми вели Русь ко спасению ее Государи и Первоиерархи.

Просвещенный и деятельный митрополит Кирилл стоял во главе Церкви 37 лет в самое трудное время начала татарского ига.

Ровно 700 лет тому назад принял кормило Великокняжеской власти святой Александр Невский. По словам летописца, он «не остави пути отца своего», Ярослава Всеволодовича, этого первого подъяремного Государя Руси. Благоверный Великий Князь Александр твердо пошел по пути, определенном старшим братом его деда, святым Великим Князем Андреем Боголюбским. Путь этот направлен был к созданию единой самодержавной власти Государя, руководимого единственно благом своего народа.

Великий Князь Александр Невский, тогда уже победитель шведов и меченосцев, покушавшихся овладеть душой русского народа, понимал, что Русь в ее тогдашнем состоянии не могла оказывать сопротивление татарам. Значит — надлежало смириться перед ханами. Верил святой Александр в живые силы своего народа, в то, что Отчизна его, сохранив Церковь и исконный государственный строй, по истечении сроков, Одному Богу ведомых, сбросит с себя ненавистное иго.

Младшему сыну его, святому Князю Даниилу, первому Московскому удельному князю, в малоизвестной еще Москве, только в 1156 г. ставшей городом, удалось заложить основание будущего великого государства. Святой Даниил, как и его преемники, заповедал потомкам то, что и написал в своем обращении к детям внук его, Великий Князь Симеон Гордый: «Чтобы не перестала память родителей их, чтобы свеча их преданий не погасла».

Благословения святых митрополитов Петра и Феогноста освящали начало собирания в Москве сил государственных.

Племянник Симеонов, крестник святого митрополита Алексия, Великий Князь Димитрий Иоаннович Донской, понимавший свои обязанности не как удельного князя, а как общерусского Государя, смог уже с благословения Преподобного Сергия разбить татар на Куликовом поле, на 140-м году ига.

Еще сто лет, правда, длилось иго, и Руси немало пришлось претерпеть за это время от татар. Но чем дальше, тем больше Россия становилась сильной. При полной поддержке духовенства и мудром понимании всего русского народа искоренялся Московскими Государями вредный удельный порядок, крепла единодержавная власть прямых потомков святого Александра Невского.

Да и татары были уже не те. Золотая Орда, раздираемая внутренними раздорами, слабела. Средоточием татарского мира становилась выделившаяся из нее, далекая от Москвы Крымская орда.

Много пришлось терпеть Руси от Казанского царства, созданного в середине XV в. изгнанником из Золотой Орды Улу-Махметом. Это новое государство занималось, напоминая половцев, частыми разбойничьими набегами на приволжские русские области, разоряя их и уводя пленных, которых томило в ужасающих тюрьмах и продавало в Азию. Казанское царство включило в себя финских инородцев — мордву, черемисов, вотяков, а также чувашей и башкир.

Великий Князь Василий II Васильевич, выступавший против них, был разбит ими в 1445 г. под Суздалем и освободился от плена, лишь уплатив большой выкуп и выдав им ряд обязательств.

Но все изменилось в замечательное правление его великого сына — Иоанна III, покончившего почти совсем с удельным порядком.

Оказавшись, после взятия турками Константинополя, *единственным в мире независимым Православным Государем*, вступив в брак с племянницей последнего Византийского Императора Софией Палеолог, унаследовав Византийский

государственный герб, вступив снова в семью западных государей, Иоанн III не мог пребывать далее в зависимости от татар.

Обстоятельства слагались благоприятно для России. Крымская орда сильно враждовала с Золотой, будучи вместе с тем естественной союзницей Руси в борьбе с Литвой, от которой Иоанн стремился отобрать свою «отчину» — Русские земли, подобранные Гедимином и его преемниками в первое время татарского владычества на Руси.

Иоанн сбрасывает в 1480 г. татарское иго и заставляет двинувшегося наказать его хана Золотой Орды Ахмата, простояв без боя на берегу р. Угры, уйти к себе обратно, где он был убит ногайцами. «Злодей России лежит в могиле», — известил Иоанна Ивак, хан шибанских, или тюменских, улусов, покончивший с Ахматом. С тех пор ногайцы, заинтересованные в торговле с Москвой, редко доставляли ей безпокойство.

Оставалось обезопасить себя от казанцев. Этого достигает Иоанн III, однажды даже заняв Казань своими войсками, имея затем там, в лице ханов или царей, своих послушных ставленников. Не желая ссориться с Крымом, ревниво наблюдавшим за происходившим в Казани, осторожный Иоанн оставлял последней до поры видимость свободы.

Ту же политику проводил и сын его, Василий III, окончательно покончивший с удельно-вечевым порядком и еще более усиливший самодержавную власть.

Но положение Василия было труднее. Крым не желал подчинения Москве татарского Казанского царства и старался вместо московских ставленников иметь там своих. Это обстоятельство было умело использовано Литвой, которая, не без помощи золота, привлекла Крым на свою сторону. Учитывая дальнейшее развитие событий, Василий III соорудил вблизи Казани крепость Васильсурск.

В малолетство *Иоанна IV,* при неудачном правлении Шуйских, казанские цари стали пренебрежительно относиться к Москве, и влияние Крыма в ней усилилось.

Но подрос орленок. Благотворное влияние знаменитого митрополита Макария укрепило и одухотворило крупные дарования, которыми обладал первый венчанный на Царство юный Русский Государь. Проведя с помощью Земского Собора крупные государственные преобразования, он поведал Собору и свое намерение покончить с разбойничавшей, коварной, постоянно изменявшей Казанью. Не скрыл он от Собора и того, что такое решение может вызвать столкновение с Крымом, за которым стоял турецкий султан, тогда Солиман II Великолепный.

Иоанн предпринял первый поход против Казани, успеху которого помешали климатические условия. Но тогда же он наметил место для будущей твердыни в устье реки Свияги. Обозревая далекую окружность с Круглой горы, на которой через год — в 1551 г. — и создалась крепость Свияжск, 21-летний Иоанн воскликнул: «Здесь будет город христианский, стесним Казань; *Бог вдаст ее нам в руки*».

Видя усиление Москвы, горная сторона — черемисы, мордва, чуваши — язычники, данники Казани, подчинились России!

Приготовляясь к войне, Иоанн создавал новое войско, приготовлял нужные роды оружия. Под Казанью оказалось потом около 150 разнообразных орудий. Готовились предметы военной техники: фашины, туры и прочее.

Огорчение доставили Государю сведения, пришедшие из стана под Свияжском. Развилась там весной 1552 г. сильная цинга, вызывавшая смерти и общее уныние. Казанцы пользовались этим. Горная сторона стала снова отпадать, видя ослабление русской рати и оживление деятельности казанцев. Обнаружилось и крайнее падение нравственности в русском стане. Иоанн обратился за помощью к митрополиту Макарию. Последний отправил туда протоиерея Архангельского собора Тимофея со святой водой и с наставлением словесным

и письменным. «В постыдной неге стыдитесь быть мужами, — заканчивал Владыка свое послание. — Верю сему, ибо Господь срамит вас не только болезнью, но и срамом. Где ваша слава? Быв ужасом врагов, ныне служите для них посмешищем! Оружие тупо, когда нет добродетели в сердце; крепкие слабеют от пороков. Злодейство восстало; измена явилась, и вы уклоняете щит пред ними. Бог, Иоанн и Церковь призывают вас к раскаянию. Исправьтеся или увидите гнев Царя, услышите клятву церковную». Воинство искренно покаялось и, окропленное святой водой, стало прежним христолюбивым.

В июне 1552 г. новые полки стояли уже у Мурома. Окою и Волгою плыли к Нижнему Новгороду суда с запасами и пушками. 16 июня Царь простился с супругой, ожидавшей рождения ребенка. «Милуй и благотвори без меня, — говорил он ей, — даю тебе волю Царскую; отворяй темницы; снимай опалу с самых виновных по твоему усмотрению, и Всевышний наградит меня за мужество, тебя за благость». Молился он в Успенском соборе перед образом Владычицы и мощами святителей Петра и Ионы. Получив благословение митрополита Макария, Царь выступил в поход.

На первом же перевале Иоанн получил известие, что крымский хан Девлет-Гирей пере-

правился через Дон. Вскоре пришло известие о походе татар к Туле. Войска, предназначенные к походу на Казань и частью еще не двинутые, были спешно отправлены на помощь Туле. Помолившись за вечерней, туда же выступил и Царь. Появление его вызвало огромный подъем у защитников города, до этого уже отбивших первые нападения хана. Произведена была вылазка, в которой участвовали и жители города. Хан потерпел полное поражение и постыдно бежал, преследуемый русскими.

После этого разгрома Девлет-Гирея, выполнявшего повеление турецкого султана, неудачно пытавшегося поднять против Москвы также астраханских и ногайских татар, Иоанн двумя путями повел войско на Казань. Проходя с главной частью его через Владимир и Муром, он поклонился в этих городах мощам святого Великого Князя Александра Невского, святых князей Петра и супруги его Февронии. Обе части войск, соединившись у Алатыря, двинулись к Свияжску. Под этой крепостью они переправились через Волгу на Луговую сторону.

23 августа полки стали занимать назначенные им места у Казани. Иоанн велел отслужить молебен. Высилось знамя с Нерукотворенным Спасом и крестом, бывшее с Димитрием Донским во время Куликовской битвы.

После богослужения Иоанн обратился со словом к присутствовавшим. «Приспело время нашему подвигу,— говорил он,— потщитесь единодушно пострадать за благочестие, за святые церкви, за единородную нашу братию, православных христиан, терпящих долгий плен... Не пощадим голов своих за благочестие, я сам с вами пришел; лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан, мучимых от безбожных казанцев». Ответствовал ему двоюродный брат, князь Владимир Андреевич. Духовник Иоаннов, протоиерей Андрей, благословил Государя и войско... Царь сел на аргамака, взглянул на образ Спасителев на святой хоругви, ознаменовал себя крестом и, громко сказав: *«о Твоем имени движися»*,— повел рать прямо к городу.

Воинство обступило Казань. Расставлены были шатры и три церкви полотняные: архистратига Михаила, великомученицы Екатерины и Преподобного Сергия. Ставились туры. Шла пальба из бойниц.

Казанцы проявляли большую храбрость, делали вылазки. Много вреда наносил скрывавшийся в лесах большой конный отряд князя Япанчи, производивший внезапные нападения. Наконец удалось, завлекши в засаду, уничтожить его.

31 августа Царь, призвав немца «размысла», то есть инженера, приказал сделать большой подкоп под Казанью. Другой подкоп должен был сделать Адашев с учеником немца, чтобы лишить осажденных воды из ключа-тайника. Взрывом последнего побито было много людей в городе.

С наступлением сентября погода резко испортилась. Лили безпрерывные дожди. Пошли слухи, которым придавали значение даже такие люди, как князь Андрей Курбский, будто казанские чародеи-колдуны и колдуньи накликали дождь. По требованию Царя на подводах и быстроходных вятских корабликах срочно доставлен был из Москвы Животворящий Крест с частицей Древа Господня. Водой, освященной Крестом, окропили войска. Погода прояснилась. Дух окреп.

Построена была высокая, в 6 сажень, башня, придвинутая к стенам, откуда стрельцы могли бить по людям на улицах и в домах. 30 сентября князь Воротынский, взорвав тарасы и землянки, после кровопролитного боя занял Арскую башню.

В день *Покрова* — 1 октября — Государь объявил войску, чтобы оно готовилось «пить общую чашу крови», то есть вести́ приступ, и велел воинам очистить душу. В тот час, когда одни исповедовались и с умилением вкушали

Тело Христово, другие, под громом бойниц, метали в ров землю и лес, чтобы проложить путь к стенам. В последний раз осажденным предложено было сдаться. Казанцы отвечали: «Не хотим прощения. В башне Русь, на стене Русь: не боимся, поставим иную башню, иную стену; все умрем или отсидимся».

Приказано было быть готовым к двум часам утра 2 октября и ждать взорвания подкопов. Ввечеру Царь уединился с духовным отцом своим. Потом надел доспехи. Слушал он заутреню в церкви. С обеих сторон готовились к решительному бою.

Заря осветила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стенах. Русские перед ними, под защитой укреплений. Стан опустел. В его безмолвии слышалось пение иереев, служивших обедню.

Царь молился в церкви с немногими приближенными. Диакон прочел слова Евангелия: «Да будет едино стадо и един пастырь». Вдруг раздался сильный гром от взрыва, земля дрогнула. Иоанн, выйдя на мгновение, увидел стену взорванной, летевшие в высоту бревна. Во время чтения за ектенией молитвы за Царя раздался гром еще более сильный от второго взрыва. Войска с возгласами *«С нами Бог»* двинулись на приступ. Казанцы, крича: «Магомет, все помрем за юрт», осыпали русских

тучей стрел, поливали кипятком, скатывали на них бревна. Страшная сеча шла у проломов и в воротах.

Царь, отстояв всю Литургию, получив благословение от духовника, на бранном коне выехал в поле, наказав духовенству продолжать молить о ниспослании победы. Знамена христианские уже развевались на крепости.

«Радуйся, благочестивый Самодержец,— присылает, наконец, гонца сказать Иоанну князь Воротынский,— Казань наша. Царь ее в твоих руках, народ истреблен, кои в плену, несметные богатства собраны: что прикажешь?» — *«Славить Всевышнего»*,— ответствовал Царь, воздев руки к небу, велел петь молебен под святою хоругвью и собственною рукой водрузил Животворящий Крест, назначая там быть первой церкви христианской. В самый день взятия Казани сооружена была в ней обыденная церковь во имя дневных святых мучеников Киприана и Иулиты.

Князь Палецкий представил ему царя Едигера, уроженца Астрахани. Без гнева Иоанн сказал ему: «Несчастный! разве ты не знал могущества России и лукавства казанцев?» Едигер преклонил колена, изъявлял раскаяние, и был прощен.

У ворот города стояло множество освобожденных русских пленников. Пав на землю

перед Царем, они радостно, в слезах взывали: *«Избавитель! ты вывел нас из ада.* Для нас, бедных, сирых, не щадил головы своей».

Вступив на следующий день,— уже торжественно,— в Казань, Иоанн заложил церковь Благовещения. Иереи кропили улицы и стены святой водой.

Радостен был обратный путь Государя, всюду приветствуемого народом. Пришла и личная радость. Приближаясь ко Владимиру, получил он известие о рождении долгожданного сына-первенца — Димитрия. Помолился Царь в обители Преподобного Сергия. 29 октября он торжественно въезжал в Москву. У Сретенского монастыря он сошел с коня и принял благословение от митрополита Макария. «Собор духовенства православного! Отче митрополит и владыки! — сказал Иоанн.— Я молил вас быть ревностными ходатаями пред Всевышним за Царя и Царство, да отпустятся мне грехи юности, да устрою землю, да буду щитом ее в нашествии варваров; советовался с вами о казанских изменах, о средствах прекратить оные, погасить огонь в наших селах, унять текущую кровь россиян, снять цепи с христианских пленников, вывести их из темницы, возвратить отечеству и Церкви. Дед мой, отец и мы посылали воевод, но без успеха. Наконец, исполняя совет ваш, я сам выступил в поле.

Тогда явился другой неприятель, хан крымский, в пределах России, чтобы в наше отсутствие истребить христианство. Вспомнив слово Евангельское: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть*! — вы, достойные святители Церкви, молились — и Бог услышал вас, и помог нам,— и хан, гонимый единственно гневом Небесным, бежал малодушно!.. Ободренные явным действием вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цели и, милостию Божией, мужеством князя Владимира Андреевича, наших бояр, воевод и всего воинства, сей град многолюдный пал пред нами». Заканчивая слово благодарностью от себя и воинства митрополиту и всему Освященному Собору, Царь и вся дружина поклонились им до земли.

Митрополит, ответствуя Царю, сравнивая его с равноапостольным Константином, святыми Александром Невским и Димитрием Донским, говорил: «Сей царствующий град Казанский, где гнездился змий, как в глубокой норе своей, уязвляя, поядая нас, сей град, столь знаменитый и столь ужасный, лежит бездушный у ног твоих; ты растоптал главу змия, освободил тысячи христиан плененных, знамениями истинной веры освятил скверну Магометову — навеки, навеки успокоил Россию». Благодаря Государя и все воинство, митрополит,

духовенство и весь народ пали ниц перед боговенчанным Царем.

Царь, увековечивая память взятия Казани, велел приступить к сооружению против кремлевских стен храма Покрова Божией Матери. Туда перенесены были позднее мощи святого Василия Блаженного, которого так почитал юный Государь, не раз видевший проявления его прозорливости и к нему относившейся. Блаженный Василий преставился в самый разгар приготовлений к Казанскому походу, и, наверное, его небесному предстательству приписывал Иоанн свой великий воинский успех, имевший такое огромное значение в дальнейших судьбах России.

Плененный Едигер сам изъявил желание креститься. На вопрос митрополита Макария: «Не нужда ли, не страх ли, не мирская ли польза внушает ему сию мысль?» — он ответствовал решительно: «Нет, люблю Иисуса и ненавижу Магомета». Священный обряд совершен был на берегу Москвы-реки в присутствии Государя, бояр и народа. Митрополит был восприемником новообращенного Симеона, которому сохранен был титул царский. Жил он в Кремле, в большом доме, имел боярина, чиновника, множество слуг и пользовался милостью Государя.

Шло устроение Казанской земли и подчинение окрестных племен. В 1556 г. без всякого труда было покорено окончательно Астраханское царство. Русское воинство, направляясь туда, плыло мимо столицы Батыевой, Сарая, но там видело только одни развалины. Исполнилось пророчество замученного в Ширенском лесу около Кашина 4 марта 1238 г. святого князя Василька Ростовского, говорившего татарам: «Но есть Бог, и темное царство погибнет, когда исполнится мера беззакония его; взыщет Он кровь верных Своих».

Утверждено было и христианство в покоренных землях. В 1555 г. создана была Казанская епархия. Особенно торжественно происходила хиротония первого ее архиепископа — святителя Гурия. После молебствия в Успенском соборе Царь и митрополит провожали святого Гурия крестным ходом до Флоровских ворот. На всем пути Святителя ему устраивались многолюдные встречи. Начинался крестовый поход — но только православный, русский — *мирный*.

Замечателен наказ, данный Царем и митрополитом Макарием святому Гурию, определивший те пути, по которым и шло русское миссионерство в своей последующей деятельности. Святителю внушалось всеми мерами приучать к себе татар и приводить их к крещению

любовию, отнюдь не страхом. Лучших из крещеных указывалось держать в епископии, научая христианству и дальше. Требовалось и к некрещеным относиться отзывчиво, принимать от них челобитья, угощать и покоить в своем доме. Повелевалось быть ходатаем и защитником перед местными властями не только крещеных, но и некрещеных, беря их на поруки, отсылая некоторых со своим печалованием непосредственно к Государю.

Огромно было значение покорения татарских царств. *Вся Волга стала русской рекой.* Установилась непосредственная связь с единоверной Грузией, с князьями черкесскими, со всем Востоком. Дальнейшим последствием этого было и завоевание через 30 лет Сибири.

Двуглавый Орел, ставший за сто лет всецело русским, теперь широко окидывал своим царственным взором также иноверный и иноплеменный Восток, где впервые христианство восторжествовало над исламом.

В 1558 г. 120-летний Александрийский Патриарх Иоаким, 37 лет возглавлявший эту древнюю Церковь, обращался к Иоанну IV, как к «боговенчанному, возвеличенному от Бога, великому поборнику Православия, святейшему Царю богоутвержденной Земли Православной — великой России». Он называл его не только русским, но и «своим Государем». В 1561 г.

Константинопольский Патриарх Иоасаф II, совместно с Собором, отправил Иоанну послание, сообщая о признании его законно увенчанным Царем, поминаемым во всех православных церквах.

Русский народ, понимая значение покорения Казани, радуясь освобождению «полонянников», провидя огромные пространства, открытые для заселения,— наименовал своего Царя *Грозным*.

Отразилось это в народных песнях, веками сохранявшихся:

Грозен был воин-Царь, наш батюшка,
Первый Царь Иван Васильевич:
Сквозь дремучий лес с войском-силою
Он прошел страну татарскую,
Сие царство взял Казанское.

Татары волжские вскоре стали верными сынами России. В страшное Смутное время XVII в. они оказались на стороне тех, кто боролся за восстановление старого порядка. «И Романовские господа, мурзы и татаровя крест нам по своей вере дали, стояти с нами заодин, за православную крестьянскую веру и за Святыя Божия церкви»,— писали в 1612 г. ярославцы вологжанам.

Таковыми же татары были и все время существования Российской Империи.

Верим в то, что начатая 400 лет тому назад, прерванная революцией, государственная и миссионерская деятельность России на Востоке возобновится, когда — вспомним опять слова святого князя Василько Ростовского — исполнится мера беззакония безбожной и преступной советской власти. Падет она, и восстановится Российская Империя.

Русские Государи

В 1495 г. Великий Князь Иоанн III выдал дочь свою Елену за литовского великого князя Александра, впоследствии и короля Польского. Государь дал дочери следующую наставительную запись: «Память Великой Княгине Елене. В божницу латинскую не ходить, а ходить в греческую церковь; из любопытства можешь видеть первую или монастырь латинский, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будет в Вильне и прикажет тебе идти с собою в божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь в свою церковь». Когда выяснилось, что король не выполняет требований Иоанна о свободном исповедании Еленой Православия, Государь объявил ему

Православная жизнь. Джорданвилль, 1953. № 12. С. 6–9.

войну. После заключения в 1503 г. перемирия Иоанн III писал Елене: «Дочка! Памятуй Бога, да наше родство, да наш наказ, держи свой Греческий закон во всем крепко, а к Римскому закону не приступай ни которым делом; церкви Римской и папе ни в чем послушна не будь, в церковь Римскую не ходи, душой никому не норови, мне и всему нашему Роду безчестия не учини; а только по грехам, что станется, то нам, и тебе, и всему нашему Роду будет великое безчестие, и закону нашему Греческому будет укоризна. И хотя бы тебе пришлось за веру и до крови пострадать, и ты бы пострадала. А только, дочка, поползнешься приступить к Римскому закону волею ли или неволею: ты то от Бога душою погибнешь, и от нас будешь в неблагословении; я тебя за это не благословлю и мать не благословит; а зятю своему мы того не спустим: будет у нас с ним за то безпрестанно рать».

* * *

В 1673 г. влиятельные члены сейма склонялись на избрание Польским королем Царевича Феодора Алексеевича. Для этого, однако, он должен был перейти в католичество и жениться на вдовствующей королеве. Когда А. С. Матвеев, ведавший иностранными делами, доложил об этом Царю Алексею Михайловичу, последний

сказал: «Я не позволю моему сыну принять польскую корону. Мне представлялась возможность самому взять ее. Не откажусь я от моей веры, даже если бы дело касалось не трона Польши и Литвы, а владычества моего над всем миром».

* * *

Приказ Царя Петра I 27 июня 1709 г. перед Полтавским боем гласил: «Воины! Пришел час решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за нашу Православную Веру и Церковь. Не должна также смущать вас слава о непобедимости неприятеля, ложь которой вы доказали своими неоднократными победами. Имейте в сражении пред очами правду и Бога, поборающего за вас, на Того Единого уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в славе и благоденствии на наше благосостояние».

Известный своей образованностью, первый русский историк В. Н. Татищев, думая щегольнуть передовым направлением мыслей, допустил вольность в суждениях о преданиях Церкви. Царь Петр тогда побил его своей дубинкой, приговаривая при этом: «Не соблазняй верующих душ, не заводи вольнодумства, вредного

благоустройству общественному. Не затем я тебя выучил, чтобы ты был врагом Церкви и общества».

* * *

Императрица Елизавета Петровна 18 декабря, в день своего рождения, готовясь сесть на Трон под балдахин, поставленный перед обеденным столом, заметила, что над Троном нет иконы. Не садясь, она приказала принести икону Божией Матери. По исполнении сего, попросив Владыку благословить трапезу, она, осенив себя крестным знамением, воссела на Престоле. За трапезой, ввиду Рождественского поста, вкушались постные снеди.

* * *

В 1793 г. возник вопрос о женитьбе Великого Князя Константина Павловича, внука Императрицы Екатерины II, на одной из дочерей короля Обеих Сицилий, Фердинанда IV. Но, как католичка, она не соглашалась переменить религию. «Их величества (сицилийско-неаполитанская королевская чета), вероятно, не знают, что Россия столь же привержена к вере Греческой, как они к латинской, и латинское или греко-латинское наследие, пóка я жива, никогда не будет допущено», — объявила Императрица Екатерина II.

* * *

В 1799 г. Англия и Австрия, напуганные успехами республиканской Франции, просили Императора Павла I вверить Суворову начальство над союзными войсками. «Вот, русские на все пригожаются», — сказал Государь графу Ростопчину, управлявшему тогда иностранными делами. Славному же полководцу, проживавшему в опале в своем селе Кончанском, Император послал следующий рескрипт: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитываться. Виноватого Бог простит. Римский Император требует Вас в начальника своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на то согласиться, а Ваше — спасать их. Поспешите приездом и не отнимайте у славы Вашей время, у меня — удовольствие Вас видеть. Пребываю Вам благожелательный Павел». Суворов, получив рескрипт, облобызал его, прижал к ранам, отслужил в сельской церкви молебен и сразу двинулся в путь. 18 февраля он повергнулся к стопам Павла Петровича. Царь поднял престарелого героя и возложил на него большой крест [ордена] Иоанна Иерусалимского. «Господи, спаси Царя», — воскликнул фельдмаршал. «Тебе спасать Царей», — ответил Павел I. «С тобою, Государь, возможно», — сказал граф Рымникский, вскоре ставший князем Италийским.

* * *

Октябрь 1815 г. Император Александр I дал следующий указ Святейшему Синоду: «В последний мой проезд по губерниям, в некоторых из оных должен был, к сожалению моему, слушать о речах, говоренных духовными лицами, такие несовместимые мне похвалы, кои приписывать можно Единому Богу, поскольку я убежден... в сей христианской истине, что через Единого Господа Спасителя Иисуса Христа проистекает всякое добро, что человек... без Христа есть единое зло. Следовательно, приписывать мне славу в успехах, где рука Божия столь явна была целому свету, было бы отдавать человеку то, что принадлежит Всемогущему Богу. И для того, долгом считая запретить таковые неприличные выражения, поручая Святейшему Синоду предписать всем епархиальным архиереям, чтобы они воздержались от похвал, толико слуху моему противных, а воздали бы Единому только Господу Сил сие благодарение за ниспосланные щедроты и умоляли бы об изливании благости Его на всех нас, основываясь на словах: *Священному Премудрому Богу честь и слава во веки веков*».

* * *

«Соблюдай строго все, что нашею Церковью предписывается. Ты молод, неопытен и в тех

летах, в которых страсти развиваются, но помни всегда, что ты должен быть примером благочестия, и веди себя так, чтобы мог служить живым образцом. Будь милостив и доступен ко всем несчастным, но не расточая казны свыше ее способов. Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести. Да благословит тебя Бог Всемилосердный, на Него Одного возлагай всю свою надежду. Он тебя не оставит, доколе ты к Нему обращаться будешь» (из завещания Императора Николая I, писанного 30 апреля 1836 г. и адресованного «Сыну моему Государю Императору Александру Николаевичу»).

* * *

В 1862 г. Император Александр II посетил Троице-Сергиеву Лавру. В представленном ему затем описании этого посещения он вычеркнул выражения: «изволили слушать», «изволили прикладываться», «изволили приблизиться к Царским вратам», заменив словами: «слушали», «прикладывались», «приблизились». Государь сказал обер-прокурору Синода: слово «изволили» не может быть употреблено, когда вопрос идет о святыне. «Дай-то Бог видеть во всех такое к Ней уважение», — писал 31 декабря 1862 г. обер-прокурор А. П. Ахматов по этому поводу митрополиту Филарету Московскому.

* * *

7 февраля 1885 г. Император Александр III писал обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву: «Посылаю при этом лампаду, которую мы жертвуем с женой к мощам святого Александра Невского в воспоминание дня Коронования. Пожалуйста, пошлите ее в Александро-Невскую Лавру и прикажите повесить у раки Благоверного Князя и чтобы она постоянно горела. Получили ли в Почаеве нашу лампаду?» Государь приезжал молиться у честных мощей своего святого. Два раза он заставал лампаду потухшей и с неудовольствием писал об этом Победоносцеву.

* * *

Император Николай II, утверждая 2 июня 1898 г. особые правила, выработанные Святейшим Синодом в отношении греко-униатов, воссоединившихся с Православной Церковью, писал: «Надеюсь, что эти правила удовлетворят всем справедливым требованиям и предотвратят всякую смуту, рассеваемую в народе врагами России и Православия. Поляки безвозбранно да чтут Господа Бога по латинскому обряду, русские же люди искони были и будут православными и, вместе с Царем своим и Царицей, выше всего чтут и любят родную Православную Церковь».

Несколько памятных черт из Царствования Императора Александра Благословенного

1801 год. 15 сентября. Москва. Успенский собор. «Всемилостивейший Государь, — вещал, обращаясь к коронуемому Императору Александру I, митрополит Московский Платон (Левшин), венчавший на Царство и его отца, своего ученика, Императора Павла I. — Сей венец на главе Твоей есть слава наша, но Твой подвиг. Сей скипетр есть наш покой, но Твое бдение. Сия держава есть наша безопасность, но Твое попечение. Сия порфира есть наше ограждение, но Твое ополчение. Вся сия утварь Царская есть нам утешение, но Тебе бремя».

* * *

1812 год. Владыка Платон благословил прибывшего в июле в Москву Императора Александра I образом Преподобного Сергия Радонежского, предвещая, что «кроткая вера, сия праща Российского Давида, сразит внезапно главу кровожаждущей гордыни Наполеона».

Святитель, начинавший угасать и через четыре месяца преставившийся, так заканчивал

Православная жизнь. Джорданвилль, 1954. № 9. С. 7–9.

23 июля свое письмо к Царю: «Государь, Вы, по духу христианского благочестия, благословили нововооружаемых героев принесенной Вам от меня иконой чудотворца Сергия. Много может молитва праведного споспешествуема. Покусится алчный враг простреть за Днепр злобное оружие, и этот фараон погрязнет здесь полчищем своим, яко в Чермном море. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третию новую реку — страшно выговорить — реку крови человеческой. О! каждая капля крови воззовет от земли к Небу — Крови брата твоего взыщу от руки твоея. — Франция познает о Боге-Господе отмщения, а Россия восчувствует, воспоет к Нему: Авва Отче, Царю Небесный, Ты изведеши, яко свет, правду Монарха и судьбу России, яко полудне».

Ночь с 10 на 11 октября. В с. Леташевку, где тогда находилась главная квартира главнокомандующего, прибыл от генерала Д. С. Дохтурова, прославившегося обороной Смоленска и командованием во время Бородинского боя, его дежурный штаб-офицер Бологовский. Он доставил сообщение об оставлении Наполеоном Москвы. Дежурный генерал П. П. Коновницын, ознакомившись с донесением, прошел, вместе с генерал-квартирмейстером К. Ф. Толем, к Кутузову. Выслушав доклад, Кутузов велел позвать Бологовского. «Расскажи, мой

друг, что такое за событие, о котором ты привез мне весть? Неужели в самом деле Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорее, не томи сердце, оно дрожит». Прослушав его доклад, как очевидца, дополнявший донесение, Кутузов заплакал. Воззрев на Образ Спасителя, он воскликнул: «Боже, Создатель мой! Наконец Ты внял молитве нашей, и с этой минуты Россия спасена!»

Освобожденная Москва. Владыка Августин (Виноградский), правивший Московской епархией, вошел, в сопровождении духовенства и немногих должностных лиц, в Успенский собор. «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его»,— возгласил архиепископ у западных дверей храма. Представилась картина запустения и следы поругания. Все, что, после разрушения храма в Смутное время XVII в. поляками, в течение двух последовавших столетий собиралось вновь, было расхищено наполеоновскими солдатами.

Осквернённый собор был занят бочками, горнами, стаканами, кучами угля, щеп и всякого мусора. Место огромного серебряного паникадила заняли весы для взвешивания металла, похищенного из кремлевских храмов. По приблизительному подсчету, воины-грабители захватили 18 пудов золота и 326 пудов серебра. И среди всего этого хаоса высилась, чудом уце-

левшая, серебряная рака с почивавшим в ней святым митрополитом Ионой.

23 декабря светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов Смоленский писал владыке Амвросию (Подобедову), митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому: «Благословите сей дар, приносимый воинами Подателю побед. Храбрые донские казаки возвращают Богу похищенное из храмов Его сокровище. На меня возложили они обязанность доставить Вашему Высокопреосвященству сие серебро, бывшее некогда украшением святых ликов, потом доставшееся в добычу нечестивых хищников и, наконец, храбрыми донцами из их когтей исторгнутое. Предводитель Войска Донского граф Матвей Иванович Платов, и вместе с ним все его воины, и я желаем, чтобы сии слитки, составляющие весу 40 пудов серебра, были обращены в изображение четырех Евангелистов и служили убранством церкви Казанской Божией Матери в С.-Петербурге. Все издержки, нужные на изваяние сих священных ликов, принимаем мы на свой счет».

* * *

1813 год. На чужбине, в Бунцлау, в Силезии, скончался птенец Суворов, славный полководец, генерал-фельдмаршал, светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов Смоленский. На пло-

щади этого немецкого города воздвигнут был ему памятник Прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, как и вся Пруссия, обязанным освобождением от французского ига победе русского войска. Немецкая надпись на нем гласила: «До сих пор князь Кутузов Смоленский довел победоносные русские войска, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя». В лесу же под Бунцлау, на месте упраздненного кладбища, стоит другой небольшой памятник. Там погребены были внутренности Кутузова, вынутые при бальзамировании. На памятнике имелась надпись: «Здесь Кутузов Смоленский перешел из этой жизни в лучший мир. 16—28 апреля 1813». Погребен был Кутузов в Казанском соборе в С.-Петербурге.

* * *

1814 год. 19—31 марта Париж был оставлен французскими войсками и занят союзниками. Генерал-майор М. Ф. Орлов вел все переговоры о сдаче со штабом маршала Мармона, герцога Рагузского, вместе с маршалом Мортье подписавшегося под капитуляцией Парижа. Один из французских штабных офицеров с горячностью воскликнул: «Подлинно прекрасная

победа: раздавить тридцать тысяч храбрых соединенными силами целой Европы!» — «Послушайте, — возразил ему генерал Орлов, — не сердитесь на нас слишком за нашу вежливость. Мы хотели во что бы то ни стало отблагодарить вас за посещение, которым вы удостоили нас точно в таком сопровождении».

* * *

1819 год. Император Александр I Благословенный, будучи в Валаамской обители, говорил инокам: «Я знал за два года до войны о злом для нас умысле Наполеона. И с моей стороны все возможное человеку употреблено было, чтобы водворить спокойствие, но все тщетно. Неприятельские армии всех наций были сильнее наших. Один Бог, после многих советов, вразумил меня вести отступательную кампанию далее внутрь России. Неприятель разграбил нашу землю, много причинил нам вреда и убытков, но это Бог же попустил для того, чтобы смирить нас. Он и помиловал нас удивительным образом. Не мы победили врагов, а Он. Да, Промысл Божий всегда и во всем с нами. И ныне я точно так же замечаю, что, трактуя с опытными и знающими людьми, полагаем план по нашему разумению лучший, но от того или другого все расстраивается, когда дело человеческое. Когда же положишься

прямо на Бога и призовешь Его на совет и помощь, тогда дело устраивается так хорошо, что прежний план наш окажется ничтожным».

Исторические Пасхальные дни в XIX веке

Радостно встречал Император Александр I Светлый Праздник в 1813 году. 12/24 апреля он торжественно въехал в столицу Саксонии — Дрезден, восторженно приветствуемый населением как освободитель Германии. Оттуда он писал своему другу, князю Александру Голицыну: «В субботу, после Литургии, мы въехали в Дрезден, а в полночь на берегах Эльбы мы исполняли Пасхальные песнопения. Мне трудно передать Вам те волнения, которыми я был охвачен, вспоминая протекшее в течение года и то, к чему привело нас Провидение. Наряду с чувством удовольствия и благодарности нашему Спасителю, мы с покорностью готовимся подчиниться трудному испытанию».

* * *

Главный победитель Наполеона, Император Александр I торжественно, вместе с Прусским королем Фридрихом Вильгельмом III и австрийским

Православная жизнь. Джорданвилль, 1954. № 4. С. 18–22.

главнокомандующим князем Шварценбергом, вступал 19 марта ст. ст. 1814 г. в сдавшийся союзникам Париж. Восторженно приветствовали местные жители Русского Государя. «Но душа моя ощущала тогда в себе другую радость, — рассказывал он несколько лет спустя князю А. Н. Голицыну. — Она, так сказать, таяла, в безпредельной преданности к Господу, сотворившему чудо Своего милосердия; она, эта душа, жаждала уединения, жаждала субботствования, сердце мое порывалось пролить перед Господом все чувствования мои. Словом, мне хотелось говеть и приобщиться Святых Таин; но в Париже не было русской церкви. Милующий Промысл, когда начинает благодетельствовать, тогда бывает всегда безмерен в своей изобретательности, и вот, к крайнему моему изумлению, вдруг приходят ко мне с донесением, что столь желанная мною русская церковь оказалась в Париже. Последний наш посол, выезжая из столицы Франции, передал свою посольскую церковь на сохранение в дом американского посланника*. Сейчас же, насупротив меня, французы наняли чей-то дом, и церковь русская в то же время была устроена, а от дома моего, в котором я жил уединенно,

* Походная церковь в имя святых Апостолов Петра и Павла с богослужебными книгами, богатыми утварью и ризницей в 1757 г. отправлены были Святейшим Синодом в Париж в русское посольство. — *Н. Т.*

в тот же раз сделали переход, для удобного посещения церкви. Правительство, узнав о моем горячем желании исполнить религиозную обязанность каждого православного, приняло меры распорядиться в самое скорейшее время, чтобы по той улице никакие экипажи не ездили. И вот ничего не мешало исполнять мою обязанность пред Господом. Бывало, всякий день хожу в церковь. Только, идучи туда и возвращаясь обратно в дом, трудно мне было сохранять чувствование своего ничтожества, которое требует святая наша Церковь в подвиге покаяния. Как, бывало, только покажусь на улицу, так густейшая толпа, что есть только лучшего в парижском обществе, толпа, составленная из кавалеров и дам, тесно обступала и смотрела на меня с тем одушевлением признательного чувства, с тем доброжелательством, которые для лиц нашего значения так сладко и обаятельно видеть в людях. С трудом каждый раз пробирался я на уединенную свою квартиру...»

Но спокойствие душевное Царя нарушалось тревожными мыслями. Борьба еще не была полностью завершена. Французские войска стягивались в направление Парижа. Возможны были еще кровопролитные сражения и даже оставление Парижа. Но и тут проявлена была милость Божия. «И вот,— говорил Император,— в самом начале моего говения, добровольное

отречение Наполеона как будто нарочно поспешило в радостном для меня благовестии, чтобы совершенно успокоить меня и доставить средства начать и продолжать мое хождение в церковь». Государь пожелал, чтобы и воинство его сподобилось приобщиться Святых Таин. Того же 23 марта русский военный губернатор Парижа барон Сакен, отдавая о сем приказ, писал:

«Государь Император надеется и уверен, что ни один из русских офицеров, в противность церковного постановления, во все время продолжения Страстной недели спектаклями пользоваться не будет. О чем войскам даю знать. А кто явится из русских в спектакль, о том будет известно Его Величеству».

В день Светлого Христова Воскресения на площади Согласия (Конкорд), где в 1793 г. революционерами были умерщвлены на эшафоте король Людовик XVI и королева Мария Антуанетта, был воздвигнут на возвышении алтарь. Вокруг него в богатом облачении стояло наше православное духовенство. На площади, на всех соседних бульварах и улицах расположились в строю союзные войска и парижская национальная гвардия. Государь, сопровождаемый королем Прусским, князем Шварценбергом и громадною свитою, прибыл около 12 часов к войскам. После парада началось

торжественное молебствие. «Умилителен, но и страшен был этот момент, — говорил впоследствии Император князю Голицыну. — И вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной родины привел я православное воинство для того, чтобы в земле иноплеменников, столь недавно еще наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва буйства народного, принести совокупную очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны севера совершали как бы тризну по Французском короле. Русский Царь, по ритуалу православному, всенародно молился вместе со своим народом, и тем как бы очищал окровавленное место поражения невинной Царственной жертвы.

Духовное наше торжество в полноте достигло своей цели. Оно возбудило благоговение в сердцах французов. Так было повсеместно обаяние, так оторопели французы от духовного торжества русских, что их маршалы и генералы, точно, ринулись, толкая друг друга, чтобы только приложиться к кресту после молебна. Я живо ощущал тогда апофеоз русской славы между иностранцами, я чувствовал, что увлекаю их разделить с нами наше национальное и религиозное торжество».

* * *

Через четыре года Император Александр Благословенный с Императрицами — матерью Марией Феодоровной, супругой Елисаветой Алексеевной — и с юной Великокняжеской четой, Великим Князем Николаем Павловичем и Великой Княгиней Александрой Феодоровной, говел в Москве. Пасха в 1818 г. была теплая. Апрельское солнце блестело вовсю, согревая сердца. В Светлую среду — 17 апреля — жители Первопрестольной услышали пушечный выстрел. За ним следовали другие. В 11 часов утра родился Великий Князь Александр Николаевич. Поэт В. А. Жуковский, обучавший мать ребенка, по ее прибытии из Берлина в Россию, русскому языку, приветствовал рождение Царственного младенца следующими вдохновенными стихами:

...Да встретит Он обильный честью век!
Да славнаго участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшаго из званий — «человек»!

Великий Князь Николай Павлович, исполняя данный им обет, соорудил придел во имя святого Князя Александра Невского в церкви монастыря Новый Иерусалим. «Это, — писал он архиепископу Московскому Августину, — смиренное приношение счастливого отца, по-

веряющего Отцу Всемогущему свое драгоценнейшее благо: участь жены и сына... Пускай перед алтарем, воздвигнутым благодарностью отца, приносятся молитвы о матери и сыне, да продлит Всемогущий их жизнь для собственного их счастья, на службу Государю, на честь и пользу Отечеству».

5 мая в Чудовом монастыре было совершено таинство святого Крещения над новорожденным. Восприемниками были Император Александр I и его друг, дед младенца, король Прусский Фридрих Вильгельм III. Восприемницей — Августейшая бабушка, Императрица Мария Феодоровна. Она же, следуя примеру матери Петра Великого, Царицы Наталии Кирилловны, положила младенца в раку, где почивали мощи святого Алексия, митрополита Московского*.

* * *

В 1821 г. в главном городе Словении, принадлежавшей тогда Австрии,— Любляне, римской Емоне, австрийском Лайбахе,— происходил с января по май месяцы конгресс Государей, участников Священного Союза. 27 декабря/8 января 1820/1821 г. прибыл в Любляну Император Александр I. О пребывании

* В Чудове монастыре совершено было в 1629 г. крещение Царевича Алексия Михайловича.

его там сохранились воспоминания, сопровождавшего Государя доктора Д. К. Тарасова (впоследствии лейб-медика) («Русская старина», 1871. Т. IV).

«В городе,— писал Тарасов,— два монастыря, женский и мужской, гражданский и военный госпиталь, главная гимназия, духовная семинария и епископский дом. Последний составляет наилучшее строение в городе, а потому и назначен был для резиденции нашего Императора; в том же доме помещались князь Волконский, баронет Виллие, князь Меншиков с канцелярией начальника Главного штаба Его Императорского Величества и все придворные службы. В лучшем зале этого дома была расположена военно-походная церковь. Для служения в церкви вытребован был из Венгрии иеромонах Геннадий с 4-мя певчими, которыми управлял придворный певчий Берлинский.

...Во время конгресса гарнизон Лайбаха составлял пехотный полк, состоящий весь из одних кроатов, которые были православного исповедания,— кроме офицеров. Сии последние были австрийцы и католики.

...Пред самым праздником Пасхи через свое начальство гарнизон этот просил позволения через князя Волконского отпраздновать Пасху в походной церкви вместе с нами. По докладе о сем Императору, Его Величество

изволил изъявить на это свое соизволение и повелел, чтоб к дню Пасхи походная церковь расположена была в другом обширнейшем зале. В Великую Субботу в ночь, за час до начала службы, значительная часть гарнизона была введена в зал, занимаемый церковью, и в другой, прилегающий оному. Ровно в 12 часов ночи Император со Свитой изволил выйти парадно в церковь и занял место подле правого клироса. Так он обыкновенно всегда становился в церкви, ибо любил петь церковное служение вместе с певчими — своим весьма приятным баритоном.

Когда иеромонах Геннадий провозгласил «Христос Воскресе» и проч., то вместе с певчими начали петь и все бывшие в церкви кроаты различными своими голосами, впрочем, довольно согласно с нашими певчими, только вначале это всеобщее, совсем неожиданное пение всех нас очень удивило и даже обратило внимание нашего Государя. Напевы и произношение были одинаковы с нашими, и даже самый канон Пасхи пели почти все кроаты. Нельзя не заметить их всеобщего и единодушного восторга от соединения с нами, а особенно с нашим Императором, в православной церкви нашей!..

По окончании заутрени Государь изволил христосоваться со всею своею Свитою, а равно

и со всеми кроатами, — а после обедни, по повелению Императора, все кроаты разговлялись во Дворце вместе с нашими. Это произвело неописанный энтузиазм и особенную любовь и преданность нашему Великому Императору во всем гарнизоне, так что австрийские военные начальники замечали это очень неравнодушно».

Государь возвращался через славянские земли и Венгрию. Никто из Свиты не знал венгерского языка. Спасал положение Д. К. Тарасов, объяснявшийся с населением по-латински вплоть до границы Галиции.

«В Офенне, — пишет Тарасов, — Государь изволил пробыть два дня и отправлялся с палатинусом на гроб Августейшей своей сестры, над которым построена грекороссийская церковь и постоянно находится для служения иеромонах и четверо певчих».

Сестра Императора, Великая Княгиня Александра Павловна, была замужем за эрцгерцогом Иосифом, палатином Венгерским. Скончалась она в 18-летнем возрасте 16 марта 1801 г. По почину ее духовника, протоиерея Андрея Самборского, в Иреме, вблизи Будапешта, сооружен был православный храм, освященный в 1803 г. В нем покоился прах юной, пережившей много горя Великой Княгини.

* * *

В 1834 г. 22 апреля — в первый день Пасхи — перед вечерней в церкви Зимнего дворца происходило торжественное принесение 16-летним Цесаревичем Александром Николаевичем присяги в качестве Наследника Престола. Очевидец этого события, Московский митрополит Филарет, повествуя о нем, говорит о чтении Цесаревичем присяжного акта: «Когда он дошел до окончательных выражений сего акта, заключающих в себе молитву, чувство и слезы остановили его. Собирая дух и возобновляя усилие, он довершил чтение измененным, трогательно зыблющимся голосом. Сердце родительское подверглось чувствам сыновним. Государь Император обнял Государя Наследника, целовал его в уста, в очи, в чело, и величественные слезы Августейшего Родителя соединились с обильными слезами Августейшего Сына. Засим Государыня Императрица приняла возлюбленного первенца своего в материнские объятия, и взаимные лобзания и слезы вновь соединили отца, мать и сына».

В июле 1837 г. митрополит Филарет в Благовещенской церкви Чудова монастыря встречал Цесаревича Александра Николаевича, завершавшего в Москве свое длительное, вплоть до Сибири, путешествие по России в сопровождении Жуковского и других спутников.

Благоговейно совершил Великий Князь поклоны перед ракой святого Алексия.

«Всегда отрадно вспоминаю, что незабвенная бабушка-Царица принесла меня новорожденного и положила в раку Святителя», — сказал он Владыке. — «И так тепло молилась благочестивейшая Государыня, прося Святителя благословить, поддержать, руководить жизнью и трудами Вашего Высочества, на благо дорогой родины, в утешение Церкви Православной», — вдохновенно ответил митрополит.

Цесаревич еще раз преклонил колени и последовал за Архипастырем, знакомившим его с московскими святынями, в Донскую обитель.

Понимая всю жизнь, какой благодати он удостоился, Цесаревич Александр Николаевич писал в 1850 г. митрополиту Филарету:

«Во 2-й день января Господь даровал мне сына. Преисполненные благоговением к московскому Первосвятителю и молитвеннику Земли Русской, в обители которого я родился и у раки которого восприял святое крещение, мы нарекли его Алексием».

Как Александр I встречал в Париже Пасху

Граф Поццо-ди-Борго, корсиканец, враг Бонапарта, ставший русским генерал-адъютантом, а во время Реставрации бывший русским послом во Франции, писал 26 июля 1814 г. из Парижа в Москву К. Я. Булгакову. Знаменательно, что он говорил о переживаниях Императора Александра I в трудные времена войны против Наполеона в 1813 и 1814 гг.: «На него не подействовали Люцен и Бауцен, равно как и странное молчание Австрии в этих тяжких и грозных обстоятельствах. Прислоненный к горам Силезии, отрезанный от главных дорог, которые ведут в Польшу, угрожаемый восстанием в ней, Государь ни разу не обнаружил и признака робости: он отверг предложение мира и с оружием в руках искусно устроил почетное перемирие, на условиях выгодных, давших ему потом возможность снова приняться за исполнение своей мысли, остановленное военными неудачами и тупым бездействием других народов. Пражские совещания были устроены посредствующей державой в видах заключения погибельного мира. Благодаря твердости Государя, его ловкости и умению примирять,

Православная жизнь. Джорданвилль, 1956. № 4. С. 16–17.

Австрия препобедила собственную слабость, и возмутительные угрозы Наполеона оказались безсильны... Во Франкфурте демон мира (говорю демон, потому что действовать тут мог только злой дух) овладевал слабодушием союзников. Склонить их к вступлению во Францию было для Государя труднее, нежели побудить к освобождению Германии. После перехода через Рейн пущены были в ход всевозможные каверзы с целью задержать торжественное его шествие. Лангр, Шомон и Труа останутся навсегда памятны победами, одержанными над ослеплением одних и завистью других. В половине марта (нов. ст.) положение дел было отчаянное, как произошел один из тех случаев, которые всегда выручают владеющего способностью выжидания. В разъединении остальных деятелей Государю в первый раз находится возможность свободно действовать самому. Неприятель, положившись на то, что ему известно было о настроении, которое господствовало в командовании войсками, отважился на безумное движение. Император поразил его и пошел на Париж, не внемля трусам, которые воображали, что у ворот этой столицы миллионы войска и сам Бонапарт».

Поццо-ди-Борго кратко и ясно изобразил тогдашнюю сложную обстановку. Континентальные союзники России — Австрия и Прус-

сия,— напуганные успехами французов, продолжали трепетать перед Наполеоном и стремились всячески заключить с ним мир. Император Александр был непреклонен в решении продолжать борьбу до победного конца. Что же давало Государю силу переживать все эти трудности, не впадая в уныние и сохраняя твердость? Глубокая вера во всеблагой Промысл Божий, обретенная им в Москве, под впечатлением народной религиозности, и закрепленная молитвами у мощей святых, в ее храмах почивающих,— вот, что дало Царю эту огромную внутреннюю силу.

При таком преклонении перед волею Божиею, можно понять настроение Императора Александра, вступившего 19/31 марта 1814 г. победителем в Париж и восторженно встречаемого жителями столицы. 23 марта начиналась Страстная неделя. Свои переживания Государь поведал позднее князю А. Н. Голицыну. С ними читатели «Православной жизни» ознакомлены были в статье «Исторические Пасхальные дни в XIX веке», помещенной в № 4 «Православной жизни» за 1954 год*.

Изложенное там дополним данными, напечатанными в «Русском архиве» (1870 г.) в «Записках свитского офицера» С. Г. Хомутова, бывшего непосредственным свидетелем тогдаш-

* Опубликовано в наст. изд. — *С. Ф.*

них событий. Напомним, что в Париже сохранилась русская посольская походная церковь, во время войны хранившаяся в доме американского посланника. Церковь была устроена в помещении, отведенном французами, напротив дома, в котором жил Государь. Он присутствовал на всех богослужениях Страстной недели. 25 марта Хомутов пишет: «После всенощной Император пошел исповедаться, прося у всех нас прощение с великим и трогательным смирением». 26 марта — Великий Четверток. «Император причастился с большим благоговением». Последование Страстей Господних пришлось на 27 марта. В 4 часа была вечерня. Государь, сняв шпагу, прикладывался к святой Плащанице. 28 марта — Великая Суббота. Литургия. 29 марта — заутреня и обедня. Присутствовал Государь, король Пруссии Фридрих Вильгельм III, генерал Вреде и множество генералов всех наций. После обедни все разъехались. Только немногие, в их числе и Хомутов, были на разговенах у Государя.

Хомутов дает описание торжества, состоявшегося в день Светлого Христова Воскресения, тем восполняя рассказанное самим Царем («Православная жизнь», 1954 г.). «В 12 час. дня был большой парад, и войска, прошед мимо Императора, стали на площади Людовика XVI, или Конкорд, посреди которой был поставлен

амвон, на самом том месте, где кончил жизнь несчастный Людовик XVI. На этом амвоне совершено было молебствие за последние победы, за взятие Парижа и возвращение престола Бурбонам. Пушки выпалили сто один раз, радостные восклицания слышались со всех сторон: "Да здравствует Александр I! Да здравствует Людовик XVIII!" У всех зрителей были слезы на глазах, и все единодушно преклонили колена перед милосердным Богом, Единым Подателем всех благ! После молебствия Император обнял французских маршалов, сказав им, что русские в этот день всегда христосуются со своими друзьями».

Христианин на Престоле
(К столетию со дня кончины Императора Николая I)

«Сего утра Бог даровал мне сына Николая. Зная участие, которое принимаете, Ваше Преосвященство, во всем, касающемся до меня, извещаю Вас, пребывая Вашим благосклонным», – писал Император Павел I 25 июня 1796 г. митрополиту Московскому Платону (Левшину), бывшему своему законоучителю.

Православная жизнь. Джорданвилль, 1955. № 2. С. 8–15.

Впервые за девятьсот лет правитель России наречен был при святом Крещении именем святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца.

Маленького Великого Князя складыванию пальцев для крестного знамения и первым молитвам научила няня, шотландка Евгения Лайон, по исповеданию англиканка. Как в дальнейшем велось его религиозное воспитание, Император Николай I сам поведал в 1847 г. барону М. А. Корфу: «В отношении религии моим детям лучше было, чем нам, которых учили только креститься в известное время обедни да говорить наизусть некоторые молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе».

Глубокая вера созрела у Государя самостоятельно. Всю свою жизнь он, не мудрствуя, полагался на всеблагой Промысл Божий. Священными оставались для него всегда слова молитвы Господней: «Да будет воля Твоя». Произнося их, он праведно и закончил свой полный испытаниями жизненный путь.

Был он и по-настоящему церковным. С детства нравилось ему церковное пение, и он отлично знал церковные службы. Будучи Императором, Николай Павлович иногда пел в малой придворной церкви.

А. С. Пушкин говорил А. О. Смирновой: «Знаете ли, что всего более поразило меня в первый раз за обедней в дворцовой церкви,

разукрашенной позолотой, более подходящей для убранства бальной залы, чем церкви. Это, что Государь молился за этой официальной обедней, как и она (Императрица), и всякий раз, что я видел его за обедней, он молился; он тогда забывает все, что его окружает. Он также несет свое иго и тяжкое бремя, свою страшную ответственность и чувствует ее более, чем это думают. Я много раз наблюдал за Царской Семьей, присутствуя на службе; мне казалось, что только они и молились...»

Е. Н. Львова, часто видевшая Государя, пишет в своих воспоминаниях: «Он говаривал, что когда он у обедни, то он решительно стоит перед Богом и ни о чем земном не думает. Надо было его видеть у обедни, чтобы убедиться в этих словах; закон был твердо запечатлен в его душе и в действиях его — это было и видно — без всякого ханжества и фанатизма; какое почтение он имел к Святыне, как требовал, чтобы дети и внуки, без всякого развлечения, слушали обедню».

Баронесса М. П. Фредерикс, выросшая при Дворе Императрицы, указывает в воспоминаниях на искренность и истинность его религиозности. По утрам и вечерам он всегда долго молился на коврике, вышитом Императрицей Александрой Феодоровной. «А когда приобщался, Боже мой, что это была за минута! Без

слез нельзя было видеть глубокое чувство, которое проникало его в это время».

Фрейлина А. Ф. Тютчева, впоследствии супруга И. С. Аксакова, писала: «Император Николай был чрезвычайно точен и аккуратен. Он входил в церковь с боем часов, ударявших одиннадцать, и тотчас начиналась служба. Тогда можно было видеть, как дамы, слишком задержавшиеся дома за своими туалетами, а иногда и Великие Князья появлялись с выражением отчаяния на лицах и старались незаметно проскользнуть на свои места. Помню, как однажды я спустилась в ротонду к одиннадцати часам. Я была там еще совершенно одна, когда двери внутренних покоев широко распахнулись, появился Император Николай и сказал мне: "По-видимому, сударыня, мы с вами единственно аккуратные люди в этом Дворце!" На другой день чин министерства Двора явился к дамам и кавалерам с официальной бумагой, содержавшей Высочайший выговор за неаккуратность, под которой виновные должны были расписаться, в виде "mea culpa".

После смерти Императора Николая весь этот этикет очень скоро был нарушен».

Императрица Александра Фёдоровна рассказывала Тютчевой, что «Ныне отпущаеши» было любимой молитвой Государя. Он произ-

нес ее и за несколько часов до кончины. В трудные времена он прерывал сон, становился на колени и тихо пел псалмы Давида, находя в этом успокоение измученной и наболевшей душе.

Е. Н. Львова записывала 12 октября 1854 г.: «Сегодня я услышала, что рассказывал его камердинер (узнаю, как его зовут), что однажды на этих днях Государь, умывшись поутру, стал молиться Богу. Камердинер дожидался его в другой комнате, когда он его позовет. Прошло 15 минут — все еще тихо в кабинете, еще пять, еще несколько минут, наконец камердинер, видя, что почти уже полчаса прошло, в безпокойстве страшном потихоньку дверь отворяет и видит, что Государь, как стоял на коленях перед образом и земно поклонясь, заснул. В первую минуту камердинер так испугался, что потихоньку позвал людей и, с осторожностью подошед к Царю, стал его будить. Государь проснулся, перекрестился и сказал: "Как я устал! Даже на молитве заснул!" По этому можно судить, как ему было тяжело в это время». Было это в разгар Крымской кампании.

Много разъезжая по России, Государь всегда посещал храмы, не требуя торжественных встреч. Извлечем некоторые описания из дневников генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа (с 1832 г. графа).

В 1828 г. Император, оставив воевавшую с турками армию, с которой пребывал первое время, перенес, по пути от Варны до Одессы, на корабле «Императрица Мария» страшную бурю. Прибыв, наконец, в город ночью, Государь в четыре часа утра пустился в коляске в дальнейший путь — в Петербург. «Он остановился у собора помолиться. Лишь его и мои шаги раздавались под церковными сводами. В соборе находился только один священник, и несколько свечей, зажженных у икон, освещали царствовавшую в нем глубокую темноту...» 23 июня 1829 г., прибыв вечером впервые как Император в любимый им Киев, «он прямо подъехал к Лавре, где его ожидал митрополит Евгений с братией. В это время в обители находилось очень много богомольцев. На Литургии он был в Софийском соборе; поклонялся мощам Печерских угодников. Во время пребывания в Киеве посещал и другие храмы...» В ночь на 7 марта 1830 г. Император неожиданно прибыл ночью в Москву. В два часа коляска остановилась у Кремлевского дворца. «И там, и в целом городе все, разумеется, спали, и появление наше представилось разбуженной придворной прислуге настоящим сновидением. С трудом можно было допроситься свечи, чтобы осветить Государеву комнату. Он тотчас пошел без огня в придворную церковь помолиться

Богу и, по возвращении оттуда, отдав мне приказания для следующего дня, прилег на диване. Я послал за обер-полицмейстером, который прискакал, напуганный моим неожиданным приездом, и совершенно остолбенел, когда услышал, что под моей комнатой почивает Государь... В 8 ч. утра я велел поднять на Дворце Императорский флаг, и вслед затем кремлевские колокола возвестили москвичам прибытие к ним Царя».

В том же году 29 сентября Государь опять внезапно прибыл в Москву, где свирепствовала холера. Помолившись по приезде в Иверской часовне, Государь, вернувшись во Дворец и приняв митрополита Филарета, прошел в Успенский собор. Приветствуя приезд его в такое опасное время, Святитель говорил: «Такое Царское дело выше славы человеческой, поелико основано на добродетели христианской... С крестом встречаем тебя, Государь, да идет с тобою воскресение и жизнь...» Народ у Иверской и Успенского собора громко восклицал: «Ты — наш отец, мы знали, что ты к нам будешь; где беда, там и ты, наш родной».

Через 40 дней после открытия 7 августа 1832 г. мощей святителя Митрофана Император посетил Воронеж. «Коляска едва могла двигаться среди толпы, ожидавшей Государя на улице и у собора,— записал Бенкендорф в

своих дневниках. — Войдя в древние стены собора, Государь с благоговением припал к раке Святителя».

В том же году Император, будучи в Белгороде, заметил в тамошнем соборе свой портрет. Он приказал снять его, Синоду же поручил сделать Курскому епископу строгий выговор, с общим подтверждением, чтобы в церквах не было никаких изображений, кроме икон. Владыка Илиодор (Чистяков), только что назначенный в Курск, сообщил Синоду, что такой порядок существовал с 1787 г. В соборе имелись портреты Императрицы Екатерины II, Императоров Павла I и Александра I. Синод заступился за епископа перед Государем, прося не объявлять ему выговора. Император Николай положил резолюцию: «Согласен, но объявить, что Я приказал непременно везде по церквам портретов Моих не вешать».

При посещении в 1834 г. исторического Ипатьевского монастыря в Костроме Государь распорядился укрепить стены древней обители. В Нижнем Новгороде, помолившись в местных храмах, повелел сделать для смертных останков Минина достойную гробницу, поставив ее в соборном храме, рядом с гробами Нижегородских удельных князей.

В октябре 1835 г. Государь, въехав в полночь в Киев, сразу же прибыл в Лавру. Бенкендорф

писал: «Мне едва удалось отыскать монаха, который нам отпер двери собора. Пока он зажигал несколько местных свечей, только одна лампада, тускло теплившаяся перед иконою, освещала наши шаги под этими древними сводами. Государь запретил сказывать о своем прибытии митрополиту и кому-либо из братии и, припав на колени, более четверти часа провел в уединенной благоговейной молитве о своей Семье и своем Царстве. В таинственном полумраке этого величественного храма, пережившего столько веков, вызывавшего в душе столько религиозных и исторических воспоминаний, нас было всего трое, и я не помню, чтобы мне случалось когда-нибудь в жизни молиться с таким умилением».

В 1837 г. Государь посетил Эчмиадзинский монастырь. Приветствовал его армянский Патриарх — католикос Иоаннес. Собор в обители — Шогакат — основан был в 303 г. святителем Григорием, просветителем армян; после разорений он был восстановлен в 483 г. и остался в таком же виде до настоящего времени. Государь прошел в собор: «Здесь Иоаннес произнес вторую приветственную речь, и затем своды древнего храма огласились пением стихир на сретение Царя, не раздававшихся здесь в течение веков». Царь приложился к святыням, почивающим более тысячелетия.

В 1839 г. Император, прибыв в историческое село Коломенское, отправился, по своему обыкновению, в церковь. Застал он бракосочетание крестьянской четы. Дождавшись окончания службы, он поздравил новобрачных и велел им явиться в московский Дворец. Там молодые обласканы были и одарены Царем и Царицей.

Все от Бога — было главным, непоколебимым убеждением Императора Николая Павловича.

В самые страшные часы жизни, когда в 1825 г., перед самым вступлением на Престол, он узнал о военном заговоре, вызвавшем 14 декабря утром в столице бунт некоторых гвардейских частей,— он все упования свои возложил на Промысл Божий. 12 декабря он писал в Таганрог князю П. М. Волконскому: «14 числа буду я Государь или мертв. Что во мне происходит, описать нельзя. Вы наверное надо мною сжалитесь, да мы все несчастные, но нет несчастнее меня. Да будет воля Божия». «Молитесь за меня, дорогая и добрая Мария»,— писал он в тот же день за границу сестре, Великой герцогине Саксен-Веймарской. Императрица Александра Феодоровна описала ночные часы с 13 на 14 декабря: «Я была одна в моем маленьком кабинете и плакала, когда я увидела вошедшего мужа. Он встал на колени

и долго молился. "Мы не знаем, что нас ждет, — сказал он мне потом. — Обещай быть мужественной и умереть с честью, если придется умирать"».

Когда бунт был в полном разгаре и растерялись докладывавшие ему начальствующие лица, Император спокойно отдавал все распоряжения. «Оставшись один, — записывал потом Государь, — я спросил себя, что мне делать? — и, перекрестясь, отдался в руки Божии и решил идти, где опасность угрожала». После событий он говорил, что вне этого решения никакого определенного плана действий у него не было. «Охраняй моих — мать, супругу, детей, — сказал он дяде, Принцу Евгению Вюртембергскому. — Я буду говорить с бунтовщиками. Господь меня поддержит». На Дворцовой площади мимо него в безпорядке, без офицеров, проходили взбунтовавшиеся части лейб-гренадерского полка. «Я пошел остановить и выстроить, но на мое "стой!" отвечали мне: "Мы за Константина". Я указал им на Сенатскую площадь...» Император писал позднее: «К счастию, что сие так было, ибо иначе началось бы кровопролитие под окнами Дворца, и участь наша была бы более чем сомнительна. Но подобные рассуждения делаются после: тогда же Один Бог меня наставил на сию мысль».

Государя очень заботила затягивавшаяся война с Турцией. Наконец графу Дибичу удалось 30 мая 1829 г. нанести решительное поражение туркам в теснинах Кулевчи. Донесение о победе доставил Государю в Варшаву адъютант Дибича, князь Трубецкой, писавший ему, что Император, получив известие, бросился на колени, чтобы поблагодарить Бога. Награждая графа Дибича, перешедшего в начале июля через Балканы, званием Забалканского, Государь писал ему: «...Но прежде всего да будет тысячекрат благословен Господь за Его столь явное вам содействие, признаем Его покровительство *во всем,* что случается для нас счастливого...» Император, давая 1 сентября указания Дибичу, стоявшему вблизи Константинополя, писал: «...Но затем, любезный друг, теперь более, чем когда-нибудь, отнесем все Богу и да будем спокойнее и великодушнее, и более последовательнее прежнего; вот слава, к которой я стремлюсь, и да хранит меня Господь добиваться иной, я же уверен, что вы меня понимаете...»

Другому — на азиатском фронте — победителю турок, графу Паскевичу-Эриванскому, Государь, призывая его к скромности, писал: «...Во всяком деле, нами исполняемом, мы должны искать помощи Божией: Его рука нас карает, Его же рука нас возносит...»

В июне 1831 г. Государь, для прекращения в Петербурге холерных безпорядков, во время которых погибли врачи, прибыл на Сенную площадь в сопровождении одного генерал-адъютанта князя Меншикова. Коляска въехала в огромную толпу народа, стоявшего вблизи храма. Царь, встав в экипаже, своим звонким голосом сказал толпе: «Вчера учинены злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков; они вас подучают, ловите их, представляйте подозрительных начальству. Но здесь учинено злодейство, здесь прогневали мы Бога, обратимся к церкви, на колени, и просите у Всемогущего прощения». Вся толпа пала на колени, с умилением осеняя себя крестным знамением. Крестился и Государь. Были слышны восклицания: «Согрешили, окаянные!» Продолжая потом речь свою к народу, Государь объявил толпе, что, «поклявшись перед Богом охранять благоденствие вверенного ему Промыслом народа, он отвечает перед Богом и за безпорядки, а потому их не допустит», «сам лягу, но не попущу, и горе ослушникам»,— заключил он. Несколько человек возвысили было голос. «До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь. Вот я»,— показал Государь на грудь. Восторженное «ура» было

ответом. Государь поцеловал одного старика и сказал: «Молитесь и не шумите больше».

Известный пианист и композитор А. Г. Рубинштейн рассказывает в своих воспоминаниях, что, когда в Петербурге давалась опера «Пророк» с участием знаменитого итальянца Марио, Император Николай прошел в антракте на сцену. Он похвалил Марио и попросил его снять корону. Взяв ее в руки и продолжая разговаривать с певцом, Государь отломал у короны крест и вернул ее артисту.

Когда в сороковых годах Главная евангелическая консистория высказалась против предложения Государя об учреждении в Риге лютеранской академии, он положил резолюцию: «В дела иностранных исповеданий нам мудрено вмешиваться, так и в сем случае мы могли только указать на то, что считали полезным для блага евангелических исповеданий, но когда из непонятных видов сами сему противоборствуют, то остается предоставить воле Божией дальнейший ход этого дела. Кто знает, может быть, неисповедимый Промысл Божий направляет невидимою рукою эту церковь к разрушению, и тогда никакая сила не остановит стремление народа к Православию. Должно только все так подготовить к тому, чтобы Церковь наша готова была принять новых чад.

Для того же все духовные книги и служебники переводятся на местные языки».

4 июня 1835 г. Император прибыл в Синод в сопровождении Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича. Государь отслушал краткое молебствие в освященной за несколько дней до того синодальной церкви и потом направился в палату заседаний, где занял место посреди его членов, посадив Наследника направо от себя. Приложившись к Евангелию и Кресту, поставленным по синодальному обычаю во главе присутственного стола, и пригласив иерархов занять свои места, Николай Павлович обратился к ним с пространною речью, в которой напомнил о трудностях, с коими ему пришлось бороться при восшествии на Престол, и о происшествиях 14 декабря, совершившихся на площади перед Синодом. Упомянув о победоносных войнах с Персией и Турцией и об успешном усмирении польского мятежа, а также о быстром прекращении безпорядков, вызванных холерой, он заявил, что преодоление всех этих трудностей относит к особенной помощи Божией, на которую паче всего и впредь возлагает надежду. Полагая ближайшим к сердцу своему попечением — продолжал Государь — охранение Православия, он уверен, что те же чувства разделяет и Наследник, что и свидетельствует пред Россией как

отец и Государь. Коснувшись стоявших на очереди важных вопросов о воссоединении униатов и обращении раскольников, требующих, как выразился он, «неослабной бдительности», твердости и постоянства в принятых правилах, «без всякого вида преследования», Император возвестил Синоду, что, «простирая попечение свое о делах церковных и на будущие времена и желая предупредить сим самым испытанное неудобство от нечаянного вступления в оные», он, подобно тому, как ввел уже старшего Сына своего и Наследника в Сенат и намерен вскоре ввести в Государственный Совет, признает полезным, чтобы, для ознакомления с церковными делами, Цесаревич присутствовал всегда на заседаниях Синода и, под личным руководством Его Величества, приобретал сведения, потребные и по сей части для высокого его назначения. Государь окончил выражением надежды на преуспеяние Наследника в этом деле, полагаясь на усердие Синода в поспешествовании ему и поручая его молитвам своего первенца. О посещении Императором Синода и о назначении Наследника синодальным членом Святейший Синод объявил указом по духовному ведомству православного исповедания.

«Я умираю с сердцем, полным благодарности к Богу за все то доброе, что Он предоставил

мне в этой временной жизни, полной пламенной любви к нашей славной России, которой я служил верно и искренно, по мере сил моих», — говорилось в п. 33 завещания Императора Николая I, подписанного им 4 мая 1844 г.

Графиня А. Д. Блудова, дочь известного сановника, писала 9 января 1854 г., что в день 25-летия царствования (1850 г.) Императору предоставлен был юбилейный отчет всех министров. Государь был тронут. «Видя его умиление, дочь его подошла тихонько к нему из-за спины, обняла его шею рукою. — "Ты счастлив теперь, ты доволен собою?" — спросила она. — "Собою? — отвечал он и, показав рукою на небо, прибавил. — Я *былинка*".

В этом слове полностью проявилась светлая христианская душа Императора Николая Павловича.

Подлинно христианской была и его кончина, последовавшая — сто лет назад — 18 февраля 1855 г. Напутствовавший его духовник, протопресвитер Василий Бажанов, говорил, что в жизни своей он наставлял многих умиравших набожных людей, но никогда не видел такой веры, торжествующей над приближающейся смертью.

«Предсмертное хрипение становилось все сильнее, дыхание с минуты на минуту делалось все труднее и порывистее, — писала Тютчева. —

Наконец, по лицу пробежала судорога, голова откинулась назад. Думали, что это конец, и крик отчаяния вырвался у присутствующих. Но Император открыл глаза, поднял их к небу, улыбнулся, и все было кончено!»

Император Николай I — Православный Царь

Уяснить всю значительность личности Императора Николая I, как Царя Православного, можно только в сопоставлении с предшествующим ему веком, который и надлежит осветить хотя бы немногими чертами.

Известный проповедник, архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич), так отзывался о царствовании Императрицы Анны Иоанновны (1730—1740): «На благочестие и веру нашу Православную наступили, но таким образом и претекстом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительское христианству суеверие искореняют. О, коль многое множество под таким предлогом людей духовных, а наипаче ученых, истребили, монахов порасстригали и перемучили. Спроси ж за что. Больше ответа не услышишь, кро́ме того: суевер, ханжа, лицемер, ни к чему [не] годный.

Православный путь. Джорданвилль, 1955. С. 61—97.

Сие все делали такою хитростию и умыслом, чтобы вовсе в России истребити священство православное и завесть свою нововымышленную безпоповщину».

Так мог говорить Православный иерарх о времени, непосредственно предшествовавшем царствованию Императрицы Елисаветы, в счастливые дни, когда на Престол вступила эта благочестивая Царица. Но если она вернула православному духовенству подобающее ему положение, она не изменила духа века. Переменилось лишь направление нашего «западничества»: подражание германскому сменилось подражанием французскому, все усиливавшимся. Из Франции шло к нам модное там неверие. Несколько позднее стал проникать яд вольтерьянства и энциклопедистов.

Императрица Екатерина II могла иногда действовать, как то подобало Православной Государыне, но сама была от Православия далека. Кумиром ее долгое время был Вольтер, умевший льстить нужной ему Монархине. Он как-то писал ей: «Ваше Величество, вы не можете поверить, до какой степени предан вам педант республиканский, несмотря на то, что вы самодержавствуете». Смерть Вольтера очень огорчила ее. В письме в Париж от 21 июня 1778 г. она писала своему долголетнему заграничному корреспонденту Фридриху Мельхиору Гримму,

выражая недовольство в отказе погребения тела Вольтера. Она писала: «Зачем вы не завладели телом, и притом от моего имени? Вам бы следовало переслать его мне, и, ей-ей, это промах с вашей стороны, первый в вашу жизнь. Но если у меня нет его тела, то непременно будет ему памятник». 1 октября того же года писала Гримму: «Ему или, вернее, его сочинениям я обязана образованием моего ума и головы».

Что сказать об обществе?

В 1779 г. умер сенатор, статс-секретарь, член Комиссии о духовных имуществах, писатель Григорий Николаевич Теплов, бывший 6 июля 1762 г. с Алексеем Григорьевичем Орловым и князем Феодором Сергеевичем Барятинским в Ропше, когда там был убит Император Петр III. Архиепископ Филарет отмечает: «В «Петербургской ведомости» 1779 г. 30 мая писали: "Теплов с присутствия пал. Кончина его весьма страшною подобным была. Через три дня речь отнята, и был мучим велико. А после того начал говорить, открываясь перед духовником и пред всеми, генерально выговаривая: "Я не почитал Церкви, ни Бога, и святыни Его гнушался, а ныне пропадаю. Вы ж, слышащие господа генералитеты, видя столь мучительную мою кончину, кайтесь и будьте добродетельны. Я в жизни моей никому добра

не делал, за что и плату получаю". К сожалению,— писал архиепископ Филарет,— этот урок скоро был забыт, или иным казался и невразумляющим. И мнение энциклопедистов продолжали считать невидимою мудростью, и книги их продолжали издавать и покупать. Кощунство было в моде. Писали "послание к слугам", с нахальными насмешками над служителями веры. Когда паралич поражал несчастного весельчака, тогда только приходили в себя, и в горьком раскаянии писали "признание в делах и помышлениях"».

Император Павел I Петрович (1796—1801), с первых часов своего рождения, принят был на попечение Императрицей Елисаветой Петровной. Раннее детство он провел в обществе нянь, которые и утвердили в нем веру и любовь к храму. Законоучителем его был иеромонах Платон (Левшин), в будущем знаменитый митрополит Московский. Последний, вспоминая прошлое, так говорил о Павле: «Высокий воспитанник всегда был, по счастью, к набожности расположен, и рассуждение ли или разговор относительно Бога и веры ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему внедрено со млеком покойной Императрицей Елисаветой Петровной, которая его горячо любила и воспитала приставленными от нее набожными женщинами». Воспитатель Цесаревича Павла,

С. А. Порошин, вспоминал, что в день Успения Божией Матери, «одевшись, изволил Павел читать с отцом Платоном Св. Писание. Потом разбирали мы книжку, в которой служба на сегодняшний праздник, и пели оттуда стих: "Побеждаются естества уставы, Дева чистая" и проч».

В день его венчания на Царство в день Светлого праздника — 5 апреля 1797 г. — обнародован был манифест Государя о запрещении в воскресные дни принуждать крестьян к работам, ибо «Закон Божий, в десятословии нам преподанный, поучает нас седьмой день посвящать Богу». Император Павел заботливо относился к духовенству. Он выражал желание, чтобы священство имело более «соответственное важности сана своего образ и состояние». Вследствие этого принимались меры к улучшению быта белого духовенства. При нем положено было начало единоверию.

В связи с этим примечательно письмо от 9 декабря 1800 г., посланное из Петербурга архимандритом Евгением (Болховитиным), будущим митрополитом Киевским, своему другу, В. И. Македонцу, советнику Воронежской гражданской палаты: «...25 ноября Владыка возил меня в придворную церковь к обедне, и я там видел всю Фамилию Августейшую и иностранных бояр. Великолепно! На ту пору полна

придворная церковь была раскольников, коих нарочно Монарх благословил пригласить к обедне».

Но вместе с тем в это Царствование закрепил свое положение в России иезуитский орден, которому в эпоху временного закрытия его папой Климентом XIV в 1773 г. (восстановлен Пием XIV в 1814 г.) оказано было широкое гостеприимство Императрицей Екатериной. 20 июня 1780 г. она посетила в Полоцке иезуитские учреждения. Император Павел принял на себя звание гроссмейстера древнего католического Мальтийского ордена, что использовано было иезуитами для распространения своего влияния.

* * *

Сложен был Император Александр I Благословенный (1801—1825), вступивший при трагических обстоятельствах на Престол в начале второго года XIX века. Учителем и воспитателем его был свободомыслящий республиканец Лагарп, о котором так писал в своих известных «Воспоминаниях» Ф. Ф. Вигель (1786—1856), много видевший в жизни и долго занимавший должность директора Департамента иностранных исповеданий: «Воспитание Александра было одною из великих ошибок Екатерины; образование его ума поручила она

женевцу Лагарпу, который, оставляя Россию, столь же мало знал ее, как и в день своего прибытия, и который карманную республику свою поставил образцом будущему Самодержцу величайшей Империи в мире. Идеями, которые едва могут развиться и созреть в голове двадцатилетнего юноши, начиняли мозг ребенка. Но не разжевавши их, можно сказать не переваривши их, призвал он их себе на память в тот день, в который начал царствовать». Крылов в басне «Воспитание льва» также намекает на неправильное воспитание Александра. Орел, воспитывая львенка, научает его, к ужасу звериного света, вить гнезда. Баснописец приводит нравоучение, что важнейшая наука для Царей знать свойства своего народа и выгоды земли своей.

Впоследствии Александр говорил о своих религиозных чувствах: «Я был, как и все мои современники, не набожен». В разговоре с графиней Софией Строгановой Он высказался так: notre éducation avec mon frère Constantin a été mal emmanchée («наше воспитание с братом Константином было худо прилажено»). В 1818 г. Он говорил: «Императрица Екатерина была проницательная, умная, великая жена, но что касается воспитания сердца в духе истинного благочестия — при петербургском Дворе было как почти везде...» Преподавать

ему вероучение поручено было протоиерею Андрею Самборскому, служившему в заграничных церквах, которому и в Петербурге разрешено было Императрицей брить бороду и носить штатское платье.

Душа Александра не находила успокоения со страшной мартовской ночи 1801 г., когда зверски был умерщвлен его отец, Император Павел I. Заговорщикам удалось вовлечь юного Наследника в свои сети, утаив, конечно, намерение убить Помазанника Божия. Александр, однако, считал себя косвенным участником преступления. Далекий от Церкви, он постепенно погружался в мистическое настроение. Характерно ночное братание в 1804 г. с Прусским королем Фридрихом Вильгельмом III, в присутствии королевы Луизы, в Потсдаме у гроба Фридриха Великого.

Перелом вызвала Отечественная война. Александр говорил: «Но пожар Москвы просветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотой веры, какой я до тех пор не чувствовал. Тогда я познал Бога, как открывает Его Св. Писание».

Но это еще не было истинное обращение к Церкви. Откровения искал Государь у лжеучителей. Во время заграничного похода Александр посещал в Гернгуте (Силезия) общины моравских братьев, в Бадене беседовал с Юнг-

Штиллингом, в 1814 г., будучи в Англии, выражал сочувствие депутации Библейского общества, в мае 1815 г. в Германии встретился с баронессой Юлианою Криденер (Крюденер), некоторое время оказывавшей на него большое влияние.

Мистические настроения Императора были использованы протестантским Библейским обществом, пронизанным масонством, а равно и непосредственно русскими масонскими ложами, закрытыми было Императрицей Екатериной II, но возродившимися в Царствование Императора Александра. Удобным проводником пагубных идей стал, пусть и без злого намерения, поверхностный и легкомысленный друг детства Государя князь Александр Николаевич Голицын (1773—1843), оказавшийся созвучным Царю. В 1805 г. он был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, в 1810 г. был поставлен также во главе ведомства иностранных исповеданий, а в 1816 г. стал министром народного просвещения. Был он, кроме того, управляющим почтовым ведомством.

24 октября 1817 г. образовано было Министерство духовных дел и народного просвещения, главой которого назначен был князь Голицын, про которого тогда говорили, что он «влез по уши в мистицизм». В составе министерства были образованы департаменты, ведавшие

делами: 1) грекороссийского исповедания, 2) римско-католического, грекоуниатского, армянского исповеданий, 3) всех протестантских исповеданий, 4) по делам еврейского, магометанского и прочих нехристианских исповеданий. Православное исповедание приравнивалось не только к прочим христианским, но и к нехристианским исповеданиям. Обер-прокурором был назначен князь П. С. Мещерский. Он не являлся уже былым «оком Государевым» в Синоде и «стряпчим в делах государственных», став лишь уполномоченным министра духовных дел.

Де-Местр говорил о «великой химере универсального христианства».

Протоиерей Георгий Флоровский в своей книге «Пути русского богословия» пишет: «Император Александр исповедал некое смешанное христианство, и во имя этой "всеобщей" религии и притязал властвовать и управлять... Режим "сугубого министерства" был жесток и насильственен. "Мистицизм" облекался при этом всей силой закона, со всей решительностью санкций против несогласных или только уклончивых. В преступление вменялось и простое несочувствие идеям "внутреннего христианства", и притом — как противление видам правительства. Вот одна из статей тогдашнего цензурного устава: "Всякое

творение, в котором, под предлогом защиты или оправдания одной из Церквей христианских, порицается другая, яко нарушающее союз любви, всех христиан единым духом во Христе связующей, подвергается запрещению"».

Создание нового министерства совпало с расцветом деятельности Библейского общества, образовавшегося в России. 6 декабря 1812 г. утвержден был Императором Александром доклад князя Голицына о создании общества. 11 января 1813 г. состоялось первое собрание, на котором президентом был избран князь Голицын, управлявший тогда ведомством иностранных исповеданий. Общество, имевшее к 1824 г. 89 отделений, очень скоро попало в руки масонов.

В статье, посвященной в «Энциклопедическом словаре» (СПб., 1891) «Библейским обществам в России», говорится: «Успех мистицизма в нашем обществе был тем возможнее, что в нем тлели еще подавленные было влияния старого масонства XVIII в. Еще живы были Новиков, Лопухин, Гамалея, кн. Репнин, Кошелев и другие. Почти все они вынесли тяжелое давление враждебных обстоятельств и приобрели мрачное упорство — обыкновенное следствие преследований. Некоторые из них или их ученики приняли прямое участие в библейском деле, в котором они встретились с мис-

тиками нового направления, например с бароном Б. И. Фитингофом, братом г-жи Крюденер; те из старых масонов, которые не принимали этого участия, все-таки действовали в интересах своих идей личным влиянием... Мистическое истолкование Библии уже издавна было предметом их величайшего любопытства и стараний. Возбужденная религиозность и разгоряченная фантазия находили слишком мало пищи в традиционной Церкви; их не удовлетворяли обычные формы благочестия; они искали *внутренней* церкви, стремились к высшим религиозным состояниям, чудесам, видениям, сошествиям Святого Духа... Для этих лиц потребовалось высшее пиетистическое возбуждение, которое удовлетворяло бы их экзальтации, и это возбуждение доставлено было известной сектой Татариновой, собрания которой представляли странные религиозные оргии, напоминающие шаманов, хлыстов и т.п. И наиболее ревностные друзья Татариновой и участники ее изуверных вакханалий нашлись именно между членами Библейского общества. Главнейшие из этих друзей были А. Ф. Лабзин и В. М. Попов, один — директор, другой — секретарь Общества; бывал здесь и князь Голицын, президент Б. общества...» В числе членов «корабля» Татариновой, жившей в Михайлов-

ском дворце, был священник Дома инвалидов Алексей Малов.

Известная масонка Тира Соколовская писала впоследствии в своей истории масонства: «На утренней заре Царствования Императора Александра I русские масоны различных направлений объединены были одной мыслью: вернуть ордену вольных каменщиков утраченное ими в России положение».

В годы 1816—1818-м масонов в России числилось 1300, в годы 1820—1822-м — 1600. С течением времени все больше масонство пропитывалось мистицизмом и карбонарством. Оттуда пришло учение о «внутренней церкви», пренебрегавшее священством, устанавливавшее свои «трапезы любви», на коих кощунственно воспроизводилось таинство Евхаристии.

Масоны, по словам их апологета, отказывались от «догмата», который, по учению их риторов, «сковывал и подчинял», и заменили символом, давшим простор и свободу мысли (*Т. А. Бакунина.* Русские вольные каменщики).

Высшее и ученое духовенство сначала отнеслось благожелательно к работе Библейского общества. С 1814 г. в комитете общества состояли, в качестве вице-президентов, митрополиты: Киевский Серапион (Александровский) и С.-Петербургский Амвросий (Подобедов), будущие митрополиты С.-Петербургские,

архиепископы Черниговский Михаил (Десницкий) и Тверской Серафим (Глаголевский). Одним из директоров был ректор Петербургской Духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов), с 1816 г. (по посвящении в епископа) — вице-президент. Последний принимал сначала особенно деятельное участие в работе общества. Это не колебало его твердой церковности и не увлекало в сторону мистицизма. Он возражал против крайностей такового. Н. Дубровин в статье своей «Наши мистики-сектанты» («Русская старина», 1895) пишет: «Заметив уклонение общества от господствующей религии, Филарет употреблял все свои силы, чтобы возвратить его на путь истинного Православия». «Что принадлежит до нас, обитателей Лавры,— писал он отцу (5 декабря 1813 г.),— мы единым сердцем и едиными устами, елико можем, проповедуем Христа Распята.— Да будет Он нам, недостойным, Божия сила и Божия премудрость». В 1814 г. он произнес проповедь о важности «храмового богослужения».

Насторожились особенно духовные лица, когда обнаружилось, что видные масоны-мистики захватили общество в свои руки.

Характерна деятельность влиятельного директора общества — Александра Феодоровича Лабзина (1766—1825). Обучавшийся в известном «семинаре» масона Ивана Новикова,

он, будучи мистиком, признавал «внутреннюю» церковь. В 1800 г. им основана была масонская ложа «Умирающий Сфинкс», существовавшая до 1822 г. В его ложу входили, видимо, архимандриты Феофил и Иов. Первый был законоучителем 1-го кадетского корпуса, затем Ришельевского лицея в Одессе, в котором он верховодил, пользуясь поддержкой князя Голицына. Потом он выжил из ума. Архимандрит Иов состоял законоучителем Морского кадетского корпуса, близок был к кругам хлыстовки Татариновой. Он осквернил кощунственно Престол корпусной церкви, пытался выброситься с третьего этажа и сошел с ума. Об его кощунстве и масонстве писал в 1818 г. брату князь С. А. Ширинский-Шихматов, впоследствии известный архимандрит Аникита. В 1806 г. Лабзин стал выпускать журнал «Сионский вестник», вскоре запрещенный. Когда мистицизм захватил Императора Александра и он находился под сильным влиянием видного масона старого времени Родиона Кошелева, расцвела деятельность Лабзина. В 1817 г. разрешен был ему выпуск «Сионского вестника», подчиненного, в виде исключения, светской, а не духовной цензуре. При его участии печатались мистические книги Юнг-Штиллинга и Эккартсгаузена. Подобные книги распространялись по училищным и другим библиотекам. Для

этого весьма пригоден был аппарат Библейского общества, директором которого был Лабзин, а также почтовое ведомство, куда удалось насадить много масонов.

О том времени ревнительница Православия графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская писала: «Иерархия церковная в самом начале, в первом лице была нарушена; министры, архиереи и духовные лица были именем, а всем действовал министр духовных дел и его директор (А. И. Тургенев) и канцелярия».

Первым против мистиков писал священник Иоанн Полубенский, издавший в 1803 г. книгу «О внешних богослужениях». Решительно на защиту Православия выступил ректор Петербургской семинарии архимандрит Иннокентий (Смирнов), состоявший также членом цензурного комитета (1784—1819). Истинный подвижник, молитвенник и постник, ученый, за свои труды возведенный в степень доктора богословия, замечательный проповедник, он сначала сочувственно относился к деятельности Библейского общества и был директором его, со своим другом архимандритом Филаретом (Дроздовым). Вместе с тем он отрицательно относился к западному мистицизму. Он писал: «Что всего суетнее, горше и пагубнее во дни сии деется еще? Некоторые из верных сынов Царствия почивают на западных и новейших

словесниках и витиях, а лучше сказать суемудрых, покушаясь научаться суетному лепетанию слова и учения о Церкви, а живых вод источника Израилева, — воды благодатного учения в св. Иоанне Златоусте, Василии Великом, Григории Богослове и прочих святых и учителях Церкви не хотят и видеть, аки бы не нужное для настоящего рода людей». Пытался он, но тщетно, воздействовать на высокомерного Лабзина.

Возмущенный некоторыми статьями «Сионского вестника», архимандрит Иннокентий написал резкое письмо князю Голицыну, советуя ему «залечить раны, которыми он сам уязвил Православие». Министр жаловался Митрополиту, который с трудом уговорил Иннокентия извиниться. Голицын, желая избавиться от последнего, добился назначения его епископом в Оренбург. Тамошний климат мог оказаться губительным для его здоровья, подорванного болезнями. Почитавшаяся Государем княгиня С. С. Мещерская и другие высокопоставленные особы сумели передать ему свои опасения. Оренбург заменен был Пензой. Епископ Иннокентий за короткое пребывание там приобрел всеобщую любовь и преклонение перед его ревностным подвижничеством. Преставился он в 1819 г. У могилы его и впоследствии совершались моления.

К тому времени относится ознакомление А. С. Стурдзой князя Голицына с критикой «Сионского вестника», сделанной москвичом Степаном Смирновым. Голицына потрясли приведенные слова Лабзина, в которых тот извращал значение и силу таинства Евхаристии, дерзая основываться на словах Спасителя: «Глаголы Моя дух есть... плоть не пользует ничесоже». По свидетельству Стурдзы, Голицын испросил тогда Высочайшее повеление 26 июня 1818 г. о подчинении «Сионского вестника» духовной цензуре. Лабзин, удрученный этим, говорил: «Врагам моим отдали меня. Не пойду на суд людям, которые затворяют двери Царства Небесного, сами не входят и других не пускают туда». Он старался переубедить Голицына. Тот возражал ему: «Если мне позволять все то, что вы пишете, то я подам повод думать, что я принадлежу к вашей ложе, как то уже и говорят, а я министр». Тогда Лабзин закрыл свой журнал.

Начал противоборствовать врагам Церкви и митрополит Амвросий, что вызвало удаление его из столицы. Ему оставлена была только Новгородская кафедра. Преемником его в 1818 г. был назначен в Петербург архиепископ Черниговский Михаил (Десницкий). Он воспитывался в Троицкой семинарии и в филологической семинарии, при «Дружеском ученом обществе» —

детище масонов конца XVIII в. Новикова и Шварца. В бытность свою священником в Москве, он поддерживал связи с этими кругами. Голицын поэтому не ждал затруднений с его стороны.

Митрополит Михаил обманул его ожидания. Благостный Владыка, замечательный проповедник, постоянно служивший в приходских храмах столицы, полюбившийся всем, убеждался все более в тяжелом положении Церкви. Он начал указывать это Голицыну. Происходившие между ними столкновения вредно отражались на здоровье архипастыря. Митрополит иногда приезжал из Синода таким расстроенным, что не мог выйти из кареты и его несли слуги. В 1821 г. он написал письмо Императору Александру, находившемуся на конгрессе в Лайбахе (Любляне). Им указывались опасности, грозящие Церкви. Письмо заканчивалось так: «Государь, когда до Вас дойдет это писание, меня уже не будет на свете. Ничего, кроме Истины, не вещал я людям: наипаче теперь, когда в деяниях своих готовлюсь отдать отчет Вышнему Судии». Владыка умолял Царя спасти Церковь от «слепотствующего министра». Когда Император читал это письмо, кроткого и чистого духом митрополита Михаила не было уже в живых. Молва называла князя Голицына «убийцей митрополита».

Митрополита Михаила заменил владыка Серафим (Глаголевский), до того митрополит Московский. Он также учился в новиковском филологическом семинаре в Москве. В бытность свою Тверским епископом, состоял вице-директором Библейского общества, затем, в сане митрополита, директором. Переезжая в Петербург, он вдохновлен был желанием бороться с вредными течениями. На первом же заседании комитета общества владыка Серафим, по выслушании отчета, заметил: «Так могут рассуждать только люди, не понимающие Православия». Возмущенный книгой Госснера «Дух жизни и учения Иисуса Христа», он посетил князя Голицына и указал ему на опасность, угрожающую Церкви распространением подобных книг.

Митрополиту Серафиму в начатой им борьбе огромную помощь оказал архимандрит Фотий (Спасский). Сын дьячка в Новгородском уезде, он окончил Петербургскую семинарию, поступил в Духовную академию, которую не мог окончить из-за обострившейся грудной болезни. Учительствуя в Александро-Невском духовном училище, он сблизился с ректором семинарии архимандритом Иннокентием. Фотий говорил в своей записи: «Все слова Иннокентия, поступки, виды, действия, дух веры» — замечались и по нему слагались в тайниках

его души «образ жития благочестивого». В 1817 г. он принял постриг; посвященный в иеромонахи, был законоучителем 2-го кадетского корпуса. Вскоре он, как сам писал, стал выступать «против масонов, иллюминатов, методистов, Лабзина, «Сионского вестника» и пр.». Противники поспешили объявить его помешанным. От духовного начальства он получил внушение. В 1820 г., после проповеди, произнесенной 27 апреля в Казанском соборе, он был удален из Петербурга, с назначением настоятелем Деревяницкого монастыря под Новгородом.

В столице он жил в убогой комнате на Петербургской Стороне, спал на твердой кушетке, покрытой волосяной тканью. Деревяницкий монастырь считался запущенным; Фотий привел его в порядок. Ему начала помогать пожертвованиями графиня А. А. Орлова-Чесменская, духовная дщерь Иннокентия, которую тот передал попечению Фотия, покидая Петербург. В 1822 г. Фотий назначен был игуменом Сковородского монастыря. Митрополит Серафим вызвал его и поместил в Лавре. Он писал о Фотии Парфению (Черткову), епископу Владимирскому, впоследствии архиепископу Воронежскому: «С самого пострижения своего он носит вериги, которые тщательно скрывает от всех. Сверх сего можно сказать, что умерщвляет

тело свое самым строгим постом и бдением, безкорыстен, не человекоугодлив. Но отнюдь не ханжа и не лицемер. Рассудок имеет здоровый, память твердую, премного читал св. Отцов и крепко их держится, имеет дар слова отличный и говорит от сердца с большим убеждением, а иногда строго и даже с какою-то властию, смотря по нужде, он многих обратил масонов, даже закоренелых».

Оцененный праведным и умным архимандритом Иннокентием, передавшим ему своих духовных чад, Фотий открыто и дерзновенно стал выступать против «внутренней» церкви. Голицын старался ладить с ним. Фотий сначала поддерживал с ним мирные отношения. По словам Фотия, князь именовал его «духовным отцом» и «златоустом». 21 мая 1822 г. Голицын, в письме к графине Орловой, писал о своем знакомстве с Фотием: «Его разговор назидателен и имеет силу, которую единственно Господь может дать». Голицын же устроил прием Фотия Императором Александром 5 июня в Каменноостровском дворце.

В своих записях Фотий говорит, что до приема его Государем в 7 часов вечера он помолился в Казанском соборе. Благословил Царя образом Спасителя. Беседовал с ним о делах веры и Церкви. В числе прочего Фотий сказал Государю: «Враги Церкви Святой и

Царства весьма усиливаются; зловещие соблазны явно и с дерзостью себя открывают, хотят сотворить тайные злые общества, вред велик Святой Вере Христовой и Царству всему, — но они не успеют, бояться их нечего; надо дерзость врагов тайных и явных внутрь самой столицы в успехах немедленно остановить: как поток водный, всюду нечестие и зловерие разливается...» При прощании Государь отвесил ему земной поклон. Обласкан был он вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной.

Беседа с Фотием произвела большое впечатление на Государя, к этому времени все яснее начинавшего понимать, насколько все неблагополучно было в его прежнем понимании Церкви. Уже в 1818 г. Император Александр в разговоре с графиней С. И. Сологуб, восторгаясь святой, простой и чистой верой, говорил: «Одни лишь безпокойные умы находят отраду в тонкостях, которых и сами не понимают. У госпожи Крюденер, например, быть может, и добрые намерения, но она причинила неисправимый вред. Обязанности, налагаемые на нас, надо исполнять просто, быть только хорошими последователями, не теряясь в утонченных изысканиях, которые нам вовсе не предписаны». Государь начинал находить утешение в беседах со старцами; в 1819 г. он совершил богомолье в Валаамскую обитель. Семена, бросаемые

Фотием, попадали, таким образом, на подготовленную уже почву.

В 1822 г. митрополит Серафим назначил Фотия настоятелем, в сане архимандрита, древнего новгородского Юрьева монастыря, каковым он и оставался до своей кончины в 1838 г. Келлия его там, по описанию А. Н. Муравьева, имела три шага в длину и один в ширину, с тесным седалищем на одном конце и углублением для икон на другом. Там горела неугасимая лампада пред образом Божией Матери. В келлии сей Фотий проводил в безмолвии всю Четыредесятницу, исключая богослужения, а также свободное от занятий время. Любил он спускаться в гробовую пещеру и там молиться. На щедрые пожертвования графини Орловой он привел монастырь в цветущее состояние. По древнему назначению настоятеля Юрьева монастыря, он благоустроял и другие обители.

Графиня Орлова говорила о Фотии своему другу: «Он возбудил во мне внимание той смелостью, тою неустрашимостью, с какой он, будучи законоучителем кадетского корпуса, молодым монахом, стал изобличать господствовавшие заблуждения в вере. Все было против него, начиная со Двора, он не побоялся этого; я пожелала узнать его и вступила с ним в переписку, письма его казались мне какими-то

апостолическими посланиями; в них был особый язык, особый тон, особый дух. Узнав его ближе, я убедилась, что он лично для себя ничего не искал; он распоряжался для других моим состоянием, но себе отказывал во всем; я хотела обезпечить бедных его родных, он мне и этого не позволил».

Архимандрит Фотий и при жизни, и по кончине осуждаем был многими. Тем более важно ознакомиться и с другими отзывами о нем. Профессор Петербургской Духовной академии Н. И. Барсов, известный своими историческими трудами, говорит, что Фотий, защищая истинное учение Церкви и ее учреждения, боролся против лжи масонства, хлыстовщины и вообще против мистицизма. По его же словам, Фотий не был ученым богословом, не получил хорошего академического образования, но твердо стоял на основах чистого православного учения. Он же правильно указывал на ту опасность, которая грозила России от проникавших с Запада революционных идей.

Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) пишет о нем: «Говорить, что суждения Фотия о сочинениях и сочинителях везде были логически верны и отчетливы, значило бы оскорблять правду. Но ревность его к истине была чиста, и подвиги его для истины замечательны для истории».

В «Русском архиве» (1870) говорится об архимандрите Фотии: «Во время шатания умов, — при колебании верований, — только человек с такой энергией (зовите ее хотя фанатизмом) мог оказать влияние на общество». От обличения мистиков он перешел к обличению ересей. «Строгий исполнитель заветов Церкви, прямо и просто верующий учению Церкви, он хотел, чтобы другие так же верили и поступали». Хитрость его простодушна. «Признаем, что он был односторонен, но истинной ревности его о благе Церкви никто не может отвергнуть».

Через восемь лет в том же «Русском архиве» (1878) редактор его П. Бартенев писал: «Фотий и графиня Орлова суть лица вполне исторические. Их жизнь и деятельность служили противовесом тому вероисповедному безразличию, которое господствовало в русском образованном обществе не столько по влиянию философов XVIII века, сколько вследствие того, что Россия сделалась убежищем для французских эмигрантов. После того как Александр Павлович навестил Кондратия Селиванова, а у министра духовных дел кн. Голицына комнатную собачку кормили с тарелок, на которых изображены были праздники Господни, понятны становятся и ревность Фотия, и его увлечения». Посещение Государем Селиванова имело место в 1805 г.

По истечении двух месяцев после приема Государем Фотия последовало — 1 августа 1822 г. — Высочайшее повеление о закрытии тайных обществ. Но вольнодумцы, под прикрытием влиятельного министра, продолжали свое вредное дело. Фотий еще в 1820 г., в разгар борьбы митрополита Михаила с князем Голицыным, такими резкими словами определял последнего: «Овца он непотребная или, лучше сказать, козлище, князь хотел в мирских своих рубищах, не имея сана свыше и дара божественныя благодати, делать дела, принадлежащие единому архиерею великому, образ Христа носящему». С 1824 г. архимандрит Фотий еще усиливает обличения Голицына. 23 апреля 1824 г. он пишет ему: «Умоляю тебя, Господа ради, останови ты книги, кои в течение твоего министерства созданы против Церкви, власти Царской, против всякой Святыни и в коих возвещается революция».

17 апреля Государь долго беседовал с митрополитом Серафимом. Владыка говорил, что вынужден будет оставить кафедру, и снял белый клобук. Император вернул ему его, сказав: «Преосвященный, примите ваш клобук, который вы достойно носите; ваши святые и патриотические представления будут исполнены».

20 апреля архимандрит Фотий вызван был к Государю. Явиться он должен был с секрет-

ного входа. Беседа длилась три часа. Фотий обличал Голицына. Государь теперь понимал ошибки своего министра. В этот день нанесен был первый удар мистикам. По Высочайшему повелению был выслан за границу видный мистик, директор Библейского общества Иоанн Госснер. Перевод на русский язык его сочинения «Geist des Lebens und der Lehre Jesus» приказано было сжечь рукою палача, с тем, чтобы переводчики и цензоры были преданы суду.

25 апреля Голицын посетил Фотия, который так описывает это свидание: «Сей стоит у святых икон: горит свеща, Святые Тайны Христовы предстоят, Библия раскрыта (Иерем. XXIII глава), входит князь и образом яко зверь рысь является (Иерем. гл. V, ст. 6), и протягивает руку для благословения. Но Фотий, не давая благословение, говорит тако: "в книге «Таинство креста» под твоим надзором напечатано: духовенство есть зверь (т.е. антихристов аки бы помощник), а я, Фотий, из числа духовенства есмь иерей Божий, то благословить тебя не хощу, да тебе и не нужно оно". Князь Голицын сказал: "неужели за сие одно?" Фотий сказал: "и за покровительство сект, лжепророков и за участие в *возмущении* противу Церкви с *Госснером*; и вот на них с тобою слова Иеремии гл. 23: прочти и покайся". И

сказал Голицын: "не хочу читать"; и, с презрением ко святым взглянув, отвратился, побежал и сказал: "не хощу твоей правды слышать". Фотий же сказал: "если б ты был премудр по Писанию, послушал бы обличения, и покаялся бы; но как ты все попираешь и не хочешь покаяться, то поразит вас Господь. Я предстану на Страшном Суде с тобою пред Господа, и все слова мои будут тебе во обличение и во осуждение. Молю тебя, покайся, отрекися от лукавых пророков, подобных Госснеру". С омерзением и злобою отвратился князь, побежал вновь без благословения, хлопнув дверями. Фотий же, отворив двери, вслед воззвал громко: "если ты не покаешься, что зла наделал Церкви и государству, тайно и явно, и все сполна не откроешь Царю, не узришь Царствия Небесного и снидешь во ад. Аминь"». В другой, несколько измененной редакции Фотий упоминает о дважды провозглашенной им тогда анафеме. Князь жаловался Государю, который лично укорил за это Фотия.

В те дни архимандрит Фотий так писал Государю, настаивая на уничтожении Библейского общества, упразднении Министерства духовных дел, отнятии других министерств от Голицына, отдалении Кошелева, удалении главных методистов и т.п.: «Повеление Божие я возвестил: исполнить же в Тебе состоит. От

1812 г. до сего 1824-го ровно 12 лет. Бог победил видимого Наполеона, вторгшегося в Россию. Да победит Он духовного Наполеона лицем Твоим...»

Государь сделал последнюю попытку согласить Митрополита с Голицыным. С этим послан был к Владыке граф Аракчеев. Присутствовать при этом разговоре, по желанию Царя, должен был Фотий, утверждающий это со слов Аракчеева. Архимандрит Фотий так излагает решительное выступление Митрополита: «...До чего мы дожили? Я не дорожу моей митрополией», и тотчас, взяв белый клобук свой митрополичий, снял с головы своея, бросил на стол перед очами вельможи — любимца Царева — и сказал: «Граф! верный слуга Царев, донеси о сем Царю, что видишь и слышишь; вот ему клобук мой; я более митрополитом быть не хощу, ежели дела в прежнем виде останутся; с князем Голицыным не могу служить, как явным врагом клятвенным Церкви и государства».

Аракчеев при докладе Государю поддержал Митрополита. Владыка Серафим ожидал с часа на час увольнения...

Но последовал указ об упразднении министерства, об увольнении князя Голицына от должностей, связанных с церковными делами, с оставлением его только во главе почтового

ведомства*. Обер-прокурор Синода вернулся к прежнему положению. Состоялось это 15 мая 1824 г. Еще ранее — в 1822 г. — под влиянием того же архимандрита Фотия — рескриптом на имя управляющего Министерством внутренних дел графа Кочубея — повелено было закрыть все тайные общества, в том числе и масонские ложи, а членов этих лож обязать, дабы они впредь никаких масонских и других тайных обществ составлять не будут.

Министром народного просвещения и главноуправляющим делами иностранных исповеданий был назначен идейный противник князя Голицына, адмирал А. С. Шишков (1754—1841). Президентом Библейского общества 17 мая 1824 г. назначен был митрополит Серафим. Он сразу же представил Государю недоброжелательный доклад в отношении общества, предлагал предпринять меры против мистических обществ и прочее. 28 декабря 1824 г. он писал о несовместимости звания президента Библейского общества с званием Первоприсутствующего члена Святейшего Синода. Император Александр, однако, слишком много души вложил в Библейское общество, чтобы дать согласие на закрытие общества.

* Имение князя А. Н. Голицына было в Гаспре (Крым). Похоронен, по завещанию, в Георгиевском монастыре. — *Н. Т.*

Архимандрит Фотий 20 августа 1824 г. мог писать архимандриту Герасиму (Князеву), бывшему настоятелю московского Симонова монастыря: «Возрадуйся — о брате любезный — в Дусе Святе! Православие торжествует... Праведник наш Царь; узнав правду, он любит и творит правду Христову:.. порадуйся, старче преподобный. Нечестие пресеклось, армия богохульная дьявола паде, ересей и расколов язык онемел, общества все богопротивные яко же ад сокрушились».

Так закончилась боевая страда ревнителя Православия архимандрита Фотия. Год спустя Император Александр I Благословенный мог уже со спокойным сердцем прощаться навеки со столицей, в которой прошел через горнило душевных испытаний, падая глубоко, подымаясь, бродя по опасным тропам, пока, по искренней вере своей, не вышел на верный, прямой, святоотеческий путь. 19 ноября 1825 г., в день памяти святого Иоасафа, царевича индийского, оставившего Престол и удалившегося в пустыню, снял с себя Царский венец старший сын мученически погибшего Императора Павла I, вступая в новую, странническую, подвижническую жизнь.

Не оставлял Александр I тяжкого наследия своему преемнику в делах Церкви. Очищена была удушливая атмосфера последнего

десятилетия. Но свою личную судьбу он отныне не отделял от судьбы Русского Престола.

* * *

Император Николай I Павлович (1825—1855) был человеком глубоко верующим, возлагавшим свои упования на всеблагой Промысл Божий. Ему в области веры не ведомы были колебания. Чужд был ему внецерковный мистицизм. Крепко корнями врос он в Русскую Землю и понимал, какое значение для исторических судеб ее имела святая Православная вера, присущая, главным образом, родному ему народу. Проникновенно восприняв помазание на Царство, Государь, в основу всего клавший исполнение *долга*, почитал своим *первейшим* долгом неустанно стоять на страже истинной Церкви.

Император Николай, вспоминая в 1847 г., в беседе с статс-секретарем бароном М. А. Корфом, как профессора скучно учили его праву, говорил: «По-моему, лучшая теория права — добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь основание — религию».

Лев Тихомиров в своем труде «Монархическая государственность» писа́л: «Монарх должен знать, что если в народе нет религиозного чувства, то не может быть Монархии.

Если он лично не способен сливаться с этим чувством, то он не будет хорошим Монархом. Между ним и народом всегда будет протянута завеса взаимного непонимания». Такой завесы в Царствование Императора Николая I не существовало.

Говоря об «исповедной политике Монархии», Тихомиров доказывал, что «Монарх — по самому смыслу своего принципа — не может отказаться от обязанности поддерживать истинную веру. Он не может объявить, что не знает, какая вера содержит в себе истину, ибо если он этого не знает, то не может быть выразителем высшей правды в государственном деле».

Император Николай I, проявляя царское благоволение к своим иноверным подданным, был строгим исполнителем догматов и канонов Православной Церкви. В подписанном им 30 апреля 1835 г. завещании своему Наследнику, Цесаревичу Александру, Государь писал: «Соблюдай строго все, что нашей Церковью предписывается».

В 1828 г. Синод рассматривал просьбу одного лица, разведенного с женой и желавшего вступить в брак с ее двоюродной сестрой. Митрополит Филарет Московский и большинство членов Синода высказались за отклонение просьбы. За удовлетворение ее был духовник

Государя протоиерей Н. Музовский. На докладе о сем обер-прокурора князя П. С. Мещерского Государь начертал: «В догматах веры разногласий быть не может и не должно; почему подобного представления принять Я не могу от высшего духовного места — в государстве. Вам, как блюстителю законов, должно сие вразумить членам Синода, и, когда положится общее единогласное мнение, основанное не на умствованиях и на толкованиях, а на точном смысле догматов, тогда мне представить. Сим делом заняться немедля: ибо впредь запрещаю входить с подобным докладом, который совершенно выходит из всякого приличия». В 1829 г. Синод, рассмотрев это дело и достигнув единогласия, отказал просителю.

В 1832 г. Император, будучи в Белгороде, заметил в тамошнем соборе свой портрет. Он приказал снять его, Синоду же поручил сделать строгий выговор, с общим предупреждением епархиальных архиереев, чтобы в церквах не было никаких изображений, кроме икон. Владыка Илиодор (Чистяков), епископ Курский и Белгородский, в этом году назначенный на эту кафедру, сообщил Синоду, что такой порядок существовал с 1786 г. В соборе имелись портреты Императрицы Екатерины II, Императоров Павла I и Александра I. Синод заступился за епископа, прося Государя не

объявлять ему выговора. Император положил резолюцию: «Согласен, но объявить, что Я приказал непременно везде по церквам портретов Моих не вешать».

В 1830 г. Смоленский губернатор, поэт-литератор Н. И. Хмельницкий, соорудил в Смоленске церковь на Малаховских воротах. Он предполагал, в честь Государя, посвятить ее святому Николаю. Император не согласился с этим, велев наименовать ее Благовещенской, так как в 1812 г. во время сражения на этих воротах сохранилась икона Благовещения Пресвятыя Богородицы.

При Святейшем Синоде находилась с 1755 г. церковь, бывшая до того придельною в Троицком соборе, что на Петербургской Стороне. Придельный храм был во имя преподобного Харитона исповедника, в память поражения в этот день (28 сентября) в 1708 г. шведов под деревней Лесной. С годами образа этой церкви, написанные неудачно и с латинскими надписями на шелковой материи, обветшали. Вообще храм этот не соответствовал красоте вновь созидавшегося нового здания Синода. Поэтому предположено было устроить в нем новую домовую церковь. Император Николай I на докладе о сем обер-прокурора надписал: «Согласен; но бывшую церковь надо сохранить в память основателя, присвоив ей приличное

место и подновя сколько можно». Новому же храму предположено было дать наименование Седми Вселенских Соборов. Государь утвердил в 1833 г. это предположение. Написаны были иконостас и образ святителей, наиболее «подвизавшихся за правость веры в сих Соборах». В 1835 г. предстояло освящение новой церкви. Обер-прокурор Нечаев наметил 9 мая днем освящения, так как имя святителя Николая «носит Августейший Основатель нового здания». 21 апреля Государь положил резолюцию: «Освятить во имя Апостола Петра, ибо Синод учрежден Петром I-м». Последовал новый доклад о том, что церкви присвоено уже другое наименование. 23 апреля Государь написал на докладе: «Я не помнил, что церковь уже наречена; оставить как есть, освятить когда удобнее». Днем освящения выбран был праздник Сошествия Святого Духа.

4 июня прибыли в Синод Император Николай и Наследник Великий Князь Александр Николаевич. Государь был встречен архиереями в мантиях, Первенствующим в омофоре, со святым крестом. В новой церкви был отслужен молебен. По окончании все проследовали в синодальную палату. По вступлении в нее, Государь, приняв благословение, цѣловал крест и святое Евангелие, поставленное по обычаю в начале присутственного стола. Государь воссел

не на приготовленный Трон, но близ оного на креслах, имея по правую руку Наследника. Присутствовали: митрополит Петербургский Серафим, митрополит Московский Филарет, митрополит Иона, архиепископ Тверской Григорий, протопресвитер московского Благовещенского собора о. Павел Криницкий, обер-священник Главного штаба, придворный протоиерей о. Николай Музовский, обер-священник Армии и Флота протоиерей Василий Кутневич. Присутствовал обер-прокурор С. Д. Нечаев.

В журнале этого исторического заседания Святейшего Синода сказано: «Его Величество изъяснил, что вступил на Прародительский Престол против ожидания, и потому без предварительного приготовления, и что бремя правления, как бы с неба, ниспало на рамена его; что начало и исполняющееся десятилетие Царствования Его Величества встретилось с необыкновенными трудностями и тяжелыми испытаниями; что Синоду памятно происходившее на сей самой площади, которая теперь перед глазами и где первенствующий член (митрополит Серафим) оказал Его Величеству верноподданническую услугу; что вскоре затем следовали Персидская и Турецкая войны, впрочем окончившиеся столь благоуспешно, что Российская держава, по внушенному христианством великодушию, враждебной прежде Турции

доставила умиротворение и защиту; что потом надлежало усмирить мятежное восстание Польши, перенести бедствие губительной болезни и бывшие, по случаю ее, внутренние неустройства в некоторых местах; что преодоление всех этих трудностей Благочестивейший Государь относит к особенной помощи Божией, на которую паче всего и впредь возлагает надежду, быв утвержден в таковых чувствованиях наипаче наставлениями благочестивейшей Родительницы; что, сообразно с сим убеждением, Его Величество, как сам ближайшим к сердцу своему попечением полагает охранение Православия, так равномерно уверен в таковых же преемственно чувствованиях Государя Наследника Престола, и в сем, как Родитель и как Государь, свидетельствует о Нем пред Церковью; что из дел, предлежащих по настоящим обстоятельствам времени Синоду (о действовании которого Его Величество удостоил при сем отозваться с всемилостивейшим благоволением), особенного внимания требуют — предпринятое с превысившим чаяние успехом воссоединение униатов с Православною Церковью и дело обращения раскольников, требующее неослабной бдительности, твердости и постоянства в принятых правилах, без всякого вида преследования; что, простирая попечение о делах церковных на грядущие времена, Его Ве-

личество желает предупредить испытанное затруднение нечаянного вступления в оные, бывшее следствием того, что блаженной памяти Император Александр не имел Наследника Престола в прямой линии; что вследствие сего Его Величество, по благости Божией, имея сынов и Первородного из них приготовляя к наследованию Престола, подобно тому, как ввел уже Его Высочество в Сенат и вскоре намерен ввести в Государственный Совет, изволил признавать полезным знакомить Его Высочество и с церковными делами и потому соизволяет, чтобы Наследник присутствовал иногда при занятиях Синода и под его руководством (Его Величеству благоугодно было употребить точно сие выражение) предварительно приобретал сведения, потребные и в сей части для Его высокого назначения; что в сем Его Величество совершенно надеется на вожделенные успехи Государя Наследника, и в должном сему споспешествовании полагается на усердие Синода и поручает Его молитвам возлюбленного Первенца.

Засим обер-прокурором прочитаны были: 1) Высочайшее Его Императорского Величества повеление, чтобы для удобств в надзоре за духовенством и назидания паствы умножено было число викариев и чтобы Синод ныне же вошел в рассуждение об учреждении вновь до

четырех викариев в обширнейших епархиях. 2) Высочайшее повеление, чтобы Синод вошел в сношения об оказании монастырям пособия землями свыше определенного прежними правилами количества. 3) Объявлено Высочайшее утверждение всеподданнейшего доклада Синода о возвращении самобытности обращенному в Архиерейский дом Ипатиевскому монастырю, где юный Царь Михаил Феодорович умолен был принять державу Российскую, и об учреждении оного монастыря первоклассным кафедральным».

Государь придавал особое значение как должной духовной подготовке, так и улучшению материального положения духовенства. 11 января 1828 г. последовал следующий его указ Синоду: «В постоянном Нашем попечении о благе всех Наших верноподданных, состояние духовенства всегда привлекало особенное Наше внимание. В твердой уверенности, что добрые христианские нравы составляют первое основание общественного благоденствия, а нравы назидаются наставлениями и примером духовенства, Мы всегда желали, чтобы чин духовный имел все средства и к образованию юношества, Церкви посвящаемого, и к прохождению служения его с ревностию и свойственным ему достоинством, не препинаясь заботами жизни и безбедного своего содержания. Изъя-

вив уже в разных случаях Святому Синоду мысль и волю Нашу о столь важных предметах, Мы признали за благо сим снова повелеть, дабы Святой Синод неукоснительно представил Нам способы, какие он найдет нужным, с одной стороны, как успешнейшему образованию духовного юношества и, с другой, дабы лица, духовному званию себя посвящающие, особливо же приходского духовенства, обезпечены были в средствах содержания их везде и особливо в приходах бедных».

Святой Синод выработал в 1829 г. предположения, которые были утверждены Императором. Признано было применить прежний способ — наделение церквей землею. Решено было нарезать соответственное норме количество земли для каждого причта, сколько бы его ни было при одной церкви. В имениях казенных и при казенных заводах количество земли увеличивалось вдвое и втрое. Намечено было постепенное устройство церковных домов для причта и, наконец, назначено ему в наиболее бедных приходах казенное содержание в размере от 300 до 500 руб. в год. Для этого Высочайше повелено было, начиная с 1830 г., ежегодно отпускать из государственного казначейства в распоряжение Синода по 500 000 руб. ассигнациями.

В 1838 г. по Высочайшему повелению учрежден был совещательный Комитет по изысканию средств к обезпечению приходского духовенства. Выработаны были штаты, с разделением приходов на классы и с постоянными окладами жалованья от казны причтам. Размер жалованья был от 140 до 576 руб. на причт. Эти штаты были утверждены Государем 4 апреля 1842 г.

Введение их началось с юго-западных епархий, где, в связи с воссоединением униатов, особенно требовалось благоустройство приходов. Убежденным проводником заданий Государя был Киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков. При нем же было утверждено положение об обработке прихожанами для своих сельских священников 10 десятин церковной земли, постройка же церковных домов и всех служб отнесена на обязанности прихожан и помещиков, которые обязывались выдавать лесной материал для сих строений.

С 1843 г. казенное жалованье постепенно устанавливалось и в других епархиях, преимущественно окраинных. Причты, получающие жалованье, обязывались не требовать платы за важнейшие требы: молитву после рождения детей, крещение, исповедь, причащение, брак, елеосвящение, погребение и присоединение иноверцев.

По данным Е. Сумарокова, приведенным в его книге «Лекции по истории Русской Церкви» (Харбин, 1945), в конце Царствования Императора Николая I считалось до 55 163 священноцерковнослужителей, пользовавшихся жалованьем от казны, при 13 211 церквах, в 32 епархиях. Отпуски от казны постепенно увеличивались; с 1846 г. ежегодно на 100 000 руб. Общая сумма ежегодной казенной ассигновки на содержание городского и сельского духовенства простиралась к 1855 г. до 3 139 697 руб.

Приняты были и другие меры к улучшению быта духовенства. Было предписано выдавать пособия причтам в случае пожара из училищного капитала сначала, в 1827 г., в количестве 25 000 руб., а с 1828 г.— 40 000 руб. Увеличено жалованье служащим в консисториях и духовных правлениях. Назначены прогоны архиереям во время объезда ими епархий (1828).

Императором Николаем I увеличен был отвод земли и угодий монастырям, почин чему сделан был еще его отцом. Указом 1835 г. участки увеличены от 100 до 150 десятин и более или же, взамен их, назначались денежные ассигнования. В 1838 г. утверждены были новые правила, по которым монастыри могли получать в свое заведование лесные участки из казенных дач в размере от 50 до 180 десятин, а в действительности получали даже и больше.

Восстановлен был ряд монастырей, упраздненных в Царствование Императрицы Екатерины. В числе таковых был известный Успенский Святогорский мужской монастырь в Изюмском уезде Харьковской губернии, расположенный на правом берегу Северного Донца (1844 г.). Сумароков указывает, что в первой четверти XIX в. монастырей считалось 450—455, к концу же Царствования Императора Николая I — 544 (415 мужских и 129 женских). Одновременно возрастало число монашествующих, послушников и послушниц.

По данным Сумарокова, в Царствование Императора Николая были учреждены 15 новых епархий и 7 викариатств. Число церквей возросло на 9112, священнослужителей — на 3078.

Государь любил посещать обители, хорошо знаком был с их деятельностью. В 1834 г., при посещении Троице-Сергиевой Лавры, где в течение трех лет был наместником известный архимандрит Антоний, Государь сказал митрополиту Филарету, что нашел ее в несравненно лучшем виде. Особенным вниманием Царя пользовалась Киево-Печерская Лавра. В его время уже славилась Оптина пустынь, и там старцем Макарием начато было издание святоотеческих творений, переведенных архимандритом Паисием (Величковским). Из письма протоиерея Ф. А. Голубинского от 30 декабря

1842 г. Ю. Н. Бартеневу видно, что тогда только что вышло краткое описание жизни «блаженного отца Серафима», преставившегося в 1833 г. Составлено оно было казначеем Троицкой Лавры Сергием, около 15 лет пользовавшимся наставлением старца и издавшим за два года его изречения, вместе с житием пустынника Марка.

Понимание Государем значения обителей особенно ярко проявилось в отношении Сергиевой пустыни под Петербургом. В бытность свою Великим Князем, Николай Павлович, как генерал-инспектор инженерных войск, обратил внимание на вологодского дворянина Димитрия Брянчанинова, обучавшегося с успехом в главном инженерном училище в столице. Он представил его своей супруге, Великой Княгине Александре Феодоровне, приказавшей зачислить его своим пенсионером. Взойдя на Престол, Николай I продолжал благоволить к Брянчанинову. Когда тот весной 1826 г. заболел тяжкой грудной болезнью, имевшей все признаки чахотки, Государь приказал собственным медикам пользовать больного и доносить ему о ходе болезни. Юноша давно задумал принять иноческий чин. Окончив училище, он решил осуществить свое намерение. Тщетны были уговоры его Великим Князем Михаилом Павловичем, действовавшим по указанию Государя.

В 1827 г. он поступил послушником в Александро-Свирский монастырь, в 1831 г. состоялось пострижение его, с наречением Игнатием. В 1832 г. он, в сане иеромонаха, был назначен строителем Пельшемского Лопотова монастыря. В 1833 г. Московский митрополит Филарет намеревался назначить Игнатия, тогда уже игумена, настоятелем Николо-Угрешского монастыря. К этому времени все события жизни игумена Игнатия стали известны Государю. Он предложил митрополиту Филарету вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в Петербург, причем добавил, что, если Игнатий так же ему понравится, как то было прежде, то он его владыке Филарету не отдаст.

В назначенный день и час игумен Игнатий представился Государю в Зимнем дворце. Государь обрадовался, увидев своего воспитанника, «а радость,— пишет друг Игнатия Чихачев,— предстать любимому Царю, полнота благодарного чувства за все Его Монаршие милости доводили до благоговейного восторга теплую душу инока верноподданного». После некоторых объяснений Государь сказал: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не захотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь — на нем ты

и уплати мне долг твой. Я даю тебе Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем он повел игумена на половину к Государыне. Войдя к ней, спросил ее: узнает ли она этого монаха? На отрицательный ответ он назвал игумена по фамилии. Государыня очень милостиво отнеслась к своему бывшему пенсионеру и просила благословить всех детей ее. Вызванный тотчас же обер-прокурор Синода Нечаев доложил Государю, что Сергиева пустынь отдана викарному епископу и из доходов ее тот получает содержание. Император приказал представить ему справку, какую именно сумму получает от монастыря епископ. Он приказал в этом размере производить ему выдачу из Кабинета Императорского Величества, а монастырь сдать в управление новому настоятелю. Игумен Игнатий возведен был 1 января 1834 г. в сан архимандрита.

Летом этого года Государь с Императрицей и Наследником посетили обитель. Войдя в храм, Государь велел сказать архимандриту, что «прежний товарищ хочет его видеть». Государь подробно осматривал постройки, и в 1835 г. на поправление Троицкого собора было отпущено из казны около ста тысяч рублей. До своей кончины Император Николай неиз-

менно оказывал внимание архимандриту Игнатию.

Заботил Государя вопрос о должной постановке образования в духовно-учебных заведениях, число которых увеличилось в его Царствование. К существовавшим академиям — Киевской, Московской и Петербургской — прибавилась Казанская. Будучи открытой еще в 1797 г., она в 1818 г. обращена была в семинарию. Волею Государя она в 1842 г. вновь стала академией. По данным Сумарокова, открыты были семинарии: Олонецкая (в Петрозаводске, в 1829 г.), Саратовская, Херсонская (1838), Симбирская (1840), Камчатская (первоначально Новоархангельская на о. Ситхе, в 1845 г.) и Рижская (1850). Кроме того, в семинарию преобразован существовавший дотоле в Харькове духовный коллегиум. Увеличилось число уездных духовных училищ, отчасти за счет приходских училищ, значительно сократившихся.

По почину обер-прокурора Святейшего Синода графа Н. А. Протасова (1799—1855), до этого исполнявшего обязанности министра народного просвещения и заменившего с 1836 г. Нечаева, пересмотрены были уставы духовно-учебных заведений (1808 и 1814 гг.). В 1838 г. в семинарии введено было преподавание библейской истории и историческое учение об

отцах Церкви, усилено изучение Священного Писания и русской церковной истории. Предписано было по праздникам вести катехизические беседы, которые могли бы служить образцом для бесед священника с прихожанами.

В 1839 г. упразднена была комиссия духовных училищ и заменена духовно-учебным комитетом. В том же плане хозяйственный комитет был преобразован в хозяйственное управление при Синоде.

В 1840 г. преобразованы были духовные училища. В намерение графа Протасова входило, за счет сокращения общеобразовательных предметов, введение новых предметов, «особенно полезных в общежитии и в житейском быту священника, как то: естественные науки, начало медицины и сельское хозяйство, дабы готовящиеся преимущественно в сельские священники, чрез приобретение нужных сведений в сих науках, могли иметь благотворное влияние на благосостояние народное». Из главных предметов признавалось полезным особенно приспособить к обязанностям сельского священника богословие пастырское и собеседовательное, из общеобразовательных предметов «преподавать всем ученикам логику и психологию, российскую словесность, историю, физику и геометрию, языки греческий и латинский».

Протоиерей Г. Флоровский в упоминавшейся книге, ссылаясь на архимандрита Никодима (Казанцева), будущего епископа Енисейского, привлеченного к работе по составлению новых уставов, приводит, с его слов, данные ему Протасовым указания: «Из семинарий поступают в священники по селам. Им надо знать сельский быт и уметь быть полезным крестьянину даже в его делах житейских. Итак, на что такая огромная [наука] богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольномыслия, вздоров, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрия, дифференциалы, интегралы? Пусть лучше затвердит хорошенько Катехизис, церковный устав, нотное пение. И довольно. Высокие науки пусть останутся в академиях... У нас кадет знает марш и ружье, моряк умеет назвать последний гвоздь корабля, знает его место и силу, инженер пересчитает всевозможные ломы, крюки, канаты. А вы, духовные, не знаете ваших духовных вещей». «Протасов разумел не только "устав" и "нотное пение",— добавляет протоиерей Флоровский,— но еще и умение говорить с "народом"... Протасов предлагал во всем школьном строе усилить "характер общенародности", придать всему преподаванию "направление, сообразнейшее с нуждами сельских прихожан". Задачу духовной школы Протасов

так и определял: "образование достойных служителей алтаря и проповедников слова Господня в народе"».

Митрополит Филарет Московский был против этих преобразований, находя поддержку в существовавшей еще тогда Комиссии духовных училищ. Но графу Протасову, опиравшемуся на сочувствие его предположениям Государя, удалось в значительной мере провести таковые.

Изменено было и академическое преподавание. Введено было изучение патристики, логики с психологией, педагогики и усилено изучение русской церковной истории. В уездных училищах порядок учения применен был к семинарскому, чтобы ученики готовы были потом слушать семинарские уроки. Пополнено было в училищах изучение предметов, необходимых для причетнического звания.

В 1851 г. преобразованы были, в соответствии с этим, низшие училища и открыты причетнические классы в 17 многолюднейших епархиях.

По представлению графа Протасова Высочайше утверждены были новые штаты духовно-учебных заведений. Прибавлено было 468 225 руб. к прежде отпускавшейся сумме, что увеличивало содержание наставников наполовину. Увеличились также средства на содержание училищных

домов. Разновременно назначались добавочные оклады на содержание учеников в разных семинариях.

В 1836 г. последовало Высочайшее повеление о приглашении и поощрении всего православного духовенства к повсеместному заведению при церквах и монастырях школ для наставления детей поселян в законе Божием, чтении и письме и других необходимейших первоначальных познаниях. Во исполнение этого Синод указом от 19 октября 1836 г. составил для руководства «Правила касательно первоначального обучения поселянских детей». Этот указ надо считать началом существования церковно-приходских школ. В 1853 г. имелось 4820 школ с 98 260 учившихся, из них 10 609 женского пола.

В 1837 г. Высочайше повелено было заводить «приходские училища» и Министерству государственных имуществ. Вскоре появились так называемые сельские школы для детей казенных крестьян.

Давно трудности вызывал вопрос о замкнутости духовного сословия, вследствие чего на родителей возлагалась обязанность непременно отдавать своих детей в духовные училища. Училища и семинарии бывали переполнены учащимися, которых, по окончании ими духовных учебных заведений, некуда было размещать за

недостатком священнослужительских вакансий. Еще большие затруднения получались в отношении лиц, не кончивших семинарского курса.

В 1849 г. Синод учредил особый комитет из светских и духовных лиц, под председательством архиепископа Иннокентия Херсонского, для решения участи остававшихся неразмещенными на службу детей духовенства и для устранения накопления их на будущее время.

Синод одобрил следующие меры, выработанные комитетом: 1) освободить духовенство от непременной обязанности отдавать своих детей в духовные училища, предоставив ему свободу избирать для них по своему усмотрению образ жизни и воспитания; 2) оказавшимся излишними в духовном ведомстве предоставить свободу выйти из него и устраиваться на службу в других ведомствах, при содействии епархиальных архиереев; 3) лиц, оказывающихся недостойными духовного звания, передать гражданскому начальству для избрания ими рода жизни; 4) для предупреждения на будущее время накопления лишних лиц в духовном ведомстве определить нормальное число воспитанников в средних и низших духовно-учебных заведениях.

Государь утвердил 19 декабря 1850 г. синодальный доклад. Синод решил проводить эти меры постепенно, сначала в многолюднейших

епархиях, вменив благоразумную осторожность в проведении их. Настоящее осуществление этого удалось в следующее Царствование. Но почин сделан был Императором Николаем I.

Заботливость Государя проявилась и в налажении дела воспитания дочерей священнослужителей. Существовали издавна для этого школы при женских монастырях, скорее приюты. К этому делу с особым сочувствием отнеслась Великая Княжна Ольга Николаевна (с 1846 г. принцесса Вюртембергская, потом королева). Составлена была, по ее указаниям, записка. Государь одобрил предположения дочери и 18 августа 1843 г. повелел учредить в Петербургской епархии, в виде опыта на два года, образцовое трехклассное училище для девиц духовного звания под покровительством Императрицы и попечительством Великой Княжны Ольги Николаевны. Содержание его было отнесено на счет духовно-учебных капиталов. Училище создано было в Царском Селе. Целью его было — укоренять в воспитанницах православное учение, благонравие, любовь к порядку и готовить их к положению супруг и матерей преимущественно в сельском быту.

В это Царствование, по данным Сумарокова, открыты были училища: в Солигаличе (Костромской губернии) в 1845 г., перемещенное в 1848 г. в Ярославль, Казанское (1853) и

Иркутское, возникшее в 1854 г. по непосредственному указанию Государя. Учреждение Царскосельского училища дало толчок появлению епархиальных училищ, которые и стали возникать в конце Царствования Императора Николая I. Старейшие из таких училищ были в Рязани и в Харькове.

Император Николай I придавал большое значение миссионерскому делу. В 1830 г. в Казанской епархии вновь были учреждены особые миссионеры, а в 1854 г. при академии созданы были особые миссионерские отделения. Над просвещением калмыков ревностно трудился протоиерей В. Дилигентский, хороший знаток местного языка. Особенно оживилась работа в Сибири созданием новых миссий. С 1830 по 1844 г. трудился в открытой в 1828 г. Алтайской миссии известный архимандрит Макарий (Глухарев). Возникли миссии: Обдорская (1832) и Кондинская (1844). В Восточной Сибири для просвещения бурят много сделано было архиепископами Иркутскими Михаилом (Бурдуковым), положившим начало Забайкальской миссии, и Нилом (Исаковичем), особенно известным своими переводами богослужебных книг на монголобурятский язык.

В 1840 г. открыта была Камчатская епархия. Принимая только что постриженного и поставленного архимандритом известного про-

светителя алеутов Иннокентия (Вениаминова), Государь лично объявил о своем решении видеть его во главе новой епархии. Он же повелел наименовать епархию не Северо-Американской и Камчатской, а Камчатской, Курильской и Алеутской. На слова графа Протасова, оказывавшего и раньше полную поддержку начинаниям нового епископа (ранее протоиерея Иоанна), что на Курильских островах нет ни одной церкви, Государь сказал: «Построить». На Кавказе развивал успешно миссионерское дело митрополит Иона (Василевский), правивший с 1821 по 1832 г.

Император Николай I с начала своего Царствования обратил особое внимание на униатский вопрос. Как известно, Ватикан в течение долгого времени старался последовательно принимаемыми мерами возможно более окатоличить униатство. Еще в 1720 г. Замойский униатский собор постановил издать для униатских церквей новые служебники, исправленные на католический лад и со включением в Символе веры прибавки: и от Сына. Во многих униатских церквах стали уничтожаться иконостасы и появляться католические престолы; завелись исповедальни, скамьи и пр. В Царствование Императрицы Екатерины II, благодаря Могилевскому епископу Георгию (Конисскому), произошло возвращение некоторого числа

униатов в Православие. Над очищением унии от католических примесей работал униатский архиепископ Ираклий (Лисовский), правивший с 1784 по 1809 г. Но при Императоре Павле I католичество, как указывалось выше, получило новую силу. Иезуит патер Грубер приближен был Государем. Католичество изображалось единственным противовесом революционному движению, распространявшемуся тогда в Европе. Униатская церковь лишена была Императором Павлом самостоятельности и подчинена общему управлению с латинской в католической коллегии, где из униатов не было ни одного члена. Только в Царствование Императора Александра I в 1803 г. в число членов католической коллегии введены были униатский епископ и три униата асессора. В 1805 г. коллегия была разделена на два департамента — католический и униатский. Председателем последнего был назначен архиепископ Ираклий, который в 1806 г. был возведен в сан самостоятельного митрополита. Ему удалось в значительной мере подорвать значение базилиан и поднять униженное положение белого духовенства. Преемники его старались следовать по его стопам. В 1817 г. митрополитом был поставлен Иоасафат (Булгак), до этого епископ Брестский, придерживавшийся католических убеждений. Но благодаря работе, начатой ар-

хиепископом Ираклием, воспитывались новые деятели, которые и привели к воссоединению униатов.

Принимая в начале Царствования униатских епископов, Государь, обращаясь к ним, решительно сказал: «Я не хочу, чтобы ваша церковь была передней римского обряда». В то время стал выделяться униат Иосиф Семашко, родившийся в 1798 г. Уроженец Киевской губернии, сын небогатого дворянина, потом униатского священника, он проникнут был с детства православными симпатиями. Окончил он гимназию в Немирове и продолжил образование в главной семинарии при Виленском университете. В 24 года он был протоиереем и асессором униатского департамента католической коллегии. Тогда-то, ознакомившись в Петербурге с православной обрядностью и русской духовной литературой, Семашко и задумал возвращение униатов в лоно истинной Церкви, предполагая проводить это постепенно. В своих записках он высказывался так: «Родина моя была поприщем двухвековой кровавой борьбы между малороссиянами, защищавшими свою веру и народность, и их притеснителями — поляками». Он указывал, что после раздела Польши уния была сильнее на Литве, чем в Белоруссии и, особенно, в юго-западном крае. Поэтому с 1794 по 1796 г. униаты Волынской

и Подольской губерний естественно присоединились к Православию. Напротив, в то же время на Литве и Белоруссии уния усилилась вследствие ошибок Русского правительства. Он считал ошибкой Императрицы Екатерины оставление иезуитов. Семашко писал: «История униатской церкви со времени раздела Польши и до 20-х годов этого столетия есть только перечень наших ошибок, повествование о нашем неведении, нашем легкомыслии, нашем псевдоевропеизме». Он считал, что за два века существования унии «народ и духовенство остались чуждыми римской церкви». Зло — базилиане, обладавшие влиянием и средствами. «Стоило обуздать гонителей, и далеко очутились бы от них угнетенные».

В 1827 г. Семашко составил записку с изложением отчаянного положения народа и с указанием стараний Ватикана окатоличить униатское духовенство. Он предлагал в целях борьбы открыть для униатского управления особую униатскую коллегию, оставить только две униатские епархии — Белорусскую и Литовскую, улучшить содержание духовных школ и прекратить обучение униатской молодежи в католических школах. Признавал он важным сократить число базилианских монастырей. Император Николай, получив от А. С. Шишкова эту записку, сказал последнему: «Разделяя

совершенно сей образ мыслей, я радуюсь, что случайно нашел в униатской церкви человека, который, может быть, способен помочь нам в деле, которым непрестанно занимаюсь и с помощью Божией приведу в исполнение. Вы можете ему объявить, что я весьма доволен, что его узнал».

22 апреля 1828 г. последовал Высочайший указ об учреждении самостоятельной грекоуниатской Духовной коллегии. Иосиф Семашко и два его единомышленника, Василий Лужинский и Антоний Зубко, были назначены ее членами. Основана была униатская семинария в Жировицком монастыре. Закрыты несколько базилианских монастырей.

4 августа 1829 г. в костеле Святой Екатерины в Петербурге Иосиф Семашко посвящен был в сан епископа Мстиславского, викария Белорусской епархии, с назначением председателем Белорусской коллегии, с оставлением членом Духовной коллегии. После польского восстания 1830—1831 гг., в котором большое участие принимали ксендзы и базилиане, закрыты были главные базилианские монастыри. Успенская Почаевская Лавра 10 сентября 1831 г. возвращена была православным. В 1833 г. обитель была сделана первоклассным монастырем и названа Лаврой. Оставлены были только две епархии. Иосиф Семашко назначен был

Литовским епископом, Иоасафат Булгак стал митрополитом Белорусским. Василий Лужинский и Антоний Зубко назначены были викарными епископами.

Епископ Иосиф разработал общий план воссоединения униатов. В униатских церквах вводилась православная обрядность. В 1835 г. униатские семинарии и училища, наравне с православными, подчинены были Комиссии духовных училищ. В начале 1837 г. заведование делами униатской церкви передано было из Министерства внутренних дел обер-прокурору Синода. Архипастыри Иосиф, Василий и Антоний, находясь непрерывно в связи с униатским духовенством, разъясняли ему свои объединительные намерения и собирали подписи сочувствовавших воссоединению. В 1838 г. умер латинствовавший митрополит Иоасафат Булгак. Председателем униатской коллегии назначен был владыка Иосиф, епископ Василий получил Белорусскую епархию покойного митрополита.

12 февраля 1839 г. в Полоцком Софийском соборе, где собрались все высшие представители униатской церкви, состоялось соборное постановление епископов о воссоединении. Святейший Синод постановлением от 23 марта 1839 г. решил: «Епископов, священников и духовные паствы так именовавшейся доныне грекоуниатской церкви, по священным правилам и

примерам Святых Отец, принять в полное и совершенное общение Святыя Православно-Кафолическия Восточныя Церкви Всероссийския». На докладе о сем обер-прокурора Государь, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, начертал: «Благодарю Бога и принимаю». По распоряжению Государя выбита была медаль с изображением на одной стороне — хронологической даты, а на другой — восьмиконечного креста с обозначением над ним и под ним: «Отторженные насилием — воссоединены любовию».

Бывшие униатские епископы получили православные епархии в Западном крае. Владыка Иосиф назначен был архиепископом Литовским, в 1852 г. возведен был в сан митрополита († 1867). Владыка Василий управлял Полоцкой епархией, с 1841 г. в сане архиепископа; владыка Антоний управлял Минской епархией.

М. Коялович писал о владыке Иосифе Семашко, в связи с его запиской 1827 г., имевшей такое значение для воссоединения: «Гениальный человек, сознавший свое призвание с юности. Шел трудным путем, перевоспитывая униатов и сам перевоспитываясь. Потому шел путем медленным и работал в Белоруссии и Литве, наиболее ополячившихся. Из Вильны, очага полонизма, сделал очаг Православия».

Граф Д. Толстой, отмечая, как спокойно прошло воссоединение, писал: «Большинство духовенства и народа не были чужды Православной Церкви; оттого-то и могло совершиться мирно воссоединение с нею унии... Призадумаются будущие историки: как, в самом деле, один неизвестный, бедный униатский священник в 10 лет уничтожил то, что создавали в продолжение столетий могущественный папа и более, быть может, могущественный иезуитский орден, столько польских королей, вся польская аристократия, весь неизмеримый фанатизм польских ксендзов?»

Московский почт-директор А. Я. Булгаков прислал митрополиту Московскому Филарету заграничный журнал, в котором говорилось о воссоединении униатов. Владыка 21 октября 1842 г. писал ему: «С благодарностью за удовлетворение любопытству, возвращаю Вашему Превосходительству два листа французского журнала. Кто хотя несколько знает историю начала унии в России, тот легко увидит в манифесте папы, что непогрешительный грешит против истины, как сказка; и потому и незнающий может догадаться о клевете на современные события. Жаль, что Европа охотно доверяет клеветам на Россию, так как потерявшие добродетель охотно верят клевете на добрых».

В Царствование Императора Николая I усилился переход в Православие лютеран, коренных жителей Прибалтийского края — латышей и эстов. Деятельность русских иерархов Иринарха и Филарета (Гумилевского) встречала большие трудности. С немецкой стороны влечение к Православию изображалось в Петербурге, в правящих кругах, как движение крестьян против помещиков. Генерал-губернаторы этого края, как немцы (барон Пален), так одинаково и русские (Е. А. Головин и князь А. А. Суворов, внук генералиссимуса), были на стороне лютеран-помещиков. У последних были большие связи в столице. Одно время сильную поддержку епископу Филарету оказывал министр внутренних дел граф Л. А. Перовский. В Высочайше преподанной инструкции Головину в 1845 г. было, в числе прочего, сказано: «...Принять меры, чтоб, с одной стороны, не было допущено подстрекательство к переходу лютеран в Православие, а с другой — устранено всякое противодействие сему, равно как утеснение перешедших». Государь, принимая депутацию дворян Лифляндской губернии, заявил им, что он, «сам принадлежа к Православию, не может и не должен запрещать переход в господствующую Церковь». По данным «Энциклопедического словаря», число присоединен-

ных к Православию к 1846 г. превзошло 100 000 человек.

Церковно-государственному мировоззрению Императора Николая вполне отвечал указ от 21 марта 1840 г. Землевладельцам, совратившимся и изменившим Православию, запрещалось обладание крепостными и над имением их назначалась опека. Такие помещики не могли быть наставниками своих крестьян.

Великою радостью для Императора Николая Павловича было состоявшееся с его утверждения 7 августа 1832 г. прославление мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского. Через сорок дней после этого великого торжества Государь прибыл в Воронеж поклониться мощам новоявленного угодника Божия.

До 1833 г. обер-прокурором был князь П. С. Мещерский, занимавший эту должность с 1817 г. Преемником его стал С. Д. Нечаев. При нем усилилось значение занимавшейся им должности. Иерархи и духовенство его не любили. Когда в 1833 г. он уехал в Крым к умиравшей жене, Синод просил Государя дать ему, как человеку обширных государственных способностей, другое, более высокое назначение, а обер-прокурором назначить графа Николая Александровича Протасова. Государь исполнил эту просьбу.

Воспитателем графа Протасова был иезуит, что, в известной мере, отразилось на нем, отнюдь не склонив его к католичеству. При нем произошло воссоединение униатов. Сказалась и прежняя его военная служба. Перед своим назначением он исполнял должность товарища министра народного просвещения и заведовал Белорусским учебным округом. Им еще более усилено было значение обер-прокурора и налажен административный аппарат Синода. Можно различно относиться к синодальному строю, но раз он существовал, то было важно придать правильность обслуживавшим Синод учреждениям. Властная природа графа Протасова не раз сталкивалась с твердо сложившимися воззрениями отдельных иерархов. Особенно это надо сказать о тоже волевом митрополите Филарете Московском. Последний, а равно и митрополит Филарет Киевский с 1842 г. предпочли уклониться от участия в заседаниях Синода, продолжая оставаться его членами и влияя на церковные дела. Граф Протасов о митрополите Филарете Московском говорил: «Слушаются иногда дела, почти неразрешимые, возникают обстоятельства сомнительные, поднимаются вопросы щекотливые... Мы думаем, думаем, — и ничего не придумаешь. И вот я, пользуясь его (митрополита Филарета) правилом не отказываться ни от какого труда, соберу все

бумаги к разрешению задачи, запечатаю, напишу "В собственные руки", и прав! Святой отец все обсудит, обделает и скорехонько мне возвратит» (Сумароков).

Ближайшим сотрудником графа Протасова был А. И. Карасевский, назначенный директором Духовно-учебного управления. Им проводилась реформа духовных учебных заведений. Он прекрасно поставил хозяйственную часть учебных заведений и увеличил капитал подведомственного ему управления.

При вступлении Императора Николая на Престол важнейшие епархии возглавляли выдающиеся иерархи: Киевскую — митрополит Евгений (Болховитинов), Петербургскую — митрополит Серафим (Глаголевский) и Московскую — архиепископ Филарет (Дроздов). К первым двум Государь обратился 25 декабря 1825 г. с письмами, препровождая им украшенные драгоценностями панагии. «Подвиг ваш в 14 день сего декабря, когда вы с ревностию, достойною архипастырского сана вашего, не щадя живота своего, лично предстали пред толпою восставших против законной власти и гласом кротких убеждений тщались преклонить заблудших сих овец к повиновению, обратил мое на вас внимание», — писал Государь митрополиту Серафиму. «Обращая внимание мое на служение ваше Церкви, Престолу и

Отечеству, для которого вы подвизались ныне в 14 день декабря, когда, подвергая жизнь свою опасности, разделили оную вместе с Преосвященным митрополитом Новгородским и С.-Петербургским Серафимом, справедливым почитаю изъявить за то мою признательность», — говорилось в рескрипте митрополиту Евгению. Благодарственное письмо было послано Государем архиепископу Филарету за изъявление чувств преданности по случаю восшествия на Престол. Владыка был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке, в день же венчания на Царство, 22 августа 1826 г., возведен в сан митрополита.

Владыка Серафим скончался в 1843 г. митрополитом, неизменно пользуясь благоволением Государя. По его и митрополита Евгения представлению Император издал 12 апреля 1826 г. указ, положивший конец Библейскому обществу. Вместо него основано было в 1831 г. «Евангелическое Библейское общество в России», исключительно для протестантов.

Митрополит Евгений, известный ученый-историк и исследователь старины, пребывал в общении с Государем, часто бывавшим в Киеве. Заменивший его с 1837 г. иерарх-подвижник митрополит Филарет (Амфитеатров) пользовался особым почитанием Государя.

Митрополит Филарет (Дроздов) занимал Московскую кафедру в течение всего Царствования Императора Николая I. В это тридцатилетие ничто важное в церковной, государственной и общественной жизни не миновало этого исключительного по своим дарованиям иерарха. Государь не во всем с ним соглашался, но мнение его всегда учитывал. Ему приписывают отказ Государя от предположения привлечь Наследника Престола к участию в заседаниях Синода. Митрополит Филарет, поддержанный митрополитом Серафимом, добился в 1835 г. отстранения от законоучительства Наследнику Престола известного филолога и гебраиста протоиерея Герасима Павского. Последний, в прошлом деятель Библейского общества, исповедовал весьма странное вероучение. Протоиерей Г. Флоровский в книге «Пути русского богословия» пишет о нем: «"Религия есть чувство", определяет он, "коим дух человеческий внутренне объемлет Невидимого, Вечного и Святого, и в нем блаженствует. Учение религии состоит *только* в том, чтобы чаще пробуждать, оживлять и питать это святое *чувство*, дабы оно укреплялось, просветлялось и воспламенялось внутри человека, дало из себя силу, свет и жизнь всему человеку, всем его понятиям, всем его мыслям, желаниям и действиям..." Обряды и самые догматы составляют только

внешнюю форму,— поясняет протоиерей Флоровский сказанное,— суть только "намек", и догматы разума могут даже и подавлять и заглушать это непосредственное "святое чувство". Религия, в понимании Павского, сводится почти только к морали. И Христос для него вряд ли многим больше, чем Учитель... Павский ограничивал "существенное" в христианстве прямым свидетельством Писания... Церковь, в понимании Павского, объемлет все исповедания,— поскольку они содержат "истинную сущность" догматов. Пальмер был очень удивлен, услышав об этом. В беседе с Пальмером Павский был очень откровенен. Священник ничем не отличается от пастора, а потому "преемство" не прервано, например, у лютеран... Следует и то еще отметить, что Павский с большой горячностью высказывался против монашества: "монашество я понимаю делом нечистым и противным закону натуры и, следовательно, закону Божию, в чем уверила меня и церковная история"».

Вполне понятным было желание митрополитов отстранить от влияния на Цесаревича Александра Николаевича подобного законоучителя. Государь, несмотря на то что протоиерей Павский был выдвинут В. А. Жуковским и генералом Мердером и пользовался личным расположением как его самого, так и Императрицы,—

внял голосу двух митрополитов. В 1841 г. перевод Ветхого Завета, сделанный протоиереем Павским, литографированный студентами Петербургской академии и заключавший в себе неправильности, получил распространение среди учащихся. Когда это обнаружилось, митрополит Серафим высказался по этому вопросу очень резко, митрополиты же Московский Филарет и Киевский Филарет значительно мягче. Император Николай, требовавший в церковных вопросах полной определенности, остался недоволен ими обоими. Именно это дело и вызвало неучастие с 1842 г. Московского и Киевского митрополитов в заседаниях Синода.

В Царствование Императора Николая I много было выдающихся архипастырей среди тех, кто трудились на ниве Христовой. Имена некоторых упоминались выше. Надлежит указать еще на Никанора (Клементьевского), архиепископа Волынского, затем Варшавского, с 1848 г. митрополита Петербургского; Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского; Григория (Постникова), архиепископа Казанского, будущего митрополита Петербургского; Филарета (Гумилевского), епископа Рижского, потом Харьковского; архипастырей Нижегородских — архиепископа Иакова (Вечеркова) и епископа Иеремию (Соловьева), принявшего впоследствии схиму; Игнатия (Семенова),

архиепископа Воронежского; архипастырей Харьковских — архиепископа Мелетия (Леонтовича) и Макария (Булгакова), будущего митрополита Московского; Григория (Миткевича), епископа Калужского; Димитрия (Муретова), епископа Тульского, будущего архиепископа Херсонского.

Велась большая работа в Духовных академиях. Блестящ был расцвет Киевской академии при двух митрополитах — Евгении и Филарете, ректорах епископе Иннокентии (Борисове) и архимандрите Иеремии (Соловьеве), инспекторах архимандритах Григории (Миткевиче) и Димитрии (Муретове), профессорах Я. К. Амфитеатрове, И. А. Соколове и др. Процветала, под руководством митрополита Филарета, Московская академия, с известными тогда профессорами Е. В. Амфитеатровым, протоиереями А. В. Горским и Ф. А. Голубинским.

Император Николай I, как защитник Православия на Востоке, вынужден был отстаивать перед Турцией права единоверных греков в Святой Земле. Магометанские государства издревле признавали за ними эти права. В 1740 г. Франция добилась у турок предоставления некоторых привилегий католикам, в ущерб православным. Позднее султанами восстановлены были древние права православных. В 1850 г. Франция настояла на возвращении католикам

того, что они получили в середине XVIII в. При этом католикам отданы были и ключи от храма Воскресения в Иерусалиме, находившиеся раньше у греков. Турция, учитывая усиливавшуюся враждебность к России Франции и Англии, стала к тому же повсюду хуже относиться к своим православным подданным. Покровительство им со стороны России было установлено еще Кучук-Кайнарджийским договором 1774 г. Государь потребовал в 1853 г. у Турции восстановления прав православных. Кроме того, возбуждено было Россией ходатайство о разрешении возобновить купол над храмом Гроба Господня и построить в Иерусалиме церковь, больницу и богадельню для русских богомольцев. Турция склонна была исполнить требования и просьбы России, но, подстрекаемая Францией и Англией, затем отвергла их. Император Николай приказал войскам занять временно Молдавию и Валахию. Франция и Англия двинули свои флоты в Дарданеллы, Турция начала военные действия. В разгар Восточной войны в защиту Православия Император Николай I скончался 18 февраля 1855 г.

Митрополит Московский Филарет 25 февраля 1855 г. обратился к Императрице Александре Феодоровне со следующим письмом:

«Не знаю, позволительно ли дерзновение, которое приемлю, и потому медленно решаюсь, однако, наконец, решаюсь предстать пред Ваше Императорское Величество с смиренным словом.

Но что скажу о великом лишении, которым Неисповедимому в судьбах Своих Богу угодно было внезапно посетить Россию? Всеми и каждым оно чувствуется, но удобнее и свойственнее выражается не словами, а воздыханиями, слезами и глубоким безмолвием пронзенных печалью и с тем вместе покорных судьбам Божиим сердец.

Твою *душу* первее всех *пройде сие оружие*: разумеется, что великости Твоей печали ничто не может быть равно, как только великость любви, соединявшей Твою душу с душою Державного Твоего Супруга. И с молитвой печали о Царе, в Бозе почившем, с молитвой утешения и надежды о Царе, Богом дарованном, и о Супруге Его, и о Наследнике Его, соединяем особенную молитву о Тебе, Благочестивейшая Государыня, *да услышит Тебя Господь в день печали* и, осенив душу Своим благодатным миром, дарует Тебе возможность рещи к Нему: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою.*

Поистине, Матерь благословенно-воцарившегося Царя, Праматерь Наследника Царева, в сих наименованиях не заключается ли для

Тебя утешение так же праведное и сильное, как Твоя печаль?

Да утешит Тебя воспоминание, что Твой Державный Супруг, во все продолжение царствования, среди неутомимых трудов и в часы скорби или огорчений, всегда своим любящим сердцем находил успокоение близ Твоего любящего сердца. Храня Его спокойствие, Ты хранила сокровище России.

Да утешит Тебя воспоминание, как значительно Господь благословил Его жизнь, в Его последних днях и часах, в которых светлые черты Царя и Отца семейства — христианина, несмотря на изнеможение внешнего человека, сияли так сильно, так назидательно и благотворно! Твоя молитва соединилась с Его последнею молитвою. Над сим союзом не имеет власть смерть: он простирается от времени в вечность. Молитва приближает к Богу, и близ сего средоточия существ и миров не разлученно то, что является разлучением в мире перемен. *Молитвою веры и упования возверзи на Господа печаль Твою.*

С утешением помышляем, что и Твоя любовь к Твоему Державному Сыну побуждает Тебя умерить Твою печаль, чтобы ею не увеличивать тяготы души Его тогда, когда он взял на свои рамена великое бремя — Россию.

Если позволительно мне сказать нечто и о себе, — лишаясь последнего утешения в близости принести долг мой в Бозе почившему Государю, который малое мое служение удостоивал внимания, и милостынями своими далеко выше моего достоинства меня ущедрял и на мои недостатки снисходительно взирал, — то я должен покориться всякой необходимости: это мой служебный долг привязывает меня к месту и моя ветхость не оставляет мне надежды перенести далекий путь».

В заключение приведем отзыв об Императоре Николае I еще двух иерархов, лично его знавших. Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) говорил: «История не представляет такого венценосца, который мог бы рядом стать с нашим Государем по великодушию, по крепости царского слова, по рыцарской честности».

Архиепископ Рижский Платон (Городецкий), впоследствии митрополит Киевский, говорил И. Палимсестову после кончины Государя: «У этого Царя воистину была Царская душа, во всем ее царственном величии, свете, силе и красоте... Я Николая I ставлю выше Петра. Для него неизмеримо дороже были Православная вера и священные заветы нашей истории, чем для Петра. Император Николай Павлович

всем сердцем был предан всему чистокровному русскому и в особенности тому, что стоит во главе и в основе русского народа и Царства — Православной вере. То был истинно православный, глубоко верующий Русский Царь, и едва ли наша история может указать подобного ему в этом отношении. Припомните последние часы его жизни: так умирать может истинный христианин, истинный сын Православной Церкви...»

Царская Россия и Северо-Американская Республика

Императрица Екатерина II Великая и ее правнук Император Александр II Освободитель способствовали созданию и утверждению великой заокеанской республики.

В 1775 г., в самом начале американской революции, Английский король, с успехом вербовавший солдат для своей армии в отдельных германских княжествах, не переставал просить Русскую Государыню о разрешении производить то же в России и вообще об оказании помощи Англии. Императрица Екатерина сначала

Тальберг Н. Д. Отечественная быль. С. 206–220.

отвечала уклончиво, а затем написала ему собственноручное письмо с отказом.

28 февраля 1780 г. Государыней опубликована была декларация, имевшая целью защищать интересы нейтральной торговли, крайне стесненной действиями воюющих держав во время войны американских колоний с Англией за независимость, в которой позднее приняли участие Франция и Испания. Образовался союз держав, придерживавшихся *«вооруженного нейтралитета»*. В него входили Россия, Дания, Швеция, Пруссия, Австрия, Португалия, Королевство Обеих Сицилий. Принципы декларации были признаны Францией, Испанией, Американскими Штатами. Англия, против которой направлено было острие этого акта, отвергла его, но все же вынуждена была дать своим каперам и призовым судам указания, смягчавшие их прежнюю практику. В выигрышном положении оказались Северо-Американские Штаты.

В 1788 г. основатель флота Соединенных Штатов Джон Поль был принят в Российский флот с чином контр-адмирала и способствовал победам над турками. Вследствие интриг некоторых русских военных он должен был оставить свой пост.

Во время подавления польской революции 1794 г. графу Суворову попался в плен личный

секретарь короля Станислава Понятовского американец Лительпаж, посланный в Польшу Джефферсоном. Император Павел I, вступив на Престол, освободил Лительпажа и уплатил не доплаченное ему Польским королем жалованье, на которое тот спокойно прожил остаток своей жизни в Вирджинии.

Император Александр I поддерживал переписку с Джефферсоном. После войны 1812—1815 гг. Соединенных Штатов с Англией мир в Генте был заключен при посредничестве Русского Государя. Послом Соединенных Штатов в России (с 1809 г.) был Джон Куинси Адамс, будущий шестой президент, впервые бывший в С.-Петербурге в 1781 г. секретарем представителя Америки Фрэнсиса Дейна.

В царствование Императора Николая I установилась живая связь с Соединенными Штатами в области науки. Пулковская обсерватория, основанная в 1839 г., по богатству и совершенству своего оборудования сразу заняла первое место в мире. Император Николай очень интересовался этим начинанием. Вершина Пулковской горы была им указана. В Пулкове был установлен величайший в то время 15-дюймовый телескоп, исполненный в Мюнхене фирмой Мерца и Малера. Директором обсерватории был назначен знаменитый русский астроном Вильгельм (Василий) Струве.

В начале сороковых годов в Цинциннати стал выходить первый в Соединенных Штатах астрономический журнал. Создан он был Ормсби Митчелом, учителем математики и астрономии в тамошнем колледже. В 1842 г. Митчел предпринял поездку в Европу и заказал в Мюнхене 12-дюймовый телескоп той же фирме Мерца и Малера. В ноябре 1843 г. состоялась в Цинциннати закладка обсерватории. Бывший президент Джон Куинси Адамс, произнося на торжестве речь, говорил о значении астрономии в мировой культуре. Закончил он ее упоминанием имени «славного Струве, астронома Императорской России». С последним Митчел вел переписку. Позднее с Струве установил связь основатель и директор Гарвардской обсерватории Уильям Бонд, сын которого и продолжатель его дела послан был им в Пулково «совершенствоваться в изучении звездной астрономии».

Посетил Пулково ученик Бонда, гарвардский астроном Кливленд Аббе. Последний, по собственному признанию, считал два года, проведенные им на практике у Струве, «самым счастливым временем в жизни», называя Пулково «научным раем». Он отметил в своем докладе, прочитанном в Смитсоновском институте, что «Пулковская обсерватория, делая честь

Русской Империи, служит другим нациям наукой и примером».

Вениамин Гульд, основавший в 1849 г. американский «Астрономический журнал», называл Пулковскую обсерваторию «астрономической столицей мира».

Россию посетил знаменитый американский астроном Симон Ньюкомб. Он написал интересное описание своего путешествия в Россию, с особенным вниманием останавливаясь на посещении Пулковской обсерватории. Отмечая необыкновенное гостеприимство семьи Струве, Ньюкомб замечает, что «нет в мире гостеприимства, шире русского», особенно если речь идет о встрече иностранного астронома русской обсерваторией. Ньюкомбу суждено было оказать ценную услугу Пулковской обсерватории. Сменивший своего отца на посту директора обсерватории Отто Струве хотел заказать для объектива главного телескопа новые стекла диаметром в 30 дюймов. Его попытка найти нужные стекла в Европе не увенчалась успехом. Тогда, по совету Ньюкомба и при его содействии, Струве обратился к американскому оптику Кларку, и тот блестяще исполнил заказ Пулковской обсерватории. В связи с заказом объектива для своей обсерватории Отто Струве приезжал в Америку в 1879 и 1883 гг. со своим сыном, молодым астрономом Германом

Струве. Оба русских астронома, отец и сын, изучали работу американских телескопов в Вашингтоне и Кембридже, испытывая силу нового объектива. Как раз в это время родной брат Отто Струве, Кирилл Васильевич Струве, был назначен русским посланником в Вашингтон, и Ньюкомб утверждает, что он пользовался особой популярностью среди американцев.

За услугу, оказанную Пулковской обсерватории, Ньюкомб был Высочайше пожалован ценным подарком: ему была поднесена малахитовая ваза на мраморном пьедестале с соответствующей надписью. Кроме того, Император Александр III пожелал приобрести, для знаменитой портретной галереи великих астрономов в Пулковской обсерватории, портрет Ньюкомба, «единственного американского астронома, удостоившегося этой чести», как замечает американский биограф Ньюкомба. Для этого русским правительством был заказан в 1887 г. художнику Улке в Вашингтоне большой портрет Ньюкомба.

В 1901 г. Ньюкомб был избран почетным членом Русского астрономического общества, отметившего длинным некрологом смерть своего американского сочлена в 1909 г. Среди собранных в архивах Пулковской обсерватории высказываний о ней знаменитых ученых всех стран сохранилось и мнение о ней Ньюкомба,

который выразился следующим образом: «Когда мне в Америке рассказывали о чудесном устройстве Пулковской обсерватории, я смеялся, потому что не мог поверить всему этому. Теперь же, когда я приеду в Америку и буду, в свою очередь, рассказывать о том же, мои слушатели будут смеяться, так как тоже будут считать это невероятным».

Замечательно, что во время Восточной войны 1853—1855 гг. *единственным* другом Императорской России были Соединенные Штаты. Депеши тогдашнего американского посла в С.-Петербурге проникнуты были теплым чувством к русскому народу и верой в судьбы России.

В американской печати появлялись статьи и литературные произведения, посвященные войне. Американская военная миссия знакомилась в России с организацией русской армии и изучала систему севастопольских укреплений Тотлебена. Американские добровольцы стремились сражаться в армии Русского Царя. Американские хирурги отдавали жизнь свою, работая в Севастополе. Американский консул на Гавайях известил русских о появлении в Тихом океане англо-французской эскадры, китобойное же судно — о приближении ее к русским берегам. Когда после падения Севастополя англичане и французы радостно праздновали

это событие в Сан-Франциско, никто из приглашенных американцев не явился на их торжество. И более того — депутация во главе с бывшим губернатором Калифорнии Марк-Дугалем, попросив у консула русский флаг и неся его вместе с американским, устроила, в присутствии массы сочувствующих, дружественную манифестацию перед русским консульством. Павильон же, где пировали французы и англичане, был разгромлен толпой.

* * *

Шестидесятые годы прошлого столетия были решающими в истории Соединенных Штатов. Им грозило распадение на две части — Северную и Южную. Как ныне неприемлемо для истинных сынов России раздробление веками создававшейся Империи, так, в то трагическое время, одинаково с нами мыслили в отношении своей страны тогдашние американские патриоты. Их национальный вождь Авраам Линкольн, избранный президентом в ноябре 1860 г., начиная войну с Южными штатами, провозглашал: «Нет такой черты, ни прямой, ни кривой, которая могла бы служить пограничной линией в случае их отпадения». С негодованием отвергались, как глубоко оскорбительные, попытки вмешательства со стороны некоторых европейских держав.

Раздроблению Соединенных Штатов сочувствовали Англия и Франция.

В 1861 г. глава английского правительства лорд Пальмерстон писал будущему своему преемнику: «В высшей степени вероятно, что Север окажется не в состоянии подчинить себе Юг; нет никакого сомнения, что если Союз Южных штатов сделается независимым государством, он представит ценный и обширный рынок для британских мануфактуристов».

Историк С. С. Татищев в своем труде «Император Александр II» пишет: «В самый разгар войны северных штатов с южными тюильрийский кабинет обратился к дворам петербургскому и лондонскому с предложением выступить посредниками между воюющими сторонами и побудить их заключить шестимесячное перемирие на суше и на море, в продолжение которого могло бы состояться и полное их примирение». В Англии с радостью приняли французское предложение, имевшее целью, под личиной человеколюбия, раздавить навсегда традиционного соперника Великобритании в мировой торговле; но князь Горчаков категорически его отвергнул, мотивируя свой отказ тем, что «прежде всего следует избежать всякого подобия давления, которое может лишь оскорбить общественное чувство в Соединенных Штатах и раздражить его при одной

мысли об иностранном вмешательстве». Такая доброжелательная политика оценена была по достоинству по ту сторону океана и надолго обезпечила России признательность и дружбу заатлантической республики.

При самом зарождении кровопролитной междоусобной войны между Северными и Южными штатами, сначала успешной для последних, министр иностранных дел князь А. М. Горчаков в телеграмме российскому представителю в Вашингтоне Эдуарду Андреевичу Стеклю, именем Императора, высказался в самых сочувственных выражениях в пользу соблюдения единства великой заатлантической республики. «Она,— писал Горчаков 28 июня 1861 г.,— не только является в наших глазах существенным элементом всеобщего политического равновесия, но составляет нацию, к которой наш Августейший Государь и вся Россия питают дружелюбнейшее участие, потому что обе страны находятся на противуположных оконечностях Старого и Нового Света в поступательном периоде своего развития, призваны, по-видимому, к естественной солидарности интересов и симпатий, неоднократно ими друг другу выраженных». Когда несколько месяцев спустя вашингтонское правительство решило подвергнуть третейскому разбирательству несогласие свое с лондонским двором, князь Горчаков поздравил

кабинет президента Линкольна с его решением, о котором отозвался так: «Оставаясь верным политическим началам, которые она всегда защищала, когда начала эти были обращены против нее, и воздержавшись от обращения в свою пользу учений, которые она постоянно отвергала, американская нация явила доказательство политической честности, которая дает ей несомненное право на уважение и признательность всех правительств, заинтересованных в том, чтобы соблюден был мир на море, а начала права восторжествовали над силой в международных сношениях для спокойствия вселенной, прогресса цивилизации и блага человечества» (сообщение Стеклю от 9 января 1862 г.).

Зимой 1862 г. князь Горчаков беседовал с американским послом Бейлярд-Тейлором. Его волновало положение дел в Соединенных Штатах, он советовал поскорее покончить с затруднениями. Происшедший раскол государства на две половины наш министр иностранных дел рассматривал как «одну из величайших катастроф». Он говорил, что Россия одна помогала Соединенным Штатам с самого начала и будет помогать им дальше.

* * *

В 1863 г. вспыхнуло в России восстание польской и литовской шляхты, поддерживаемое

частью польской и литовской аристократии и всецело воинствующим латинским духовенством, при несочувствии в массе крестьянского населения. Англия, Франция и Австрия попытались вмешаться в отношения России к Польше, вызвав общий патриотический взрыв негодования в широких кругах русского общества.

В числе прочих государств приглашение присоединиться к дипломатическому походу против России получило и правительство Соединенных Штатов. «Но,— пишет С. С. Татищев,— помня отказ русского Двора принять участие в подобной же демонстрации против единства заатлантической республики во время последней междоусобной войны, вашингтонский кабинет решительно отклонил англо-французское предложение, ссылаясь на непреложное правило правительства Соединенных Штатов: ни под каким видом не вмешиваться в политические пререкания государств Старого Света. Депеша о том статс-секретаря Сьюарда к североамериканскому посланнику в Париже (Дейтону, 29 апреля 1863 г.) была сообщена русскому Двору, и наш вице-канцлер именем Государя выразил правительству президента Джонса, как высоко ценит Его Величество проявленную им твердость в соблюдении начал невмешательства, а равно и

добросовестность, с которою оно отказалось нарушить во вред другому государству правило, нарушение коего само не потерпело бы по отношению к своей стране». «Федеральное правительство, — заявил по этому поводу (22 мая 1863 г.) князь Горчаков американскому посланнику генералу Клею, — дало тем пример прямодушия и честности, от которого может только возрасти уважение, питаемое нашим Августейшим Государем к американскому народу».

В 1863 г. Россия и Соединенные Штаты, учитывая враждебное отношение к ним Англии, должны были считаться и с вооруженными ее выступлениями. Даже без особого между ними соглашения создалось единство действий, взаимная поддержка. Россия, при обострении положения, опасалась появления в Балтийском море сильного английского флота, которому она могла противопоставить только слабые силы. Морской министр адмирал Н. К. Краббе разработал тогда, с соблюдением полной тайны, план сосредоточения нашего флота в Атлантическом и Тихом океанах, используя для этого американские порты. При открытом выступлении Англии наши суда могли бы наносить удары по чувствительному ее нерву — морской торговле. Соответствующие распоряжения даны были командующим эскад-

рами в запечатанных пакетах, открыть которые они должны были по выходе судов в море.

Контр-адмирал Лесовский, выйдя из Кронштадта, прошел через Малый Бельт в Немецкое море. Эскадра обогнула с севера Шотландию и шла вдали от обычного торгового пути. 24 сентября она прибыла в Нью-Йорк. Контр-адмирал Попов, выйдя из Владивостока, прошел Лаперузовым проливом и 27 сентября прибыл в Сан-Франциско.

Обе эскадры встречены были восторженно населением и моряками. Приведем заголовки некоторых газетных статей того времени: «Новый союз закреплен», «Россия и Соединенные Штаты братствуют», «Восторженная народная демонстрация», «Русский крест сплетает свои складки с звездами и полосами». Лесовскому вручена была резолюция общинного комитета Нью-Йорка, на которую он ответил речью.

Английский «Times» 2 октября сообщал со злобой об овациях русскому флоту. В нем писалось: «Муниципалитет и высшая буржуазия решились осыпать всевозможными почестями русских офицеров. Процессии, обеды, балы, серенады — все средства пущены в ход, чтобы показать, до чего были бы рады американцы, если бы у них завелся друг в Европе, а еще такой, как Россия. Зато французских и английских моряков вовсе не видно на берегу,

хотя их до 5000 жмется на тесном пространстве здешней морской стоянки. Журналы объясняют это доверчивым янки следующим образом: Крымская война до того раздражила русских против французов и англичан, что они не могут встретиться с ними без того, чтобы не приходить в ярость. На деле гораздо проще: французских и английских офицеров не видно потому, что они, вероятно, не желают играть второстепенную роль на празднестве, где львами являются русские, а матросов не пускают на берег потому, что американцы заманивают их к себе на службу».

Эскадра Лесовского посетила Балтимор, Анаполис, Бостон и другие порты. Во всех городах Северного Союза, где бы ни появлялись русские моряки, несмотря на то что это было время самого разгара междоусобной войны, немедленно закрывались магазины, вывешивались русские и американские флаги, устраивались парады войскам, торжественные банкеты, балы и тому подобное. Постоянно гремела музыка, произносились речи, все принимало праздничный, радостный вид. На прощальном банкете в Бостоне мэр города сказал: «Русская эскадра не привезла к нам с собою ни оружия, ни боевых снарядов для подавления восстания; мы в них не нуждаемся, она принесла с собою более этого: чувство

международного братства, свое нравственное содействие». Другой оратор говорил: «Россия показала себя в отношении к нам мудрым, постоянным и надежным другом. Император и его просвещенные советники уразумели то, чего не хотели видеть ни Франция, ни Англия, — что распадение Северо-Американского Союза было бы событием, одинаково пагубным как для самих рабовладельческих штатов, так и для нашего конституционного правительства».

Эскадра Лесовского вернулась в Кронштадт 25 июля 1864 г., эскадра контр-адмирала Ендогурова, сменившего в начале адмирала Попова, покинула Сан-Франциско 1 августа. (Данные взяты, главным образом, из статьи «Американская экспедиция Русского флота в 1863—1864 гг.» // Военная энциклопедия. Т. II.)

* * *

4 апреля 1866 г. революционер, студент Казанского, потом Московского университетов, дворянин Саратовской губернии Дмитрий Каракозов выстрелил в С.-Петербурге из револьвера в Императора Александра II, выходившего из Летнего сада на набережную Невы.

Посланник Соединенных Штатов, генерал Клей, от имени правительства поздравил Государя с избавлением от смертельной опасности. 4 мая 1866 г. конгресс вынес постановление:

«Конгресс Соединенных Штатов Америки, с глубоким прискорбием получив известие о покушении на жизнь Императора России, произведенном врагом освобождения, приветствует Его Императорское Величество и русский народ и поздравляет семьдесят миллионов крепостных с провиденциальным избавлением от опасности Государя, разуму и сердцу которого они обязаны благословением своей свободы». Конгресс постановил также просить президента Соединенных Штатов решение это препроводить Русскому Императору. (*С. С. Татищев.* Император Александр II, его жизнь и царствование, Т. 2. С. 12—17.)

С этим адресом на броненосце «Миантономо» выехал в Россию Фокс, помощник государственного секретаря по морскому министерству. Командиром броненосца, впервые отправленного в столь дальнее плавание, был капитан Бомонт. Конвоировали его военные суда «Августа» (капитан Мурей) и «Ашуелот» (капитан Фебигер).

В Копенгагене броненосец посетила принцесса Датская Дагмара, невеста Наследника Цесаревича, Великого Князя Александра Александровича. 19 июля суда прибыли в Гельсингфорс, где их приветствовал речью губернатор, Свиты Его Величества генерал-майор барон Вален. 24 июля, при выходе из гавани,

американцы были встречены броненосной эскадрой контр-адмирала Лихачева, высланной из Транзунда для конвоирования их. 25 июля они прибыли в Кронштадт. От имени Императора приветствовал дорогих гостей Свиты Его Величества контр-адмирал Лесовский. С приветствием выступил городской голова Степанов. Народ восторженно принимал американских моряков. В С.-Петербурге Фокс со своими секретарями Грином и Лубатом остановились в «Отель де Франс».

27 июля чрезвычайное посольство, в присутствии посланника Клея и канцлера князя А. М. Горчакова, принято было Императором Александром II. Фокс прочел адрес на английском языке:

«Постановление конгресса, которое я имею честь представить Вашему Величеству, есть голос целого народа. Единое сердце говорит миллионами уст. Многообразные узы, издавна соединявшие великую Империю на Востоке и великую республику на Западе, умножились и укрепились под влиянием неизменной дружбы, явленной Императорским правительством к правительству нашей республики в течение последнего периода наших политических потрясений. Сочувственные и дружественные слова, обращенные в то время к вашингтонскому правительству, по приказанию Вашего Импера-

торского Величества, начертаны навеки в памяти благодарного народа. В качестве членов великой семьи народов, мы с радостью воздаем дань уважения высокому делу человеколюбия, о котором преимущественно упоминается в постановлении конгресса. Миролюбивые повеления высокопросвещеннейшего Государя одержали над наследием варварских времен победу, которой наша западная республика достигла после долгих лет кровопролития. Поэтому я с глубоким, волнующим сердце чувством приношу Вашему Величеству, вашим освобожденным подданным и всему народу вашей обширной Империи наши искренние поздравления по поводу того, что рукою Провидения отвращена опасность, вызвавшая настоящее наше выражение искреннего сожаления об этом покушении и благоговения за милостивое спасение. Опасность, от которой благость Провидения предохранила Ваше Величество, вызывает воспоминания глубокой скорби, преисполнившей столь недавно все прямодушные сердца в нашем отечестве, во время внезапной погибели нашего главы, нашего руководителя и отца*. Мы благодарим Бога, что подобный удар был отвращен от наших друзей и союзников, от русского

* 14 апреля 1865 г. бывший актер Бут ранил в театральной ложе президента Авраама Линкольна, на следующий день скончавшегося.

народа. Да защитит и благословит общий Отец всех правителей и народов жизнь, столь явно Им сохраненную для блага народа, которому она принадлежит, для счастья человечества и во славу Его святого имени».

Государь, благодаря Фокса, выразил надежду, что дружелюбные отношения между Россией и Соединенными Штатами будут существовать вечно. В заключение Государь упомянул, что сердечный прием, оказанный в Соединенных Штатах его эскадре в 1863 г., никогда не изгладится из его памяти.

28 июля Государь, в сопровождении Наследника Цесаревича и Великих Князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, посетил американские суда. 10 августа в честь посольства дан был большой обед, в Высочайшем присутствии, в Петергофском дворце. Гостей радушно принимали также Члены Императорского Дома. В честь их устроен был обед в Кронштадтском морском собрании, на котором присутствовали морской министр, генерал-адмирал Краббе, адмиралы Новосельский, Лесовский и Попов. Кронштадт избрал Фокса почетным гражданином.

Города Шуя (Владимирской губернии) и Уфа первые прислали Фоксу приветственные адреса. 5 августа, при посещении Фоксом С.-Петербургской городской думы, городской голова

А. П. Заболоцкий-Десятовский поднес ему диплом на звание почетного гражданина столицы. Фокс посетил О. И. Комиссарова-Костромского и от имени американского народа поздравил его с тем, что Божественное Провидение избрало его для спасения жизни, столь дорогой не только для России, но и для цивилизованного мира. Роскошный праздник в честь гостей был устроен Громовым на его даче на Каменном острове.

Торжественно принимала Фокса Москва, во главе с генерал-губернатором князем В. А. Долгоруковым и городским главой князем А. А. Щербатовым. На обеде в Городской думе с речью выступал академик М. П. Погодин. В Троице-Сергиевой Лавре американцы были приняты старцем митрополитом Филаретом. В имении князя Голицына Кузьминки, в окрестностях Москвы, Фокса благодарила за любовь к России и к Царю депутация крестьян во главе с волостным старшиной Гвоздевым. Фокс, в знак дружбы обоих государств, поднес Гвоздеву американский флаг. Фокс был избран почетным гражданином Москвы.

С удивительным радушием принимали все слои населения Фокса и его спутников в Нижнем Новгороде, Костроме (посещали они и Ипатьевский монастырь), Твери, Угличе. В Костроме, избравшей Фокса почетным гражданином,

он вынужден был пройти по одеждам, разостланным пред ним крестьянами. Город Корчева (между Костромой и Тверью) тоже избрал Фокса почетным гражданином.

По возвращении посольства в С.-Петербург следовали новые торжества и приемы. Фоксу дан был обед английским клубом, носивший полуофициальный характер.

Гостей приветствовал вице-канцлер князь Александр Михайлович Горчаков, речь которого передаем в изложении С. С. Татищева.

«Поручение, возложенное на посольство конгрессом Соединенных Штатов, князь Александр Михайлович назвал "актом чрезвычайным, безпримерным в истории", а способ его выполнения "делом согласия, без малейшего диссонанса". Выразив радость по поводу приезда в Россию дорогих гостей, которые получат возможность оценить изблизи "Государя, составляющего величайшую славу страны, и народ, выражающий ее силу", вице-канцлер в следующих словах характеризовал Царствование Императора Александра II: "Говорят, что добрые Царствования — белые страницы истории. Поговорка эта не безусловно справедлива. Есть еще Царствования, все страницы которого полны плодотворных преобразований, имеющих великое значение для внутреннего устройства; если есть Царствование, посвященное

заботе о настоящем ввиду великого будущего,— то это именно то, что сосредоточивает ныне все чувства любви и преданности страны, потому что все мы глубоко убеждены, что все мгновения благородной жизни Царя посвящены, с безграничным самоотвержением, благосостоянию нашего отечества"».

Упомянув об ошибке, вкравшейся в постановление конгресса, приписавшего покушение 4 апреля «врагу эмансипации», князь Горчаков свидетельствовал, «что таких врагов нет в России, что безумец, совершивший преступление, нисколько не солидарен с дворянством, которое, невзирая на тяжкие жертвы, выпавшие ему на долю, с неменьшим восторгом приветствует освобождение крестьян, как и бывшие крепостные».

Перейдя к выражениям взаимного сочувствия России и Соединенных Штатов, вице-канцлер продолжал: «Они проявляются открыто и составляют одно из самых знаменательных явлений нашего времени,— создавая между двумя народами,— смею сказать, между двумя материками,— зародыши обоюдных доброжелательства и дружбы, которые принесут плод, создадут традиции и упрочат между ними отношения в истинном духе христианской цивилизации. Это согласие не покоится на географическом соседстве. Бездна морей разделяет

нас. Оно не покоится также на пергаментных хартиях, — я не нахожу ни одной в архивах вверенного мне министерства. Оно инстинктивно, а потому я позволяю себе назвать его предопределенным Свыше. Я радуюсь этому согласию и верю в его прочность. В моем политическом звании я все старания свои приложу к его утверждению. Говорю старания, а не усилия, потому что не нужны насилия там, где речь идет о самопроизвольном и взаимном влечении. Существует и другая причина, побуждающая меня громко провозгласить мою оценку этого согласия, — то, что оно ни для кого не является ни угрозою, ни опасностью. Оно не внушено никакими вожделениями, никакою задней мыслью. Господь создал обеим странам условия существования, вполне достаточные для развития их внутренней жизни».

Выразив мнение, что Соединенные Штаты Америки неуязвимы извне, и не только потому, что океан составляет для них неодолимый оплот, но и вследствие господствующего в них общественного духа и личного характера граждан, и упомянув о сочувствии России делу американского единства в недавней борьбе между Севером и Югом республики, князь Александр Михайлович провел следующую параллель между ею и Россией:

«Россия по своему географическому положению может быть вовлечена в европейские усложнения; шансы войны могут быть ей превратны; тем не менее я нахожу, что Россия так же неуязвима, как и Соединенные Штаты, каждый раз, когда опасность будет серьезно грозить ее достоинству или чести, потому что тогда, как и во всех подобных кризисах нашей истории, проявится истинная мощь России. Она не покоится на одном ее земельном пространстве или на численности ее населения. Источник ее — та исконная и неразрывная связь, что соединяет Царя с народом и влагает в руки Царя все вещественные и умственные силы страны, как и ныне она сосредоточивает на Царе все чувства любви и преданности».

Почтив несколькими прочувствованными словами память почившего президента Линкольна, вице-канцлер поднял бокал за процветание Соединенных Штатов, за успех примирительной политики президента Джонсона, за главу и членов чрезвычайного посольства и за постоянного представителя Северо-Американской республики при русском Дворе. «Когда наши американские друзья возвратятся домой,— таковы были заключительные слова речи князя Горчакова,— я желаю, чтобы они сохранили те самые чувства, что оставляют нам; пусть передадут они своим соотечественникам,

что великий народ никогда не забудет, что в истории двух стран была минута, когда мы и наши американские друзья жили одною жизнью, когда они разделяли и наши тревоги, и нашу радость».

Речь эта была сообщена сотрудником «Нью-Йорк геральд» своей газете по телефону.

29 августа Фокс и остальные члены посольства были приняты Государем в прощальной аудиенции. Накануне князь Горчаков поднес Фоксу от имени Государя великолепную золотую табакерку с миниатюрным портретом Императора в полной парадной форме, осыпанным бриллиантами, и фотографические портреты Государя и Государыни с их собственноручною подписью, а также портрет Государыни для супруги Фокса.

Американцы 30 августа присутствовали на обедне в Александро-Невской Лавре, где была Царская Семья. В тот же день они были на балу в Смольном институте.

3 сентября американская эскадра вышла из Кронштадта.

* * *

20 ноября 1871 г. прибыл в Нью-Йорк Великий Князь Алексей Александрович. При его торжественном следовании по Бродвею, в предшествии военных оркестров и национальной

гвардии, куранты Троицкой церкви исполнили русский национальный гимн. Остановился он в «Astor House», на котором вывешена была большая надпись: «Великий Князь Алексей сын благородного Отца, представитель дорогого союзника нашей нации». Великий Князь пробыл в Соединенных Штатах до 23 февраля 1872 г., посетив многие города.

В середине октября 1894 г. в Ливадии опасно болел Император Александр III, скончавшийся 20 числа. Царь-Миротворец был ярким выразителем Русского Самодержавия.

В эти дни в Вашингтоне президент Соединенных Штатов Гровер Кливленд с министрами и членами конгресса молился о здравии Государя и один из первых объяснил, отчего мир желает своими молитвами продолжения его земной жизни. В своем слове после богослужения президент сказал: «Болезнь Царя я считаю настоящим международным бедствием. Не подлежит сомнению, что пред лицом всего мира Царь представляет великий образ силы и мира. Вот почему его Царствование должно быть занесено во всемирную историю с чувством глубокой благодарности».

Министр иностранных дел граф М. Н. Муравьев в инструкции, данной 29 января (10 февраля) 1898 г. новому посланнику в Вашингтоне графу А. П. Кассини, писал: «Связь между

Россией и Соединенными Штатами несомненно существует и имеет историческое значение. В Америке не забывают поддержки, оказанной Императорским правительством в тяжелую годину междоусобицы в Соединенных Штатах во время восстания в Южных штатах. Это чувство признательности за оказанную услугу, кроме многочисленных проявлений в повременной печати, резко показало себя в Америке в наш голодный год (1891), когда изо всех концов Соединенных Штатов посылались пожертвования хлебом и деньгами. В Бозе почивший Император Александр III отнесся милостиво к подобному проявлению симпатии гражданами дружеского государства. Как известно, Его Величеству благоугодно было послать роскошные подарки главным жертвователям и лицам, принимавшим деятельное участие в отправке хлеба.

Особенным выражением благоволения Его Величества следует считать командирование эскадры в атлантические порты Соединенных Штатов в 1893 году для принятия участия в морских празднествах по поводу открытия Всемирной Колумбийской выставки в Чикаго. Суда наши, совершив довольно продолжительную стоянку, встретили в Соединенных Штатах самый радушный прием. Всем еще памятно, какой восторг среди населения Нью-Йорка

вызвало прохождение наших моряков на параде на следующий день после морского смотра.

Уступка нами Аляски в 1867 году за ничтожное вознаграждение свидетельствует о том, как доброжелательно относились мы к усилению могущества Соединенных Штатов на материке в противовес стремлениям Великобритании. В то же самое время мы дали этой уступкой Америке возможность сделать важнейший шаг вперед для осуществления доктрины Монро.

В вопросе о Гавайских островах Императорское правительство явило новый знак дружеского отношения к Соединенным Штатам. Когда четыре года назад, при помощи американских властей, произошел переворот на Сандвичевых островах и была провозглашена Гавайская республика, Императорское правительство было едва ли не первым, признавшим новое правительство молодой республики. Ныне, когда федеральное правительство сочло своевременным совершить окончательное присоединение островов к Соединенным Штатам, Императорское правительство отнеслось к этому сочувственно».

Затрагивая снова вопрос об Аляске, министр писал: «Находясь по нашему географическому положению вне всяких соприкосновений с Соединенными Штатами и не имея на

Американском материке колоний, нам представляется весьма удобным пользоваться доктриной Монро там, где эта популярнейшая в Америке теория становится вразрез с интересами наших естественных противников, каковой является Англия через свою наиболее значительную по географическим размерам колонию Канаду». Занятие Гавайских островов Соединенными Штатами, в понимании нашего Министерства иностранных дел, было естественным, вследствие постепенных захватов в Тихом океане, производимых Англией и Японией.

* * *

Графом М. Н. Муравьевым 12/24 августа 1898 г. послана была иностранным правительствам нота, в которой излагалось желание Императора Николая II положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья. Для осуществления этого предлагался созыв особой международной конференции. Предложение Русского Царя встречено было холодно. Конференция все же состоялась в 1899 году. Вследствие противодействия ряда держав достигнуто ею было немногое. Достижением ее все же явилось создание Гаагского международного суда, существующего и поныне.

Великий почин Государя Николая Александровича был отмечен на собранной 9 ноября 1921 г. в Вашингтоне конференции о морских вооружениях. Открывая ее, президент Соединенных Штатов Гардинг во вступительной речи сказал: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами — не ново. При этом случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского». Приведя почти целиком «ясные и выразительные» слова русской ноты 12 августа, президент добавил: «С таким сознанием своего долга Его Величество предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой».

Светлой памяти Царицы Марии Александровны

* * *

Глубокая вера, доброта, милосердие и смирение с юных лет отличали ландграфиню Тюрингенскую Елисавету (1207—1231), дочь Венгерского короля Андрея II. Как нареченная

Православная жизнь. Джорданвилль, 1953. № 11. С. 5—9.

невеста наследного 11-летнего принца Людвига, привезена была четырехлетняя Елисавета в замок Вартбург около Эйзенаха. Девочкой еще, она во всем проявляла свою религиозность и доброту, вызывая неудовольствие и насмешки со стороны других принцесс. Много горького пришлось ей испытать в то время. В 1221 г. всегда любивший ее Людвиг, тогда уже ландграф, женился на ней. Елисавета, имея сочувствие мужа, могла широко отдаться благотворительной деятельности. Она основывала больницы и сама ухаживала за больными, иногда заразными. Особенную же помощь населению она оказывала в 1225—1226 гг., когда супруг ее находился в Италии, куда он отправился для участия в шестом крестовом походе, подготовлявшемся императором Фридрихом II. Однажды перед отъездом туда Людвиг поинтересовался посмотреть, что несет в своей корзине Елисавета. Последняя шла к одной бедной семье, имея в корзине хлеб, яйца и вино. Благотворила она скрытно. Людвиг увидел в корзине красные и белые розы.

Ландграф Людвиг IV скончался в 1227 г. в Отранто в Италии, и Елисавете пришлось пережить много тяжелого от его брата, Генриха Распе. Изгнанная им, она, испытывая жестокую нужду, не призреваемая и теми, которым так много помогала, скиталась с сыном и тремя

дочерьми. Наконец она нашла приют в замке Боденштейн у дяди своего Эгберта, епископа Бамбергского. Оттуда ее вернули в Вартбург тюрингенские рыцари, возвратившиеся из крестового похода. Но Елисавета не пожелала быть регентшей. Она раздала свое имущество бедным и предалась аскетическим подвигам, смиренно подчиняясь во всем духовнику доминиканцу, монаху ученому и благочестивому, но жестокому и налагавшему на нее тягчайшие послушания. Скончалась она 19 ноября в 1231 г. У гроба ее совершались чудеса. Католическая церковь в 1235 г., при папе Григории IX, объявила Елисавету святой.

Со смертью Генриха Распе угасла мужская Тюрингенская линия. В 1263 г. дочь Людвига IV София получила для сына своего Гессен. Потомками Елисаветы по женской линии, Гессенскими принцессами были две Русские Императрицы: Мария Александровна, супруга Императора Александра II, и Александра Феодоровна, супруга Императора Николая II.

* * *

В 1838—1839 гг. Наследник Цесаревич Александр Николаевич (родился в 1818 г.) путешествовал по Европе. 12 марта 1839 г. он остановился случайно в Дармштадте и посетил Великого герцога Людвига II. И в тот же день

он полюбил его младшую дочь — принцессу Максимилиану-Вильгельмину-Августу-Софию-Марию (родившуюся в 1824 г.). Великому Князю не хотелось даже уезжать. Добрый В. А. Жуковский, сопровождавший его, вызвался было притвориться больным, чтобы доставить ему возможность остаться еще на несколько дней. Но Цесаревич на это не согласился.

«То, на что решился он, конечно, лучше, — писал 14 марта Императрице Александре Феодоровне Жуковский, — ибо он в деле сердца предпочел дождаться того, что будет решено Государем, и следовать своему чувству тогда только, когда оно будет согласно с одобрением Вашим. Повторю опять сказанное вчера: благослови Бог выбор сердца, который решит судьбу его жизни. Где мы устраивали по-своему, Провидение готовило Свое. Где мы искали, там не нашлось. Где не ожидали, там встретилось само собою!.. У меня сердце теперь так полно! Мне кажется, что Бог сделал Свое, и прибавлю: благослови его тем благословением, которое некогда дал отцу его при том выборе, в котором нашел он и свое счастье, и счастье России».

Разрешение Императора Николая I вскоре последовало. Великий Князь Александр, побывав в Лондоне, проехал снова в Дармштадт, где провел женихом неделю.

8 сентября 1840 г. принцесса Гессенская торжественно въезжала в С.-Петербург в парадной золотой карете вместе с Императрицей Александрой Феодоровной. Государь следовал верхом около кареты. Наследник Цесаревич командовал конвоем. Гремело восторженное «ура» толпы, палили пушки, разливался радостно колокольный звон. Нареченная невеста была присоединена к Православию с именем Марии и миропомазана 5 декабря. 6 декабря состоялось обручение. В канун рождения Великого Князя Александра Николаевича — 16 апреля 1841 г. — состоялось бракосочетание.

14 мая Император вводил Цесаревну в московский Успенский собор, в котором в тот же день — через 55 лет — венчанный на Царство внук ее возлагал корону на главу тоже Гессенской принцессы, ставшей Императрицей Всероссийской.

Великую Княгиню Марию Александровну встретил в соборе приветственным словом митрополит Филарет, имевший значение в ее последующей жизни.

А. Ф. Тютчева (1829—1889), дочь поэта, супруга славянофила И. С. Аксакова, пробывшая фрейлиной 13 лет и близко знавшая Императрицу Александру Феодоровну Цесаревной и Государыней, в книге своей «При Дворе двух Императоров» отмечает ее искреннюю и глубокую

религиозность и основательное знание Православия. Митрополит Филарет после беседы с ней сказал обер-гофмейстеру графу В. Д. Олсуфьеву: «Слава Богу, это истинно Православная Царица». Тютчева так определяла Цесаревну: «Душа Великой Княгини была из тех, которые принадлежат монастырю. Ее хорошо можно было себе представить под монашеским покрывалом коленопреклоненной под сенью готических сводов, объятую безмолвием, изнуренную постом, долгими созерцательными бдениями и продолжительными церковными службами... В своем окружении матери, жены, Государыни она казалась как бы чужой и неосвоившейся... Ум Цесаревны был подобен ее душе: тонкий, изящный, проницательный, очень иронический, но лишенный горячности, широты, инициативы...» Называя Императрицу кроткой, доброжелательной, ровной, Тютчева пишет: «Она обладала в исключительной степени престижем Государыни и обаянием женщины и умела владеть этим с большим умом и искусством».

19 января 1842 г. родился у Великокняжеской Четы первый ребенок — дочь Александра, ставшая затем любимицей Царской Семьи. 16 июня 1849 г. Великая Княжна Александра Александровна скончалась, к безутешной горести родителей. Император Николай I в это

время пребывал в Польше, желая быть вблизи армии, усмирявшей венгерский мятеж.

По получении известия о кончине внучки Государь телеграфировал сыну:

«Буди воля Божия. Не роптать, не унывать, новый Ангел на небесах за вас молиться будет. Обнимаю вас всех и плачу с вами. Береги Марию, примеры твои утешат и укрепят». В тот же день позднее последовала депеша: «Я — из церкви. Молился за Ангела, молился за вас. Каков ты и какова Мария — наследница?»

Следующие телеграммы Государя гласили: 18 июня — Цесаревичу: «Знавши вас обоих, того и ожидал; Бог вас подкрепит и утешит. Обнимаю всех». 19 июня — Императрице: «Письма получил. Иду в церковь, а мысленно с вами в крепости (там происходили похороны). Не унывать, предаться воле Божией. Всех обнимаю». Позднее — Государыне: «Какова ты и Мария после крепости? В то же время с вами и я молился за Ангела; крепитесь и надейтесь на милосердие Божие». Телеграммы Цесаревичу: 20 июня: «Как Мария после вчерашнего; удивляюсь ее духу и боюсь за нее; обнимаю вас». 21 июня: «Благословляю вас обоих на причастие, да хранит и подкрепит вас Господь Бог! Обнимаю». 24 июня: «Поздравляю вас с причастием, Господь Бог подкрепит и утешит вас».

Цесаревна Мария Александровна очень тяжело перенесла это горе. Скорбь свою она выразила в письме к владыке Филарету, митрополиту Московскому. Самоотреченную печаль страждущей матери Митрополит передал в составленной для Великой Княгини следующей молитве: «Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя, Ты Один все ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня, паче нежели я умею себя самую любить. Отче, даждь рабе Твоей, чего она сама просить не умеет. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстою пред Тобою. Сердце мое Тебе отверзаю: Ты зриши нужды, которых я не знаю, зри и сотвори по милости Твоей, порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею пред изволениями Твоими, не зная их. Безмолвствуя, приношу себя в жертву Тебе, предаюсь Тебе. Нет у меня желания, кроме желания исполнить волю Твою. Научи меня молиться, Сам во мне молись. Аминь».

Молитва была написана на пергаменте с древнерусскими орнаментами и осенена изображением Спаса Нерукотворенного. Работа выполнена была академиком Солнцевым. Список с этой молитвы митрополит Филарет передал Анне Борисовне Нейдгарт, урожденной княжне Черкасской.

* * *

29 февраля 1855 г. взошел на Престол Император Александр II, и Мария Александровна стала Императрицей. Государыня возглавляла Ведомство Императрицы Марии. С ее именем связаны крупные перемены в деле женского образования. При широком содействии Принца Петра Георгиевича Ольденбургского, ее ближайшего помощника, созданы были впервые в 1860 г. открытые женские учебные заведения (гимназии). Намечалось создание таковых во всех губернских городах, где представлялась возможность обезпечить их существование. В институтах обращено было большое внимание на дело сближения воспитывавшихся в них девиц с семьей, от которой они на годы учения отрывались. В этих видах были установлены отпуски на каникулы. По желанию Государыни был создан ряд женских епархиальных училищ, первое из которых было создано в 1843 г. в Царском Селе Императрицей Александрой Феодоровной.

При деятельном участии Императрицы Марии Александровны положено было основание в России Красному Кресту. Поощряя основание благотворительных учреждений, Государыня создала, в числе прочего, попечительство о слепых, носившее ее имя. Во время Балканской войны Императрица, отказавшись от

шитья новых платьев, все свои сбережения отдавала в пользу вдов, сирот, раненых и больных. Много сделано было Государыней в отношении миссионерского дела, и она была попечительницей создавшегося при ней Миссионерского общества. Она же развивала деятельность Императорского Палестинского общества, каковую продолжал ее сын, Великий Князь Сергей Александрович, а после убийства его революционерами — Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, бывшая также до замужества Гессенской принцессой. Памятником миссионерской деятельности Императрицы является храм во имя святой Марии Магдалины в Гефсиманском саду и существующая ныне при нем женская обитель.

Большое горе перенесла Императрица Мария Александровна, когда в Ницце в 1865 г. скончался от туберкулеза ее старший сын, Наследник Цесаревич Николай Александрович. Много тяжелого выпало на долю Государыни в последние годы в личной ее жизни. Особенно почитала она, по свидетельству Тютчевой, икону «Утоли моя печали» и вместе с нею в сентябре 1855 г. ездила в Москву молиться в часовне ее имени. В 1858 г. Тютчева совершила с нею паломничество в Валаамскую обитель. Страдала Государыня и от туберкулеза. Врачи отправили ее в Канн. Предчувствуя прибли-

жающуюся кончину, Императрица 23 января 1880 г. поспешила вернуться с юга Франции в Россию и скончалась 22 мая того же года.

Тютчева подарила Императрице Марии Александровне изображение не прославленного еще тогда преподобного Серафима. «Я очень верю для нее в молитву этого святого,— записывала она,— и уверена, что он оказывает ей особое покровительство, ибо он предсказал о ней еще прежде, чем она прибыла в Россию, что она будет "благодатная" и матерью для России и Православной Церкви».

Царско-народное церковное торжество

* * *

Сорок лет назад в Императорской России, в последний раз перед наступившим господством на Руси богоборческой власти, состоялось великое всенародное торжество, тесно связанное с Царем. В июне 1916 г. прославлены были мощи святителя Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского. Родившийся в 1651 г. в благочестивой знатной малороссийской семье, он с юных лет прилежал к Церкви. Получив

Православная жизнь. Джорданвилль, 1956. № 6. С. 6–11.

образование в Киевской Богоявленской братской коллегии, он восемь лет был в ней преподавателем. Приняв иноческий постриг в Печерской Лавре, иеромонах Иоанн, смиренный молитвенник, обладая даром слова, был назначен лаврским проповедником. Настоятельствовал он потом в нескольких малороссийских монастырях, по кончине же в 1696 г. святителя Феодосия (Углицкого) был его преемником на Черниговской кафедре. Плодотворна была его настоятельская и епископская деятельность. Продолжил он ее и будучи назначен в 1712 г. митрополитом Тобольским, со рвением и успехом ведя миссионерскую и просветительную работу. Неустанные подвиги надломили силы Святителя. 10 июня 1715 г. он преставился в молитвенном положении перед иконой Божией Матери Тобольской.

Народ горестно переживал кончину почитаемого и любимого архипастыря. На могилу его стекались богомольцы со всей православной верующей Сибири. Совершались многочисленные чудеса. Начата была запись этих проявлений небесного предстательства праведного Святителя.

Давно возникал вопрос о прославлении митрополита Иоанна. Во второй половине XVIII века об этом усиленно говорилось в связи с явлением Святителя во сне митрополитам

Тобольским Антонию II (Нарожницкому) и Сильвестру (Головатскому). В начале XX века Преосвященный Алексий (Опоцкий), впоследствии экзарх Грузии, убитый грузинскими революционерами в 1905 г., всенародно молился, да сподобит Господь Тобольск и Россию петь не «Вечную память», а «Величаем тя, святителю отче Иоанне». Позднее епископ Евсевий (Гроздов), прощаясь с паствой при переводе во Псков, выражал надежду увидеться с нею в ближайшем будущем, при открытии мощей Святителя. Святейший Синод, с благоговением и радостью отнесшийся к ходатайству епархиального съезда духовенства и церковных старост Тобольской епархии о прославлении митрополита Иоанна, постановил в декабре 1913 г. приступить к обследованию чудес, совершенных по его небесному предстательству.

В середине 1915 г. новый епископ Тобольский Варнава (Накропин) в полусне видел святого Иоанна, упрекавшего его, что к нему не допускают народ. Видение это совпало с очень тяжелым положением на фронте. Русские армии спешно отступали. В руки немцев попадали важные крепости. Готовились к эвакуации Киева. Возникал вопрос о перенесении Ставки Главнокомандующего в Калугу. Государь в такое страшное и ответственное время принял на себя водительство воинством. Владыка

Варнава памятовал о «Илиотропионе» святителя Иоанна, в котором содержались пророчества по поводу бедствий войны и говорилось о силе молитв для поражения врагов отчизны и святой веры. По преданию, тогдашний Черниговский архипастырь пророчески предсказал Царю Петру победу над шведами под Полтавой в 1709 г. Епископ Варнава решился отправить телеграмму Государю, в которой, выражая веру в молитвенную помощь святителя Иоанна Державному Вождю и его армии, просил разрешения пропеть величание Святителю. По получении на это его согласия, Владыка, посоветовавшись с местным духовенством, решил не медлить в исполнении своего намерения. По звону большого колокола народ наполнил собор. Епископ Варнава огласил телеграмму Царя. Пропето было величание и совершен молебен ангелу Святителя — святому Иоанну Златоусту. Потоки горячих молитв понеслись к раке Угодника, и горячо молились тобольцы за Царя, воинство и переживающую такие испытания Родину.

В Петрограде это событие вызвало раздраженное осуждение, захватившее, увы, и некоторые иерархические круги. Фронт же, зыбкий ранее, при новом Верховном Главнокомандующем — Государе — очень скоро и крепко утвердился.

Епископ Варнава о всем происшедшем тотчас донес Синоду и ожидал дальнейших распоряжений. Синод в декабре 1915 г. поручил архиепископу Литовскому Тихону, будущему Патриарху, выяснить в Тобольске обстоятельства существующего уже местного почитания Святителя и предпринятых мероприятий к всероссийскому его прославлению. Владыка Тихон, глубоко верующий, не причастный к тем, кто, к радости разрушительных сил, в помрачении ума, подрывали государственные устои, убедился на месте в том, что имеются все основания к общецерковному прославлению Святителя Тобольского. После доклада архиепископа Тихона Святейший Синод в решении своем постановил признать святителя Иоанна «в лике святых, благодатию Божией прославленных».

Торжества в Тобольске начались 8 июня 1916 г. совершением величественной заупокойной всенощной — парастаса. По совершении его, глубокой ночью митрополит Макарий Московский, при участии соборного ключаря протоиерея Тутолмина и протоиерея Иоанна Восторгова, обряжал в Златоустовском приделе Софийско-Успенского собора священные мощи святого Иоанна и перекладывал их в новый гроб. Не только честные останки оказались нетленными, но даже одежда Святителя,

пролежавшая во гробе 200 лет, хорошо сохранилась. 9 июня утром совершена была последняя панихида. В 6 часов началась всенощная. Описание церковных торжеств привожу из «Русского паломника» 1916 года.

«По окончании литии, владыка Митрополит с сослужащими ему архипастырями и духовенством уходят в алтарь. Но вот зачитали кафизмы, и в соборе, а также во всех церквах Тобольска начался умилительный перезвон. Настроение у молящихся приподнятое: приближается великая минута, глубоко трогательный, можно сказать потрясающий, центральный момент в торжестве — момент вскрытия гроба и пения величания новому угоднику Божию и как бы представления всей Церкви — народу новопрославленного святого и открытых его нетленных мощей, чрез изнесение со славою гроба Святителя из храма на площадь. К пению "Хвалите имя Господне", помимо Митрополита и 12 других иерархов — архиепископа Иркутского Иоанна, епископов: Тобольского — Варнавы, Екатеринбургского — Серафима, Омского — Сильвестра, Томского — Антония, Енисейского — Никона, Забайкальского — Мелетия, Оренбургского — Мефодия (двух последних будущих митрополитов Харбинских), Челябинского — Серафима, Псковского — Евсевия, Гдовского — Вениамина (будущего мит-

рополита Петроградского, умерщвленного большевицкой властью) и Каргопольского — Варсонофия, — от алтаря к средине храма выступили двумя серебряными лентами 80 священнослужителей с горящими свечами в руках. Вспыхнули свечи на паникадилах и у богомольцев, своды храма огласились мощным полиелейным пением всего народа. Стоявшие на страже у гроба Святителя священнослужители с рипидами и светильниками отошли, с гроба сняли покров, обрезаны были шнуры с печатями, и Митрополит, приблизившись к священному гробу с ключом, отпер замки. Открыта была крышка гроба, и началось всенародное величание святителя Иоанна. Минута торжественная и незабываемая... Волна громовых звуков, казалось, сквозь купол храма неслась к небу. У соборной паперти уже стояли двумя рядами хоругви и святыни, пришедшие с крестными ходами. Огромная соборная площадь залита морем народным: народ наполнял не только площадь, но стоял на крышах казенных и церковных зданий близлежащих. Когда вся эта многочисленная масса богомольцев зажгла свечи и опустилась на колени, то получилась картина неописуемого церковно-бытового благолепия. Погода стояла тихая, теплая. Ни одна свечка не мигала. На темном фоне моря народного эти десятки тысяч огоньков представлялись

как бы рассыпавшимися и застывшими неподвижно в воздухе искрами разорвавшегося фейерверка: площадь, залитая сотнями свечей, словно тысячами звездочек, в тот священный тихий вечер представляла трогательное и величавое зрелище.

Из недр собора вышла процессия, во главе которой, на руках иерархов, плавно движется над головами открытый гроб со святыми мощами. Всколыхнулась народная масса, увидав заветный гроб Святителя, два столетия покоившегося в земле и ныне как бы воскресшего, снова осязательно всем близкого. В воздухе стоял красный звон колоколов всего Тобольска и неслось могучее, потрясающее народное пение величания. К родному Святителю потянулись руки, понеслись молитвенные вздохи, на глазах у всех слезы умиления. Этот высокий религиозный порыв народа не поддается описанию: на языке человеческом нет слов, чтобы изобразить это настроение, это воодушевление веры и духовной радости, это биение сердца, этот подъем духа, неизглаголанный в глаголе. В народе совершаются чудеса веры: одни видят северное сияние на своде небесном, другие видят отверстые очи Святителя Иоанна, иные видят, как при сотрясении гроба ниспускается «воздух» из-под митры и зрится лик новоявленного угодника Божия... Величествен-

ное шествие раки с мощами новоявленного угодника Божия вокруг всего кремля остановилось на помосте среди площади, в павильоне, где на особо устроенном катафалке установлен был гроб Святителя. Стоя у сего гроба, протоиерей о. Иоанн Восторгов произнес, с присущим ему ораторским талантом, слово о значении празднуемого события и непреоборимой духовной силе русского народа-богомольца: далеко разносится проповедь его — до строений, окаймляющих площадь, и в тех местах, где проповедник делает обращение к Святителю, десяток тысяч рук совершают крестное знамение. Митрополитом прочитано было Евангелие, и началось пение ирмосов, во время которых молящиеся приступили к поклонению святым мощам. Всенощное бдение закончилось в полночь; народ не расходился, а всю ночь служились молебны у гроба Святителя, и богомольцы прикладывались к мощам, получая помазание елеем... Лицо владыки Варнавы, много потрудившегося в деле открытия мощей святителя Иоанна, сияло радостью; не заметно никакой усталости: "Христос воскресе!" слышалось из уст его. И подлинно, справедливы слова архипастыря Тобольского: все молящиеся испытывали особое праздничное настроение, каким бывает оно в живоносный праздник светлопасхальный...»

10 июня святые мощи были перенесены с площади церковной из часовни-павильона в собор. Началась Литургия. «На малом входе при пении "Приидите, поклонимся" новоявленный угодник Божий на раменах архиереев и архимандритов входит в алтарь чрез Царские врата и поставляется пред Престолом на носилках, так что лицо Святителя было обращено к востоку, как служащего. Во время "Трисвятого" (при обычном переходе священнослужителей к горнему месту) священнослужители перенесли мощи Святителя и поставили их на горнем месте лицом к Престолу: голова Святителя была на возвышении и почивающий во гробе был виден народу, стоящему во храме. Митрополит и прочие архипастыри встали по сторонам его, как сослужащие; четыре диакона в продолжение всей Литургии держали над святыми мощами рипиды, дикирий и трикирий с возжженными свечами. Ощущение соприсутствия нового угодника Божия настолько живо и глубоко запечатлевалось в душах чутких сердцем и крепких верою священнослужителей, что некоторые, как трогательно рассказывалось впоследствии, из-за приоткрывавшегося воздуха (на лике Святителя) видели величавый святолепный лик Святителя и отверстые очи его, смотревшие на совершавших Литургию».

* * *

Закончились торжества. Начался разъезд с этого всенародного церковного празднества. «Мы возвращались из Тобольска, — писал Павел Россиев в «Русском паломнике» от 24 июля. — С нами ехал на пароходе Московский митрополит Макарий. Владыка сошел из каюты вниз, к пассажирам третьего и четвертого классов, — вместе помолиться. Помолились. Некоторое время спустя, слышу, кто-то выводит басом: "Золото, золото — сердце народное..." А сотни окружающих крестьян, крестьянок, мещан и мелких торговцев вторят: "Золотое сердце у тебя, родной русский народ!" Пока я протискался сквозь толпу ближе к запевале, пение стихло. Но вот слышу: сам старец Митрополит начинает:

Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром...

Все подхватывают эти слова и поют их, даря прелесть хомяковской поэзии и мелодию застоявшемуся воздуху, речным валам, лижущим берега, и берегам, поросшим или травой, или лесами. А старец продолжает и вот произносит:

Дик и страшен вид Алтая,
Вечен блеск его снегов:

Там страна моя родная...
Мне отчизна — старый Псков.

Вся Сибирь знает, как крепко и нежно любит Московский архипастырь "свой" Алтай, где он так много потрудился на миссионерском поприще и где находит настоящий отдых среди безхитростных сынов этих величавых гор — монголов. А уж как они-то любили своего апостола!»

Богомольцев собралось до 30 000 человек. Участники Тобольских торжеств, во главе с митрополитом Макарием, выразили Государю свою радость и верноподданнические чувства.

«Сердцем и душой был сегодня в молитвенном единении со всеми присутствовавшими на светлом прославлении Святителя Иоанна Максимовича. Твердо уповаю на милость его о спасении Руси Православной и о помощи свыше доблестному воинству нашему. НИКОЛАЙ» — так ответствовал Помазанник Божий, чутко воспринимавший верования народа своего и подвинувший дело прославления великого Угодника.

Все более убеждался Государь в помощи Святителя в деле создания военной мощи воевавшей России. Успешно прошло наступление на Юго-Западном фронте. Пал Эрзерум. Кавказская армия проникла в глубь азиатских

владений Турции. Император твердо и планомерно вел Россию к окончательной победе над внешним врагом. Но зрел заговор. И вне и внутри государства были некоторые силы, которых не устраивала победа Императорской России. Она и была вырвана у Государя кучкой изменников, свергнувших его, опираясь на бунт запасных солдат, и тем вызвавших духов зла, которые по сей день распинают Россию, лишенную *Царя.*

Русская
смута

Политическое предвидение

В сегодняшний день семнадцать лет тому назад, во время крещенского парада, раздался выстрел, который, осыпая вместо торжественного салюта осколками шрапнели место на Иордани, где стоял Государь Император, предупреждал, что революция начинается...

Этот боевой снаряд знаменателен был и как показатель того начинавшегося глубочайшего нерадения в исполнении долга, которое в дальнейшем охватило широкие и высокие круги государственных работников, так и тем, что замыслы преступников вновь направлялись против Священной Особы Монарха.

Но этому предупреждению не вняло ни правительство, ни общество.

Двуглавый Орел. Вып. 24. Берлин, 1922. 15/28 января. С. 18—34.

Как и в 1866 г., после покушения Каракозова на Императора Александра II, все честное, русское, верноподданное должно было сплотиться вокруг своего Государя, единым порывом любви и преданности уничтожить тлетворный либерализм, питавший бациллы терроризма. Так и в январские дни 1905 г. те же люди обязаны были встрепенуться, наконец окружить неприступной стеной своего Царя, Который вел к тому же трудную войну за честь России.

Но как тогда русское общество послушно брело на поводу у либералов, правительство же Лорис-Меликовых вместо борьбы с государственными преступниками, нерадиво относясь к тоже бывшим предупреждениям вроде открытого и халатно обследованного подкопа под лавкой Кобозева, стряпало конституцию, думая розовой водой из либерального пульверизатора затушить террористический пожар. И те и другие дождались злодеяния 1 марта...

Так и в памятный 1905 год наша интеллигенция и ее кумир граф Витте,— кто зажмурив глаза и убаюкиваясь конституционными грезами, а кто злонамеренно,— продолжали тащить государство в бездну, в которой не оказались по причинам вне их воли находившимся.

За шестым января следовало девятое, когда рабочие использованы были революционерами как пушечное мясо... В феврале в Москве

пролилась кровь дяди Императора, Великого Князя Сергия Александровича, одного из немногих предвидевших неминуемую гибель России и говорившего об этом. Затем — безпрерывной кровавой, омерзительной и тупой вереницей шли убийства, грабежи, съезды, митинги, забастовки, вся та, — притом вспомним и тут: во время войны, — «работа», в коей неразрывная цепь соединяла наших либеральных профессоров и адвокатов, Рюриковичей — князей Долгоруковых и пр. с обыкновенными грабителями, называвшимися для благозвучности «экспроприаторами».

В августе те же круги, перед этим, в лице своих молодых, уже отравленных революционным ядом отпрысков — тогдашнего студенчества, приветствовавшие Микадо*, радовались обидному для державного самолюбия России Портсмутскому миру, заключенному все тем же их любимцем, графом Полусахалинским Витте.

Осенью Россия получила акт 17 октября — залог ее будущего несчастья. Продолжались бунты, горели усадьбы, людей убивали пачками. В декабре вспыхнуло вооруженное восстание в Москве, о котором один из видных революционеров того времени, и недавний (в 1920 г.) министр Крымского правительства П. Б. Струве в то время говорил: «Пусть безумие, но в

* Японского императора. — *С. Ф.*

нем такая сила и такой героизм. Пусть поражение, но в нем такое величие»*.

Только после того как эти кровавые смуты затронули близко интересы обывателя, когда даже либералы стали чувствовать себя неуютно и потихоньку посылали к губернаторам за «ненавистными» казаками для охраны их имений, а в городах наблудившаяся интеллигенция и ее руководители иудеи с упованием поглядывали на полицию, побаиваясь народа, начинавшего косо смотреть на своих «учителей»,— возникла и расширилась волна общественной реакции. Да и правительство, в лице переставшего считаться с «премьером» Витте П. Н. Дурново, стало действовать решительно.

Наступило затишье...

И вот следует отметить, что как в эпоху Императора Александра II только правые устами и пером талантливого трибуна М. Н. Каткова предупреждали о том, куда заведет Россию либеральный курс, так и в 1905 г. те же правые в выдающихся статьях редактора «Киевлянина» Д. И. Пихно старались образумить захотевшее сделаться глухим и слепым русское общество.

Передо мною лежит книга покойного Д. И. Пихно «В осаде». Каким провидением и разумом веет от приводимых ниже строк его статьи

* *Смирнова С.* Борцы за свободу. СПб, 1907. С. 56.

«Российский радикализм», написанной 29 сентября 1905 г. по поводу происходившего в Москве съезда «земских и городских деятелей».

Отмечая общность русских радикалов с французскими революционерами конца XVIII века, он пишет:

«Такая же радикальная теоретичность, прямолинейность и доктринерство; такие же якобинские клубы в форме разного рода союзов и съездов; такое же буквальное повторение тогдашней теории "о правах человека"; такое же исчисление всех "свобод" при крайней нетерпимости ко всякой действительной свободе и даже к элементарным гражданским правам, которые не сходятся с радикальным катехизисом; такое же оправдание всякого бунта, всяких революционных насилий и преступлений; такой же состав интеллигенции, стремящейся революционировать городскую и сельскую толпу, чтобы опереться на нее.

Дальнейшие события показали, что история едва ли знает более неудержимых насильников, чем те, какими оказались французские радикалы. Весьма скоро радикальные поклонники Руссо уступили место красным демагогам, соответствующим теперешним социалистам, и тогда разыгрался финал кровавого безумия: все свободы были отвергнуты, кроме свободы гильотины, все "союзы" запрещены, воцарился

террор против "врагов республики", полилась реками кровь, и покатились тысячами головы из-под гильотины. Вместе с ограбленным дворянством окончили жизнь на плахе и очень многие из "буржуазных" радикалов. Кровавый вихрь, среди всеобщего ужаса и отчаяния, Наполеон Бонапарт остановил картечью и стал хозяином Франции, введя военную диктатуру.

Говорят, история не повторяется, но очень часто она варьирует одни и те же основные явления, с тою разницей, что одни народы и правительства умеют вовремя направить корабль истории по надежному руслу, а другие терпят крушение в водоворотах. Часть наших радикалов, в сущности, такие же младенцы, какими были Мирабо и аббат Сийес, и столь же мало предвидят, что они приготовляют, как не предвидели те, с тою лишь разницей, что наши маленькие Мирабо уже теперь идут гораздо дальше и лишены способности оценивать яркие предзнаменования, которых не имели пред собой французские деятели конца XVIII века. У тех не было своих Баку, Одессы, Лодзи, Варшавы, аграрных грабежей, сотен политических убийств и покушений. Есть существенная разница и в том, что радикализм Руссо и энциклопедистов был проникнут мечтательным добродушием, и над ним веял в их воображении светлый гений "свободы, равенства и братства",

лучезарные крылья которого позже озарились багровым светом пожаров и окрасились кровью. Нынешний же радикализм уже в своей колыбели повит злобой "классовой борьбы", безпредельными притязаниями "социальной демократии" на владычество толпы, грядущим рабством "социализма", в принципе отвергающим свободу личности и всякую свободу.

Теперь не может быть даже иллюзий. Сумрачный и злобный бык упрямо нагнул голову, уставив лоб в боевую позицию, и пробует стену, но ему недостает рогов, чтобы опрокинуть преграду. Радикалы усердно стараются расшатать столбы и подзадоривают быка бросаться снова и снова.

Русский радикализм есть союз близорукого конституционализма с революционными элементами, русскими и иноплеменными, для борьбы с существующим режимом».

Тогда этому вещему голосу не вняли, потом, пережив прелести смуты, поняли, но, отдохнув, через несколько лет снова начали играть в либерализм, хотя перед глазами были предупреждения и более грозные, чем справедливые слова редактора правой газеты.

В двадцатых числах сентября 1906 г. в Петербургской Судебной палате под председательством Н. С. Крашенинникова (убитого большевиками в Кисловодске) слушалось дело

знаменитого совета рабочих депутатов, игравшего серьезную роль осенью 1905 г., готовившегося арестовать графа Витте и только благодаря не растерявшимся частям жандармской полиции оказавшегося в тюрьме.

Главной фигурой на этом процессе был не кто иной, как... Троцкий — Бронштейн, товарищ председателя совета рабочих депутатов. «Мы не анархисты, а социалисты,— объяснял он на суде.— Мы признаем государственность и тем самым признаем насилие, репрессии, так как без них немыслимо существование никакого государственного строя. В октябрьские дни, когда правительственной власти собственно не было, совет взял в свои руки власть и тем самым должен был признать за собой и право насилия».

Приводя эти его слова, С. Смирнова пишет: «В газетных отчетах о речи г. Бронштейна писалось, что она была столь великолепна, что произвела на публику потрясающее впечатление. Но самое потрясающее в ней было именно указание на право насилия. *Это было как бы предвкушение тех будущих военно-демократических судов, которые введут современные социалисты*» (с. 101).

Напомним, что эта статья печаталась в такой распространенной газете, как «Новое время».

Несмотря на все эти предупреждения, игра в либерализм началась. Отдохнув под покровом правительства, отдельные представители которого планомерно убивались бывшими и будущими союзниками радикалов, наша интеллигенция принялась за старую блажь, к тому же имелась уже и специально для сего приспособленная говорильня — Государственная дума. Помогали ей в этом отношении и некоторые члены правительства. Роли Лорис-Меликова и Витте взял на себя А. В. Кривошеин, который еще летом 1913 г. на сельскохозяйственной выставке в Киеве произнес речь на тему «Мы и они», то есть правительство и общественность, причем даже непрозрачно намекал, что он-то всей душой находится в рядах последней.

Затем началась опять та же сказка про «красного» бычка, о которой мы не раз уже говорили.

И снова, как и в предшествующие грозные периоды предупреждающе звучали голоса правых. Здесь мы не будем останавливаться ни на их пророческих и разумных речах в представительных учреждениях, ни на мудрых статьях в их газетах. Ниже приводятся два характерных документа, из коих видно, как правые верно оценивали политическую обстановку, как, зная всю цену погубивших Россию парламентариев

и прочих «излюбленных общественным мнением» деятелей того времени, предлагали правильный образ действий, единственно возможный в годину тяжелой войны, когда во всех воевавших странах приходили к здравой необходимости усиления правительственной власти.

В изданной в 1921 г. в Петрограде книге Александра Блока «Последние дни Императорской Власти» приведены в числе прочих следующие два документа: 1) Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Императору Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 г. и 2) Объяснительная записка к пункту II этой записки.

Помещаем их полностью.

I

«Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума при поддержке так называемых общественных организаций вступает на явно революционный путь, ближайшим последствием чего, по возобновлении ее сессии, явится искание ею содействия мятежно настроенных масс; а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же подготовить, а в нужный момент незамедлительно

осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к подавлению мятежа, а именно:

I. Назначить на высшие государственные посты министров, главноуправляющих и на высшие командные тыловые должности по военному ведомству (начальников округов, военных генерал-губернаторов) лиц, не только известных своей издавна засвидетельствованной и ничем непоколебленной и незаподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной Власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией; в сем отношении они должны быть единомышленны и твердо убеждены в том, что никакая иная примирительная политика невозможна. Они должны, кроме того, клятвенно засвидетельствовать перед лицом Монарха свою готовность пасть в предстоящей борьбе, заранее на сей случай указать своих заместителей, а от Монарха получить всю полноту власти.

II. Государственная дума должна быть распущена немедленно Манифестом Государя Императора без указания срока нового ее созыва, но с определенным упоминанием о предстоящем коренном изменении некоторых статей (86, 87, 111 и 112) Основных Законов и Положений о выборах в Государственный Совет и думу.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то осадное) со всеми его последствиями, до полевых судов включительно.

IV. Имеющаяся в Петрограде военная сила в виде запасных батальонов гвардейских, пехотных полков представляется вполне достаточной для подавления мятежа; однако батальоны эти должны быть заблаговременно снабжены пулеметами и соответствующей артиллерией. В Москву должны быть отправлены некоторые из этих же батальонов, а в столицы и крупные центры, кроме того, поставлены те из имеющихся запасных кавалерийских частей, кои являются наиболее способными. Все находящиеся в отпусках или командировках, либо числящиеся эвакуированными офицеры гвардии должны вступить в ряды своих батальонов.

V. Тотчас же должны быть закрыты все органы левой и революционной печати и приняты все меры к усилению правых газет и к немедленному привлечению на сторону правительства хотя бы одного из крупных умеренных газетных предприятий.

VI. Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризированы с перечислением всех рабочих, пользующихся так называемой отсрочкой, в разряд призванных под знамена, и с подчинением их всем законам военного времени.

VII. Во все главные и местные комитеты союзов земств и городов, во все их отделы, а равно во все военно-промышленные комитеты и во все содержимые сими учреждениями заведения, мастерские, лазареты, поезда и проч. должны быть назначены в тылу правительственные комиссары, а на фронт коменданты из эвакуированных офицеров для наблюдения за расходованием отпускаемых казною сумм и для совершенного пресечения революционной пропаганды среди нижних чинов со стороны личного состава, который должен быть подчинен указанным агентам правительства.

VIII. Всем генерал-губернаторам, губернаторам и представителям высшей администрации в провинции должно быть предоставлено право немедленного собственною властью удаления от должности тех чинов всех рангов и ведомств, кои оказались бы участниками антиправительственных выступлений либо проявили в сем отношении слабость или растерянность.

IX. Государственный Совет остается впредь до общего пересмотра основных и выборных

законов и окончания войны, но все исходящие из него законопроекты впредь представляются на Высочайшее благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства. Самый состав его должен быть обновлен таким образом, чтобы в числе назначенных по Высочайшему повелению лиц не было ни одного из участников так называемого прогрессивного блока».

II

«Будет ли собрана Государственная дума в январе, будет ли она вновь распущена, будут ли продлены ее полномочия или назначены новые выборы, положение останется столь же нетерпимым и столь же опасным, как и в настоящее время, как и в течение всех последних десяти лет. Оно, несомненно, будет даже ухудшаться с каждым днем, и перед Монархом и правительством будет стоять все та же трудноразрешимая задача: остановить ли решительными мерами поступательное движение России в сторону демократической республики, либо положиться на Волю Божию и спокойно ожидать государственной катастрофы. В обществе и даже в среде самого правительства последних лет в этом отношении существует довольно прочно установившееся убеждение, что стоит Монарху даровать действительные, настоящие конституционные права и гарантии, пойти

навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве, принести за Себя или за Своего Наследника присягу на верность конституции, и тотчас же настанут для России светлые дни, все сразу успокоится, а умеренные партии законодательных учреждений, только к этому одному и стремящиеся, выведут государство из этого тупика, в который оно поставлено нерешительной и непоследовательной политикой правительства. Такого рода мнение совершенно ошибочно, и вовсе не по тому одному, как думают некоторые из представителей противоположного течения мыслей, что цели этих умеренно-либеральных партий, кадетов и октябристов, идут гораздо дальше фактического захвата ими власти. Эти партии, быть может, и действительно вполне искренно примирились бы с правительством, ими поставленным, и удовлетворились бы достигнутым результатом своей многолетней борьбы.

Но дело в том, что сами эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно. Наиболее сильной и деятельной из них является партия кадетов, ведущая в поводу все остальные; но если приглядеться к ней не в смысле писаных программ, а в смысле бытовых черт самого ее существования и последовательного

хода ее возникновения, то придется признать, что эта партия сильна лишь своей слабостью. Нося название демократической, а сама по себе в составе своем чисто буржуазная, она должна была, не имея собственной почвы, принять навязанные ей слева лозунги народоправства и отрицания собственности. Имея в составе своем значительное число так называемых земских деятелей, владельцев земли, кадетская партия первым пунктом своей программы поставила отчуждение земли, окончательное разорение собственных своих сочленов; конечно, руководители ее не были искренни в этом случае и к этому вовсе не стремились, весьма охотно выпустив этот пункт из программы созданного и руководимого ими прогрессивного блока, но не является ли это лучшим доказательством того, что они не верят в собственное свое самостоятельное существование и ищут сочувствия извне путем уступок и жертв; без этого сочувствия слева, без этих козырей из чужой, не ихней колоды карт кадеты есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств — и ничего более.

Еще меньше можно назвать политической партией партию октябристов, в самой Думе уже расколовшуюся на разные оттенки, партию, искусственно созданную на лозунгах Манифеста

17 октября, для многих спорного и ни для кого не ясного. Слабость ее заключается уже не в том, что она приняла чуждые ей лозунги, а в том, что их у нее нет вовсе; и не видели ли мы самых разительных примеров того, как люди, называющие себя октябристами, перебегали из одного лагеря в другой, легко и свободно меняя свои убеждения в зависимости от временных обстоятельств, колебаний правительственной политики, а еще чаще совершенно личных побуждений. Прав был один из правых ораторов в Думе, сказавший, что стоит сжечь одну помещичью усадьбу, чтобы превратить сотню октябристов в правых, и достаточно обойти наградами к 6 декабря* несколько видных либеральных чиновников, чтобы сделать из октябристов кадетов.

Что же можно сказать, наконец, о так называемом центре, или о прогрессивных националистах? Возможно ли назвать политической партией этих людей, сегодня довольных начальством и прошедших в Думу по правым спискам за счет правых партий, а завтра огорченных увольнением князя Щербатова и тотчас забывших, кто они именно такие. И этот центр и эти либеральные националисты, не являют ли они столь же убедительный пример

* Память святителя Николая, Мирликийского чудотворца. День Тезоименитства Государя Императора Николая II. – *С. Ф.*

того, сколь смешны и ничтожны деления русских людей на политические партии. Сколь еще младенческая страна Россия в политическом отношении. Явные и наиболее яркие антисемиты Юго-Западного края, прошедшие голосами и грошами низов, ненавидящих евреев вплоть до погромов, с непоколебимой уверенностью в легальности своей позиции как народных избранников подписывают программу прогрессивного блока, где одним из пунктов стоит еврейское равноправие.

Или что можно сказать про украшающих высшее Государственное Законодательное учреждение сановников, бывших министров, даже премьеров, превознесенных милостями Монарха и Им одаренных свыше меры, поставленных Им здесь для защиты Его прав и прав Его Наследников,— сановников, участвующих в прогрессивном блоке и подписывающих резолюции, клонящиеся к узурпированию этих прав, к скомпрометированию Самого Царского Имени? Что можно сказать про придворных чинов, кичащихся своим мундиром и званием перед простыми смертными и в то же время братающихся с явными и откровенными врагами Своего Государя? А семидесятилетний сановник, всю долгую жизнь на разных постах утверждавши принципы Царского Самодержавия, переходящий к левым в верхней палате

из-за неизбрания его правыми в какую-то комиссию?

Где предел этой политической невоспитанности?

Надо признать, что и правые партии находятся в состоянии летаргии. Обыкновенно посылаемый им упрек в бездеятельности и отсутствии программы едва ли, однако, справедлив, и вся вина их заключается в том, что они сразу и безповоротно не устранили себя от участия в осуществлении Манифеста 17 октября, основанного на началах, совершенно противоречащих их государственному самосознанию. Что могли они сделать и что сказать, когда с высоты Престола провозглашена была ломка тех устоев, которыми держалась Россия до сих пор и без которых она, по их мнению, должна погибнуть? Много ли им давала та неопределенность выражений, туманность некоторых пунктов Основных Законов, допускавших некоторую возможность разноречивых толкований? Правые сделали все, что могли: они содействовали проведению в третью и четвертую Думы более умеренных элементов, они сами не боялись ни травли, ни унижений, но могли ли они дать стране политическое воспитание, могли ли сами образовать политическую партию с определенной программой, они — люди, отрицающие эту политику, защитники Единой Царской

Самодержавной Власти? С ними сбылось то, чего надо было ожидать: в условиях политической борьбы они оказались разбитыми, рассеянными и не признанными той самой властью, которая только на них одних могла опираться.

Совершенно иное положение партий левых: трудовиков, социал-демократов, вплоть до социал-революционеров. Несмотря на совершенную нелепость их настоящих представителей в Думе, несмотря даже на то, что нет такого социал-демократа или социал-революционера, из которого за несколько сот рублей нельзя было бы сделать агента Охранного отделения, опасность и силу этих партий составляет то, что у них есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная. Эта толпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поет "Боже, Царя храни", как и орет "Долой Самодержавие", но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна; она вправе рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдет за пролетарием тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю. 1905 и 1906 годы с достаточной убедительностью уже показали, что, яростный защитник своей собственности и такой же консерватор в своем

быту, русский мужик делается самым убежденным социал-демократом с той минуты, когда дело коснется чужого добра.

Итак, при полной, почти хаотической незрелости русского общества в политическом отношении объявление действительной конституции привело бы к тому, что более устойчивые и сильные политические партии и течения, имея благоприятную почву в самых конституционных гарантиях, тотчас стали бы поглощать партии менее жизненные и сильные и приобрели бы преимущественное влияние на дальнейшие судьбы государства. Можно без всякого преувеличения сказать, что обнародование такого акта сопровождалось бы прежде всего, конечно, полным и окончательным разгромом партий правых и постепенным поглощением партий промежуточных: центра, либеральных консерваторов, октябристов и прогрессистов партии кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение. Но и кадетам грозила бы та же участь. При выборах в пятую Думу эти последние, безсильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие все свое влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева (как и было, например, в некоторых губерниях при выборах во вторую Думу). А затем... Затем выступила бы революционная толпа,

коммуна, гибель Династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник. Можно бы идти в этих предсказаниях и дальше и после совершенной анархии и поголовной резни увидеть на горизонте будущей России восстановление Самодержавной Царской, но уже мужичьей власти в лице нового Царя, будь то Пугачев или Стенька Разин, но понятно, что такие перспективы уже заслоняются предвидением вражеского нашествия и раздела между соседями самого Государства Российского, коему уготована была бы судьба Галиции или Хорватской Руси.

Поэтому все надежды на то, что с объявлением действительной русской конституции все успокоится, кажутся столь же наивными, как наивно и утверждение, что, Бог даст, и так все само собой образуется как-нибудь.

Ничего не может образоваться из неудачно задуманной и еще более неудачно осуществленной 10 лет тому назад реформы, и если дальнейшие по этому пути уступки, завершенные обнародованием конституции, приведут к катастрофе, то и оставление в этом же положении, как и в настоящее время, Государственной думы с периодическим свидетельствованием ей доверия и недоверия, с признанием неосуществимой возможности правительству работать с Думой и с перемежающими эту будто бы

плодотворную работу ее роспусками доведет к тому же, продлив только срок этой агонии и подорвав в народе веру в силу и правду Монарха.

В чем же заключаются недостатки реформы 1906 года? Их столь много, что скорей можно было бы спросить, в чем заключаются ее достоинства. Но в числе этих дефектов по степени неотложности их исправления и важности в смысле приносимого государству вреда необходимо выделить два основных, капитальных положения: соблазнительную неясность и противоречие в Основных Законах, касающихся и прерогатив Верховной Самодержавной Власти и прав законодательных учреждений, и совершенную несостоятельность положений о выборах в Думу.

Как бы ни хитры были истолкованные выражения,— Самодержец, самое понятие это в глазах народа, кроме значения Всемогущего и никем и никаким законом человеческим, кроме Божьего, не ограниченного Монарха, никакого иного не имеет, а вычеркнуть это слово из Основных Законов и из ежедневных молитвословий не решились и составители новелл 1906 г. Между тем ст. 87, 112 и 113 Основных Законов явно умаляют это значение, ставят Царя не только в равноправные отношения с законодательными учреждениями, но как бы

подчиняют Его Волю усмотрению этих последних: проведенный по 87 ст. и Царским Именем опубликованный закон может быть без всякого Его рассмотрения отвергнут Думой и Советом и даже просто механически теряет свою силу сам собой в том случае, если правительством в определенный срок в Думу внесен не будет; каждый законопроект, одобренный Думой и Советом, должен быть, по смыслу этих статей, непременно рассмотрен и утвержден или не утвержден Монархом, законопроект же, внесенный в эти учреждения от Имени Монарха правительством, может быть вовсе не рассмотрен законодательными учреждениями, ибо никакого срока им на это не положено, и судьба такого законопроекта в дальнейшем законом не предусмотрена вовсе; даже согласительные комиссии этих двух учреждений как будто бы имеют более прав, чем сам Монарх, ибо им предоставлена возможность в случае разногласий по отдельным статьям вырабатывать общие согласительные формулы; Монарх же не имеет ни права, ни возможности утвердить закона, хотя бы вызванного совершенной государственной необходимостью, при рассмотрении коего хотя бы в одной статье его разногласие между двумя палатами осталось неустраненным. Таким образом, Монарх не является во всех таких случаях Верховным Судьей,

решителем судьбы важнейших государственных мероприятий, и занимает какую-то связанную формальностью, как бы лишь делопроизводственную позицию.

Этот величайший государственный соблазн должен быть уничтожен и указанные статьи коренным образом изменены в том смысле, что Монарх, в порядке утверждения рассмотренных палатами законопроектов, остается неограниченным и никаких в сем отношении обязательств на Него законом не возложено.

Несмотря на все пережитое, а, быть может, благодаря именно этому, формула: "народу мнение, а Царю решение" является единственно приемлемой для России.

Столь же коренным образом должен быть решен вопрос о выборах в Государственную думу. Печальные результаты выборного закона и неудача поправок его по закону 3 июня 1907 г. объясняются тем, что в положения эти была заложена странная и неисполнимая идея смешать все классы населения Империи в одну общую безформенную толпу и уже из этой толпы выбрать, так сказать выудить, наиболее способных, толковых и государственно мыслящих людей, производя самый этот отбор сложным и неестественным порядком двух- и трехстепенных выборов: будто бы предполагалось, что надо сначала уничтожить существующие

бытовые деления общества и народа и заменить их делениями на политические партии, и забывалось, что реальная Россия вовсе не смешана, что эти бытовые, классовые и сословные грани фактически существуют и достаточно еще крепки, а политических партий нет вовсе или таковые находятся еще в зародыше. Хотели будто бы получить не действительных представителей Земли Русской, а уловить настроение разношерстной толпы в лице ее вожаков, эти настроения наиболее ярко выражающих. Дворян-помещиков смешали вообще с земледельцами и духовенством, купцов — с чиновниками и интеллигентами, крестьян-домохозяев — с крестьянами-пролетариями и даже казаков, с целью совершенно обезличить эту бытовую группу, свалили в кучу с иногородними и инородцами; а чтобы эта смесь и вовсе потеряла свое лицо, все эти группы еще раз смешали в губернских собраниях и только здесь разрешали им на предвыборных собраниях, наконец, вновь разделиться, но уже не так, как разделил их тысячелетний быт и история, а так, как хотелось этой незрелой мысли политических авантюристов. Сначала надеялись, что поддерживать правительство будут крестьяне, затем стали искать опоры у землевладельцев и во всех горько разочаровались, ибо вместо крестьян получили трудовиков, а

вместо помещиков — левых октябристов, лидеров партий, только вчера образовавшихся на предвыборном сборище, людей, в этот день первый раз встретившихся друг с другом.

На сельских сходах в небольших городах и в уездных собраниях землевладельцев эти лидеры проходили более или менее случайно и здесь не имели еще решающего успеха, а в число выборщиков попадали в большинстве люди не партийные и, быть может, действительно заслуживающие всей своей прежней деятельностью доверие своих избирателей, но в губернии они решительно теряли все свои шансы, и у ораторов, лидеров партий, являлись перед ними неоценимые преимущества, — ни тех, ни других чужие города и уезды не знали и видели, быть может, в глаза в первый раз в жизни, но первые скромно молчали, а вторые говорили зажигательные речи и угадывали настроение; созданные не бытом и даже не существующими еще политическими партиями, а этими настроениями, эти новые решители судеб России и в дальнейшей своей деятельности в Государственной думе подчинялись не местным интересам и не политическим лозунгам, а именно настроениям: в первой Думе они олицетворяли настроение революционной толпы, ошеломленной неудачами японской войны, во второй — настроение крестьянских масс,

требовавших чужой земли и воли грабить чужое имущество, в третьей — настроение испуганных погромами помещиков, а в четвертой — настроение этих же помещиков, уже успокоившихся и уже снова недовольных правительством. Если бы пятая Дума была созвана в 1917 г. по действующему положению, можно с уверенностью утверждать, что в нее попали бы те, которые особенно горячо и нервно стали бы кликушествовать и раздувать всякие легенды и небылицы о Распутине.

Ясно, что выборы должны быть одностепенные, непосредственные от городских и уездных бытовых и сословных групп. Иначе говоря, каждое волостное крестьянское общество, уездное дворянское собрание, собрания купеческие, мещанские, уездное духовенство, казачьи станицы, городское чиновничество и т. д. должны выбрать каждое по одному своему представителю, и этим избранием вся процедура выборов должна быть закончена. Так как, очевидно, в каждой губернии число таким образом избранных в кандидаты будет значительно превышать число положенных от каждой из них членов Думы и из избранных от каждой из перечисленных групп придется призвать лишь незначительную часть, то необходимо установить дальнейший порядок их отбора и утверждения, быть может по жребию, а всего

лучше по Высочайшему соизволению, подобно тому, как Государь Император утверждает, например, одно из избранных в губернские предводители дворянства двух лиц; остальные оставались бы кандидатами и, в случае выбытия членов Думы, замещали бы сих последних в том же порядке утверждения или призвания их Высочайшей Волей. Такой порядок кроме непосредственности, дешевизны, простоты и устранения всех вредных последствий смешения обывателей дал бы, кроме того, возможность устранить от участия в законодательной деятельности элементы нежелательные и вредные, без всякого права для этих последних какой-либо претензии, ибо вполне ясно, что говорить от имени, например, крестьянства с одинаковым правом может и тот, кто был избран от Ивановского схода и не утвержден, и тот, кто выбран Петровским сходом и утверждение получил.

Не входя в дальнейшие подробности указанного порядка, необходимо, однако, остановиться на одном обстоятельстве, до сего времени совершенно упускаемом из вида правительством. Последнее, за исключением лишь слабых попыток времен Столыпина, не вело в Думе или, вернее сказать, с Думой никакой политики. Политику эту, конечно, надо понимать не в смысле подслуживания к Думе или так

называемого доверия, до сих пор дававшего столь печальные результаты, ни, тем более, каких-либо уступок и поблажек, клонящихся к укреплению сознания, что ей, Думе, принадлежит первенствующая роль в государственном управлении. Однако и такое положение, при котором собранные с разных концов земли несколько сот человек оставляются на произвол собственных страстей и интриг без всякой заботы о том, что из этого выйдет, положение, которое существует ныне, является совершенно ненормальным.

Правительство во что бы то ни стало должно иметь большинство в Думе и к созданию этого большинства должно относиться с величайшей ревностью и притом без всяких иллюзий и предубеждений. В ближайшем прошлом возможность создания прогрессивного блока надо поставить в тяжкую вину правительству, ровно ничего не сделавшему в предупреждение его образования. Что сделало оно вообще в смысле укрепления и численного увеличения правых партий в Думе, чем поощряло людей действительно преданных Монарху и готовых защитить Его правительство? В лучшем случае выдавало грошовую субсидию внедумским правым органам печати, иногда после десятилетней деятельности, многолетней голгофы, предлагало место Акмолинского вице-губернатора

и, если не выражало явного пренебрежения к правому крылу Думы, то, во всяком случае, проявляло к нему значительную долю равнодушия, тем самым как бы наперед предупреждая колеблющихся, что ждать каких-либо поощрений им нечего.

Чем старались удержать на правых скамьях господ, как, например, Савенко? Ровно ничем, и скорей поощряло их переход налево, в то время когда их можно было брать голыми руками. Надо говорить откровенно: помыслы и действия правительства были слишком чисты, нелицеприятны и нисколько не соответствовали ни нравственному уровню, ни стремлениям той среды, с которой оно имело дело; все его руководители, даже сами вышедшие из рядов правых партий, стремились только убедить, уговорить Думу, переспорить ее и вовсе не заботились о том, чтобы собрать, если нужно, создать и укрепить за собой послушное большинство. Кроме безцельных и скучнейших раутов с приглашением нескольких сот человек без всякого разбора, никаких попыток в сем отношении сделано не было, а в грозную силу общественности правительство верило больше, чем верила она сама себе, и вовсе не хотело понять, что никакой общественности в России нет, а есть лишь в разных видах чиновники способные и удачные, получающие

соответствующие награды и содержание от казны, и есть чиновники менее способные и неудачливые, от казны содержание не получающие, но к нему, равно как и к денежным и иным наградам, ревнивые не менее первых.

В распоряжении Председателя Совета министров должно состоять особое лицо, особая и притом серьезно поставленная организация и крупный специальный фонд для ведения внутренней политики в самой Думе с единственной целью создания и поддержания прочного и постоянного большинства, благоприятного правительству».

* * *

За последнее время по определенной указке, идущей из Москвы и через Вену протягивающей свои нити к самым неожиданным центрам, производится упорное клеветническое нападение на правых деятелей предреволюционной эпохи, которым вменяется в вину их тогдашняя якобы бездеятельность.

Как одно из доказательств неверности этих утверждений и приведены выше некоторые статьи и документы, указывающие, что если и вещал тогда предупреждающий го́лос, то именно из правых кругов, из рядов коих вышла и напечатанная теперь, составленная в начале

1914 г. записка одного из твердых и, конечно, особо травимых правых — П. Н. Дурново, предсказывавшего, какие последствия для России будет иметь надвигающаяся война.

В ответ нам клеветники напишут, вероятно, еще несколько статей, большевики лишний раз их похвалят, иудеи с удовольствием потрут руки, видя, как гои сами грызут своих же.

И не для них пишутся эти строки. А для тех, кто, осознав весь ужас революции, ищет путей и к покаянию, и к выздоровлению и кому замаскированные большевицкие работники подносят ядовитую пищу, вновь отравляя их уставшие души.

Правда все равно восторжествует, солнце заставит замолкнуть всех этих филинов, выкрикивающих хулу на растущее монархическое дело.

И пусть сами монархисты разберутся, с кем им по пути к спасению России,— с теми ли, кто прячется и только тайно руководит таинственным «делом» и своеобразно «возрождает» Родину, с теми, кто с усердием, достойным лучшего применения, уснащает своими протестующими письмами страницы левых газет, доставляя радость этим врагам Монархии и получая милостивые благодарности большевицких органов печати. Или же с теми, кто без-

боязненно, во имя чести и долга, памятуя о присяге, работает открыто, без забрала, подставляя себя под всяческие удары и темных клеветников, и вечно ноющих, критикующих обывателей.

Настоящим же монархическим деятелям напомним мудрые слова святого апостола Иуды, говорившего, что появятся вредные люди, и именно:

«Это ропотники, ничем не довольные, поступающие по своим похотям (нечестиво и беззаконно); уста их произносят надутые слова; они оказывают лицеприятие для корысти. Но вы, возлюбленные, помните предсказанное Апостолами Господа Нашего Иисуса Христа. Они говорили вам, что в последнее время появятся ругатели, поступающие по своим нечестивым похотям. Это люди, отделяющие себя (от единства веры), душевные, не имеющие духа. А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости от Господа нашего Иисуса Христа, для вечной жизни. И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая оскверне́на плотью» (Иуд. 1, 16—23).

6 января ст. ст. 1922 г.

Жизнь в Духе

Россия болела давно. Больна она с тех пор, как пришедшие с Запада учения самодовлеющего естества и обожествленного человеческого разума затуманили православную душу. Умело привит был русскому обществу яд религиозного безразличия. Страдает этою хворостью и Запад, но в душе русского человека, всегда пропитанной религиозными исканиями, отметение веры в Бога произвело ужасающее, разрушительное действие.

Здоровое государство должно быть проникнуто сильным и ярким религиозным духом. Без веры в Бога утрачивает устойчивость семья, эта первооснова государства. Безпутно, без руля и без ветрил, носится безверный, значит, безсемейный, безгосударный человек по морю житейской суеты.

По выражению митрополита Киевского Антония, *«люди покидают спасительный корабль Церкви, и лишается разумного смысла государственное существование, основанное на народном себялюбии и чуждое религиозной идее». «Это уже не народ,* — писал владыка Антоний в 1889 г. в казанском журнале «Дея-

Двуглавый Орел. Вып. 3. Париж. 15 28.1. 1927. С. 4–6.

тель». — *Это гниющий труп, который гниение свое принимает за жизнь, а живущие на нем и в нем лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниет, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни».*

Затуманенному рассудку и затемненной совести людей подносят *по виду* высокие нравственные понятия — свободы, равенства, братства — и затем, неприметно для них, вливают в эти формулы ядовитое содержание, надобное для темной силы.

Свобода, равенство и братство, провозглашенные франкмасонами, принесли грубое поклонение вещам, черствое безудержное себялюбие, зависть, злобу и ненависть к лучшим и высшим, человекоубийственную войну классов, засилие и произвол худших над лучшими.

И как красивы, как небесно возвышенны *те же начала*, освященные сиянием веры Христовой. Перед Престолом Всевышнего все люди братья, все свободны, все равны в обществе верующих. Молясь во храме Божием, причащаясь Святых Таинств, все, как один, чувствуют внутреннее духовное братство и равенство, сознают себя родными единой общей семьи.

Наши предки глубоко понимали все великое значение христианского начала как таинственной силы, связывающей ткани государственного тела.

Весь строй *старой* России, от быта беднейшего пахаря до помазания на Царство Самодержца, неизменно имел церковный уклад.

Справедливо Отечество наше тех времен именовалось Святой Русью. Конечно, не мало грешили в старину, и тяжко грешили, но сила покаяния наших предков соответствовала силе горячей веры, и это смывало грехи. Но как ни грешили они, никогда, даже согрешая, не посягали они на самый чин церковный, на самую Веру Православную.

Поэтому из века в век росла, цвела и крепла Россия, и Промысл Божий охранял ее судьбы.

С середины XVIII века западные ветры стали заносить в Россию религиозные колебания и отрицания, прививать вольтерьянство, масонство, лживый мистицизм. Сперва из натасканной энциклопедистами Франции проник к нам растлевающий дух сомнения. А затем тяжеловесная философия немцев довершила угашение христианской души. Подчинились Канту и его запрету на религиозное мировоззрение.

Поверив и подчинившись чужим учениям, русское общество со свойственным неофитам

пылом бросилось прочь от Бога. Убегая же от Господа Бога, неизбежно приближались к сатане.

Зоркие духом православные русские люди видели надвигавшееся бедствие и указывали на грядущее падение. Епископ Иоанн Выборгский, впоследствии Смоленский, в слове о значении христианской веры еще 60 лет тому назад (в 1866 г.) ужасался нравственному состоянию русского общества.

«Не кажется ли вам, — взывал Владыка, — *не может ли прийти мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотреть вокруг себя серьезно, что жизнь наша как будто сдвинулась с вековых религиозных и нравственных оснований и, в разладе с народною верою и совестью, с отечественною любовью и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идет будто невесть куда, без разумных убеждений и сознательно верных стремлений? Но это было бы ужасно. Народ! Помни Бога».*

Но именно Бога-то и забывали.

Меньше всего поддавались разложению народные толщи, но о духовной потребности их заботились мало, в лучшем случае не мешали жить «детской» верой. Образованные же круги и те полупросвещенные слои, которые вплотную примыкали к простому народу, — те все более обезверивались.

Да, по преданию, по привычке, иногда просто из приличия многие внешне оставались в Церкви, посещали в положенные дни храмы, говели, некоторые даже постились. Но их религиозная душа была не холодна и не горяча, а едва теплилась и чадила.

Духовный лик подлинной Руси, коим ныне так восторгаются прозревающие люди Запада, почти не отображался в среде образованного и полуобразованного русского общества.

Глухи оставались они к пророчествам таких исключительных людей, как Хомяков, Тютчев, Гоголь, Достоевский, Константин Леонтьев, не занимал их церковный быт, так ярко изображенный Мельниковым-Печерским, Лесковым.

Знаменательные явления последних времен — Саров и Дивеев, с просиявшим там преподобным Серафимом, Оптина пустынь с ее богомудрыми старцами, отец Иоанн Кронштадтский — все это прошло мимо огромного большинства русского общества.

С насмешливой улыбкой взирали верхи наши на церковное устремление и молитвенную жажду Императоров Александра III и Николая II.

Но русская душа чутка и ищуща, она не могла удовлетвориться учениями одного животного материализма.

Вот и завелись у нас всякое сектантство, спиритизм, оккультизм, масонство, толстовство, теософия...

И только после падения пережитые страшные испытания, выявившаяся во всей наготе нищета и мнимость всех противохристианских демократических достижений и ясно обнажившиеся когти сатаны — все это больно встряхнуло мозги и основательно расшевелило вовсе было уснувшую совесть русского человека.

Теперь мы возвращаемся к религиозному миросозерцанию. Правда, некоторые болеют извращениями его — одни гностицизмом, софийством и свободомыслием, другие — церковным папизмом и небрежением соборного начала, третьи — жаждой догматической и канонической реформации.

Теперь мы жаждем восстановления России не как царства антихриста, а как Святой Руси.

В возрожденной России, по историческому показу и наказу, и государственный, и общественный, и семейный быт должны дышать религиозным духом, должны святиться пламенем веры. Кто этого не постигает умом и не ощущает совестью, тот, как бы умен и способен он ни был, всегда будет чужд истинной Руси, тот не вольется в ее новую — извечно старую — жизнь, жизнь не только в теле, но и в Духе.

Работа масонов

Князь С. М. Волконский — типичный представитель русского барства, пропитанного либерализмом,— в выпущенной им книге «Мои воспоминания» («Родина». С. 149) так передает свою беседу в 1896 г. с одним американцем:

«В разговоре, между прочим, спросил меня, долго ли я останусь в Америке. Говорю, что должен поспевать на коронацию.

— Ну, эти вещи не будут долговечны.

— Как так?

— Вы франкмасон?

— Нет.

— Да, ну... в таком случае...

Никогда не испытал так ясно, что я прикоснулся к чему-то неизвестному, жуткому и огромному...»

Жуть охватила даже князя Волконского — либерала, отпавшего от Православия, западника,— когда он остатками здорового русского чувства ощутил, как грозна эта тайная сила, злобно ополчившаяся против коренных устоев Русского государства. Что же должны были испытывать те, не оторвавшиеся от живых

Старое время. Белград. № 47. 30.5. 1924. С. 2–3.

народных корней люди, которые изо дня в день видели, как выползавшие из тьмы гады сперва опакощивали, а затем и уничтожили душу великого Русского Народа.

Много тяжелого, страшного было пережито за последние годы, смерть неизбывно витала кругом нас. Но ничто не сравнится с теми длительными душевными муками предреволюционного времени, когда в сознании своего бессилия приходилось наблюдать этот планомерный, упорный натиск на Россию темных сил.

Масонство издавна боролось против русской Православной и Самодержавной Монархии. Масонству издавна нужна была европейская война, недаром идея ее была вынянчена в Англии, главной цитадели «свободных каменщиков» и антихриста. Масонству нужна была изнурительная война, но не победа России, которая еще сильнее возвеличила бы Самодержавие. Масонство,— неограниченно владея находившейся в его руках через иудеев, издателей и писателей печатью,— сумело также использовать все пороки нашего столично-городского общества. Маловерные христиане, склонные к темному мистицизму, рассудочные националисты, монархисты по званию и привычке, воспаленные зудом критики, осуждения и оплевания всего своего и близкого,— наше общество, и чем выше, тем хуже, явило прекрасно взрыхленную

почву для посевов сатаны. Вредное озорство дворянина-поэта Владимира Мятлева, с его издевательствами и насмешками над всем для русского чувства дорогим и святым, росло на этой гиблой почве пышным цветом. В то время как газеты и журналы бросали в народ ядовитые семена разложения и отравы, масоны, вооруженные серпами, готовились к жатве... Плоть от плоти и кость от кости нашего общества — бюрократия всех видов и званий, в значительной своей части блудливо плыла по тому же течению, лелея тайную мечту о новых успехах при новых господах. Всюду чувствовалось злобное дыхание темной силы. В военном ведомстве работал блестящий с виду Генеральный штаб, в гражданском — целые либеральные министерства, куда густо набились послушные масонству лица. Даже в охранявшем жизнь и покой Монархии ведомстве внутренних дел, — свили себе гнездо, — попустительное безволие и угодливое подслуживание лживому духу времени. Беспристрастный историк революции должен будет со вниманием остановиться на странном поведении Корпуса жандармов и Департамента полиции, — коими, за последние перед революцией годы, управлял не умный, мелко честолюбивый, но либеральный до отказа генерал Джунковский. Близкий друг московских «общественных деятелей»,

окруженный вплотную людьми, разрушавшими старый, хорошо налаженный полицейский аппарат, генерал Джунковский добился перед самой войной полного уничтожения политической агентуры в войсках и тем сослужил большую службу агентам революции, которые после своего провала в 1906 г. обратили особое внимание на разложение именно военной среды. Даже в среду православного духовенства, к счастью в небольшой доле, проникли темные и тлетворные влияния иудо-масонства. Под личиной показного ханжества и подобострастия ко власть имущим скрывались иногда явные безбожники, свободомыслящие отвергатели Святых Таинств и Святого Православия.

Одиноко сияла чистым светом Царская Семья. Там воистину верили в Промысл Божий, сознавали великое значение церковности, понимали великий подвиг Царского служения, подлинно любили свой русский народ. Там жили воистину по-христиански и давали пример патриархальной русской семьи. Эта чистота еще пуще озлобляла масонство. И в этой дьявольской злобе открывается объяснение, почему именно столь чистая и невинная Семья подверглась столь неслыханным клеветам, порицаниям и осуждению чуть ли не всего света...

Гонимы были все те, кто, сознавая надвигавшуюся опасность, старался задержать рвавшийся

к разрушению всех оград мутный, полный злобы и крови поток. Ужасной травле подвергался впоследствии умученный большевиками министр внутренних дел Николай Алексеевич Маклаков — молодой государственный деятель, глубоко православный, безгранично преданный Царю и Отечеству, пересаженный в бюрократический Петроград с живой почвы местного служения. Этот — личным выбором Государя — возвышенный русский человек на время спутал карты политических шулеров. И вот адской злобой возненавидела его вся плывшая по масонскому течению клика либеральных бюрократов с Кривошеиным, Харитоновым и Сазоновым во главе, а с ними и все их более мелкие приспешники, поставившие ставку на победу прогрессивной общественности. Последняя же, при помощи разных сиятельных перелетов и перевертеней, вроде графа Капниста и др., с пеной у рта бросилась на хорошо еще в провинции познавшего настоящую ей цену Царского министра. И в этой дьявольской охоте подспудно, но действенно и вредоносно, на убой, работали сотрудники «общественности», притаившиеся в самом ведомстве внутренних дел.

Жнецы-масоны потирали руки и острили серпы. Несколько ударов молотом повергли ниц преданную бюрократией и барством Российскую Империю.

Заговорив о Маклакове, вспоминаю о том, как пережил он первые дни революции, будучи в то время членом Государственного Совета. Первым его стремлением была попытка, вместе с покойным А. А. Римским-Корсаковым, проникнуть к Государю. Но он сразу был отрезан от внешнего мира в своей квартире на Захарьевской. Как сейчас помню наш разговор по телефону утром 28 февраля. Маклаков уже тогда считал все потерянным и, как недавний шеф Корпуса жандармов, он с дрожью в голосе сказал мне: «Только что перед моими окнами по Захарьевской проследовал в Думу весь увешанный красными бантами конный жандармский дивизион». Позднее, когда в 1918 г. я навещал заключенного Маклакова в больнице на Песочной, он с негодованием вспоминал о своих подчиненных по этому ведомству. Слышанный же мною в Киеве в том же 1918 г. рассказ заслуженного жандармского полковника о том, как он после мучительных скитаний по улицам Петрограда пришел просить ночлега в доме штаба Корпуса жандармов на Фурштадтской и был оттуда начальством грубо выброшен на улицу,— выявил еще ярче всю глубину работы темной силы...

Сокрушившие благодетельную для народа Самодержавную Монархию масоны торжествовали недолго. «Брат» князь Львов оказался

безвольной тряпкой, «брат» Милюков, этот способнейший клеветник и извратитель, — нудным резонером, «брат» Керенский — актерствующим истериком. Схвативший же в охапку все открывавшиеся возможности «брат» Троцкий — Бронштейн забрал все и вся в свои руки и, увлеченный безбрежным славолюбием, не проявляет и поныне склонности к передаче власти старшим «братьям». Опасаясь «эксцессов», оставленные в России безработными, «братья» постепенно выбрались за границу, где на разные манеры пристроились к казенному русскому сундуку и захватили политику в тылах Белого движения. Иные из стаи славных удачно занимались в свою пользу спекуляциями за казенный счет, нимало не смущаясь тем, что от этого страдала и гибла изнемогавшая в неравном бою доблестная Русская армия.

Но вот в России Бронштейны и их сородичи хватили через край. Избиваемый и обижаемый народ очнулся от дурмана и стал вспоминать о прежней радостной и довольной жизни при Царях. Опомнилась и значительная часть интеллигенции — к Богу вернулась, — и монархическое настроение стало расти не по дням, а по часам.

Масоны забезпокоились, они поняли, что на время «нужно» облечься в овечьи шкуры, подыграться к новому народному настроению,

постараться захватить и его в свои руки. И постепенно — рядом с искренними людьми, добросовестно и убежденно пришедшими к Монархии, — стали выплывать новоявленные монархисты-масоны. С умилением стали они поминать ими же загубленного Государя, с лицемерным указанием, что мученической кончиной Он «искупил Свои ошибки». Чиновные пособники революции, подрывавшие государственную власть, так ловко обделывавшие затем свои нечистые делишки в злачном Константинополе, оказались ныне сторонниками Монархии, правда европейской — конституционного типа, и стали даже «народниками». Иные духовные особы, бывшие в свое время приближенными к Государю, после революции поносившие ушедшего от Царства Монарха, — ныне стали служить по Нем панихиды и даже проливать лицемерные слезы.

Когда первый этап внедрения был пройден масонами, началась иная работа. Усилилась деятельность масонов по набору новых «братьев». Учтены при этом развившаяся среди русского беженства религиозность и охватившее широкие круги общества юдофобство. Служители сатаны стали учреждать нарочитые для уловления простаков «христианские ложи», где к присяге приводят на Евангелии св. Иоанна. Неофитам внушается, что иудеев в ложах или

вовсе нет, или имеется ничтожное количество. Уверяют, что в задачу этого нового «белого» масонства входит восстановление в России Монархии.

Попутно ведется главная работа — всеми путями вносится разложение в с такими трудностями достигнутое в Рейхенгалле и утвержденное на Парижском съезде монархическое объединение. Все меры принимаются для того, чтобы взорвать внутри это ненавистное темной силе здание, над которым высится обновленный в муках России восьмиконечный крест. В зависимости от слушателей, людям, работающим во главе монархического движения, придаются клички то «мракобесов», то «слишком левых», то «погромщиков», то «купленных жидами».

Молодым говорят: «Ваши главари сплошь отжившие старики, мертвые головы», а людей зрелых смущают указаниями на демагогичность и неуважение к прежним заслугам со стороны «лидеров» объединения. Все делая, чтобы лишить монархическое движение денежных средств, а следственно, и возможности работать, — обвиняют руководителей в бездействии; затем сами учреждают морочащие и сбивающие с прямого пути «братства», «лиги», «фашистские организации». Последнее особенно характерно после того, как создатель и

глава фашизма — Муссолини стал первым другом российских иудо-большевиков. Из отставных бюрократов и прогоревших «общественников» создаются какие-то особые монархические партии, в которых исполнительный комитет включает в себя целиком почти всю «партию».

Задача тайной силы так ясна: учитывая неизбежность восстановления в России Монархии, иудо-масонам надо, под прикрытием беспринципного, но оголтелого «фашизма» и других изобретений, за спинами никчемных слюнтяев отбросить от дела освобождения России всех живых и деятельных людей, всех подлинных монархистов, и самим оказаться в роли руководителей нового монархизма и... затем уже, на основании опыта, более основательно и прочно, чем в 1915—1917 гг., раз навсегда прикончить Монархию и, значит, Россию.

Как все это старо... Для сравнения перенесемся мысленно во Францию.

Ни для кого теперь не составляет тайны та огромная роль, которую сыграло масонство в деле подготовки французской революции. «Братьям каменщикам», правда, удалось запугать Тэна, знавшего их «работу», но не решившегося сказать это в своем известном труде, страдающем поэтому странными недоговоренностями. Но теперь, не говоря про специальных

исследователей и врагов масонства, даже просто историк Луи Мадлен в выпущенной десять лет тому назад истории (перевод с французского С. Штейн, т. I, изд. 1922 г.) прямо говорит следующее:

«Армия, которая во Франции (я отсылаю здесь к исследованию Борда) была колыбелью масонства, привезенного из Англии ирландскими полками, остается самой лучшей средой его распространения. В 1789 году существует 25 военных лож, "Совершенный Союз" у Виварэ, "Святой Александр" у мушкетеров, "Чистота" в Саарском полку, "Согласие" в Овернском — безполезно их все перечислять. Не будем углубляться, господствует ли в этих ложах революционный дух; во всяком случае, там царствует дух равенства. Если полковник сидит не только рядом, но даже ниже унтерофицера — это может вконец разрушить дисциплину. А так случается: в ложе "Союза всей Артиллерии" досточтимым председателем является сержант Компаньон, в то время как маркиз Д'Авринкур, маршал, является только представителем "Великого Востока". Признаемся, что трудно себе представить, как это Авринкур будет отдавать приказание сержанту Компаньону открыть огонь против народа, требующего вслед за ними "совершенного равенства".

Все это приводит к тому разложению армии, при котором нас заставят присутствовать события, начиная с бунта французской Гвардии в июле 1789 года до бунта гарнизона в Нанси в августе 1790 года. И это, так же, как и несоответственная политика, обезоруживает Короля и предает его» (с. 41—52).

Масонство, руководя революцией, организовывая истребление враждебных ему людей, посылая на эшафот Королевскую Семью и вынужденное для всего этого разнуздывать преступные народные страсти, — начиная с 1793 г., как и теперь, стало побаиваться выскальзывавшего из его рук движения толпы, где властвовали представители крайних течений. Пожертвовав «братом» Робеспьером, масонство пытается удержаться в Директории, но смывается пришедшим со стороны корсиканцем Буонапарте. Последний, говоривший: «Я сам — революция», был им, конечно, приятнее Реставрации Бурбонов, тем более что честолюбие случайного человека давало им благодарную почву для его использования. Масоны с ним и не борются, входят в бонапартистское движение, делают старшего брата Наполеона Иосифа «Великим мастером», снова насаждают военные ложи, и в 1812 г. ложа «Вели́кого Востока» торжественно приветствует Императора французов как «Любимца Всевышнего». Но доста-

точно было обнаружиться признакам заката звезды этого великого полководца, как масонство, заложившее свои тайные ячейки в кругах роялистов, развивает там более энергичную, но, конечно, скрытую деятельность и к моменту Реставрации чувствует уже прочную почву под ногами. Знаток масонства Копэн-Альбанселли в своей книге «Le pouvoir occulte contre la France» приводит ряд интересных явных (тайные-то говорили, конечно, другое) документов, исходивших в то время от масонов, проникавших в монархическое движение и называвших убитого ими Людовика XVI «Королем-Мучеником», а Людовика XVIII — «Его обожаемым братом Людовиком Желанным». «Великий Архитектор Вселенной,— писали масоны в своем воззвании,— прими приношения нашей признательности, удостой нас исполнением наших желаний, простри свою милость на Короля, которого ты, по своей доброте, вернул Франции. Озари Его Величество и Его Августейшую Семью лучами твоего дающего жизнь света» (27 декабря 1815 г.).

Масоны продолжали наружно поддерживать и Карла X, к которому за его правизну и религиозность не могли питать хороших чувств. Вот данное тем же автором описание освящения его бюста.

«Бюст был поставлен среди храма, осененный масонскими знаменами. Как записано в протоколе, председатель ложи спустился с престола и, став перед бюстом, произнес следующее обращение: «Карл X, масоны "Великого Востока" Франции, собранные вокруг твоего бюста, пролив слезу в память Людовика, приносят тебе изъявление тех чувств, которые должны одушевлять всякого истинного француза по отношению к его Государю. Дозволь председателю ложи, от лица всех его братьев, увенчать тебя и от имени их выразить чувства их неизменной верности».

В честь короля Луи Филиппа масоны опять же устраивали внешние празднества и подносили «королю-гражданину» адреса с выражением чувств преданности и благодарности. Король, однако, учитывал их опасность, помня пример своего презренного отца, голосовавшего за убийство Людовика XVI и все же уничтоженного масонами при первых же признаках неосторожной откровенности. По распоряжению короля, маршал Сульт запрещал военным вступать в ложи, правда достигая мало успеха. В 1848 г., взвесив международную обстановку, масоны решили перестать играть в монархистов и постановили покончить с королевской властью. Последний глава правительства Одилон Барро был масоном ложи «Trinosophy»,

действовал по указаниям своего центра, и свержение Луи Филиппа произошло легко. Через несколько дней после февральского переворота депутация «Великой ложи Франции» предъявляет революционному правительству следующий адрес:

«Сорок тысяч масонов, образующие пятьсот лож и объединенные единою мыслию и единым чувством, обещают вам свое содействие, для завершения столь славно начатого дела возрождения Франции».

Из одиннадцати человек революционного правительства восемь были масоны, два (Ламартин и Дюпон де Лер) находились под их влиянием. Принимая 10 марта депутацию Высшего совета «шотландского ритуала», приветствовавшую правительство, Ламартин говорил им: «Я вполне убежден, что именно в глубине ваших лож — сначала во мраке тайны, затем в полусвете и, наконец, при ярком сиянии дня — сложились те чувства, которые привели к тому великолепному взрыву, свидетелями которого мы были в 1789 году и повторение которого, надеюсь последнее, несколько дней тому назад дал всему миру парижский народ».

Определившаяся вскоре усталость населения от производившихся над ним политических и социальных опытов заставила масонов поискать своего человека на роль диктатора, и

таковым был намечен принц Луи Наполеон, карбонарий. Накануне окончательного переворота 2 декабря 1852 г., увенчивавшего положение Наполеона, масоны делают его кузена принца Мюрата «Великим мастером Великого Востока», и 15 октября 1852 г. депутация решается открыто говорить президенту «республики» следующие слова:

«Благородный принц, Вас осеняет истинный свет масонского ведения! Незабвенны для нас прекрасные слова, произнесенные Вами в Бордо! Они всегда будут вдохновлять нас, и мы будем гордиться быть, под таким вождем, застрельщиками человечества. Франция обязана Вам своим спасением. Не останавливайтесь на перепутье столь блестящего поприща. Утвердите общее благополучие, увенчав Вашу благородную главу Императорскою короною, примите изъявления нашей преданности и дозвольте нам воскликнуть так, как звучит в наших сердцах: "Да здравствует Император"».

Но достаточно было и Наполеону III перестать полностью слушаться масонов, начать устанавливать связи с папой, как они пошли против него, мешали маршалу Ниэлю реорганизовать армию, парламентской «работой» разлагали страну и приготовили паденйе Империи.

В ноябре 1922 г. на страницах «Еженедельника» приводил я все эти данные и так

заканчивал мою статью «Волки в овечьих шкурах»:

«На всех этих фактах пришлось остановиться подробнее, дабы не быть голословным и подкрепить свой предупреждающий голос ссылками на исторические и поучительные примеры. Начав с республики, притворяясь роялистами и бонапартистами, масоны вернулись к республике. Проиграв теперь в России свою ставку на представлявшееся им столь удобным, но превзошедшее все ожидания бездарное Временное правительство, этом продукте нашего чахлого либерализма, испугавшись порожденного ими большевизма, хотя и принесшего неисчислимые услуги, но угрожающего вызвать пробуждающуюся небывалую мировую реакцию, — масоны кидаются теперь к тормозам и думают на время использовать монархизм.

Им приказано идти в нашу среду, некоторые об этом и проговариваются. Но идут-то они к нам, конечно, не для созидательной работы, а для того, чтобы, захватив важнейшие внутренние позиции, в нужный момент опять, и на этот раз еще решительнее, взорвать Монархию.

Вот почему нам и необходимо быть начеку и с осторожностью относиться ко всем тем лицам, которые часто в самых благожелательных,

соболезнующих тонах, пылая внешним патриотизмом, выпускают незаметно ядовитую слюну, стараются красочно поднесенной критикой, клеветой, сплетней вселить сомнение, подорвать доверие, внушить уныние.

И делается это для того, чтобы, обезсилив морально большинство поборников Монархии, заставив рядовых монархистов потерять веру в руководителей движения, а последних разочароваться в твердости своих единомышленников, — забрать всю монархическую работу в свои предательские руки и повести ее по ложному пути.

Спастись же от этого наваждения можно только взаимной верой друг в друга, сплоченностью, дисциплиной, от сочетания каковых качеств, как о духовную твердыню, должны разбиваться вражеские удары».

К этим строкам прибавлять нечего. Тщательно наблюдая за работой иудо-масонов за истекшие полтора года — и, в особенности, вспоминая необычайное волнение масонов, когда недавно мимоходом был царапнут один из «братьев», — еще больше утверждаешься в верности поставленного в 1922 году диагноза.

По заповедям Ахад-Хама

В эти дни зловещей годовщины так горько переживаешь все протекшее за эти десять лет и за то время, когда подготовлялось разрушение России. Болезненно переживаешь и нынешнюю церковную смуту, старательно подготовленную врагами Святой Соборой и Апостольской Церкви.

В такие времена необходимо перечитывать сборник заветов Ахад-Хама: «Протоколы Сионских мудрецов», вспоминать темные замыслы таинственных злодеев, которые создают, разжигают и сеют смуты и расколы.

* * *

«*Наша власть*, при современном шатании всех властей, будет *непреоборимее* всякой другой, потому что она будет *незримой* до тех пор, пока не укрепится настолько, что ее уже никакая хитрость не подточит».

«*Политика не имеет ничего общего с моралью.* Правитель, руководящийся моралью, не политичен, а потому не прочен на своем престоле. Кто хочет править, должен прибегать и к *хитрости* и к *лицемерию*».

Двуглавый Орел. Вып. 6. Париж. 2 · 15.4. 1927. С. 19–22.

«Наш пароль *сила* и *лицемерие*... Насилие должно быть принципом, а хитрость и лицемерие — правилом для правительств, которые не желают сложить свою корону к ногам агентов какой-либо новой силы».

«Мы убедили, что прогресс приведет всех к царству разума. *Наш деспотизм* и будет таков, ибо он сумеет разными строгостями замирить все волнения, вытравить либерализм из всех учреждений».

«Наш абсолютизм во всем будет последователен, а потому в каждом своем постановлении наша великая воля будет уважена и безпрекословно исполняема: *она будет игнорировать всякий ропот, всякое недовольство*, искореняя всякое действие наказанием примерного свойства».

«В руках современных государств имеется великая сила, создающая движение мысли в народе,— *это пресса*. Роль прессы указывать якобы необходимые требования, передавать жалобы народного голоса, *выражать и создавать неудовольствия*. В прессе воплощается торжество словоизложения. Но государства не умели воспользоваться этой силой, и она очутилась в *наших руках*. Через нее мы добились влияния, сами оставаясь в тени...»

«Но пока мы перевоспитаем юношество в новых переходных верах, а затем и в нашей, мы

не затронем открыто существующей церкви, будем с ними бороться критикой, возбуждающей раскол».

* * *

Основная мысль творца постановлений, занесенных в «Протоколы», такова. Когда надо разрушать законный строй, надо кричать о красоте свободы, о мерзости насилия. Но с того времени, когда власть попадет в руки темной силы, свобода должна быть угашена, все обязано подчиняться и не рассуждать.

Свидетелями того, как все предписанное в «Сионских протоколах» систематично проводилось в жизнь, были мы все.

Каким возмущением охватывалась наша розовая и красная общественность, как это недовольство разжигалось печатью, когда правительство прибегало — увы, слишком редко — к решительным мерам.

Будоражилась в таких случаях вся «просвещенная» Россия. Бурлили на местах при аресте какого-либо земского статистика из будущих большевиков. Негодовали против губернатора, не утвердившего на общественную службу заведомого революционера. Один вид городовых, собранных на случай безпорядков при «выступлениях» неучащегося студенчества,

приводил в ярость и профессоров, и студентов, и все «мыслящее» общество.

В случаях подавления войсками открытых бунтов командовавшие частями офицеры именовались «опричниками с длинными ножами»; в обществе от них отворачивались даже близко знакомые. Солдат лейб-гвардии Семеновского полка одно время по выходе в запас не принимали на частную службу. Их наказывали за то, что Семеновский полк быстро и смело подавил бунт 1905 г. в Москве.

Ныне поучающий нас патриотизму и государственности П. Б. Струве в то время так оценивал московский бунт: «Пусть безумие, но в нем такая сила и такой героизм. Пусть поражение, но в нем такое величие» (*С. Смирнова*. Борцы за свободу. СПб., 1907. С. 56).

И ранее по поводу усмирения в С.-Петербурге 9 января 1905 г. безпорядков тот же П. Б. Струве писал в издававшемся им за границей «Освобождении»:

«Царь Николай стал открыто врагом и палачом народа... Сегодня у русского освободительного движения должны быть единое тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало... Ни о чем другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя. Возмездием мы освободимся, свободою мы отомстим» (*А. Спиридович*. При

Царском режиме // Архив русской революции. Т. XV).

Но, как только в руки подобных сверхрадикалов попала долгожданная власть, картина резко изменилась.

Насилие стало тотчас же правом. По распоряжению «правительства» без всяких законных оснований хватали, арестовывали и ссылали ни в чем не повинных граждан «свободной» России. Многих государственных деятелей безсудно додержали в тюрьмах и передали большевикам, которые их и убили.

Люди, кричавшие о мнимых беззакониях И. Г. Щегловитова, сразу занялись сменой несменяемых сенаторов и судей, свержением митрополитов и епископов с их кафедр; они упразднили Государственную думу, простым росчерком пера объявили Россию республикой.

«Политика не имеет ничего общего с моралью!» Это основное правило «Сионских протоколов» было всецело осуществлено февральской революцией.

Так было, — так есть теперь.

Вспомним, какую строгость проявляли «общественные» деятели в требовании контроля каждой копейки, расходовавшейся правительством.

Но эти же самые «общественники», как только сами дорвались до казенного сундука, — с

первых дней войны и по сей день обращаются с казенными деньгами с неслыханной расточительностью и произволом. О действительном контроле над их распоряжениями и помину нет. Огромные деньги растрачивались и растрачиваются всякими земгорами, самозваными советами послов и иными революционными учреждениями, успевшими расхватать остатки государственной казны.

«Политика не имеет ничего общего с моралью», — учат ведь «Сионские протоколы».

* * *

Выученики «мудрецов» ярко проявили себя в современной церковной смуте. Лицемерие, обман, клевета, насилие, мошенническое «толкование» и подлог документов с выдвиганием, по рецепту «Сионских протоколов», самых «смелых» и «несправедливых» положений, превращенных в стройную систему церковного «обновления».

Пресса оказалась действительно в «наших руках», как говорилось в «Протоколах»; ежедневно отравляется читатель искусно подобранным лживым материалом.

И насилие, насилие не скрываемое — торжествующее; затыкание уст инакомыслящим, запугивание зависимых материально людей,

прибегание к помощи иностранной полиции, доносы, произвол и беззаконие.

И все это кощунственно прикрывается Именем Христа Спасителя. Борьба ведется якобы в защиту Православной Церкви, якобы во исполнение заветов Патриарха Тихона. И вся печать, все розовые и красные ревнители демократии не только не возмущаются произволом и насилием, но открыто приветствуют все это и, где могут, действенно помогают.

Ведь это насилие применяется к «монархистам», которые осмеливаются мешать «нашему» захвату Церкви.

* * *

После десяти лет ужасных переживаний нашим достойным иерархам приходится испытывать новые оскорбления и новые издевательства озлобленной сопротивлением масонской и иудейской печати. Но «блажени есте, егда поносят вас и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради».

Тяжело на душе. Но знаешь, что все творится по воле Господней. Очевидно, перед грядущим воскресением России нужно было вывести каждого на свет, показать, чего каждый стоит.

Теперь выявилось многое. Теперь видно, кто действительно научен революцией, прозрел,

застраховался от соблазнов темной силы и кто, напротив, по-прежнему, сознательно или бессознательно, служит ей и потворствует.

Увы, как много оказалось ничтожных, безыдейных людей. Как много оказалось таких, которые готовы все снести, от всего отречься — лишь бы только не нарушали их покой и привычный уклад житейского обихода...

Но чем ночь темнее, тем ярче звезды. На этом тусклом фоне духовно серой обывательщины ярко засияли светлые образы истинных предстоятелей и поборников Православия. И ряды их растут и крепнут.

Все повторяется

Революция представлялась великой и безкровной. Никто не предвидел ее ужасного конца.

Н. Львов.
Как началось Белое движение*

Один из самых крупных представителей русского либерализма, видный масон В. А. Маклаков писал в этом году в статье «Из прошлого»:

Двуглавый Орел. Вып. 34. Париж. 30.11/13.12. 1929. С. 1627–1630.

* *Н. Львов.* Как началось Белое движение // Возрождение. № 998. 25 февраля 1928 г.

«Любопытно, что и в своих предсказаниях правые оказались пророками. Они предрекали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей все позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах: либералы получили из рук Государя его отречение, приняли от него назначение быть новою властью и менее чем через 24 часа сдали эту власть революции, убедили Михаила отречься, предпочли быть революционным, а не назначенным Государем правительством. Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы, не ошиблись в том, что революционеры превзойдут старую власть в деспотизме, жестокости, насилии над народом, презрении к человеческой жизни и личности. И получилось то, чего еще так недавно ожидать было нельзя; началась огульная реабилитация и идеализация старого» («Современные записки». № 38).

Но не только в приведенных В. А. Маклаковым случаях правые пророчески предсказывали то, что неизбежно произойдет, и своевременно предупреждали власть и общество о надвигающихся опасностях. Примеров таких было много. С недоверием, с насмешками, ча-

сто с озлоблением относились к предупреждениям правых. Их выставляли злопыхателями, мракобесами, человеконенавистниками.

Страшная и кровавая смута,— обязанная своим возникновением небрежению власти, сознательной слепоте и потворству общества,— подтвердила все предсказания правых. Современники, историки, участники всяких заговоров и сообществ, освещающие события, предшествовавшие революции, выясняют теперь те обстоятельства, зная которые правые подымали патриотическую тревогу.

Вспомним хотя бы историю с «младотурками», то есть политически-военной организацией, возникшей после смуты 1905—1906 гг. Возглавляемые А. Гучковым и генералом Поливановым, наши «младотурки», воодушевленные успехами военных переворотов в Турции, Португалии, Китае, много лет упорно вели работу над проникновением в офицерскую среду. Вследствие их деятельности, военное командование так ужасно просмотрело подготовку государственного переворота, а порою и молчаливо потакало этому. Когда же переворот произошел, хотя и не вполне по плану «младотурок», то руководители их сразу заняли главные посты в военном управлении. Теперь многое разъяснено и показаниями А. Гучкова в следственной комиссии, и книгой П. А. Полов-

цова «Дни затмения», и сообщениями ряда лиц, которых в то время притягивали к заговору.

Правые же с самого возникновения этого сообщества забили тревогу. «Руки прочь, гг. Гучковы», — писалось и позднее, в 1912 г., в правом журнале «Прямой путь» в пророческой статье «За кулисами Гучковских махинаций».

Припомним далее все то, что своевременно говорилось и писалось правыми о преступной работе так называемого прогрессивного блока, наносившего удары правительству, напрягавшему силы для борьбы с внешним врагом. Правые предупреждали о том, что лица, приносившие верноподданническую присягу, заготовляют уже списки революционного правительства. Ряд нынешних воспоминаний подтверждают тогдашние разоблачения правых.

Тем же обличениям правых подвергалось поведение наших парламентариев в деле оборудования защиты государства. Искусно затмевая неустанные заботы Самодержца, думцы выставляли себя особыми радетелями об усилении военной мощи России. Правым же известно было, что многие важные начинания этого рода задерживались либералами и только личное вмешательство Государя Императора не раз двигало и спасало дело. Лицемерие это и раскрывалось правыми. И в отношении этого вопроса истина ныне все более выявляется.

Даже либеральное «Возрождение» (№ 1585) недавно допустило в статье А. Бенклевского «Кампания 1914 г.» нижеследующие правдивые строки:

«Война застала Балтийский флот в тяжелых условиях. Его судовой состав был настолько слаб в сравнении с могущественным германским флотом, что в случае столкновения участь его не оставляла сомнений. В то время как он не имел еще ни одного дредноута в строю, германский флот насчитывал их уже 17. Этою слабостью Балтийский флот всецело был обязан Государственной думе, затянувшей на два года утверждение кредитов на судостроительную программу, вследствие чего ни один новый корабль не поспел вступить в строй к началу войны».

Примеров возбуждения правыми основательной тревоги можно было бы привести сотни. И эти примеры, и статья В. А. Маклакова воскресли в памяти по поводу помещенной 19 ноября с.г. в № 1631 «Возрождения» статьи С. Волконской «Яков Шифф, враг Царской России».

Двадцать пять лет тому назад пришлось имя Шиффа слышать в таком сопоставлении. В разгар русско-японской войны покойный генерал Череп-Спиридович опубликовал данные о помощи, оказываемой Японии ненавидящими

самодержавную Россию американскими евреями во главе с Шиффом. В лучшем случае, смешками встретило тогдашнее общество это сообщение. Затрагивать евреев не разрешали либералы, в то время приобретавшие все большую власть над русским общественным мнением. И только правые вдумчиво отнеслись к сообщению генерала Череп-Спиридовича и, убедившись в правильности его, говорили об еврейской опасности.

Замолчала наша печать и подробное освещение этой работы американских евреев, сделанное в зарубежье генералом А. Д. Нечволодовым в его книге, на французском языке, под названием: «Император Николай II и евреи». Полгода тому назад вопрос этот осмелился поднять В. В. Шульгин в своей нашумевшей книге «Что нам в них не нравится» (об антисемитизме в России). На стр. 269 он приводит, между прочим, содержание тех поучительных телеграмм, коими в начале революции обменялись Яков Шифф и глава кадетской партии Милюков.

«Позвольте мне в качестве непримиримого врага тиранической автократии, которая безжалостно преследовала наших единоверцев, поздравить через Ваше посредство русский народ с деянием, только что им блестяще совершенным, и пожелать вашим товарищам по

новому правительству и вам лично полного успеха в великом деле, которое вы начали с таким патриотизмом. Бог да благословит Вас».

На эту телеграмму Якова Шиффа от 19 марта 1917 г. Милюков — тогда «министр иностранных дел», добившийся пропуска англичанами Лейбы Бронштейна (Троцкого) в Россию, — так ответил Шиффу*, роль которого в русско-японскую войну была ему, конечно, известна: «Мы едины с вами в нашей ненависти и антипатии к старому режиму, ныне свергнутому; позвольте сохранить наше единство и в деле осуществления новых идей равенства, свободы и согласия между народами, участвуя в мировой борьбе против средневековья, милитаризма и самодержавной власти, опиравшейся на божественное право. Примите нашу живейшую благодарность за поздравления, которые свидетельствуют о перемене, произведенной благодетельным переворотом во взаимных отношениях наших двух стран».

По истечении четверти века и наша либеральная печать в лице «Возрождения» решилась, разбором английской книги о Шиффе, коснуться с исторической точки зрения одного из звеньев страшного вопроса о ненависти к Святой Руси всемирного еврейства, того вопроса,

* Телеграмма эта, по свидетельству В. В. Шульгина, напечатана в газете «New-York Times» от 10 октября 1917 г.

о котором правые неустанно твердят, подставляя себя под мстительные удары темной силы.

Прошлого пришлось коснуться под влиянием печальных дум о настоящем. Наблюдая происходящее кругом, понимаешь, что надо опять тревожно предупреждать о надвигающихся опасностях.

«Младотурки» существуют и поныне. Революция, правда, разбросала их. Некоторые, как, например, Поливанов, попристраивались у большевиков. Другие примкнули к Белому движению. Честолюбивые замыслы ими не оставлены и за рубежом; при помощи масонских лож им удалось восстановить свои ряды и приобрести новых сторонников. Видишь, как они снова стараются полонить душу, ум и волю нашего воинства, которое своими унижениями и страданиями так горько поплатилось за то, что не сумело дать им отпор, когда они отвращали его от верноподданнической присяги.

Вновь на поверхности оказались либералы, столкнувшие Россию в бездну, провалившие геройское Добровольческое движение. В течение короткого срока они покаянно били себя в грудь, а затем принялись по-прежнему заниматься политиканством. Постепенно они позахватывали в зарубежье господствующие посты и источники казенных средств, после же кончины ими не поддержанного Великого Князя

Николая Николаевича все более выявляют себя господами положения. Видны старания их оттянуть молодежь от здорового монархизма. Инженеры, юристы, принимающие деятельное участие в ярко политических, но либеральных организациях, зная презрение молодежи ко всему левому, проповедуют ей, что она должна быть аполитичной, внепартийной, не предрешать будущего строя России. Восстановлен столь повинный перед Родиной прогрессивный блок, всюду появляются старые знакомцы. Достаточно для этого вглядеться в тех лиц, кои направляют митрополита Евлогия.

И всю эту разлагательную, снова противомонархическую работу, направленную к извращению естественной реакции русского народа в России и за рубежом, ведут нынешние продолжатели дела Якова Шиффа, имея в своем распоряжении масонов и их наймитов.

К осторожности зовем мы зарубежников. Опасайтесь волков в овечьих шкурах. Не верьте тем, кто раз обманул вас,— сознательно ли, по неразумию, самоуверенности, незнанию русской жизни. Раскройте глаза теперь же и увидите ложь и гниль масонства, Имки, евлогианства, софианства, внепартийных (на самом деле сугубо партийных) сообществ. Не ждите, пока либералы, погубив реакцию, будут впослед-

ствии говорить о всем этом зле, содеянном ими в зарубежье, как теперь они повествуют о своих предреволюционных преступных организациях. Не дождитесь того, чтобы опять вам пришлось в покаянных письмах кого-либо из видных нынешних либералов-масонов читать: «Любопытно, что и в послереволюционный период и, в частности, в оценке реакционного движения правые снова оказались пророками, указывая на никчемность нас, либералов, на то, что мы снова все испортили...»

Опасаясь этих, еще горших разочарований, все искренно любящие Россию должны сплачиваться вокруг монархического самодержавного движения. Руководители этого движения не боятся именовать его реакционным, благо это соответствует и чаяниям многомиллионного русского народа, ненавидящего все, связанное с измучившей его революцией.

Зловещий юбилей

«Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот

Двуглавый Орел. Вып. 41. Париж. 14/27.11. 1930. С. 2040–2046.

истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений»*.

Большевики чествовали память декабристов и награждали пенсиями потомков некоторых из этих бунтарей. Поступая так, они отдавали дань благодарности своим предшественникам. Теперь социалисты-большевики, руководясь теми же соображениями, собираются помянуть революцию 1905 г., наградившую Россию конституцией.

Издававшаяся в Берлине большевицкая газета «Новый мир» в 1921 г. писала: «Участь русской монархии была решена с первой уступки народу — с манифеста 17 октября... Через брешь, пробитую народом в 1905 г., вытекло все содержание монархии...»

Двадцатипятилетие этой «бреши», устроенной не народом, а многолетней подкопной работой всемирного масонства, управлявшего нашими либералами, могут с признательностью поминать те, кто по расчищенному для них пути пришли к власти в октябре 1917 г.

В течение столетия русские либералы стремились свергнуть Самодержавие и добиться установления конституционного строя. Их союзники — террористы — обрушивались на власть в лоб, чистою кровью верных слуг Царевых поливая путь освободительного движения. Ли-

* *К. П. Победоносцев.* «Великая ложь нашего времени».

беральі сапой взрыхляли землю и бросали семена ядовитых конституционных растений, взрощенных на Западе.

Давно определилось масонское происхождение тех, кто во времена «великой» французской революции посадил эти растения. Вредный дурман, исходивший от последних, все более ощущался на Западе. Отравленные им политиканы пропитывались лживостью сами и вносили обман, коварство, корысть во все проявления государственной и общественной жизни. Но все это не останавливало разрушительной работы наших либералов.

Не внимали они обличительным словам, давно прозвучавшим с двух крайних концов русской политической мысли об этом порождении злочестивой, кровавой французской революции.

К. П. Победоносцев, известный ученый и государственный деятель, писал в своем «Московском сборнике» в статье «Великая ложь нашего времени»: «Если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей... На фронтоне этого здания (парламента) красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая

формула; *парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение.* Все здесь рассчитано на служение своему *я*. По смыслу, парламентской фикции, представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей, а в действительности избиратели в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя...»

Указав на порождаемое конституционным строем искусство играть инстинктами и страстями массы, на господство фразы, на безсилие избирателей перед навязываемой им волею партийных комитетов, на безответственность министров, К. П. Победоносцев говорил: «Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят — не давая себе труда вглядеться ближе, без предубеждения, в действия парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, ослабевает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую

в ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки, несомненно, дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться».

К. П. Победоносцеву вторил известный революционер князь П. Кропоткин, имевший возможность на Западе наблюдать прелести конституционного строя.

«Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборов,— писал князь Кропоткин в своей книге «Речи бунтовщика».— В буржуазной Англии и в демократической Швейцарии, во Франции и в Соединенных Штатах, в Германии и Аргентинской республике — везде повторяется одна и та же гнусная комедия... Не стану перечислять лживых программ, одинаково лживых, будь они оппортунистическими или социал-революционными, программ, которым не верит ни один из кандидатов, защищающих их с жаром, дрожью в голосе, с пафосом, достойным ярмарочного актера или сумасшедшего... Не стану приводить здесь сметы расходов по выборам — газеты нас хорошо знакомят с этим вопросом... Но довольно, оставим эту грязь! Есть ли хоть одна страсть, самая подлая, самая гнусная, которая не появилась бы на сцену в день "голосования"? Обман, клевета, лицемерие, ложь, самые

низкие проявления человека-зверя — вот картина страны во время выборов. Это смрадное болото (парламент) вызывает отвращение у всех, близко стоящих к нему».

Тяжелая война России с Японией признана была нашими либералами самым удачным временем для решительного натиска против Самодержавия. Злодейские убийства их сподручными стойких стражей истинной Монархии — Великого Князя Сергея Александровича и министра внутренних дел В. К. Плеве — облегчали либералам их работу. Шумиха, поднятая ими в обществе и печати, безпорядки в войсках, забастовки — все это помогло масону С. Ю. Витте сделать ложный доклад Государю Императору о безнадежном якобы положении дел в государстве. 17 октября 1905 г. последовал Манифест о введении в России законодательных учреждений.

Государь Император и после этого не переставал считать Себя Самодержцем. Исходя из этого убеждения, Он весной 1906 г. лично изменил соответствующую статью новых Основных Законов, поднесенных Ему к подписи. И в последующие годы Государь Император несколько раз в законодательстве выявил Свою самодержавную волю. Но, увы, в широких кругах русского общества акт 17 октября был понят как установление конституционного строя.

Дальнейшие же события все более указывали на то, что страшный яд введен в государственный организм России, и разрушение последнего началось.

«Недавно еще, — "свежо предание, а верится с трудом", — серьезно обсуждали предложение в официальном обращении к власти заменить слова "русский народ" словами "народы России"», — писал несколько лет тому назад в журнале «Путь» профессор Новгородцев, бывший кадет, сам бывший член Государственной думы первого созыва. Это кадет, историк Кареев измывался в стенах Государственной думы над словом «русский». Тогда же столп кадетской партии, Петрункевич, называл с думской кафедры патриотизм «отвратительным».

Возмущенный всем происходившим в Государственной думе — всего через полгода после Манифеста 17 октября, — депутат-волынец священник Концевич с насмешкой предлагал прибавить к вызывающему ответному обращению на приветствие Государя Императора: «Еще Дума желает, чтобы русский народ утратил свою самобытность, а Россия потеряла бы и самое имя свое». Проводимый большевиками террор вызывал одобрение в Государственных думах первых двух созывов. Накануне открытия первой Государственной думы кадетская партия, составлявшая ее ядро, заседая в Петрограде

в Тенишевском училище под председательством еврея масона Винавера, шумно приветствовала аплодисментами известие о покушении на жизнь московского генерал-губернатора адмирала Ф. В. Дубасова*.

Проезжая по Неве мимо тюрем, где содержались убийцы разных степеней и будущие большевицкие деятели, перводумцы вопили «амнистия» и приветствовали их. Не к Государю Императору, призвавшему перводумцев к созидательной работе, прозвучали первые слова в «парламенте». К тем же преступникам обращено было приветствие депутатов.

«Долг нас обязывает,— говорил Петрункевич,— нас всех здесь собравшихся, первое наше свободное слово посвятить тем, кто своими страданиями, своей неволей и годами тюремных сидений проложил нам путь к свободе. *Наше первое слово о них, о борцах за свободу, о мучениках* за нее**. Мы требуем амнистии для них. К вам, избранным народной воли и первым охранителям ее, тянутся из тюрем, из каторги, из сибирского изгнания тысячи рук и требуют: "Амнистии, амнистии", "Вы там — в народной Думе — ценою нашей борьбы и на-

* В настоящее время В. А. Маклаков в «Современных записках» подтверждает наличие этого случая и говорит, что кадеты пытались скрыть его.

** В то время Лейба Бронштейн—Троцкий, Авксентьев и ряд будущих большевиков значились в числе этих «мучеников».

ших страданий. Помните нас!..” И мы говорим: Амнистия! Амнистия всем борцам и мученикам за свободу!»

«Буря долго не смолкавших аплодисментов *всей Думы* покрыла слова Петрункевича»,— вспоминает С. Варшавский в статье своей «Первый русский парламентарий» («Возрождение». № 1116. 22 июня 1928 г.).

«Мало»,— раздавалось через полтора месяца в стенах этого «законодательного» учреждения при оглашении министром внутренних дел П. А. Столыпиным длинного списка жертв террористов. Государственная дума отказалась выразить протест по поводу убийства в Севастополе доблестного адмирала Чухнина и учинения Савинковым в Севастополе же — при покушении на генерала Неплюева — бойни детей.

В стенах Государственной думы депутатами второго созыва подготовлялось цареубийство, и большинство этого «законодательного» собрания отказывалось выдать законной власти изменников. Депутаты четвертой Государственной думы участвовали в различных заговорах, имевших целью низвержение Государя Императора и устройство революции. Депутатская неприкосновенность облегчала этим «блюстителям законов» вершить их преступное дело.

Покойный присяжный поверенный Карабчевский в своих воспоминаниях «Что мои глаза видели» рассказывает, как руководитель партии трудовиков Керенский на совещании петроградских адвокатов призывал начинать революцию. «Поймите же наконец, — говорил Керенский, — что революция может удаться только сейчас, *во время войны*, когда народ вооружен, и момент может быть упущен навсегда» (с. 65).

Изменяя в японскую войну, добились конституции, изменяя в германскую войну, добивались и добились революции.

А. И. Гучков, член Государственного Совета по выборам, один из главных направителей прогрессивного блока, состоявшего из думцев и изменявших своему Государю сановников, в показаниях своих, данных Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, сознается — в то время (1917 г.) с гордостью — в своих преступлениях. Он всячески покровительствовал работе рабочей секции Военно-Промышленного комитета*, в коем председательствовал. Гучков предупреждал членов секции об установленном за ними наблюдении со стороны Департамента полиции. Когда председатель секции Гвоздев был задержан, то

* Из этой секции создался в первый же день революции Совет рабочих и солдатских депутатов.

Гучков добился, что его оставили под домашним арестом; на автомобиле Гучкова Гвоздев привозился в Промышленный комитет, где Гучков вел с ним ночные беседы.

Гучков говорил и о непосредственном своем участии в заговоре против Царя: «К вопросу об отречении Государя я стал близок не только в дни переворота, а *задолго до него*. Когда я и некоторые мои друзья в предшествующие перевороту месяцы искали выхода из положения, мы полагали, что в каких-нибудь нормальных условиях, в смене состава правительства и обновления его общественными деятелями, обладающими доверием страны, в этих условиях выхода найти нельзя, что надо идти решительно и круто, *идти в сторону смены носителя верховной власти*». План Гучкова заключался в том, чтобы «захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом Императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, кои возглавят собою правительство».

«Общественное мнение единодушно признало 1 ноября 1916 г. *началом русской революции*», — писал в своих воспоминаниях Милюков.

В этой своей речи глава конституционно-демократической (кадетской) партии, как известно, с кафедры Государственной думы сознательно лгал, обвиняя в измене Государыню Императрицу Александру Феодоровну.

Предав Россию и справляя в апреле 1917 г. шабаш, наши конституционалисты,— нарушители Божеских и человеческих законов,— открыто хвастались тем, что устроили в России революцию.

Председатель четвертой Государственной думы, бывший кавалергард, камергер Высочайшего Двора, М. В. Родзянко, так начал свою речь на заседании депутатов четырех Дум: «Одиннадцать лет назад, в памятный день 27 апреля, впервые раздалось свободное слово первых избранников русского народа. Они сделали почин реального осуществления закона, основанного на лозунге: братство, равенство и справедливость, который *только ныне, однако, может быть проведен в жизнь*. Они впервые в этом зале громко, на всю Россию предъявили требование о политической амнистии всем тем политическим деятелям, которые вели борьбу *во имя свободы и равенства народов*. (Аплодисменты.)». «При выборах в четвертую Государственную думу правительство употребило невероятные усилия, чтобы сделать ее себе послушной. Вначале разрозненная и не имеющая

определенного большинства, она сумела сплотиться при первом грозном призраке надвигающейся опасности на русское государство и без колебания *решилась на переворот*, когда это сделалось ясной и существенной необходимостью для спасения Родины». «Господа! Государственная дума четвертого созыва, *возглавившая революционное движение*, считала, что она оберегает честь и достоинство России, которые так долго попирались старым отжившим режимом».

Председатель второй Государственной думы Ф. А. Головин приветствовал товарищей слева — социал-демократов думцев, сосланных в Сибирь за работу «для счастья и свободы России». Он говорил, что «семена, посеянные первой Думой, дали здоровые всходы, и ни Столыпин, ни закон 3 июня не могли помешать этим всходам. Теперь мы являемся свидетелями их бурного, безудержного роста, *сулящего небывалый урожай*».

Иудо-масон М. М. Винавер, признав, что четвертая Дума 27 февраля 1917 г., во главе со своим председателем, первой стала на революционный путь, так приветствовал депутатов четвертой Думы от имени депутатов первой: «И да будет позволено нам, которых слишком большая пропасть разделяла от тех групп, которые господствовали после разгона второй

Думы, — да будет позволено нам откровенно сказать, что мы челом бьем той революционной палате, которая первая приняла на себя удары старого режима».

Гучков, признав, что народное представительство «духовно подготовило страну к *великому и спасительному* акту государственного переворота», говорил: «Если самый акт переворота, — свержение старой власти, — здесь, в центре, был совершен иными силами, лишь при участии народного представительства, то закрепление этого акта, его высшая санкция, его всенародное, единодушное, радостное и сознательное признание во всей стране — и в тылу, и на фронте, явилось результатом той мужественной и патриотической позиции, которую приняли народные представители в борьбе за власть, за спасение родины».

«...Нам от этой революции не отречься. *Мы с ней связаны, мы с ней спаялись и за нее несем моральную ответственность*», — возглашал В. В. Шульгин, бывший националист, затем видный руководитель прогрессивного блока.

Через четыре года после революции Г. Ландау (Алданов) писал в берлинской газете «Руль» (№ 142): «Ставить государственный максимализм целью изнемогшему от войны народу,

когда нужна диктатура, бороться за парламентаризм и идти на революционный переворот с целью усиления власти во время небывалого военного напряжения, не терпящего ни передышки, ни отлагательства,— не безнадежная ли *обреченность* сказывается в этих противоречиях?»

Обреченность составляет сущность конституционного строя. Парламентарии четвертой Государственной думы шли по следам своих предшественников. Чуждый России представительный строй западного образца завоеван был изменой во время русско-японской войны. Попранием закона, попыткой взорвать государство ознаменовали себя депутаты первой Государственной думы, выпустившие Выборгское воззвание. Заговорщиков, пытавшихся убить Помазанника Божия, прикрывало большинство второй Государственной думы. Младотуретчина, ярко олицетворяемая честолюбивым, злобствующим против Государя Императора Гучковым, отравила последующие составы нашего горе-парламента и завершилась государственной изменой.

Созданная для составления и охранения законов, Государственная дума занималась подрывом основ законов. Важнейший же за время ее бытия закон — *земельный* — проведен был

Высочайшим указом 9 ноября 1906 г., и законодательным учреждениям, при последующем рассмотрении этого закона, приходилось считаться с тем, что мудрое повеление Самодержца пустило уже крепкие корни в жизнь.

«Народное» представительство, задорное, заговорщическое, бунтарское, изменническое в своих отношениях к законному Монарху, сразу превратилось в послушного исполнителя велений революционного правительства и безславно, незаметно покончило свое существование летом 1917 г.

Большевики, открывая музей революции 1905 г., помянут, наверное, тех, кто расчистил им путь, но признан был ими мавром, более не нужным. Недавно, впрочем, они милостиво оттенили заслуги одного из мавров: кадет, революционный историк Кареев награжден был советской властью пенсией.

Сами мавры торжественно поминали в Париже память первого председателя Государственной думы Муромцева. Церковь на рю Дарю собрала в этот день в свои стены остатки наших парламентариев. Митрополит Евлогий, когда-то правый националист, пожелал показать особенное внимание своим теперешним политическим единомышленникам и поминал того, кого Милюков кощунственно сравнил с Иверской иконой.

Мы, монархисты, вспоминая этот трагический юбилей, должны желать, чтобы Россия навсегда освободилась от прогнившего всюду конституционного образа правления, принесшего нашей Родине столько зла. С особенным молитвенным чувством должны мы поминать великого стоятеля за Самодержавие, Государя Императора Александра III, в немногих строках своего письма к Победоносцеву (12 марта 1883 г.) сказавшего столько правды:

«Что касается конца Вашего письма, то Вы меня знаете, пока я жив и Богу угодно будет, чтобы я оставался на моем тяжелом посту, на котором Он Сам меня поставил, *не допущу я этой лжи на Святой Руси*, в этом будьте уверены: я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует во всей Европе. Пусть меня ругают и после моей смерти будут ругать, но, может быть, и наступит тот день, когда и *добром помянут*».

Проникнемся надеждой на то, что этим сознанием Царя-Миротворца первее всего проникнется Тот, Кому Господь, в час спасения России, вернет Трон Самодержцев Всероссийских.

14 (27 октября) 1930 г.

«Все начинай с благословения Божия и до издыхания будь верен Государю и Отечеству». «Бог нас водит: Он нам генерал». «Святый храм — твердыня доблести неодолимая. Что дерево без корня, то почитание ко власти земной без почитания ко власти Божией: воздай честь Небу, потом Земле». «Дух укрепляй в вере отеческой православной: безверное войско учить — что железо перегорелое точить. Тонка щетина, да не переломишь; так чудо-богатыри — покой, опора и слава отечества; с нами Бог!» «И великие дела криводушных гаснут». «Победи себя — будешь непобедим».

Этими поучениями великого Суворова заканчивает генерал П. Н. Краснов свою превосходную книгу *«Душа армии»*. В основу книги положены сообщения о военной психологии, прочитанные П. Н. Красновым в Париже на Военно-научных курсах, по воле Великого Князя Николая Николаевича создавшихся и поддерживаемых средствами, отпускаемыми Его Императорским Высочеством.

Двуглавый Орел. Вып. 16. Джорданвилль. 23.2 7.3. 1928. С. 10—12.

Настольной должна быть эта книга у каждого военного, у каждого русского юноши, не угасившего в себе чувства любви к Родине и верящего, что ему должно будет послужить ей.

* * *

«Душа армии»... Армия... Российская Императорская армия... Каждый год, когда наступают февральские и мартовские дни, приходит годовщина подлой, изменнической революции, со жгучей болью, после первой мысли о Государе Императоре, думаешь о нашем воинстве, так постыдно принесенном в жертву кровожадному красному идолищу.

Красота и гордость старой России — ее армия. Где только не побывали победоносные русские воины, где не развевались священные знамена, не звучали русские марши! Безчисленны подвиги ратных людей, имевших вождями великих полководцев. Славна стародавняя история хранивших свои традиции полков. От фельдмаршала до солдата — вся мощная, прекрасная военная семья выковывала величие и славу Императорской России.

И все это сокрушено было одиннадцать лет тому назад. Заговор всемирных злодеев — иудо-масонов и непосредственная работа русских «братьев», гнилость и дряблость нашего общества, измена кучки военных — привели к

свержению Помазанника Божия. Отняли Верховного Вождя, рухнула армия.

Как и все в России, армия держалась Царскою Властью. К пониманию этого приходят и те люди, которые всю свою жизнь боролись с русской Монархией, с Домом Романовых, Россию возвеличивших.

Прекрасная книга П. Н. Краснова вызвала у А. Амфитеатрова такое мудрое, искреннее признание. Он в своих рассуждениях идет дальше монархиста Краснова. Последний, справедливо бичуя русское общество 1914—1917 гг., срезавшееся на экзамене по патриотизму, противополагает ему общество времен Отечественной войны 1812 г. А. Амфитеатров с этим не согласен. Общество, народ и в то время были недостаточно патриотичны.

«Безспорную патриотическую цельность,— пишет он,— представляла собою,— несмотря на свои технические недостатки, отвратительное интендантство и, в большинстве, плохое командование,— только армия, благодаря сплоченности дворянского офицерства, воспитанного традициями суворовского духа, и (это тоже нелишнее помнить, хотя часто забывают или даже отрицают) *железной гатчинской дисциплине**. Ее суровость — до жестокости, а, в крайних "аракчеевских" злоупотреблениях, даже и

* Курсив везде наш.— *Н. Т.*

до свирепости — оставила в истории мрачную память. *Тем не менее* она в лицах *Императора Павла и Его четырех Сыновей* сдержала и подтянула "екатерининских орлов" и "чудо-богатырей", как раз вовремя, чтоб они, избалованные традиционным успехом, не распустились в "негодницу". Отечественная война была выиграна главнокомандующим суворовской школы, умевшим вдохнуть ее живительный гений в автоматическую мощь питомцев *гатчинской машинальной дрессировки*» («Возрождение». № 904).

«Душа» Российской армии — это обаяние, сила, величие духа, царственный подвиг, от Петра, Елисаветы и Екатерины перешедшие к Государям «гатчинского» учения, а от них к их славным Потомкам.

В феврале-марте 1917 г. душа отлетела, армия стала хиреть и погибла. Страден был дальнейший путь военных, оставшихся без Государя Императора. Ненавидя все старое, величавое, революционеры с особою ревностью занялись изничтожением внутренней силы армии, бытием своим связанной с этим старым. Ежечасное столкновение со всеми видами разнуздавшейся человеческой подлости, издевательства, муки, смерть — вот голгофа нашего осиротевшего воинства.

Знамя... Полковой мундир... Приказ... Все это, в главах под такими названиями, образно и сильно начертанное П. Н. Красновым в его книге, — подверглось осмеянию, уничтожению.

«Знамя, — учили мы солдат в старой Императорской Армии, — пишет П. Н. Краснов, — есть священная воинская хоругвь, под которою собираются все верные своему долгу воины и с которою они следуют в бой со врагом. Знамя должно напоминать солдату, что он *присягал служить Государю и Родине до потери самой жизни*».

И эти знамена, видевшие славу России, верные воины должны были тайком прятать у себя, на Родине, или вывозить их за рубеж, дабы не допустить их поругания.

Полковой мундир — оскорбляемый с февраля, часто служил основанием для получения смертного приговора от взрощенных февралистами большевиков. Приказ — извратило с первых дней своего появления «временное правительство», кощунствовали над ним главковерх Керенский и его преемники иудо-коммунисты.

И, помня все это, — в дни мрачной годовщины преклоняешься перед нашим воинством. Отданное либералами на растерзание обезу-

мевшей толпе, русское офицерство и лучшие из солдат нашли в себе силу не пасть духом. При первой же возможности начали они неравную борьбу с поработителями Родины.

Только история по-настоящему, спокойно, честно и правдиво оценит всю величину подвига «белого» воинства, лягать которое находится теперь столько желающих. И та же история опишет ту жуткую трагедию, участниками коей явились русские воины, оставшиеся в тисках сатанинской власти.

Нам же, современникам, довелось видеть и подвиг, и страдания верных сынов России, до последней возможности сражавшихся с иудо-коммунистами. И по настоящий день видим, как рассеянные по всему миру, но духовно спаянные, мужественно тянут свою лямку эти люди, готовые в ответственный час вновь выступить для освобождения Родины.

Увы, и теперь, как одиннадцать лет тому назад, имеются в этой прекрасной среде отдельные иуды-предатели. Как и тогда, выполняют они задания иудо-масонства. Но по мере разоблачения их хозяев выявляется и их преступная деятельность.

Толща же военная здорова, чутка, определенна. В этом отношении глубоко отрадное впечатление произвело на зарубежье патриоти-

ческое выступление 105 офицеров, обратившихся к митрополиту Евлогию и заставивших его выявить свое непротивленство в отношении большевиков.

Верится, что пройдут страшные годы. Россия воскреснет. Возродится «душа» армии — ее монархическая сущность. И, вылечившись от дурмана «аполитичности», русское христолюбивое воинство проникнется патриотизмом великого Суворова, восклицавшего:

«Родство и свойство мое с долгом — Бог, Государыня, Отечество! Горжусь, что я Русский...» «Все начинай с благословения Божия и до издыхания будь верен Государю и Отечеству».

Псковское действо

Сегодня день памяти Преподобного Сергия Радонежского, этого великого молитвенника за Землю Русскую.

Обитель Святыя Троицы... Великий Князь Димитрий Донской... Благословляемые Святителем иноки Пересвет и Ослябя, погибающие на Куликовом поле, сражаясь за Ве́ру, Государя и Родину.

Двуглавый Орел. Вып. 12. Берлин. 15 28.7. 1921. С. 13–23.

* * *

Вспоминаешь эти величайшие события русской истории.

Но наряду с этими светлыми мыслями мрачно напоминают о себе впечатления совсем другие... Только что прочел документ: «Бумаги Н. В. Рузского, касающиеся пребывания Государя Императора Николая II в Пскове в феврале-марте 1917». Так сухо гласит сборник тех разговоров по прямому проводу, которыми разрешались судьбы Великой Империи.

Москва, Псков, Петроград... Благородный, чистый сердцем Монарх, превыше всего ставящий интересы безгранично Им любимой Родины... Камергер Высочайшего Двора Родзянко, приветствующий революционные войска... Генералы Алексеев, Рузский, с легкостью отказывающиеся от своего Государя.

* * *

В двадцатых числах февраля 1917 г. Государь Император, оставив в Царском Селе больными Наследника Цесаревича и Августейших Дочерей, отбыл в Могилев в Действующую армию. Через несколько дней по данному сигналу в Петрограде начались безпорядки. Правительство, затравленное Государственною думою и пресловутой общественностью, действовало

вяло; военные власти не предпринимали решительных мер.

Только 27 февраля начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал-адъютант Алексеев в разговоре своем по прямому проводу с начальником Штаба Северного фронта генералом Даниловым предложил Главнокомандующему этим фронтом отправить в Петроград два кавалерийских полка, два пехотных полка и одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который двинут из Ставки. Весь этот отряд должен был поступить в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, назначенного главнокомандующим Петроградским военным округом.

С принятием этой меры значительно запоздали, и уже 28 февраля в 13 ч. 50 м. по всей России была послана нижеследующая телеграмма, которая дала толчок к совершению повсюду революционного переворота, укреплявшего солдатский бунт, вспыхнувший в Петрограде:

«По всей сети: всем начальствующим — военная.

По поручению Комитета Государственной думы сего числа занял Министерство путей сообщения и объявляю следующий приказ Председателя Государственной думы: Железнодорожники. Старая власть, создавшая разруху всех отраслей Государ-

ственного Управления, оказалась безсильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени отечества, от вас зависит теперь спасение Родины; она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должны быть покрыты вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Председатель Государственной думы Родзянко. 28 февраля 1917 г. Член вашей семьи, твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдаете надежды на вас вашей родины. Все служащие должны оставаться на своем посту. Член Государственной думы Бубликов».

1 марта тот же Родзянко телеграфировал Главнокомандующему армиями Северного фронта:

«Временный Комитет Членов Государственной думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной думы. Председатель Государственной думы Родзянко».

Того же 1 марта Петроградское телеграфное агентство рассылало следующие телеграммы, устанавливающие формирование правительства революционным путем:

«От Временного Комитета Государственной думы: Временный Комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного общественного порядка, сознавая всю ответственность принятого им решения. Комитет выражает уверенность, что население поможет ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием. Председатель Государственной думы Михаил Родзянко. Подписано 27 февраля 1917 г. Печатается по распоряжению Временного Комитета Государственной думы. Временное заведование Петроградским Телеграфным Агентством возложено, по поручению Временного Комитета Государственной думы, на члена Государственной думы Г. Д. Гронского».

«27 февраля ровно в полночь окончательно организовался Исполнительный Комитет Государственной думы следующего состава: Родзянко, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Милюков, Коновалов, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский, Некрасов, Львов».

В это время Государь Император был в пути ко Пскову.

Генерал Лукомский 1 марта в 17 ч. 15 м. сообщил говорившему с ним по аппарату из Пскова Генерального штаба подполковнику

Сергеевскому, для доклада Его Величеству, в числе прочего, следующее:

«Адмирал Непенин доносит, что он не признал возможным протестовать против призыва Временного Комитета. Таким образом, Балтийский флот признал Временный Комитет Государственной думы».

Государь еще не доехал до Пскова, а вслед Ему посылается Алексеевым телеграмма за № 1865 о том, что настоятельно требуется назначение ответственного министерства с Родзянко во главе. В депеше этой, между прочим, говорится:

«Поступающие сведения дают основание надеяться, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти, но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами».

2 марта в 22 ч. 30 м. генерал Данилов телеграфирует в Могилев, что Государь прибыл в Псков.

Вместо того чтобы усилить стягивание войск против взбунтовавшегося Петроградского гарнизона, генерал Рузский 2 марта испрашивает Высочайшее соизволение на возвращение на-

правленных на станцию Александровскую войск обратно в Двинский район, а кроме того, самостоятельно посылает следующие телеграммы:

«Ставка — полковнику Тихменеву. 933/п. Главкосев при существующей обстановке не считает возможным сосредоточение железнодорожных батальонов к Пскову, прибытие коих может лишь осложнить обстановку. Для обеспечения движения литерных поездов будут приняты меры по выяснении их маршрута. 2 марта 1917 г. № 6166. Данилов».

«Генкварверху. 1868. Государь Император отдыхает, и поэтому испрошение в отношении войск Западного и Юго-Западного фронта может последовать только утром. Предварительно испрошения у Государя Императора разрешения возвратить наши войска Главкосевом было отдано самостоятельное распоряжение задержать войска на станции. Сообщается на случай, если эту же меру будет сочтено возможным применить в отношении войск Западных фронтов распоряжением Ставки. 2 марта. 24 ч. 30 м. Данилов».

2 марта в 3 ч. 30 м. генерал Рузский начинает разговор по прямому проводу с Родзянко сообщением того, что Его Величество ожидал приезда его, Родзянко. Генерал Рузский просит уведомить о причинах отсрочки прибытия. На это он, между прочим, получает столь характерный ответ:

«...Мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия, невозможность оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания».

В дальнейшем разговоре Родзянко остается верен себе. Он считает нужным и напугать, говоря, что наступила одна из «страшнейших революций», тогда как, по теперешним признаниям самих возглавителей бунта, и они и войска трепетали, ожидая подхода верных войск. Тут и упоминания о том, что «он» предупреждал, что «ему» пришлось взять революционное движение в свои руки, и признание того, что по «его» распоряжению были заключены в Петропавловскую крепость министры. Далее следует угроза: «династический вопрос поставлен ребром».

«...Еще раз повторяю,— говорит он,— ненависть к Династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и войскам, решил твердо войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться».

«Присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобным сражениям, так как сдержать войска, не слушающие своих офицеров и начальников, нет решительно никакой возможности; кровью обливается сердце при виде того, что проис-

ходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы».

«...Время упущено и возврата нет, повторяю вам еще раз. Народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования, наша славная армия не будет ни в чем нуждаться, в этом полное единение всех партий, и железнодорожное сообщение не будет затруднено. Надеемся также, что после воззвания Временного правительства крестьяне и все жители повезут хлеб, снаряды и другие предметы снаряжения».

Заканчивает Родзянко свой разговор следующим определенным указанием на неизбежность отречения:

«Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней, одно могу сказать — ни кровопролития, ни ненужной жертвы не будет. Я этого не допущу».

О необходимости отречения начинают говорить и высшие военные чины. В 9 ч. утра 2 марта генерал Лукомский говорит генералу Данилову:

«Прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться».

Через час же после этого разговора ближайшее и доверенное Государю Императору лицо, генерал Алексеев, рассылает всем Главнокомандующим фронтами следующую телеграмму:

«Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест, идти навстречу народному желанию, учредить ответственное министерство перед палатами и поручить Председателю Государственной думы образовать кабинет. По сообщении этого решения Главкосевом Председателю Государственной думы, последний в разговоре по аппарату в 3½ ч. 2 марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные страсти трудно — войска деморализованы. Председателю Государственной думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского временного

правительства. Необходимо спасти Действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу Династии нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданнейшую просьбу Его Величеству через Главкосева, известив меня. Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками Действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долга.

Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, и решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. 2 марта 1917 г. 10 ч. 15 м. № 401 872».

Для того чтобы не понять, так как понимать такие явления нельзя, а разъяснить последовавшие ответы, надо указать, что Гучков, кн. Львов и целая плеяда видных «общественных деятелей» в течение долгого времени объезжали на фронтах высших военных начальников и, клевеща на Государя и, в особенности, на Государыню, подготовляли почву к восприятию ими переворота.

Ответы поэтому были быстрые. Уже в 14 ч. 30 м. того же дня Алексеев телеграфирует Государю следующие сообщения:

«Прошу Вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому Престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет,— отказаться от Престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама Династия в лице законного Наследника. Генерал-адъютант Брусилов».

«Ваше Императорское Величество, начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, в Царском Селе, в Балтийском море и в Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с Председателем Государственной думы. Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних безпорядков рассчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом Родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем

положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений.

Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению безпорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения Родины и Династии, принять решение, согласованное с заявлением Председателя Государственной думы, выраженное им генералу Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант Эверт».

Сам Алексеев так заканчивает депешу:

«Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России. Пока армии удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение военной дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ее целости, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный

исход из создавшегося более чем тяжкого положения. Ожидаю повелений. 2-го марта 1917 года № 1878».

В тот же день генерал Рузский в 14 ч. 50 м. получает такую телеграмму:

«Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный совет Председателя Государственной думы Вам на высокомилостивое Государя Императора решение даровать стране ответственное министерство и просил главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о положении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает в душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам от Председателя Государственной думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии и фронта непоколебимо стали бы за своего Державного Вождя, если бы не были призваны к защите Родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии. Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения и непоколебимо верноподданный Его Величеству, рыдая принужден сказать, что, пожалуй,

наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу предъявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний. Яссы, 2-го марта № 13317. Генерал Сахаров».

Позже поступает следующая депеша:

«С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные мне войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, формулированного Председателем Государственной думы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет за собою катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей родины. 23 час. 40 мин. 2-го марта 1917 года № 260. Вице-адмирал Непенин».

Прочтя все эти телеграммы, и колеблющиеся монархисты поймут наконец, как глубоко неправы были они, бросая даже малейший упрек Государю за то, что он решил оставить Престол. Все главнокомандующие отреклись от Него. Мог ли Он опереться на войска? Конечно да. На это указывает в своей столь благородно начатой телеграмме генерал Сахаров. Об этом говорит и пришедшая поздно депеша

генерал-адъютанта Хана-Нахичеванского генералу Рузскому (3 марта, 14 ч. 45 м. № 2370):

«До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха».

Но и из этой именно телеграммы видно, что и от войск, и от верных военачальников другие неверные скрывали истину. Для того чтобы раздавить эту гидру измены, надо было удалить всех главнокомандующих, произвести серьезные передвижения войск. И все это во славу торжествовавшего бы врага... Подымись вопрос о жизни, Государь не остановился бы ни перед чем. Но тут в Его представлении вопрос шел о России, об опасности для боевого фронта. И тогда у Него не было колебаний...

Из записи Рузского видно, что «после доклада Его Величеству телеграммы Алексеева и главнокомандующих всех фронтов» Государем были составлены следующие две телеграммы:

«Председателю Государственной думы. Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной Матушки-России. По сему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына, с тем чтобы оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве брата

Моего Великого Князя Михаила Александровича. Николай».

«Наштаверх Ставка А. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно. Николай».

Все эти телеграммы были задержаны распоряжением Государя, ввиду полученных сведений о выезде в Псков депутатов Думы.

В рассматриваемых бумагах нет изложения приема Государем Императором депутатов Шульгина и Гучкова. В свое время Шульгин описал этот прием в «Новом времени» и тогда даже не мог не сознаться в своем преклонении перед величием Монарха. В этой беседе, в его же изложении, ярко выделяется заданный Государем вопрос: ручаются ли они за то, что отречение успокоит Россию. И они... ответили утвердительно!

После этого ответа Государь подписал отречение от Престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича.

Но и это уже не удовлетворяло Родзянко. 3 марта рано утром Рузский беседует с ним по прямому проводу.

«Здравствуйте, Ваше Высокопревосходительство, — начинает Родзянко. — Чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передачи власти

Великому Князю Михаилу Александровичу не был опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось сдержать более или менее в приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя и весьма возможна гражданская война. С регентством Великого Князя и воцарением Наследника Цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как Императора абсолютно неприемлемо. Прошу вас принять все зависящие от вас меры, чтобы достигнуть отсрочки».

Далее он же говорит:

«Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видал. Это, конечно, не солдаты, а взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь заявить. Только слышно было в толпе: "земля и воля", "долой династию, долой Романовых", "долой офицеров". И начались во многих местах избиения офицеров. К этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось прийти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключалось в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное собрание, для того чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска мало-помалу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглаше-

ние Императором Великого Князя Михаила Александровича подольет масла в огонь и начнется безпощадное истребление того, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому. При предложенной форме возвращение Династии не исключено и желательно, чтобы примерно до окончания войны продолжал действовать Верховный Совет и ныне действующее Временное правительство. Я вполне уверен, что при таких условиях возможно быстрое успокоение и решительная победа будет обезпечена, так как несомненно произойдет подъем патриотического чувства, все заработает в усиленном темпе, и победа, повторяю, может быть обезпечена».

В завершение он просит:

«В случае прорыва сведений о манифесте в публику и армию, по крайней мере, не торопиться с приведением войск к присяге». «К вечеру сегодня дам вам и всем главнокомандующим дополнительные сведения и буду два раза давать сведения о ходе дела».

Во исполнение этого «распоряжения» Родзянки посылаются следующие телеграммы:

«Главнокомандующим: Председатель Государственной думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление манифеста, который сообщен этой ночью, ввиду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно.

Прошу сделать распоряжение, ознакомив с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа. 3 марта 1917 г. 6 ч. 45 м. Алексеев».

«Командарм 1, 5, 12 армии, комкор 4, 2 копия Спобскву, комфлоту Балтийского моря, Главковерху.

Приказываю во что бы то ни стало приостановить распространение разосланного ночью манифеста и во всяком случае не выполнять приведения к присяге. 3 марта 1917 года 8 час. 15 мин. Рузский».

Только 4 марта в 6 ч. 10 м. за № 12 748 Рузским было отдано распоряжение:

«Главкозап. Начфлот Балтийского, Наштаверху.

Отдаются распоряжения об опубликовании актов: первого — об отречении Государя Императора Николая Второго и второго — неизвестный манифест Великого Князя Михаила Александровича, также о рассылке войскам приказа Верховного Главнокомандующего за № 1».

Этим заканчивается позорное Псковское «действо». И каким ярким, светлым и чистым вырисовывается на этом серо-красном фоне облик Государя Императора Николая II.

* * *

С тех пор прошло четыре с половиной года. Алексеев безславно умер, убедившись в падении России, у которой отняли Царя, и разва-

ле армии, лишенной Верховного Главнокомандующего. Брусилов, пройдя через унижения перед Керенским, раненный во время восстания большевиков, в мирной обстановке кабинета, влетевшим в комнату снарядом, вынужден теперь служить у них. Эверт умер. Адмирал Непенин погиб в первые же дни бунта. Рузский был зверски замучен большевиками. Родзянко, пользующийся всеобщим презрением, блуждает по Сербии.

И невольно вспоминаются слова из молитвы за Царя: «Господь гневом своим смятет я, и снесть их огнь» (Псалом Давида 20).

5 июля православного стиля

Трагедия русского офицерства

Это было в январские дни 1917 года... Так ясно помню стеклянную залу ресторана Донон на Мойке, гудящий говор сидевшей за столиками петроградской публики, незаметно скользящих лакеев — татар. И среди этой суеты сует мы, трое старых друзей, вели разговор, произведший на меня тогда огромное впечатление и

Старое время. 2-е изд. Белград. № 44. 18.3. 1924. С. 2–3; № 46. 20.3. 1924. С. 2–3; № 48. 22.3. 1924. С. 2–3; № 50. 25.3. 1924. С. 2–3; № 52. 27.3. 1924. С. 2–3; № 53. 28.3. 1924. С. 2–3.

часто поминаемый за годы лихолетья. Мои друзья были боевые офицеры. Более юный гвардеец только что приехал в Петроград с фронта. Встретил я его за несколько дней перед этим и был поражен, когда на мой вопрос, правда ли, что их полк будет охранять в Царском Селе Семью Государя, — он ответил, что, к счастью, чаша эта их миновала, а охрану будет нести Гвардейский Экипаж... Жутко стало мне тогда же, и вот я решил в дружеской среде продлить этот разговор. И, к ужасу нас двоих, давно уже ощущавших миазмы, которыми насыщались верхи столичного общества, — наш юный друг говорил те же безумные речи, верил всему распространявшемуся гнусному вздору и не сознавал, что летит в нравственную бездну, что в душе уже преступает присягу... Императрица ставилась им уже вне защиты от травившей ее интеллигентской черни и аристократических заговорщиков; исключение делалось лишь для Государя, верность которому он подтверждал, не понимая, что при успехе заговора погибнет и Государь. Мы двое упорно и горячо убеждали третьего, но без успеха. Доводы наши просто разбивались о затверделое, умело вдолбленное предубеждение.

С тяжелым чувством расстались мы... В тот день я еще яснее понял, как успешно подвинулась дьявольская работа темных сил, как

мастерски удается им разложение главного врага революции — офицерства...

Более ста лет велась эта «работа». Окрыленные успехом французской революции, когда, по удостоверению историка Луи Мадлена, масонские ложи успели своевременно растлить офицерский корпус королевской армии, силы зла издавна запускали свои щупальцы и в нашу армию. Кое-чего им и удавалось достигнуть — бунт декабристов был плодом их работ. Но в огромном большинстве русского офицерства жили славные традиции безоговорочной преданности Царю. Идеи Пестелей и Рылеевых скользнули только по ничтожной частице офицерства. В дальнейшем революционеры пытались не раз захватывать в свою паутину военных, но жертвами их были лишь единицы. Слишком крепки были старые, добрые, передававшиеся из поколения в поколение понятия военной среды. Пришлось применить новые способы борьбы, удар стал направляться на подрывание самых основ воинского духа. В течение многих десятилетий в произведениях все более мельчавших писателей, в различных интеллигентских кружках, усиливаясь, развивались идеи антимилитаризма, все военное — зло высмеивалось, офицеры выставлялись недоучками, неудачниками, дармоедами. Служба в гвардии изображалась сплошным прожиганием

жизни, служба в армии — безпросветным пьянством. Вся та огромная воспитательная и образовательная работа, которая велась офицерством в войсках, искусственно замалчивалась, оставалась для общества неведомой.

На взрыхленную уже почву попали ядовитые семена, брошенные в эпоху русско-японской войны. Далекую колониальную войну, всегда более затяжную и затрудненную, наши левые,— в лице одуревшего радикального студенчества доходившие до приветствий «микадо»,— постарались изобразить, как провал царского режима и попутно еще усилили антимилитаристскую работу. Играя на неудачах на фронте, используя неурядицы при эвакуации, революционеры пробовали в 1904—1905 гг. перейти и к открытым действиям. Местами бунтовали военные части, в особенности флот; выявился ряд красных офицеров, вроде казненного затем лейтенанта Шмидта, вынырнули даже красные генералы типа Наливкина, Холщевникова и др., революционером оказался фельдфебель Пажеского Корпуса Верховский, будущий сподвижник Керенского и большевиков. Но в основной своей массе офицерство оставалось при честном исполнении долга, выдвинуло таких твердых людей, как адмирал Дубасов, граф Келлер, адмирал Чухнин, генералы Орлов, Мин, Риман, Думбадзе, Гершельман,

барон Меллер-Закомельский, Селиванов, Алиханов, Толмачев, Карангозов и др. При тогдашней растерянности правительственной власти часто только военные люди спасали положение. Сколько понимания долга, например, в телеграмме, отправленной 24 ноября 1905 г. комендантом крепости Кушки генерал-майором Прасоловым: «Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству. Ввиду пропаганды среди войск некоторыми гражданскими лицами, состоящими на правительственной службе, направленной к свержению высших властей крепости, я объявил оную в осадном положении; прикосновенных к пропаганде лиц арестовал».

Редактор-издатель правой газеты «Киевлянин» Д. И. Пихно описывает свой разговор с охранявшим редакцию поручиком Миргородского полка в день опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. Видя его в взволнованной задумчивости, г. Пихно спросил его, как он себя чувствует. Он ответил следующее: «Ничего не понимаю. Вчера вечером я получил наряд к вам и был очень доволен. А сегодня утром мой денщик вместе с булкой принес мне вот это», — и он жестом руки развернул по воздуху длинную полосу бумаги, на которой аршинными буквами было напечатано: «Конституция». «Ничего не понимаю, никаких инструкций от

начальства не получал... Но — прибавил он совершенно просто, — если они нападут на редакцию, я буду стрелять» (*Пихно Д. И.* В осаде. С. 199). И, глубоко взволнованный всем происходящим, в особенности бездействием власти, старый политический деятель успокоился, поняв, что таковы все или огромное большинство офицерства. И не ошибся. Многие из честных слуг Государевых жизнью своею заплатили затем за верность присяге. Агенты заугольного убийцы Бориса Савинкова расправлялись с теми, кто стоял на пути разрушительной работы. По сделанному «Почаевскими известиями» подсчету с февраля 1905 г. по ноябрь 1906 г. убито было 124 офицера.

Разрушители России понимали причины тогдашних своих неудач. В издаваемых Милюковым в Париже «Последних новостях» за 1921 г. известный масон иудей М. Маргулиес в статье под заглавием «Талаат и Гучков» откровенно пишет: «В 1908 году, если не ошибаюсь, трое русских, я в том числе, решили съездить в Константинополь, чтобы познакомиться с техникой турецкого переворота, заставившего Абдул Гамида дать туркам конституцию. Неудача нашей революционной попытки 1904—1905 гг., удача турецкой, делали поездку поучительной. Мы запаслись в Париже рекомендательными письмами к Ахмет-Риза-бею, председателю ту-

рецкого парламента, и к Талаат-бею, видному руководителю комитета "Единение и прогресс"». Далее в статье этой рассказывается, как у Ахмет-Риза-бея они встретили не кого иного, как... А. И. Гучкова, тоже, очевидно, приезжавшего «учиться» и, как видно из дальнейшего, воспринявшего уроки впрок.

«Ученики» — люди, различные по темпераменту и по конечным целям,— принялись затем за работу. Одни — шли напрямик к революции, которая должна была прикончить ненавистную жидо-масонам и иудеям великую православную Монархию, другие — типа Гучкова — мечтали удовлетворить свое ненасытное честолюбие. Антимилитаризм развивался по-прежнему, но в особенности усилилось проникновение левых идей в офицерскую среду. Огромную помощь этой разлагающей работе оказало появление на государственном поприще государственной говорильни. В осквернённом дворце великолепного князя Тавриды революционеры, проходимцы и честолюбцы могли безнаказанно заниматься политическим шулерством. «Я смело могу сказать, что русско-японская война оказала скверную услугу нашим войскам — она научила их бояться выстрелов»,— кричал 23 июня 1906 г. с думской кафедры типичный «народный представитель» иудей Якубзон, ранее содержавший в Вильне

шинок, а в указываемое время обличавший правительство за вызванный самими же иудеями погром в Белостоке. Так безнаказанно поносилась армия, яд неуважения к ней разносился по всему государству.

В той же Думе, захватив в свои руки комиссию государственной обороны, работали Гучковы и прочие честолюбцы. Умело задерживая нужные кредиты и затем через ½ года обрушиваясь на военное ведомство, якобы не сумевшее быстро использовать запоздалые ассигнования, проводя небольшие добавки ко внесенным правительством штатам и затем крича повсюду о сделанных Думою благодеяниях для офицерства, ухаживая за падкими к лести штабными генералами и полковниками, объединяясь с людьми типа генерала Поливанова,— наши доморощенные «младотурки» оказывали разлагающее влияние на офицерскую среду. «Надо помнить твердо и непреложно: русская армия и флот в гг. Гучковых не нуждаются, ибо припустить этих «деятелей» к тайникам государственного управления нашими вооруженными силами значит заведомо обречь Россию всем тем тягчайшим бедствиям, которые давно уже терзают несчастную Турцию и Португалию и в последнее время раздирают в клочья Китай. Да минует сия чаша Россию. Руки прочь, гг. Гучковы»,— писалось

в 1912 г. в октябрьском номере правого журнала «Прямой путь» в пророческой статье «За кулисами гучковских махинаций».

Военные верхи втягивались в оппозиционную политику, кое-кого депутаты умели и запугивать; с думской кафедры Гучковы громили Великих Князей, печать высмеивала военщину, из дела братьев Коваленских создавалось мировое событие, близорукие люди вытравляли старые традиции из военно-учебных заведений, находились начальники, надеявшиеся сделать карьеру на борьбе с «цуканием», которое в течение многих десятилетий нисколько не мешало славной школе выпускать в армию доблестных офицеров.

Такую обстановку застала надвинувшаяся война... При приближении ее общество вдруг встрепенулось, сбросило наносную дурь, вспомнило, что, как и встарь, именно только «военщина» и сможет отстаивать честь и достоинство России. Так хорошо помню эти июльские вечера 1914 г. в тогдашнем Петербурге!.. Взволнованные толпы на Литейном, Невском вытаскивали из экипажей офицеров и генералов и качали их под пение патриотических песен...

Война... И с первых дней ее и в Восточной Пруссии и в Галиции стала литься благородная кровь русского офицерства. Гвардия, армия, кадровые офицеры и влившиеся в славные

полки офицеры запаса, юноши, бросившие добровольно гражданское ученье, тяготившиеся каждым днем военной подготовки, проведенным не в боевой обстановке,— все одинаково сражались под теми знаменами, на которых изображены были: крест или икона, Двуглавый Орел и вензель Государев.

Смущенная, отброшенная, притаилась революционная клика; попрятались временно честолюбцы, стараясь погромче пропеть народный гимн.

Но война затягивалась, сроки ее превзошли все расчеты, прежде делавшиеся в обоих сражавшихся станах. В победы вклинивались и поражения. Русская армия, спасшая Париж, всею своею мощью ударившая на врага, должна была затем воспринять сильный обратный натиск неприятеля. Редели ряды, гибло лучшее, обученное, дисциплинированное воинство. Издергивались нервы, впервые встретившиеся с ужасами современной убийственной техники. Истощались снаряды, колоссальный расход которых не был предусмотрен специалистами во всех странах; спасая Париж, французы выпустили почти все свои запасы снарядов.

И вот началось то, что навсегда вписало позорнейшие страницы в историю русского освободительного либерального движения. Шантажируя на затруднениях и неудачах войска,

пользуясь отвлечением правительственной энергии заботами о войне, либеральная общественность, вступив в союз с явными революционерами, решила атаковать самый Монархический строй.

Столь долго поджидавшие удобного случая темные силы, не раз в течение XIX века заносившие нож над Святою Русью, — решили, что приспело время нанести ей смертельный удар. Представлялась возможность покончить с той исконной Русской Властью, которая, одолевая все препятствия, твердо опираясь на вверенный ей Богом народ, сумела создать могучую Империю. В той изменнической игре, которая была затеяна с начала 1915 г., главным козырем должен был быть мозг армии — русское офицерство, о верность коего присяге за десять лет перед этим разбился натиск революции.

Ранее появления на фронте удушливых газов душа офицерства стала отравляться иным путем. Левые газеты — «Русское слово» Сытина, ныне пристроившегося к большевикам, кадетская «Речь», руководимая Милюковым и Гессеном, наводнявшая Южный фронт «Киевская мысль», в числе сотрудников которой был Троцкий — Бронштейн, и остальные газетные подголоски наводняли армию ложными, умело поданными сообщениями. Газетам вторили

уклонившиеся от исполнения воинского долга, разъезжавшие с поездами и подарками, примазавшиеся к разным питательным пунктам, складам и пр. общественные деятели всевозможных мастей. Усталому, и физически и морально, офицерству разными тонами — то соболезнующим, то негодующим — напевалось: «Вы сражаетесь, мерзнете в окопах, ежеминутно рискуете жизнью, а преступное и бездарное правительство, не желающее считаться с воплощающим в себе все самое умное и способное — народным представительством и передовой интеллигенцией, ничего не делает для успеха ваших побед. Немцы засыпают вас снарядами, а вам их не дают. Министры мешают нашей общей работе с организованными, патриотически настроенными рабочими. Вы проливаете кровь за Царя, а Императрица-немка секретно сносится со Своими родственниками. Взгляните на разницу между казенными военными госпиталями и частными лазаретами, коими ведаем мы, общественные деятели».

Капля за каплей падали все эти клеветнические измышления на утомленный мозг офицерства, туманили его сознание, серой застилающей дымкой окутывали вековечные святые заветы.

Сидевшие в окопах честные бойцы не знали тогда открывшейся теперь всем истины —

какой глубокой русской патриоткой была Государыня и какими ничтожными были всегда «излюбленные» деятели ошалевшей русской общественности, так ярко выявившие себя, когда они оказались у кормила власти. Не ведали офицеры и того, что правительство Государя напрягало все усилия и успешно, где только могло, приобретало снаряды, запасов которых хватило впоследствии на всю гражданскую войну. Помеха же, якобы устраиваемая правительством политиканам, заключалась в робком препятствовании Гучковым подготовлять из рабочих секций военно-промышленных комитетов революционные кадры будущих советов рабочих депутатов. Неизвестно офицерам было и то, что все общественные лазареты содержались на те же казенные деньги, но только расходовались они безконтрольно, так как правительственный надзор считался «оскорблением» *общественности*. Ведь с истинной сущностью «земгоров» рядовой русский обыватель познакомился лишь в послереволюционные годы. Еще менее могли знать офицеры, что тот же недостаток снарядов остро переживался не только союзниками, но и Германией, лучше других держав подготовленной к войне и все же не предусмотревшей ее длительности и упорства. Указания на эти затруднения можно теперь найти в воспоминаниях многих немцев.

Но тогда всего этого наше офицерство знать не могло, его заставляли верить газетным извращениям и подвывавшей им общественной лживой молве.

...15 февраля 1917 г., то есть за две недели до начала переворота, Милюков вещал с кафедры Государственной думы: «*Без воли народа*, без его нравственной поддержки — победить невозможно, невозможно даже сражаться. Наш старый бюрократический режим мало думает об этой истине. Он занят исключительно борьбой с самим народом... Чувство патриотизма пробудилось в народе. Народ не позволит устаревшему строю парализовать дальше усилия защиты. Когда страна придет к убеждению, что при таком правительстве победить невозможно,— народ начнет побеждать помимо правительства, против правительства,— но он победит».

Какими дикими кажутся нам теперь эти демагогические фальшивые причитания. Но в то время они производили впечатление на армию — ведь слова эти произносил прославленный на всю Россию вождь «патриотического прогрессивного блока»...

В стане наших тогдашних противников в это самое время царило уныние и сознание безнадежности их положения. Они на себе испытывали результаты огромной положительной

работы Императорского правительства, которую наши заговорщики изменнически скрывали от армии.

Мрачно обрисовывает генерал Людендорф положение Германии к концу 1916 г. «Россия,— говорит он,— в особенно широком масштабе занималась новыми формированиями. В своих дивизиях она оставила только по 12 батальонов, в батареях только по шесть орудий и из освобождавшихся таким образом четырех батальонов и седьмых и восьмых орудий каждой батареи формировала новые боевые единицы. Эта реорганизация давала ей большой прирост военных сил».

«Бои 1916 г. вызвали и на Восточном фронте очень значительное усиление военного снаряжения, преимущественно увеличение огнестрельных припасов. Россия перевела часть своих заводов в Донецкий бассейн, чрезвычайно подняв при этом их производительность. Поставка со стороны Японии все росла. С окончанием Мурманской дороги и других технических усовершенствований Сибирского пути должен был увеличиться подвоз из Японии, Америки, Англии и Франции.

Верховному командованию (германскому) приходилось считаться с тем, что подавляющее численное и техническое превосходство неприятеля в 1917 году будет ощущаться нами еще

острее, чем в 1916 году. Оно должно было опасаться чрезвычайно ранних боев на Сомме и на других участках наших фронтов, боев, которых в конце концов могли не выдержать даже наши войска. И это тем несомненнее, чем меньше времени даст нам неприятель для отдыха и для подвоза военных материалов. Наше положение было необычайно тяжело и выхода из него почти не было. О собственном наступлении нам нечего было и думать, так как все резервы были необходимы для обороны. Надеяться на разложение одной из держав согласия было безцельно. Наше поражение казалось неминуемым в случае, если бы война затянулась надолго. Ко всему этому наше продовольственное положение было чрезвычайно тяжелым именно для затяжной войны. Тыл наш также тяжело пострадал. С тревогой думали мы не только о наших физических, но и о моральных силах, тем более что мы не боролись с психикой врага при посредстве голодной блокады и пропаганды. Перспективы на будущее были чрезвычайно мрачны» (*Эрих Людендорф*. Мои военные воспоминания. Т. I. С. 292—294. Изд. Milan Auman. Югославия).

Генерал Людендорф и позже, в начале 1917 г., после провала ряда попыток начатия мирных переговоров, не видел благополучного для Германии выхода из создавшегося положения...

Но выход этот неожиданно нашелся. Те, кто больше всех кричали об «измене» Императрицы, *возглавили* вспыхнувший в феврале 1917 г. солдатский мятеж. Пришедший к дверям Таврического дворца, хлебнувший уже офицерской крови, шумливый, но трусивший ответственности бунт, наименованный — революцией, вышел из здания Государственной думы с горделивым видом.

«Государственная дума четвертого созыва, возглавившая революционное движение, считала, что она оберегает честь и достоинство России, которые так долго попирались старым отжившим режимом», — говорил Родзянко в заседании депутатов четырех Дум 27 апреля 1917 г. «Семена, посеянные первой Думой, дали здоровые всходы, и ни Столыпин, ни закон 3 июня не могли помешать этим всходам. Теперь мы являемся свидетелями их бурного, безудержного роста, сулящего небывалый урожай», — вторил ему председатель второй Думы Головин. «Она (четвертая Дума) еще крепче связала себя в памятный день 27 февраля, когда вся палата, со своим председателем во главе, первая стала на путь революционный, который привел нас к нынешнему положению», — возглашал тогда же видный масон иудей Винавер. И то же говорил «националист» Шульгин. Указав, что решительный

сдвиг в работе Думы произошел летом 1915 г., когда Дума вынесла «суровое осуждение правительству в резолюции, составленной моим сотоварищем по фракции В. Бобринским», отметив, что, несмотря на существовавшую у многих депутатов боязнь революции во время войны, «даже не желая этого, мы революцию творили», Шульгин говорил: «Поэтому, господа, нам от этой революции не отречься. Мы с нею связались, мы с ней спаялись и за нее несем моральную ответственность» («Русское слово». № 94. 28 апреля 1917 г.).

Глава российских младотурок, член Государственного Совета по выборам А. И. Гучков, все время именовавший себя конституционным монархистом, в дни революции активно вел борьбу с доблестным полковником А. П. Кутеповым и другими офицерами, сражавшимися с бунтовщиками. «Он (Гучков) положил *первый* камень той победы, с которой наша обновленная и возрожденная армия выйдет из настоящей великой борьбы», — возглашал Милюков 2 марта 1917 г. в Екатерининском зале Таврического дворца...

«...Гучков — человек действия. И вот теперь, когда я в этом зале говорю с вами, — Гучков на улицах столицы организует победу. Что бы сказали вы, если бы вместо того, чтобы расставлять войска вчера ночью на вокзалах,

на которых ожидалось прибытие враждебных перевороту войск, — Гучков принимал участие в наших политических прениях, а враждебные войска, занявшие вокзалы, заняли бы улицы, а потом и этот зал? Что сталось бы тогда с вами и со мной? (Возгласы одобрения)» («Новое время». № 14719. 5 марта 1917 г.).

Достойный Гучкова, его единомышленник, член Государственной думы, увы, бывший офицер гвардейской кавалерии — полковник Энгельгардт издал следующий приказ по войскам, расклеенный повсюду в Петрограде: «Сего 1 марта среди солдат Петроградского гарнизона распространился слух, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель военной комиссии Временного комитета Государственной думы я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела виновных. Полковник Энгельгардт» (*А. И. Деникин*. Очерки Русской смуты. Т. I. С. 90). Приказ Энгельгардта, Георгиевский крест, повешенный на грудь поднявшего бунт унтер-офицера лейб-гвардии Волынского полка Кирпичникова, убийцы своего ротного командира, полное потакание всей этой гнусности со стороны революционного «военного министра» Гучкова явля-

лись мрачными символами развала, показателями тернистого пути страданий, внезапно разверзшегося перед лишенным Верховного Вождя — осиротелым офицерством...

«Радостно откликнулись армия и флот на события переворота, как на акт спасения Родины. Все сверху донизу, как один человек, присоединилось к новому строю с глубокою и трогательною верою в его созидательное значение», — говорил Гучков 27 апреля 1917 г. в соединенном заседании четырех Государственных дум («Русское слово». № 94. 28 апреля 1917 г.).

Предатель лгал тут так же, как лгал два месяца назад во Пскове, самозванно выступая перед Государем и говоря от имени России... Да, радующиеся, конечно, были. Справляли сатанинский шабаш те негодяи, которые в Выборге и Кронштадте убивали адмиралов Непенина и Вирена, терзали офицеров в Луге, ликовали и те, кто в течение всей войны изменяли России. Приведем для примера подлинные слова видного, ныне раскаявшегося, социалиста Степуна: «Без малейшего угрызения совести отступал я от Свидника к Равве Русской, чувствуя, что разгром Царской армии не есть еще разгром России» (Мысли о России // Современные записки. Т. XVII. 1923. С. 282). Справляли «победу» над Монархией заговорщики,

соучастники Гучкова — князь Вяземский, генерал Крымов, князь Туманов, вскоре погибшие. Были и взвинченные люди, на миг, под влиянием длительного гипноза, по совести считавшие, что найден наконец выход из того якобы ужасного положения, в котором их убедили разрушители России. Радовались и безпринципные карьеристы, готовившиеся ловить рыбу в мутной воде, как и теперь находятся, Достоваловы и Добророльские.

Но основная масса офицерства не радовалась. Большинство офицерства переживало страшную трагедию. Присяга повелевала идти против государственных преступников, а междоусобная война доставила бы успех внешнему врагу. Первый воин армии — Император оттого и ушел без борьбы, оттого и приказал повиноваться Временному правительству, заявившему себя упорным сторонником войны до победного конца... Помню глубоко трогательный рассказ о том, как солдатский комитет, образовавшийся в Вознесенском уланском полку, первым делом послал в Петроград запрос о том, в безопасности ли находится их Шеф — Великая Княгиня Татьяна Николаевна и вся остальная Царская Семья.

И к этой телеграмме тогда же присоединился солдатский комитет Лубенского гусарского полка...

С терзаниями, с болью в сердце приходилось офицерству подчиняться разрушителям армии, наблюдать тлетворное проникновение в войска преступного приказа № 1, испытывать издевательства, видеть снятие с фронта лучших боевых начальников. Так, «министр» Гучков нагло уверял корреспондента француза, что после того, как «я уже многим дал отставку и чистка продолжается, Русская армия будет лучше командуема, чем когда бы то ни было» (*Claude Ahnet.* La revolution Russe. Изд. 1917 г.). Поседевшие в сражениях командиры должны были с наружной почтительностью принимать паяца Керенского и его комиссаров. А тот народ, который, по словам поспешившего сбежать с ответственного поста Милюкова, мечтал «побеждать помимо правительства», солдатский народ,— лишенный высшей нравственной спайки в лице Верховного Вождя,— братался с неприятелем, оскорблял и избивал своих начальников и самовольно расходился по домам.

Несмотря на все муки, офицерство до конца выполняло свой долг, им создана была последняя победа летом 1917 г. Победа, которую Керенский приписал своему красноречию и порыву «свободных русских солдат, сплачивающих своим наступлением новую дисциплину, основанную на чувстве гражданского долга»

(из телеграммы Керенского князю Львову)... Наградой доблестному офицерству явилось наименование сражавшихся частей «полками 1 июля» и дарование им «красных знамен»... Калущ и Тарнополь, последовавшие через несколько дней, показали, что представляют собою те войска, у которых священные знамена заменяются красными тряпками...

Неудачей закончилась и попытка русского офицерства сплотиться вокруг генерала Корнилова для свержения социалистов. Офицерство имело порыв, знало, чего оно хочет, к какой святой цели идет. Этого не было ни у генерала Корнилова, ни у окружавшей его горе-общественности. Генерал Корнилов, лично арестовавший Государыню Императрицу, хотел только убрать обнаглевшего болтуна и неврастеника, расчищавшего путь Ленину, но отнюдь не собирался восстанавливать настоящую законную власть. «Корнилов,— пишет генерал Деникин,— не желал идти ни на какие авантюры с Романовыми», считая, что «они слишком дискредитировали себя в глазах русского народа», но на заданный ему лично вопрос — что, если Учредительное собрание выскажется за Монархию и восстановит павшую Династию? — он ответил без колебания: — Подчинюсь и уйду». (*А. И. Деникин.* Очерки Русской смуты. Т. II. С. 16). Без покаянного

возвращения к присяге и долгу Корнилов не мог победить крамолу, тем более не мог этого сделать поставленный во главе отряда генерал Крымов, один из давних заговорщиков февральской смуты, также в разговоре с Деникиным резко отзывавшийся о Династии, — вспомним, томившейся тогда в плену в Тобольске, ежедневно рисковавшей жизнью... Ни честного сознания своей вины, ни возвышающего душу порыва не было у сочувствующих Корнилову общественных деятелей. Энергичным монархистом считался вечно устраивавший заговоры Вл. Пуришкевич. Но ведь для настоящего монархизма он был конченным человеком; разве честный монархист мог бы высказаться так, как полгода спустя высказался Пуришкевич на большевицком процессе. «Но как мог я, — говорил он, — покушаться на восстановление монархического строя, который — я глубоко верю — будет восстановлен, если у меня нет даже того лица, которое должно бы, *по-моему*, быть монархом. Назовите это лицо. Николай II? Больной Царевич Алексей? Женщина, которую я ненавижу больше всех людей в мире?» (*А. И. Деникин*. Очерки Русской смуты. Т. II. С. 26).

Что представляли собою остальные общественники, видно из записи в очерках Деникина, касающейся времени после корниловского

восстания: «Исчезло и "совещание общественных деятелей", в лице оставленного им "совета". Председатель его М. Родзянко, еще три недели тому назад от имени совещания заявивший, что "всякие покушения на подрыв авторитета (Корнилова) в армии и в России считает преступным", теперь говорил («Русское слово». № 197. 1917 г.): "Никогда ни в какой контрреволюции я не участвовал и во главе фронды не стоял. О всех злобах дня я узнал только из газет и сам к ним не причастен. А вообще могу сказать одно: заводить сейчас междоусобия и ссоры — преступление перед Родиной"» (Т. II. С. 64).

Чистый огонь монархизма, зажегшийся было в душах офицерства, не мог разгореться полным пламенем...

Естественно, как апофеоз революции пришел большевизм... Еще недавно в либерально-социалистических кругах коммунисты считались наглыми нарушителями свободы, надругавшимися над «лучезарной» революцией, исковеркавшими все то «великое», что народилось в феврале. Теперь утверждения эти начинают тускнеть... А на происходившем 1 февраля н. ст. 1924 г. в Берлине в литературном клубе докладе весьма осведомленная в революционных делах Кускова прямо заявила, что те, кто говорят, что октябрь не есть продолжение

февраля, делают громадную ошибку. По ее заявлению, 26 октября 1917 г. (захват власти большевиками произошел 25 октября) должна была выехать в Лондон, отправляемая туда Временным правительством, делегация для переговоров о мире (газета «Руль». № 965). Обвиняя ложно правительство Царя в стремлении к невыгодному миру (травля Штюрмера, Протопопова), революционные заговорщики, оказавшись у власти, сами дошли до необходимости заключения мира, имея в своем распоряжении вместо еще недавно могучей Царской армии скопища митингующих и братающихся с неприятелем товарищей.

Октябрьский переворот офицерство встретило боем на улицах столиц. Завтрашние офицеры — юнкера, за спины которых попрятались те, кто были так храбры в феврале, — попробовали сразиться с чудовищем, заботливо вскормленным Временным правительством. Пролилась еще чистая кровь, зато успел бежать клявшийся умереть на посту Керенский. Мученически погиб генерал Духонин, последний преемственный верховный главнокомандующий революционного периода. «Бюрократическая ставка, верная своей традиции "аполитичности", вернее безпринципности, в тот день, когда чернь терзала верховного главнокомандующего, в лице своих старших предста-

вителей приветствовала нового главноверха», — пишет А. И. Деникин (Т. 2. С. 145). Измена также имела свое трагическое завершение... По пути, протоптанному одними в марте, другие с еще большей легкостью — предавался ведь не Монарх — шествовали в октябре. А принцип преступной «аполитичности» до сих пор остается каким-то культом военных начальников особой формации. Аполитичность — вернее безпринципность (меткое определение Деникина) — так ведь удобна для прикрытия измены, нарушения государственного долга и честолюбивых устремлений.

Но рядовое офицерство не было и в то время заражено этой безпринципностью. Столько выстрадав в течение многих месяцев проклятого 1917 г., оно продолжало жить незабываемыми идеалами воинской чести... Видело оно, что дальше ждать нельзя. На его глазах по втоптанному с самого начала революции в грязь государственному знамени изменники новой масти шли к позорному Бресту... В одиночку, группами пробирались офицеры, юнкера в Новочеркасск, где генерал Алексеев, — действенно искупая свой тяжкий грех перед Государем, — приступил к образованию Добровольческой армии...

«Жертвы вечерния» — так верно назвал даровитый И. А. Родионов свой роман, в котором

ярко и красочно описал весь благородный порыв, весь великий подвиг тех доблестных людей, которые начали сражаться за святое дело, первые стали смывать с русского народа позорное пятно длящегося непротивления сатанинским силам. «Рыцари тернового венца» — наименовал видный монархический деятель Л. В. Половцов свой очерк, посвященный первому, особо красочному периоду Добровольческой армии, в создании коей он с самого начала принимал ближайшее участие. И действительно терновый венец на всем протяжении гражданской войны носило на себе ядро армии — офицерство. И при успехах и при неудачах нелегко было у него на душе. Где бы офицеры ни сражались — и на юге, и затем в Сибири, на севере, под Петроградом,— везде они чувствовали свою разобщенность с тем народом, который шли освобождать от коммунистов. Большей части народа, которою уже была осознана пагуба революции, ничего не говорили туманные лозунги «за великую, единую, неделимую». Эти ждали Царя... Эти не понимали своих спасителей... Те же, кто не изжил еще большевичества, смотрели на добровольцев через призму коммунистической пропаганды, изображавшей офицеров как помещиков, идущих отбирать свое имущество. Такие были просто враждебны. Не нравилось офицерству

и то, что творилось в тылу, где начальство продолжало игру в революцию, а на первых и притом платных ролях выступали те общественные деятели, которые, произведя революцию, способность свою проявили лишь в том, что довели Россию до распада. Вовсе не знало офицерство и того, к какой, в сущности, цели его ведут. Ярко определяет это трагически недоуменное настроение Деникин в строках своих очерков смуты, посвященных началу образования Добровольческого движения: «Поистине трагическое положение. Здесь — обломки Временного правительства; в Петрограде — "комитет спасения", не признающий власти правительства. Здесь на военном совете обсуждают даже возможность вхождения большевиков в состав правительства. Какие же практические цели преследует предстоящая борьба в практическом, прикладном их значении? Свержение Ленина и Троцкого и восстановление Керенского, Чернова, Авксентьева? Особенно мучительно переживало это трагическое недоумение офицерство отряда; оно с ненавистью относилось к "керенщине" и если в сознательном и безотчетном понимании необходимости борьбы против большевиков стремилось все же на Петроград, то не умело передать солдатам порыва, воодушевления, ни даже вразумительной цели движения. За Родину

и спасение государственности? Это было слишком абстрактно, недоступно солдатскому пониманию. За Временное правительство и Керенского? Это вызывало злобное чувство, крики "долой" и требование выдать Керенского большевикам. Столь же мало, конечно, было желание идти и "за Ленина"» (с. 135).

И эта скрытость от армии намеченных целей, — ставившая в тупик и ту массу офицерства, которая, не успевши выбраться, была взята фактически в плен большевиками и вынуждена была служить у них, — постоянно вносила смущение в души бойцов за Россию, составляла ту трагедию, которая так мастерски изложена в последнем романе П. Н. Краснова «Понять — простить».

Несмотря на все тяжелые внутренние переживания, офицерство сражалось и умирало, храня в душе те святые заветы, вся духовная красота которых в их триединой нераздельности становилась все ярче, в сравнении с серостью и слизостью безпринципной аполитичности. «В пожаре безпощадной гражданской войны у нас, первопоходников, как ее инициаторов и участников, росло и крепло сознание, что только истинный Хозяин земли Русской, к которому с тоской и надеждой обращены взоры Русского Народа, сможет дать России столь необходимый ей мир и покой», — открыто за-

являют о своих заповедных тогдашних чаяниях первые участники Добровольческого движения в своем недавнем обращении к Великому Князю Николаю Николаевичу.

Искание ясных идеалов влекло офицерство и в те армии, где открыто выдвигался монархический принцип, в особенности когда во главе таких формирований становились вожди складки графа Ф. А. Келлера, который с места не приял революцию... Но этим армиям не суждено было развиться, они попадали в сферы узких влияний иностранных держав, которые поддерживали «демократические» настроения и систематически задавливали все, что отзывалось Монархизмом.

Три года шла борьба с революционным зверем. Постепенно рушились один за другим белые фронты — в Сибири, под Петроградом, Архангельском, на Кубани. И, наконец, в тяжелые дни осени 1920 г. последние части Добровольческой армии покинули Крым. Армия вливалась в осевшую на чужбине эмиграцию.

Начинался новый акт трагедии.

Галлиполи, Чаталджа, Лемнос, концентрационные лагеря в Румынии, Польше, Эстонии — тяжелые условия жизни, подчас издевательства, томительная неизвестность о ближайшем будущем. Болгария времен Стамболийского и его сподручных — большевиков и эсеров. Вот эта-

пы нового крестного пути, двигаясь по которому чего только не пришлось снова пережить русскому офицерству.

Но все это не сломило борцов за Россию. Поддерживая живую связь с разбросанными по всему миру осколками старой Императорской армии и сроднившимися с ними юными побегами,— поражаешься часто бодрости духа, решимости, вере в неизбежность торжества того великого дела, которому они себя отдали. Лишения, сломив одних, как-то закалили других. И с уверенностью в лучшее будущее простаивают офицеры темные ночи на заброшенных пограничных пунктах Сербии, работают киркой в рудниках Болгарии, рубят лес в Прибалтике и Польше, разбирают колючую проволоку во Франции, изощряются в сельских работах в Германии, собирают автомобили и аэропланы на заводах в Париже и в Америке, сражаются в легионах Африки, учатся в учебных заведениях всего мира, готовя себя для работы и службы в России. С надеждой смотрят они и на уцелевшие ядра армии на Балканах и на Дальнем Востоке, с болью в сердце думают о тех былых соратниках, которые, по ряду причин оказавшись в плену у большевиков, коротают там трудную жизнь...

Тяжки были страдания,— но ими же смыта вся та муть, которая в свое время осела на

душу русского офицерства. Революция вернула их к истинному пониманию долга. Ярко и образно выявились перед ними две России. Одна — Россия, пророчески изображенная великим русским писателем Достоевским в его «Бесах». Россия — тушинских воров, республиканца Болотникова, Стеньки Разина, Пугачева, декабристов, убийц Царя-Освободителя и их позднейших последователей: Милюковых, Керенских и Савинковых, Лениных, Троцких и Дзержинских. Россия — Калуща, Тарнополя, Брест-Литовского мира, Россия — красной тряпки, сделавшейся с марта 1917 г. символом предательства, дезертирства, убийств, грабежа. Та страна, которая, восприняв полностью дух революции, во славу ее издевалась над всем святым, мучила и убивала их же соратников, спасенных на полях битв от вражеских пуль и снарядов.

Другая — Старая и Императорская Россия, раз уже выведенная из смуты и возведенная на мировую высоту славной Династией Романовых, не побоявшейся в лице Ее юного представителя принять бразды правления над тяжко больным государством. Россия — Петра Великого, Миниха, Румянцева-Задунайского, Суворова, Кутузова, князя Паскевича-Эриванского, графа Дибича-Забалканского, Скобелева. Россия — рядовых Осипова, Архипова и матросов

«Стерегущего». Россия — сиявшая на весь мир блеском своего оружия и доблестью своего воинства. Россия — Царей-Самодержцев, перед которой гнула свои выи Европа и с трепетом преклонялась Азия. Россия — славные знамена которой проходили с боем по всем почти странам Европы, государственный флаг коей гордо реял и на берегах Невы, и над водами Тихого океана, и на высотах Кавказских гор, и в далеких азиатских степях.

С омерзением смотря на Россию в жидовской красной маске, с упованием и любовью взирает теперь каждый честный офицер на Россию настоящую, с ее подлинной народной красотой. Такой простой и ясной, столь понятной представится теперь психология офицера другого времени, перед которым на миг встал тот же вопрос о монархической дисциплине.

Вспомним это место из «Войны и мира» Толстого.

Прекрасный боевой офицер, гусар Николай Ростов приезжает в Тильзит из армии, полный ненавистью к Наполеону. И вдруг он узнает, что считавшийся только что врагом рода человеческого, вчерашний разбойник и узурпатор Бонапарт превратился в Императора, друга России и ее Царя. Он возмущен и потрясен, и на него набрасываются опасные растлевающие думы о том, зачем надо было сражаться,

рисковать жизнью, терять соратников, напрашиваются упреки, вспыхивает ропот... Но честное сознание монархического долга оказывается сильнее всего наносного, все эти нашептывания злой силы смываются, и Ростов находит ясное решение.

Вдруг на слова одного из офицеров, что обидно смотреть на французов, Ростов начал кричать с горячностью, ничем не оправданной и потому очень удивившею офицеров. «И как вы можете судить, что было бы лучше? — закричал он с лицом, вдруг налившимся кровью.— Как вы можете судить о поступках Государя, какое вы имеете право рассуждать?! Мы не можем понять ни цели, ни поступков Государя!.. Мы солдаты и больше ничего,— продолжал он.— Умирать велят нам — так умирать; а коли наказывают, так значит виноваты; не нам судить. Угодно Государю Императору признать Бонапарта Императором и заключить с ним союз — значит, так надо. А то, коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Этак мы скажем, что ни Бога нет, ничего нет».

К такому твердому и верному разрешению вопроса об отношении к Богом венчанному на Царство Государю-Самодержцу ныне приходит и все здоровое русское офицерство. В этом его возрождение. С искренним очищением со-

вести и с ясным сознанием долга закончится и трагедия нашего воинства. Восстановленная и обновленная Императорская Россия получит вновь свое Христолюбивое воинство, конечно, не «аполитичное», а насквозь проникнутое честным и открытым политическим сознанием того, что и в мирное и в боевое время оно всегда и везде обязано охранять и защищать — Веру, Царя и Отечество.

30 января ст. ст. 1924 г.

Из скверного прошлого

Приближаются юбилейные дни «великой, безкровной» революции. Друзей у революции осталось очень мало, но события, связанные с нею, во многом изгладились. Помнить же их нужно. Только что прочел живую летопись тех позорных дней — «Биржевые ведомости» № 16124 от 8 марта 1917 г. — и хочу привести некоторые выдержки.

* * *

На первой странице крупными буквами печатается следующее позорное постановление «Временного правительства»:

Старое время. Белград. № 24. 4/17.3. 1924. С. 1—2.

«Временное правительство» в заседании 7 марта постановило:

I. Признать отрекшихся Императора Николая II и Его Супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося Императора в Царское Село.

II. Поручить ген.-ад. Алексееву для охраны отрекшегося Императора предоставить наряд в распоряжение командированных в г. Могилев членов Г. думы Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина.

III. Обязать членов Г. думы, командируемых для сопровождения отрекшегося Императора из г. Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполненном ими поручении.

IV. Опубликовать настоящее заявление.

* * *

Далее следует юмористический по торжественности формы изложения «Манифест об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме» за подписью князя Г. Е. Львова и всех министров и скрепой помощника комиссара по делам Великого Княжества Финляндского Д. Протопопова 7/20 марта, в котором эти господа, называя себя «облеченными всей

полнотой власти», «повелевают» финляндскому Сенату отменить ряд законов.

В передовой статье под громким названием «Не угашайте духа» высказывается опасение того, чтобы слишком скоро не потух революционный пафос «гражданина». Необходимо, говорится там, «дать гражданину обывателю оценить и прочувствовать всю неоценимую радость такого акта как нового этапа освобождения. Лучший способ прочувствовать это — непрерывное сравнение каждого нового движения новой власти с деяниями старой власти. А для этого необходимо не затушевывать в народной памяти ненавистной старины, не уводить его с праздника революции, не стремиться погасить пафос порыва деловитостью очередного дня».

* * *

Федор Сологуб в статье под кощунственным названием «Литургия» договаривается до таких красочных положений, всю силу которых можно оценить именно теперь по истечении пяти лет:

«Всенародная литургия нашего праздника очищения и преображения. Это — литургия чисто русская. Поразительно, с какой определенностью все черты нашего национального характера выразились в этой нашей, чисто русской, чисто славянской революции. Все наше, родное,

начиная с состава первого Исполнительного комитета Государственной думы, — и с первого обращения к солдатам М. В. Родзянко, поставившего сразу великое дело под стяг Святой Руси. Все наше, русское, — и неслыханно мирный, незлобивый характер самого переворота, нисколько не схожего с однородными переворотами западного типа; и незначительное, сравнительно с размерами происшедшего, количество жестокостей и жертв; и какая-то детски чистая, юношески наивная вера в слово убеждения, это милое русское "братцы", после которого целые полки без раздумья переходят на сторону народа; и эти русские добродушные, такие восточные, вовсе не западноевропейские обличия солдат и рабочих, мужчин и женщин, и детей: и этот быстрый переход от угрюмой сосредоточенности первых дней, когда победа еще не была обеспечена, к настроению взбудораженному еще, но уж вовсе не свирепому».

* * *

Помещена беседа князя Львова, которую он вел 7 марта с представителями печати.

«События так велики, — говорит печальной памяти глава «правительства», — так потрясающе грандиозны, так ясны и определенны, что никаких слов не нужно. Величие русской души, проявившейся в великой русской революции,

ошеломило весь мир. Над Россией засияло солнце, мы все мыслью в будущем. Гений русского народа, освобожденный от оков, лихорадочно творит новую жизнь».

* * *

Далее указ об амнистии, по которому «во исполнение властных требований народной совести, во имя исторической совести и в ознаменование окончательного торжества нового порядка, основанного на праве и свободе», выпущены были преступники, часть коих и поныне владеет Россией.

* * *

В рубрике «Разные известия» помещено, между прочим:

«Типографии «Русскаго Знамени» и других черносотенных изданий предполагается приспособить под издание партийных революционных газет и других изданий свободной мысли».

Как это трогательно согласуется с основами нового порядка, зиждущемся на «праве и свободе».

«Комиссар от Исполнительного комитета Г. думы Ковалевский и Ичас предложили подать в отставку главноуправляющему ведомст-

вом Императрицы Марии статс-секретарю Булыгину и его помощнику Кистеру».

* * *

Помещено разъяснение исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов о том, что «приказы 1 и 2 относятся только к войскам Петроградского округа, как и сказано в заголовке этих приказов». Подписано нынешним большевицким деятелем М. Скобелевым, председателем военной комиссии при Временном комитете Гос. думы генерал-майором Потаповым и... военным министром Гучковым, подписи которого предшествует надпись: «Настоящее воззвание составлено по соглашению с военным министром Гучковым».

Из этого документа ясно видно, что применение преступных приказов в отношении войск Петроградского гарнизона было утверждено Гучковым, что так любят опровергать друзья этого государственного изменника, приложившего свою руку к разложению армии.

Тут же за его подписью помещен и приказ от 5 марта за № 114, отменяющий наименование «нижний чин», титулование, устанавливающий обращение «господин генерал», «господин унтер-офицер» и т.п.

* * *

Профессор Л. И. Люблинский в статье «Учредительное собрание и временная организация власти» договаривается до признания за Государственной думой после революции прав абсолютной власти.

* * *

В рубрике «Враги народа» помещено, между прочим, известие об аресте капитана Молоствова-2, стрелявшего в толпу, об аресте Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, об убийстве восставшими начальника гарнизона г. Ревеля генерала Герасимова, о сожжении на Пушкинской ул., 16, и в ряде других мест черносотенной литературы.

* * *

С особым восторгом сообщает жидовская газета, что «среди арестованных приверженцев старого строя находится прокурор Виппер — вдохновитель и создатель нашумевшего в свое время дела Бейлиса».

Новый революционный городской голова г. Петрограда, сподвижник Гучкова в 3-й Гос. думе — Ю. Н. Глебов, приветствовал новый строй, «который так быстро, так блестяще, так безкровно завоевал Россию».

* * *

Генералы, командующие армией и фронтами, не считаясь с настроением войск, старались превзойти себя в восхвалении переворота. «Свершилось великое событие: государственная власть принята в полном объеме новым правительством,. состоящим из лучших выборных людей нашей родины». «Дело строительства государственной жизни находится в верных и честных руках», — пишет в своем приказе по армии генерал Радко-Дмитриев. «Волею Божией Россия вступила на новый исторический путь в своей государственной жизни», — объявлял в приказе по войскам Юго-Западного фронта генерал Брусилов. Главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт... приветствовал «граждан» Минска с новым государственным строем и новым правительством.

* * *

Помещен рассказ В. В. Шульгина о своей поездке в Псков. Характерны два места из описания этой позорнейшей страницы русской истории, которую никакой теперешней лирикой Шульгину не скрасить. «Мне было все-таки немножко неловко, что я явился к Царю в пиджачке, грязный, немытый, четыре дня не бритый, с лицом каторжника, выпущенного из только что сожженных тюрем».

«Мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича. После этого Царь спросил нас, можем ли мы принять на себя известную ответственность, дать известную гарантию в том, что акт отречения действительно успокоит страну и не вызовет каких-либо осложнений. На это мы ответили, что, насколько мы можем предвидеть, мы осложнений не ждем».

Напечатано далее обращение «Государственной думы — офицерам и солдатам», начинающееся так: «Братья офицеры и солдаты. Свершилось великое дело. Могучим порывом народа низвергнут старый порядок. Народившаяся свобода сулит светлое будущее нашей великой России. В эти радостные дни русский народ шлет свой горячий привет дорогой, доблестной, самоотверженной армии».

Подписано оно 6 марта 1917 г. говорившим от имени «русского народа» председателем Гос. думы Родзянко, которого газета «Русь» и превративший себя из обвиняемого сразу и в адвоката, и в обвинителя В. Шульгин стараются теперь реабилитировать.

* * *

И как эпилог всей этой мерзости, столь свойственной разбойничьему надругательству над Россией, помещено на последней, восьмой

странице, в крайнем углу, но крупным шрифтом «обращение к банкам и кредитным учреждениям» генерала А. И. Оприц, живущего в Петрограде, Офицерская, 60, кв. 15, сообщающего, что 2 марта ворвавшимися в его квартиру вооруженными злоумышленниками в морской форме взяты все его наличные деньги и ряд дивидендных бумаг... и просящего банки о задержании указанных акций.

Кара Божия

Ты положил на него благословения на веки, возвеселил его радостью лица Твоего, ибо Царь уповает на Господа, и по благости Всевышнего не поколеблется. Рука Твоя найдет всех врагов Твоих, десница Твоя найдет всех ненавидящих Тебя. Во время гнева Твоего Ты сделаешь их как печь огненную; во гневе Своем Господь погубит их, и пожрет их огонь. Ты истребишь плод их с земли и семя их — из среды сынов человеческих, ибо они предприняли против Тебя злое, составили замыслы, но не могли выполнить их.

Пс. 20, 7—12

«Свобода, равенство и братство» — лозунги «великой» французской революции, по существу своему такие идеальные, красивые. Но

Руднев В. Правда о Царской Семье и «темных силах». Берлин, 1920. С. 28—32.

при проведении их в жизнь они, в лучшем случае, обращаются в ничто, над ними же высится неотъемлемая принадлежность революции — кровавая гильотина, ножом которой действительно свободно, равно и по-братски рубились головы всем, не желавшим, а часто просто не умевшим вовремя поклониться кровожадному революционному Молоху. Ложь, лицемерие и потоки крови, крови без конца — вот истинные символы революции. С особенной яркостью выражаются они в потрясающей ныне весь мир «великой» русской революции. Красной нитью проходят эти символы через деятельность всех деятелей революции. Все эти Гучковы, Милюковы, Родзянки, князья Львовы, Винаверы, Маклаковы, крестные отцы революции, крупные по своей разрушительной работе и столь бледные и безвольные в деле созидания, их воспитанник, в сущности, психически больной Керенский и, наконец, их естественные преемники по каиновому делу — Ленин и Троцкий, эти умные, наиболее яркие, но демонические слуги князя тьмы, затопившие Россию потоком крови и закончившие начатую их предшественниками работу по ее разрушению, — все они так или иначе послужили этим революционным символам.

Мрачна картина нашей революции, что в душе признают и разочаровавшиеся искренние

и честные ее приверженцы, но не менее темна и безобразна предшествовавшая ей эпоха, когда шла подготовка к ней и производился планомерный натиск на самое дорогое достояние России — Царскую Семью.

Россия вела в то время величайшую за свое бытие войну, вынося на своих плечах все ее тяготы, так как ее конституционно-парламентарные союзники только подготовлялись еще к борьбе, заделывая свои прорехи в деле оборудования и формирования армий. Верховный Повелитель России, столь миролюбивый по Своей натуре, с болью в сердце согласившийся на войну, всей Своей благородной душою, всеми Своими помыслами отдался делу служения Родине. Вся Его Семья, во главе с Государыней Императрицей Александрой Феодоровной, всецело была занята заботами о раненых, беженцах, семьях запасных солдат, призванных на войну, снабжением войск бельем. И в это время у Них же за спиной свила себе гнездо подлейшая измена. Умело направленная интернациональными темными силами, с успехом проделавшими то же с Людовиком XVI и его женой и ныне использовавшими безмерное честолюбие различных политических и общественных деятелей,— со змеиным шипением поползла гнусная клевета. Ловко играя именами действительно нежелательных лиц, под

покровом святости проникших в глубоко религиозную Царскую Семью, все эти политиканы начали обвинять в измене Императрицу Александру Феодоровну, окрещенную ими «немкой», подобно тому, как их же учителя столетие тому назад называли «австриячкой» несчастную Марию Антуанетту. Затем дошли даже до того, что обвинили Самого Государя Императора в том, что Он, пренебрегая интересами государства, желает заключить невыгодный для России сепаратный мир.

Несмотря на всю явную нелепость возводимых обвинений, клевета успешно работала, проникая всюду, начиная и, что особенно позорно, иногда исходя из Великокняжеских дворцов, проползая в дворянские хоромы и доходя даже, через офицеров, в солдатские окопы. И вместо того чтобы встретить сразу резкий горячий отпор со стороны тех, кто в силу традиций, долга, а главное, ясного смысла данной присяги должен был оказать его, эта клевета расползалась все более и более и часто с каким-то психопатическим наслаждением распространялась именно этими лицами. Симы и Иафеты, в тайниках души болевшие о кое-чем происходящем у Трона, пробовали возражать против гнусной клеветы, но их заглушали многочисленные голоса последователей их третьего

брата, чувствовавшего себя тогда господином положения.

Казалось, массовое помешательство охватило всех. Государственная полиция, недостаточно внимательно относившаяся к подготовлявшимся разными «общественными» деятелями заговору, изощрялась в составлении докладов о шумных похождениях Распутина. Святейший Синод, направляемый обер-прокурором Самариным, попал в то же течение и шумно раздувал дело об открытии мощей святителя Иоанна Тобольского. Дворянские съезды изощрялись друг перед другом в вынесении наиболее едких резолюций о «темных силах». Прогрессивный блок Государственных Совета и Думы, покровительствовавший, если даже просто не руководивший этой антидинастической работой, пестрел придворными мундирами, и «монархисты» Пуришкевич и Шульгин взапуски старались проявить и себя в этом вопросе. Офицерству, и даже гвардейскому, приезжавшему с истрепанными нервами на отдых в столицы, прививался тот же яд, проникавший и на передовые позиции, где нешифрованными телефонограммами, к тому же с комментариями, сообщалось известие об убийстве Распутина. Нервно взвинченные дамы, жены сановников, писали Императрице дерзновенные письма, делавшиеся сразу известными во всех светских

гостиных, и когда затем следовала мягкая кара, то почти весь сановный Петроград спешил заехать с соболезнующим визитом к «опальным» лицам.

Появись в то время благородный герой «Войны и мира» Николай Ростов, с его столь ярко выраженной гр. Львом Толстым чистой и единственно возможной идеей верноподданности, исповедовавшейся нашими предками, — он был бы жестоко высмеян в своем же кругу, провозгласившем своим кумиром дворянина нового типа — Михаила Родзянко, эту наиболее позорную личность из эпохи русского лихолетия, — дорожившего своим камергерским мундиром, проведенного в четвертую Государственную думу благодаря давлению центрального правительства и оперировавшего Именем Государя Императора, якобы желавшего его избрания, «случайно» заезжавшего и именно в день рождения к Митрополиту Питириму, считавшемуся его же единомышленниками ставленником Распутина, и в то же время участвовавшего в антидинастическом походе, позволявшего себе грубые выходки в Царском Дворце.

Последствием этого нравственного маразма, охватившего культурнейшие слои России, — должно было случиться то, что переживается теперь ими в течение трех лет. Россия, и в то

время — 1915—1917 гг.— главным образом не мужицкая, тяжко согрешила перед Потомком тех, кто из княжеств Киевского и Новгородского, из Царства Московского создал великую Империю, омываемую двумя океанами, населенную десятками народностей, необъятную в своем пространстве, перед тою Династией, которая раз уже вывела нашу отчизну из безнадежного положения в 1613 г., перед Тем, Кто так мистически глубоко понимал, что на Нем больше, чем прав, лежит обязанностей и что, неся нравственную высшую ответственность за судьбы врученного Ему свыше Государства, Он не может отдавать его на поток и разграбление отдельным политическим партиям. Он сознавал всю тяжесть носимого Им, по Божьему позволению, царского венца, но не считал Себя вправе пересаживать его фактически на головы разных псевдоответственных министров, являвшихся бы... игрушками в руках тех же партий.

Вследствие бунта невоюющих солдат Петроградского гарнизона, бунта, не подавленного по вине проникших всюду заговорщиков, восстания черни, возглавленного столь популярной в то время Государственной думой,— Государь Император был отнят от России. Еще ранее в душе нарушив долг присяги, хотя бы непротивлением распространявшейся клевете, большинство сочло себя и формально осво-

божденным от нее, удовольствовавшись появившейся в газетах телеграммой Государя об отречении от Престола, не подтвержденной требуемым действовавшими в то время Основными Законами соответствующим Манифестом. Одурманенные долгой разрушительной работою, люди, и среди них много вполне честных и порядочных, не понимали, вероятно, что от этого обязательства, данного перед Святыми Евангелием и Крестом, никто освободить не может. Массовое клятвопреступление было совершено, — с этого момента в нем принял участие и простой народ, — за этим неминуемо должно было следовать и возмездие.

И оно пришло немедленно. С первых же дней революции, когда сразу выявилась полная неспособность к управлению великой страной всех популярных любимцев общественного мнения, корившего раньше Государя за непризыв к власти этих «лучших» людей, тогда, когда в храмах Божиих впервые начинали святотатственно возносить молитвы за «благоверное» Временное правительство, ясно было, что Россия докатится и до большевизма, и до проигрыша войны.

Теперь Россия — голодная, мерзнущая, вымирающая от болезней, захлебывающаяся в потоках крови, — являет собою ужасную картину. Пережив революционные временные прави-

тельства различных формирований, она изнывает теперь под гнетом одной из его разновидностей, именуемой советским правительством. А все те, кто так храбро боролся с Царскою Властью, жалобно ноют по различным столицам Европы и ничего не могут сделать с тою властью, которая сумела вовремя снять плоды с посаженного ими дерева.

И это тяжелое испытание, ниспосланное за грехи нашей Родине, будет продолжаться, как и триста лет тому назад, до тех пор, пока огромное большинство русского народа не покается в своих прегрешениях и, в особенности, не познает того, насколько оно безмерно виновато перед своим Государем, Помазанником Божиим, светлый духовный образ Которого еще ярче вырисовался в эти мрачные годы лихолетия.

«О Господи, Боже милосердный, Боже премудрый, Боже всемогущий! Паки и паки припадаем Тебе и слезно в покаянии и умилении сердца вопием: согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, и воистину праведно по делом нашим наказуемы есмы» — эти проникновенные слова молитвы против крамолы должен постоянно повторять каждый честный русский, желающий спасения им же, вольно или невольно, ввергнутой в бездну несчастной Родине.

30 июля ст. ст. 1920 г.

Перед судом Правды

1 марта 1881 года холодные плиты мостовой набережной Екатерининского канала обагрились чистою кровью Царя-Освободителя. Перенося тягчайшие муки, оставляя через несколько часов сей грешный мир, Царственный Страдалец не мог все-таки не сознавать, что за шайкой извергов, завершивших наконец свои многолетние труды, не стоит столь облагодетельствованный Им народ, который тяжким стоном встретит известие об этом злодеянии.

Через тридцать шесть лет в те же мартовские дни, в вагоне Царского поезда во Пскове, в городе, видевшем примеры высокой государственной доблести,— *преступники в белых перчатках* совершали духовное убиение благороднейшего Монарха. Терпя еще горшие нравственные страдания, Державный Внук убитого Царя тоже понимал, что настоящий народ не с этими посланцами революционной интеллигенции. Но столь же ясно сознавал Он и то, что люди эти — не самозванцы, а старательные исполнители того злодеяния, над подготовкой которого ревностно, в течение ряда лет, потру-

Речь, сказанная на Собрании монархистов в Берлине 3/16 марта 1922 г. Двуглавый Орел. Вып. 27. Берлин. 15/28.3.1922. С. 1—5.

дилось немало русских людей. И это понимание измены части столь любимого Им народа жгучей болью отравляло сердце нашего Государя.

Когда думаешь о двух этих величайших трагедиях и позорах последнего сорокалетия нашей истории, то вместе со многими ловишь себя на чувстве страшной злобы к той стране, тому народу, который позволил так кощунственно надругаться над двумя Помазанниками Божьими.

Кипит гнев, нарастают обвинения, готовишься бросить их России, но ...

В последний момент вырастает в сознании картина далеких тысячелетий.

Книжники и фарисеи влекут к Спасителю грешницу, желают побить ее камнями и спрашивают у Него указаний. Христос, не обращая на них внимания, наклонившись низко, пишет перстом на земле. На предложенный вопрос Он отвечает: *кто из вас без греха, первый брось в нее камень.* — И опять, наклонившись низко, пишет на земле.

«Они же, — говорит святой евангелист Иоанн, — услышавши *то* и *будучи обличаемы совестью*, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди» (Ин. 8, 3—11).

Так и мы: кто из нас, от самых старших до последних, сможет со спокойной совестью бросить камень в русский народ?

Не сделает это наше духовенство, творящее ныне великое церковное и государственное дело,— но в предреволюционный период, увы, пропустившее нарастание тягчайшего греха — *клятвопреступления*. Вознося молитвы за Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя, оно, к сожалению, не сумело объяснить народу, какой глубокий религиозный смысл вложен в идею Помазанника Божия. Не смогло оно и обличающим, негодующим пастырским словом пресечь в корне ту измену, которая расползалась по всему лицу Святой Руси. Невольно ярко вспоминается светлый образ покойного главнокомандующего Николая Иудовича Иванова, приезжавшего в Киев на похороны митрополита Флавиана и тогда еще, за год до революции, умолявшего собравшееся отовсюду духовенство начать бороться с дезертирами и другими опасными бациллами, проникавшими в народ и армию.

Не бросит камень и наше воинство, принявшее мученический венец за эти пять лет смуты. Рядовое офицерство, утомленное войной, отравляемое революционными газетами типа «Русского слова» и «Киевской мысли», не разбиравшееся в политике,— встретило революцию

в затуманенном сознании и поэтому, застигнутое врасплох, не сумело дать тот отпор, который диктовала ему совесть. Что же касается до высших чинов, то, конечно, они, в большинстве своем, не имеют ни малейшего права на предъявление упреков. Неправильно было бы обвинять тех из них, которые после революции в целях спасения фронта, удержания солдатских масс, понадевали красные банты. Государь велел оставаться на местах, продолжать воевать, и многие из них, переходя через тяжкие нравственные муки, должны были исполнять свой воинский долг до конца. Но страшно виноваты они в том, что *до революции*, обладая всей полнотой власти, позволили проникнуть в армию всем тем «общественным» агитаторам, которые, торжественно принимаемые, разбрасывали семена государственной измены и в офицерских собраниях, и в окопах. Измена началась не 27 февраля — во время открытого бунта, а тогда, когда в присутствии высших чинов, где тонко, где открыто и грубо, безнаказанно произносилась хула на Царскую Семью.

Еще меньше прав на бросание обвинений имеет наше дворянство. Столь облагодетельствованное Монархами, и именно из нынешней Династии, оно в большинстве своем давно покинуло родовые гнезда, оставив крестьянство на духовный *поток и разграбление* безпочвен-

ному, злобному, революционному третьему элементу. Уйдя в служилый класс, оно не сумело в должной мере привить *тому* основное качество дворянства — верность Престолу. Не нашло оно в себе, к сожалению, сил и желания выполнить мудрое предначертание Императора Александра III вновь сблизить дворянство с крестьянством путем института земских начальников. Несколько встрепенувшись от жара горевших усадеб в 1905—1906 гг., дворянство в предреволюционный период оказалось вновь расслабленным и покорно, в лице ряда своих представителей, подпиливало устои Царского Трона.

Не посмеет сделать этого и купечество, давно отошедшее от славных традиций Строгановых и Демидовых и тех крепких русских людей, в крови которых были заложены начала служения государственности. В своих верхах духовно разложившееся, шедшее в поводу у Морозовых, Рябушинских и молодого поколения Терещенко, не раз раскрывало это купечество нового типа свою мошну на разрушительные цели.

Не сделает этого и служилый класс, делавшийся за последнее время все менее похожим на тех сильных людей, которые сотнями лет по предуказаниям своих Монархов крепкими нитками сумели сшить Русское государство.

Чиновничество, главным образом центральное, превратило себя в бездушную машину и в погоне за новыми богами слишком стало прислушиваться к грезившимся ему грядущим господам из ложнообщественников, подготовителям революции.

Крестьянство... Хотя подделыватель моего якобы письма к генералу Батюшину и вкладывает в мои уста наименование народа «подлым», но именно таковым я его, конечно, никогда не считал. Одаренный многими не свойственными другим нациям духовными качествами, наш народ был оставлен на развращение его интеллигенцией, которая сумела развить в нем только дурные стороны. Но и он виновен, а именно в том, что в всегдашних своих мечтаниях о земле он, вопреки внутренним струнам своей души, слишком ушел в поиски земных благ и не сумел доразвиться до государственного понимания.

Но, быть может, это право обвинения России имеем мы, и до революции действенные монархисты?

Тоже нет. Да, правда, мы говорили, предупреждали, знали, чем кончится эта затеянная левыми преступная игра. Но мы виноваты в том, что мало действовали. Кроме слов, тоже, конечно, полезных, нам, по долгу понимаемой нами присяги, *нужно было смести вначале столь*

малочисленную кучку крамольников, создать активные кадры тех людей, которые, не растерявшись от неожиданности, смогли если не отстоять, то умереть у решетки Александровского Дворца, вывести оттуда нашу Надежу-Наследника Цесаревича, а также вовремя оказаться во Пскове...

Итак, смею сказать, что *невиновных в пережитой и переживаемой трагедии, людей безгрешных перед Монархом и Родиной — нет.* Имей место суд,— Россия, подобно евангельской грешнице, оказалась бы также без обвинителей. Единственно, кто имел бы право остаться,— *это наш Государь*, но Он, конечно, поднял бы руку не для бросания камня, а для того, чтобы, как блудного сына, заключить в свои отеческие объятия несчастную, изможденную, искалеченную Родину. И вот, если мы все честно проникнемся сознанием нашей общей вины, то легче найдем и пути к исправлению содеянного.

Прежде всего нам надо вернуться к ранее в мирской суете сует так часто забывавшемуся Богу, Чьим всеблагим Промыслом сохранились и мы, конечно, неспроста, *а для того, чтобы действенным неустанным подвигом загладить наши грехи, вольные и невольные.* Должны мы помнить, каким великим вкладом обладает наша Отчизна, в которой неугасаемым светочем горит наша Православная Церковь, составляющая

живую душу нашего наихристианнейшего государства.

Необходимо нам наконец вернуться и к истинному сознанию *идеи верноподданности*, к той идее, служением которой и создалась нашими предками Великая Империя. Проникнутые ею, не изменили своим Государям и опальные бояре, даже во времена Грозного Царя, не забывал ее и сосланный в деревню герой Суворов, на ней воспитывались поколения Николаев Ростовых. Богом данный Монарх, как бы партийно не представлять себе государственное устройство, — должен сделаться непререкаемым основным символом нашей государственной веры, тем *Святая Святых*, которое должны оберегать все честные русские люди.

Обязаны мы коренным образом пересмотреть наше отношение к основной массе русского народа. Должно сгинуть чувство злобы, мщения, но не следует предаваться и сентиментальному преклонению. Равенства на свете — нет. Мы, более культурные слои, волею судеб поставлены в роль моральных руководителей народа. Раз уже мы позорно провинились, увлекшись западными течениями, не осрамимся же теперь. Воспримем его духовные чаяния, отнесемся к нему с трезвою строгостью старшего брата, желающего ему только добра, и со всею нежностью не слепой матери. И, наконец,

поймем, что мы стоим на пороге величайших событий. Близится двенадцатый час, и *никому из нас*, как бы ему этого по различным побуждениям ни хотелось, *не уйти от участия в них.*

Слышны уже раскаты грома, наступает тот решительный бой между Россией и революцией, который еще в сороковых годах прошлого столетия предрекал чуткий и проникновенный, русский всей душой, поэт Тютчев.

Он предсказал, что победит Россия, что спасется она своею верой. И действительно, та глубокая вера, которой всегда спасалась Русь Святая, и теперь не дает ей погибнуть и указует пути спасения.

Час развязки ближе, чем мы думаем. Но, памятуя всегда о девах, со светильниками ждущих Жениха, встретим же грядущий момент во всеоружии. Перед порогом грозных и великих событий, перед мрачным лицом того безмерного ужаса, который переживает наша любимая, страдающая Отчизна, и перед величием требуемого от всех жертвенного подвига — оставим все наши мелкие споры и свары, бросим поддаваться наущениям бродящих среди нас сеятелей смуты, посланцев князя тьмы и его земных слуг, сплотимся еще сильнее для служения Церкви Православной, нашему Законному Государю и Матушке-России.

В свете Истины

Осень 1916 года...

«Самые темные, глухие, отравленные месяцы нашей истории» — так определяет это время С. С. Ольденбург в своем посвященном светлой памяти Государя Императора докладе, полном проникновенного Его почитания и глубокого понимания смысла протекших событий.

Да, тогда, в эти ужасные дни, пять лет тому назад, не народная, а интеллигентская Россия пошла по стопам Иуды-предателя и за новые тридцать сребреников, — мишуру политиканства и честолюбия, — продавала преступным тайным силам этого благороднейшего из Монархов.

Недавно исполнилась пятая годовщина позорнейшего дня 1 ноября, когда наемник иудеев, Милюков, с кафедры считавшегося высоким учреждения, произносил явно клеветническую речь, кидая Императрице обвинения в измене. И ему вторили «правые» — В. Пуришкевич и различные депутаты от умеренных партий... Вся Дума, за исключением правых в лице Маркова 2-го и Замысловского, предупреждавших крамольников о подготовляемой ими гибели

Двуглавый Орел. Вып. 21. Берлин. 1/14.12.1921. С. 6—12.

России, восторженно приветствовала удары по Династии... Типографские станки в миллионах экземпляров разносили эту клевету и одобрение ее «народными» представителями в самые медвежьи углы нашей Родины.

То же звучало в залах Мариинского дворца, где Гриммы, Таганцевы и родовитые представители русского дворянства, забыв о доблестных предках и в опалах не изменявших своим Государям, послушно выполняли задания того же Милюкова. Последний же, сидя на хорах Государственного Совета, с радостью, но, думаю, и с презрением, смотрел на работавших на него потомков Рюрика и Гедимина... И только боязливое чувство закрадывалось у него в душу при взгляде на водительствуемую И. Г. Щегловитовым правую группу, где жило еще чувство государственности.

И там, на Михайловской площади, в том доме, где всего три года перед этим дворянство всей России принимало Державного Венценосца и праздновало трехсотлетие великого служения Родине Дома Романовых, — стараниями Владимира Гурко, Михаила Родзянко и других, иже с ними сущих, подпиливался тысячелетний монархический дуб.

Повсюду в этом гнилом Петрограде — в гостиных, офицерских собраниях, лазаретах, со светскою и обывательскою легкостью разноси-

лись гнуснейшие сплетни. О дворцовом перевороте, этой придуманной делателями революции измене про запас, говорилось как о чем-то самом обыкновенном...

Автомобили и кареты развозили по городу сановников и общественных деятелей, завозивших визитные карточки княгине Васильчиковой, писавшей Государыне дерзкое письмо, и «этому благородному» Родзянко, которого выругал «неистовый зубр» Марков 2-й.

Нравственный развал охватил также и бюрократический мир, являвшийся детищем того же зараженного общества. И немногим светлым и твердым умам, как, например, А. Ф. Трепову, трудно было удерживать этот строившийся по революционной Думе правительственный аппарат.

Только на страницах «Земщины» талантливый Глинка-Янчевецкий обличал губительные течения и предсказывал грядущее падение России в бездну... Одиноко, но, как всегда, честно и мужественно звучал голос находившегося в тени, особенно нелюбимого либералами, Н. А. Маклакова, настоявшего на вызове для охраны Царской Семьи верной Престолу армейской кавалерийской дивизии... Да из далекой Астрахани раздался, мало кем замеченный, архипастырский призыв замученного теперь большевиками епископа Митрофана

(Минского), указывавшего на гнусность травли Той Женщины, Которая всю Себя отдала новой Родине...

И среди этого общего мрака, атмосферы, сгущенной миазмами предательства и измены, — одиноким, спокойным, тихим и ясным светом горел и высился над всеми Тот, Кто силами зла обречен был на гибель...

Своею чуткою, боголюбивою душою Государь сознавал, что Ему, как Иову Многострадальному, в день памяти коего Он и родился, суждено пройти через тягчайшие испытания... Не заботясь лично о Себе, Он делал все, чтобы столь дорогая Ему Россия отошла от того опасного пути, на который ее толкали. Будучи человеком глубоко религиозным, весь отдавшись служению Родине, Он веровал, что охватывающее ее бесовское наваждение не может не пройти и что настанет время, когда весь русский народ поймет, как Он был предан России, как боготворил ее.

И время это подходит... Оставшаяся без насильственно отнятого у нее Царя, Россия, лишенная почивавшего на Помазаннике Божием благословения Господня, окунулась во всю мерзость греха, довела его до высших пределов... Теперь же, очнувшись от кошмаров жизни, вглядываясь в содеянное, чувствуя себя обездоленным и оскорбленным, русский народ

все чаще и любовно вспоминает о Том, при Котором только и жилось по-христиански...

Имя Государя Николая Александровича,— замученного жидами в представлении одних, спасенного и скрывающегося с тем, чтобы прийти спасать Россию — в веровании других,— все сильнее и чаще благоговейно упоминается на всем пространстве нашей несчастной Родины...

Упорною в своем отношении к Государю была интеллигенция, которая и послала Его на крестный путь за Россию... Но после того как и ей самой пришлось пройти этот путь, в горестях и невзгодах подчистить свою душу, в горячих молитвах дойти до искреннего покаяния,— менялся и ее взгляд на Того, к Кому она так несправедливо относилась.

И первое яркое выражение нашло себе это новое настроение в собрании, устроенном конституционно-монархическим союзом в Берлине 11/24 ноября.

Удивительный был вечер. Временами просто забывалось, что находишься на «конституционном» собрании. И вдумчивый, проникнутый искреннею сердечностью доклад С. С. Ольденбурга, так правильно разбиравшего Царствование Государя, и талантливая речь Е. А. Ефимовского, рисовавшего слушателям образы Царей из Династии Романовых,— вызывали

именно светлые и мощные образы Монархов-Самодержцев, реявших над взволнованными слушателями и подчинявших их своему обаянию.

Ольденбург говорил, и с каждым его словом все ярче вырисовывался чудный духовный облик Царственного Страдальца за Россию.

С портрета же, украшенного черными лентами, — в моем понимании в знак Его траура по временно погибшей России, — смотрел на нас Государь, милостиво взирал на начинающееся торжество правды...

* * *

В лагере врагов христианства, Монархии и, в особенности, чистейшего ее вида — русской, большое волнение.

Темными силами сделано было все для того, чтобы с первых же дней воцарения Императора Николая II оклеветать, обезчестить Его. На Него, Царя Православного и Самодержавного, то есть менее всего доступного захвату масонством, направлен был натиск всех международных разрушительных сил. Казалось, был достигнут полный успех. Он считался морально раздавленным и даже физически уничтоженным.

И вдруг, к ужасу жидо-масонства, с каждым днем воскресает память о Нем в ореоле мудрого провидения, духовной красоты и чистоты.

Врагам не удалось побороть самой жизни, которая в своем поступательном движении неизбежно приводит к воспоминаниям о нашем Императоре.

Мир... Он признается существующим, но все прекрасно знают, что вот уже восьмой год продолжается война... Главная виновница последней, Англия, с опаской поглядывает на растущее могущество Соединенных Штатов, с неудовольствием взирает на империалистическую политику Франции и с волнением прислушивается к раскатам грома из Азии... Франция нервно боится Германии, готова в любой момент броситься на последнюю, с Англией у нее отношения обостренные, в Италии народ избивает ее дипломатических представителей... В свою очередь Италия опасается войны с юным Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев... Последнее также находится в боевой готовности и даже ведет войну в Албании... Греция воюет с Турцией, причем Антанта распределила между собой роли — Англия помогает первой, Франция второй... Балканы пребывают в неспокойном напряжении... Румыния изнемогает от бремени военных расходов, боясь отнятия у нее советской Россией Бессарабии... Венгрия охвачена кольцом враждебных ей государств... Чехия в натянутых отношениях с Польшей... Последняя, погибая от

непосильных денежных трат, все же не отказывается от призрачной великодержавной политики и ссорится с Германией, в которой под влиянием притеснений извне крепнет национальный дух... Окраинные государства готовы к тому, чтобы, по примеру Грузии, быть проглоченными Совдепией... Америка со дня на день может столкнуться с Японией... И, наконец, над всем миром висит опасность от русского вооруженного народа, коим распоряжаются люди, от которых можно ожидать все что угодно.

Поэтому и понятно, что в эту напряженную взаимными распрями народов эпоху вспоминается наш Государь, желавший еще четверть века тому назад дать миру мир. И на международной конференции в Вашингтоне государственный секретарь Юз, открывая ее, имел честность первым вспомнить благородное побуждение Императора Николая II. Голос этот раздался в Америке, где под влиянием иудеев, спекулировавших на лживых сведениях о погромах, нападки против Государя были особенно сильны. Будущую же международную конференцию предположено созвать именно в Гааге...

Семья... В период, предшествовавший революции, понятие это в значительной степени утратило свое серьезное значение. В различных слоях русского общества жизнь была

искусственно вынесена вне ее. Свет, клубы, политические собрания — вот где била жизнь ключом, семья же оставалась заброшенной. Упускалось из виду то, что там без призора родителей, часто под вредными влияниями, росло новое поколение, чуждое расовым, родовым и семейным традициям.

И особенным исключением, вызывавшим подчас насмешливую критику, являлась Царская Семья, где со времени Императора Александра III царил патриархальный уклад. Пустым людям было непонятно, какой глубокий духовный кладезь составляет созданная по Божьему велению семья. Но ныне, когда, наверное, во всей русской России, разумея и частицу ее, осевшую за границей, нет ни одного дома, который мог бы наслаждаться семейным счастьем, когда родители, зарабатывая хлеб насущный, теперь уже вынуждены бросать одних своих детей, из коих могут получиться нравственные уроды, всеми понята великая очистительная и созидательная сила семьи. Ярким примером и укором для тогдашних критиков является та чудная, дружная Семья, которая и в несчастии осталась прежней, спаянной любовью друг к другу душой.

Религия... Кто, кроме простого народа, да и то стараниями многих отвращаемого от Церкви, да горсточки проникновенных людей, серь-

езно вдумывался в вопросы религии и умел веровать?.. Да, внешне религиозных людей было немало, церкви посещались, но часто так, по заведенному порядку.

Поэтому странным и казалось то совсем иное настроение, которое господствовало в Царских Чертогах. Государь всем Своим существом был глубоко православным и также в этой области нашел единомыслие в лице Своей Супруги, восторженно воспринявшей всю духовную красоту новой религии. Легковесному русскому обществу тогда непонятен был дивный храм во имя Феодоровской Божией Матери, где в сумраке воссозданной старорусской церкви молилась Августейшая Семья. С тем же чувством относилось общество и к открытию в Царствование Государя высокочтимых настоящим народом мощей святых Серафима Саровского, Иоасафа Белгородского, Иоанна Тобольского. Чужд был нашей интеллигенции тот религиозный уклад, который царил в этой особенной Семье.

Но зато понятно все это стало теперь, когда, оказавшись на развалинах всего нам дорогого, невольно под гнетом несчастий, погрузивших в познание самих себя, мы стали искать нравственную опору там, где давно обрел ее наш Государь. И, молясь ныне в тиши домашней у родных икон, вознося Господу моления в

переполненных храмах, — мы не можем не вспоминать Царя и Царицу и не осознать, отчего Они, отягченные заботами о Родине, видя кругом ложь, клевету и духовное падение, — так много души отдавали служению Церкви Христианской.

Долг... Перед этим словом формально преклонялись, и в недавнее время оно считалось необходимою частью нравственного кодекса порядочного человека. Но многие ли из нас в эпоху, предшествующую революции, могли бы с чистым сердцем утверждать, что и в душе понятие это стояло нерушимой стеной? Кто теперь сможет честно сказать, что им никогда в мрачные дни 1916 г. и начала 1917 г. не были нарушены следующие слова присяги:

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти приналежащие права и преимущества, узаконенные и впредь

узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере старатися споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду».

Увы, таких окажется немного. Понятие долга было также заброшено, как религия и семья...

И опять превыше всего, после Бога, ставил исполнение Своего долга наш Государь. Как правильно отметил в своем докладе С. С. Ольденбург, основной чертой Его личности было понимание о лежащей на Нем ответственности за судьбы вверенной Ему Богом страны. Вот отчего Он всегда и считал Себя Самодержавным, собственноручно вписав это слово в представленные Ему к подписи уже в отпечатанном виде новые Основные Законы 1906 г. Понимаемый Им так долг не позволял Ему, сняв с Себя ответственность, переносить ее на бездарных и никчемных, но излюбленных тогдашней общественностью Львовых, Гучковых, Милюковых и Родзянко. Там, где вопрос шел о благе

России, Он не считал Себя вправе считаться с выкриками мелких политиканов. Сознание долга заставило Его принять на Себя командование армией в труднейший для нее момент и этим приостановить ее отступление. То же руководило Им и тогда, когда во имя спасения боевого фронта Он передал бразды правления в руки Своего брата.

И теперь, когда возвращение к истинному пониманию долга, мысленное повторение верноподданнической присяги, проникновение этим сознанием всех наших помыслов и действий, является первейшей задачей нынешнего времени, — благороднейший образ Державного рыцаря долга должен всегда стоять перед начинающими одумываться русскими людьми.

* * *

Понятно поэтому волнение во враждебных кругах. Живым — во что лично верю*, или мертвым, но Император Николай II духовно воскресает, и, чтя Его, Россия получит силы для своего возрождения...

Снова заскрипели перья хулителей. Спешно, стараниями иудейки «графини» Матильды Витте выпускаются евреем же Гессеном, даже

* Среди русских эмигрантов широкое хождение в то время имел слух о чудесном спасении Государя и даже Его Семьи. — *С. Ф.*

ранее указанного в завещании срока, воспоминания ее «достойного» мужа, усерднейшего слуги масонов. Неманов в «Голосе ...России» (!) и Набоков в «Руле» стараются выдержками из этих мемуаров ознакомить большее число читателей с низкою клеветою слуги на изгнавшего его Господина.

Пишите, пишите, пока масоны тратят еще деньги на безполезное дело... С вами все равно будет лишь кучка интеллигентов и те ренегаты, которым остается только продолжать нападать на благодетельствовавшего им раньше Монарха...

С нами же, чтущими своего Государя, неизбежно объединится весь русский народ.

Правда всегда победит кривду, крест восторжествует над приспешниками князя тьмы. Последним все равно, подобно Юлиану Отступнику, придется в конце концов воскликнуть: «Ты победил, Галилеянин».

21 ноября ст. ст.
Введение во храм Пресвятой Богородицы

Сила веры и верности

Радостно получить снова возможность со страниц «Двуглавого Орла» беседовать с разбросанными по всему свету единомышленниками. С «Двуглавым Орлом» связаны воспоминания о перенесенной за рубеж монархической работе, когда столько было дерзания, уверенности в правоте исповедуемых убеждений, в конечном успехе поднятого движения.

Возобновляя собеседования с читателями и проверяя свои теперешние настроения, ясно ощущаешь ту же бодрость, ту же уверенность, то же радование о великой истине, в которой залог спасения России.

И снова, как тогда в знаменательные дни первого монархического съезда в Рейхенгалле, окрыляют дух дивные слова святого Апостола Павла:

«Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но, вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор. 6, 9—11).

Двуглавый Орел. Вып. 21. Париж. 1/14.12.1926. С. 15—20.

Да, не розами усеян наш путь. Оборачиваясь назад на пройденное за эти годы тяжелой зарубежной жизни, видишь взятые препятствия, вспоминаешь невзгоды и поражаешься, как все это преодолено, как удалось пробиться через туманы ядовитых испарений людской глупости, злобы, клеветы и лжи. За истекшие шесть лет сколько раз хоронили наше монархическое объединение. Злостное замалчивание его деятельности сопрягалось с неистовыми атаками, производимыми врагами России всякий раз, когда монархическую работу нужно было представить в извращенном виде. Кого только не было в рядах тех, кто, выполняя задания иудомасонства, старались изничтожить настоящих монархистов. Сколько горьких минут доставили нам и огорчители из тех, кто по чистой совести должны были быть нашими союзниками в общем монархическом деле.

Вот и ныне мы переживаем злобный, чуждый христианского братолюбия натиск некоторых «церковных» кругов, действующих во имя того иерарха, который, когда-то нас благословляя, возглашал на Рейхенгалльском съезде великие слова: «За Веру, Царя и Отечество», звал к Монархии и в православной Монархии видел спасение русского народа. Нелицеприятная история со временем поведует, какие великие препятствия приходилось одолевать руко-

водителям монархического движения, сколько важного и необходимого не было довершено из-за отсутствия денег в то самое время, когда противники, кто за иудейский или иностранный счет, кто питаясь из средств растащенной и присвоенной Российской казны, кривили русскую жизнь, вершили недоброе дело смуты и разложения.

Наперекор всему, мы *живы*, мы *радостны*, мы сознаем себя обладателями огромного богатства.

Богатство это — наша непоколебимая, неиссякающая вера во все устрояющий Промысл Божий, вера в торжество правды, вера в то, что Россия восстанет и возродится животворной силою Помазанника Божия, Царя-Самодержца, той силой монархизма, которая много раз спасала на краю гибели Русь Святую.

Наше богатство — пламенная вера в святую правоту нашего монархического исповедания — сильно разнит нас от иных политических течений. Там, в других лагерях, внешних средств неизмеримо больше, чем у нас, почти нищих. Там издаются газеты, брошюры и книги, бряцают наемные ораторы словесным оружием, бросают в толпу лживые мысли и сведения, сбивают с толку русского человека. Но мало у них самих настоящей веры в осуществимость того, что они проповедуют.

Нелегко ведь, на самом деле, поверить в возможность в будущей России *социалистической республики*. Неужто позволит многострадальный русский народ, только что испивший до дна чашу с ядом *чистейшего* социализма, вновь принести себя в жертву идолу *всех* социалистов *иудею* Марксу? Неужто руководителям социалистического движения по силам задержать стихийную тягу народа к твердой собственности, остановить могучее течение, которое смывает даже коммунистические «стенки». Даже у Керенского на днях хватило мужества сказать то, что, полагаем, думает большинство русских социалистов: сперва Россия, а потом социализм. Думы Миноров и Соловейчиков, как социалистов-иудеев, конечно, иные. Но и они эти расчеты свои строят не на успехах социализма, а на торжестве иудаизма.

Полагаем, что не много уверенности в возможность превращения России в *буржуазную республику* и у тех, кто так шумно твердит об этом. В зарубежье эрдеки сами насчитывают только *десять* процентов своих сторонников. В России же те, кто в тяжких муках все познал, теперь отлично разбираются в иудейской подоплеке буржуазно-демократической республики. Русские люди довольно настрадались под игом иудо-большевизма, чтобы послушно подставить затылки свои под удары новой

разновидности того же иудо-масонства. На кого могли бы опираться в России распластанные перед еврейским капиталом заграничные республиканцы? Для стомиллионного русского крестьянства, жаждущего закрепления за собою земельной собственности актом исторически *ведомой* ему Власти, какое значение могли бы иметь бумажонки Милюковых, Демидовых, Гронских, Миркиных-Гецевичей и прочих эрдеков и демократов еврейской закваски?

Взрощенные братьями-каменщиками храма Соломонова *демократические* идеи, во время «великой» французской революции возглашенные и залитые кровью невинных христианских жертв, теперь — после «планетарных» злодеяний революции российской — потерпели крушение. И прав был ныне умерший профессор П. П. Новгородцев — сам крупный деятель кадетской партии,— когда три года тому назад писал об «оскудении» демократической идеи и о необходимости отказа от этой идеи. Мы, живущие на Западе, постоянно видим всю ложь, всю грязь того, что называется демократизмом и чему заочно в течение столетия поклонялось наше жалкое русское общество. Неизбежно скоро наступит время, когда эту политическую опухоль удалят от себя все народы Запада. Народы теперь везде прозревают и ищут здорового, прочного и нравственного уклада госу-

дарственной жизни. Пусть себе возятся с этой гниющей болячкой демократизма наши республиканцы. Выздоравливающий русский народ не допустит до себя ни болячек, ни их прививателей.

На какой успех могут, наконец, рассчитывать различные центральные политические группировки? Кому нужны эти люди «ни то — ни се», — заимствуя выражение епископа Феофана Затворника? Образовывая партии, объединения с замаскированными названиями, они, в сущности, сами не знают, каково их политическое мировоззрение. *Конституция? Парламент?* Но кровавый опыт революции, крушение либеральных упований, знакомство с отрицательными сторонами парламентской жизни Запада — непреложно требуют сильной, независимой, не связанной конституционными путами монархической власти. Бросить только что перенесшую тяжкий недуг Россию в омут всеобщих выборов, блоков, партийной борьбы — всех этих неизбежных спутников парламентского строя, — ведь это было бы явным безумием, если не преступлением.

«Будущая русская власть должна быть властью национальной. Кроме того, она должна быть властью крепкой. "Демократия", "парламент" — все эти слова не пользуются в современной России популярностью», — писалось

25 ноября в № 541 газеты «Возрождение», редактируемой главой «Центрального Объединения» П. Б. Струве, писалось со слов лица, «занимающего высокое положение в советской служебной иерархии, но не принадлежащего к коммунистической партии и хорошо осведомленного не только о положении в России, но и о надеждах и чаяниях той части русской интеллигенции, которая стремится к замене советской коммунистической власти — властью национальной».

Лишнее подтверждение высказанной нами мысли о безпочвенности надежд на возможность в России демократического или конституционного порядка.

В довершение всего над всеми этими социалистами, революционерами и либералами, попрежнему занятыми теоретическими построениями и по-прежнему не желающими знать Россию, — страшным грузом тяготеет *прошлое*.

Не изгладить социалистам из народной памяти позора керенщины, ставшей нарицательным именем всякой негодной и никчемной власти. Не смыть им грязных пятен Калуща и Тарнополя, не заставить забыть учиненный ими развал русской армии и предание всей России на поток и разграбление иудо-большевикам. Не восстановить социалистам их кумира — *Учредилки*, позорно разбежавшейся от окрика

пьяного от вина матроса, посланца опьяненного от власти еврея Урицкого.

Вся страдающая Россия знает и *помнит*, что *началом всех зол* явился мрачный март 1917 года, призванный к жизни политическими друзьями Милюкова и Гучкова и ими обоими в особенности. Помнят там, на Родине, что эти люди, подпилившие тысячелетний дуб, сумели построить лишь жалкий республиканский шалашик, который пинком ноги опрокинул Ленин.

Печальную память оставил по себе и пресловутый *представительный* строй, так безславно и так преступно закончившийся последней Государственной думой. Изменнический прогрессивный блок, потакавший гнусным клеветам на Верховную Власть; председатель Думы Родзянко, возглавивший солдатский бунт; презренный сеньорен-конвент четвертой Думы, похотливо схватившийся за государственный руль и лакейски подчинившийся рассчитавшему его Временному правительству...

«Князь Львов, Керенский и Ленин связаны между собою неразрывною связью. Князь Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине», — писал 13 июня 1923 г. профессор П. П. Новгородцев*, но, к сожалению, не досказал, что первый погубитель Рос-

* «Путь». Орган русской религиозной мысли. № 4. 1926.

сии *масон* князь Львов был вознесен на политические вершины стараниями тех наших либералов-конституционалистов, которые расчищали путь керенщине, а теперь поучают нас, как надо спасать Россию.

Память об этом грузе с прошлыми грехами отразилась в речи одного из вреднейших деятелей февральской революции, инженера Бубликова, сказанной им в июне 1921 г. в Париже, на съезде Национального комитета. Приводя ряд примеров из разрушительной деятельности Временного правительства, Бубликов говорит: «Нет, не меньше большевиков виноваты их предшественники, и им надо это помнить в момент, когда из гробов вылезают, казалось, давно забытые тени и напрашиваются спасать Россию. Надо им сказать твердо и ясно: Россия не верит в свое спасение вашими руками, как не верит и в спасение ваших загубленных репутаций. Вы слишком безусловно растратили *безграничное доверие*, народом вам оказанное. Для победы нужна вера в вождей, а кто же может верить в вас?»

Бубликов обрушивается на социалистов, непосредственных предшественников большевиков, но, конечно, все им сказанное следовало всецело отнести ко всем — и к нему самому, — учинившим революцию и столь позорно затем провалившимся.

Как ярко, как величаво то великое прошлое, которое чтим мы, монархисты. *Вся история России есть история Монархии*. В самые трудные времена, когда, казалось, Русь становилась на самый край гибели, спасала ее монархическая идея. Вот и теперь Россия тотчас сверглась в бездну, как только у нее не стало Самодержца. Великое значение монархической идеи вынуждены признать и люди, весьма далекие от наших убеждений. Так, профессор философии С. Л. Франк в статье своей «Из размышлений о русской революции» писал:

«Замечательной, в сущности, общеизвестной, но во всем своем значении неоцененною особенностью русского общественного и государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена *только сама верховная власть — власть Царя*; все же остальное — сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, все это в том или ином отношении *держалось лишь косвенно, силой Царской власти*, и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укрепле-

но корнями — казалось, незыблемо — могучее древо Монархии; все остальное, что было в России, вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура *произрастала от ее ствола* и держалась только им, как листья, цветы и плоды — произведения этой культуры висели над почвою, непосредственно с ней не соприкасаясь и не имея в ней собственных корней».

Огромно преимущество нас, монархистов: *мы свято и твердо верим в то, что исповедуем*. За нашей верой стоит величавое тысячелетнее прошлое России. Нам, монархистам, не приходится, как «им», краснеть за свое идейное прошлое, жить с растревоженной совестью, сомневаться и прятать эти сомнения в правоте своей веры. Нам радостно думать о встрече с подлинным русским народом, наконец-то очнувшимся от революционного угара и думающим ту же думу, что и мы. Своему народу мы скажем всю правду, выслушаем и его прямое слово. На Всероссийском Земском Соборе не найдут себе места люди с двоящимися мыслями и двойной совестью, не встретят отклика никакие выступления по марксистским, иудейским и масонским подсказкам и шпаргалкам. Все личины тогда спадут. Обманщики и соблазнители все более становятся известны и тут, и там, в России. От всех потребуется *яркость и ясность убеждений.*

Мы верим: выбравшиеся из беды русские люди сохранят хорошее от прошлого, впитают все полезное новое и пойдут по славному историческому пути. Мы верим: Россия спасется так же, как спаслась триста лет тому назад Святою Церковью и воинством народным. Спасется Верою и Верностью.

О ЧЕМ И СТРАШНО, И ОТРАДНО ВСПОМНИТЬ

В 1927 г., в Париже, на публичном собрании правого крыла русской эмиграции, поминалось лихом десятилетие преступной февральской революции. Мой большой друг и единомышленник, граф Петр Васильевич Гендриков, недолгое время моряк, потом кавалергард, в момент революции Орловский губернатор, брат фрейлины Их Величеств графини Анастасии Васильевны, самоотверженно пожелавшей сопровождать Царскую Семью в Тобольск и вскоре после Ее гибели убитой большевиками, подчеркнул в своей речи верность Государю вице-адмирала Александра Васильевича Колчака. Последний был единственным из главнокомандующих фронтами [и флотами], который не внял зову генерала М. В. Алексеева просить

Православная жизнь. Джорданвилль, 1967. С. 6–8.

Государя отречься от Престола. В печати впервые прочел я такое сообщение в статье Н. Кадесникова, напечатанной в журнале «Русское дело» (февраль 1967 г. № 2/98).

Долгом почитаю подтвердить это сообщение.

В тридцатых годах князь Сергей Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, пасынок Великого Князя Николая Николаевича, рассказывал мне, что доблестный адмирал Колчак в самом начале смуты отправил его в Тифлис к Великому Князю с предложением, опираясь на командуемые им Кавказские войска и на Черноморский флот, создать контрреволюционное движение.

От себя добавлю, что к этому фронту примкнул бы, конечно, находившийся на юго-западе конный корпус под командой доблестного графа Ф. А. Келлера. Последний, как известно, отказался присягать Временному правительству.

В упомянутом выше журнале Н. Кадесников приводит следующее свидетельство Князя Сергея Георгиевича Романовского:

«Волею судеб Белое Дело, иначе говоря — борьба с красной революцией,— для меня лично началась в ночь с 2 на 3 марта 1917 г., когда, вызвав меня на линейный кора́бль «Георгий Победоносец» (около 2.30 пополудни), адм. Колчак преподал мне ряд директив в связи с

происшедшим несколько часов тому назад отречением Государя Императора.

Вот основная сущность того, что было мне сказано тогда адм. Колчаком, с которым еще задолго до мартовских событий 17-го года мы говорили о возможностях революционного движения, о его предполагаемых формах и методах с ним решительно бороться:

— Я никогда не признаю отречения Государя — оно незаконно и вынужденно. Сегодня же, по готовности миноносца, Вы отправитесь в Батум и Тифлис к Вел. Князю Николаю Николаевичу, который только что вновь назначен Государем Верховным Главнокомандующим, однако... в условиях отсутствующей Верховной Власти, т.к. Государь отрекся от Престола.

Вы так и скажите Вел. Князю, что я этого отречения не признал и никогда не признаю, что я считаю это отречение незаконным и вынужденным!.. Что в этих условиях я предлагаю Вел. Князю военную диктатуру, потому что сегодня только авторитет его имени, опирающийся на реальную силу, может еще остановить революцию, с которой мы обязаны всемерно бороться до полного ее поражения».

Что же ответил послу адмирала Колчака Великий Князь Николай Николаевич?

«— Я солдат и подчиняюсь существующей власти, — был ответ Вел. Князя...»

В связи с этим не могу не вспомнить и следующее. Приблизительно в 1928 г. Высший Монархический Совет, членом и секретарем которого я состоял, решил издать книгу, в которой разоблачена была бы лже-Анастасия, первая из подобных самозванок, появившаяся в двадцатых годах в Берлине. Решено было, что лучшим выполнителем этого задания будет благороднейший швейцарец Петр Жильяр, хорошо знавший Великих Княжон и отбывший с Царской Семьей в Тобольск. Несколько лет перед тем я познакомился с ним в Лозанне и бывал у него. Когда он прибыл в Париж, мне поручено было держать связь с ним. Намереваясь совершить поездку в Шуаньи к Великому Князю Николаю Николаевичу, он просил меня быть его спутником, как бывавшего в тех местах. Дважды я принят был Великим Князем (второй раз в составе депутации). Довольно часто я навещал генерала П. Н. Краснова, жившего в ближайшем городке Сантени. Жильяр в С.-Петербурге преподавал некоторое время французский язык пасынку Великого Князя, вышеупомянутому Князю Сергею Георгиевичу и его сестре. Позднее Великая Княгиня Анастасия Николаевна и рекомендовала Жильяра Государыне Императрице Александре Феодоровне.

На обратном пути Жильяр рассказал мне, как радостно он был встречен Великокняжеской Четой. Особенно растрогал его Великий Князь Николай Николаевич. Расспрашивая его о пребывании после революции в Царском Селе и Тобольске, он неожиданно задал вопрос: говорилось ли когда-нибудь о нем? Жильяр ответил, что однажды Великая Княжна Татьяна Николаевна сказала ему: «Будь дядя Николаша тогда в Ставке, ничего подобного не случилось бы». Великий Князь разрыдался.

Во время той же поездки Жильяр поведал мне нечто поразительное. Когда Царская Семья по пути в Тобольск плыла на пароходе, он однажды, чувствуя себя неважно, лежал в каюте. Вдруг раздается голос одной из старших Великих Княжон (точно не запомнил я, которой из них): «Жилик, Жилик, поскорее к окну». — Подойдя к окну и отдернув занавеску, Жильяр увидел на берегу огромное село. — «Это — родина Григория Ефимовича, село Покровское, — воскликнула Великая Княжна. — Он нам говорил, что мы будем видеть ее».

В эти страшные «юбилейные» дни, когда начались страдания Царской Семьи, особенно захотелось вспомнить доблестного адмирала А. В. Колчака, оставшегося верным присяге, как и благороднейшего республиканца Петра Жильяра, готового повторить подвиг швейцарской

гвардии, погибшей в Версале, защищая короля Людовика XVI.

Книга П. Жильяра на французском языке о самозванке была напечатана.

Поучительные уроки

Жизнь учит. Как ни старается часть русских людей оставаться духовно слепыми и глухими, жизнь развертывает перед ними такие события, которые не могут не заставить и их призадуматься над переживаемым.

Одним из таких ярких и показательных явлений оказалось последнее Генуэзское «действо», где во всей своей неприглядной наготе предстала нынешняя мировая политика, руководимая жидо-масонами, лишившими ее всякой нравственной сущности, замененной так называемым демократизмом.

Конституционный король Италии, Виктор Эммануил III, сын Монарха, убитого революционерами, супруг Черногорской Принцессы Елены, воспитывавшейся в России и обласканной Царской Семьей, чей родственник (муж племянницы) Князь Иоанн Константинович сброшен был большевиками живым в шахту;

Двуглавый Орел. Вып. 31. Берлин, 1922. 1/14 июня. С. 7–9.

Государь, гордившийся еще недавно тем, что в Ракониджи ему удалось приветствовать на итальянской земле Императора Николая II, принимает у себя представителей русских большевиков, открыто объявивших войну Тронам, возведших убийства, пытки в обыкновенную политическую систему, замучивших миллионы несчастных. Он пожимает руку того, кто вместе с прочими извергами подписывал смертные приговоры Членам Российского Императорского Дома.

Монарх милостиво беседует с теми, кто, по открытому признанию немецкой большевицкой газеты «Роте Фане», желали бы видеть его, Короля, «по которому веревка плачет», в руках «пролетарской всемирной Чека».

«Как мог Король Италии, потомок Гумберта, человека с чистыми руками, представитель славного по своим преданиям Савойского Дома, брататься с московскими террористами? Как бы покорно ни выполнял он приказания своих министров, неужели он не оказал хотя бы попытки противодействия? Действительно, можно себя спросить — для чего служат современные Монархи, если, забыв о преданиях, они не показывают даже примера достоинства своим временно заблудшимся подданным?» — пишет швейцарская *республиканская* газета «Journal de Genève» в № 114 от 27 апреля.

И действительно, что может быть позорнее для сущности королевской власти этого явного умаления ее достоинства, проделанного в Генуе Виктором Эммануилом по приказанию министров-масонов, старавшихся всеми способами поддержать своих кровавых единомышленников, владеющих ненавистной всем темным силам Россией.

Но ошибочным было бы всю вину за этот всенародный позор возлагать на одного только короля Итальянского. Он силою вещей вынужден был сделать то, что во всякое время смогут заставить выполнить почти каждого «конституционного» Монарха и подобное чему не раз исполнял король Великобритании и Император (!) Индии и ныне делает Царь Болгарский Борис, крестник нашего Государя. На этом ярком примере в истинном свете вырисовалась вся лживость и глубокая безнравственность самого конституционного строя в его наиболее последовательном виде — парламентаризме. Виктор Эммануил, наверное, хотя бы по чувству наследственности, не мог не сознавать всю недостойность своего поступка, но, будучи королем, присягавшим конституции, ответственность перед которой покрывала голос совести, — он обязан был выполнять распоряжения действительных повелителей страны, главой которой он по названию состоит. Пора

же, наконец, раскрыть глаза и понять, что нынешние короли — это лишь простая видимость власти, это не более как игрушка, оставленная масонами до времени для утешения и невинной забавы народам, в которых, по их мнению, еще не совсем вытравлены монархические «предрассудки». Со злорадством заставляя королей так недостойно выступать в подобных генуэзскому случаю, они тем самым умно ударяют и по самой сущности монархической власти вообще.

Неужели же и это естественное и яркое проявление истого «конституционализма» не заставит думающих еще по старым либеральным прописям русских людей пересмотреть свои мировоззрения и осознать всю красоту нравственной мощи нашего исконного Самодержавия, при котором Монарх не считается с партийными людишками, не связывается какими-то писаными обязательствами, а творит великий долг, ответствуя за судьбы вверенного Ему государства перед Богом и открытой Вседержителю совестью.

Высший представитель католической церкви в Генуе, выполняя указания своего главы, устраивает свидание с Чичериным, дружески с ним беседует на обеде у короля, чокается, выслушивает без возражений его наглые утверждения о полной религиозной свободе в России.

И делает все это, прекрасно зная и те близкие к первым временам христианства страдания, которые испытала и испытывает Православная Церковь от злобных врагов Спасителя, и весь синодик замученных служителей алтаря, и что во время его разговора с одним из кощунников там, в далекой России, единомышленники последнего обворовывают христианские церкви, приговаривают к смерти и просто убивают священников, судят даже Патриарха всея Руси.

Но, опять, и Генуэзский архиепископ Синьори и даже повелевающий ему папа Пий XI — только простые выполнители безнравственного в самом себе, но воспринятого издавна истинными руководителями католической Церкви — иезуитами, принципа: *цель оправдывает средства.* Цель же ясна — духовное завоевание России, где в страданиях окрепла вера, но по определенному плану истребляются православные священники. Стадо останется без нужных ему пастырей, на смену им, по знакомой со времен Лжедимитрия дороге, должны идти ксендзы, которые и удовлетворят духовную жажду «схизматиков».

Конечно, планы эти рухнут так же, как и триста лет тому назад, но хочется верить, что выявившиеся наконец наружу, давно подготовленные намерения папского престола заставят проснуться совесть тех русских, которые, устав

от невзгод беженской жизни, так легко попадаются в католические сети и столь успешно используются иезуитами.

Да поймут они, часто отпрыски старых доблестных семей, что, уходя от Православия, *они изменяют России,* душу которой составляет наша природная вера. Пусть, прозрев, увидят, каким, в сравнении с внешне пышным католичеством, ярким светом горит наша гонимая, измученная, оставленная в рубищах, но чистая духом, крепнущая в страданиях родная Православная Церковь.

Собиравшиеся в Генуе представители европейских держав, в большинстве своем, заняты были не обсуждением вопроса о том, как вернуть мир миру, а иным, столь свойственным демократическим странам делом. Там шел спор о шкуре считаемого убитым русского медведя, и международные хищники, в том числе и представители советской власти, придумывали способы наилучшего разрешения этого вопроса. Недаром одна из иностранных газет остроумно назвала эту конференцию «нефтяной», так как именно кавказская нефть явилась и притяжением, и яблоком раздора. К счастию для России, правящие ею инородцы боялись продешевить и не умели подвести тридцать сребреников под современную валюту; с другой же стороны, прочие державы,

каждая, не хотели утратить своих преимущественных прав. Поэтому «узаконение» грабежа нашей Родины *пока* повисло в воздухе. Дан срок, в течение которого масоны всех стран будут, вместе со своими «русскими» собратиями, стараться найти действительные способы закабаления России.

И этот показательный пример должен заставить нас всех, хранящих верность нашей Родине, любящих подготовляемый к окончательному закланию родной народ, сплотиться в тесные ряды, понять, что мы, русские, одиноки, что все спасение только в нас самих, то есть в настоящем народе. «Ориентация одна – на Россию». Принцип этот, провозглашенный на Монархическом съезде в Киеве летом 1918 г. и подтвержденный год тому назад в Рейхенгалле, должен всегда служить нам путеводной звездою.

Новый и ясно преподанный урок дан. И для всех постигших смысл этого вразумления должен стать понятным основной символ русской государственно-политической веры: «Православие, Самодержавие, Народность», служение коим и должно составить цель нашей жизни.

Чаемая Монархия

I

«Прошедшее свое мы осудили, осудили за то, что не распознаем в нем тех принципов, которые составляют для нас мерило истины и благополучия. По кодексу этих *принципов*, из коих главный есть *равенство*, — хотим мы переделать жизнь, отвести в другую сторону старые ключи ее, которыми питались прежние поколения, расположить ее вновь по сочиненному нами плану — и составляем и пересоставляем этот план по правилам науки, по которой планы составляются. Не беда! — говорим мы смело — жизнь исправит ошибки нашего плана, и противоречим сами себе, ссылаясь на жизнь, которой знать не хотели, когда принимались за план свой. Жизнь на каждом шагу обличает нас следами неправды, вместо той правды, которую мы обещали внести в нее: явлениями эгоизма, корыстолюбия, насилия — вместо любви и мира; язвами бедности и оскудения — вместо богатства и умножения силы; жалобами и воплями недовольства — вместо

Старое время. Белград. № 62. 21.7/3.8.1924. С. 2–3; № 65. 1/14.8.1924. С. 1–2; № 67. 8/21.8.1924. С. 1–2; № 69. 15/28.8.1924. С. 1–2; № 71. 22.8/4.9.1924. С. 1–3; № 77. 12/25.9.1924. С. 1–3; № 78. 15/28.9.1924. С. 1–3.

того довольства, которое мы пророчили. Не беда! — повторяем мы громче и громче, стараясь заглушить все вопросы сомнения и возражения, — лишь бы *принципы* нашего века были сохранены и поддержаны. Что нужды, если страдает современное поколение; что за беда, если вместо крепких людей являются отовсюду дрянные людишки; пусть будет сегодня плохо — завтра, послезавтра будет лучше. Новые поколения процветут на развалинах старого, — и наши принципы оправдают себя блистательно в новом мире, в потомстве, в будущем. Мечты, которыми наполнена жизнь наша и деятельность, осуществятся когда-нибудь после. Увы! — разве осуществятся они в таком смысле, как случилось со Свифтом: в молодости он *устроил* дом сумасшедших и под старость нашел себе приют *в этом самом доме*».

Эти строки были написаны сорок лет тому назад в «Московском сборнике» глубоким знатоком русской жизни Константином Петровичем Победоносцевым.

Сколько Свифтов оказалось среди нас... Слепо и безумно уверовав в святость, разумность и истинность ловко подброшенных нам революционных принципов, подсекали и выкорчевывали мы исторические корни, которыми питалось и держалось Российское государство... Огромный, полный сумасшедших и бесно-

ватых дом ныне представляется на том месте, где когда-то был Собор величественной христианской Империи, и многие тысячи русских Свифтов гибнут жертвами собственного замысла...

Но великая Россия не может навсегда остаться домом умалишенных; ей уготованы другие судьбы. Их надо предвидеть и понимать.

Россия больна с тех пор, как развращенный Запад, своими учениями самодовлеющего естества и обожествленного человеческого разума, затуманил и затмил ее православную душу. Святой Руси привит был гибельный яд религиозного безразличия. Тяжко болеет от этого и сам Запад, в теле же России, насквозь пропитанном религиозными началами, это отметание веры в Бога произвело ужасающее по своим последствиям разрушительное действие.

Всякое здоровое государство проникнуто сильным религиозным духом. Без веры в Бога прежде всего теряет устойчивость и самую сущность семья — эта основа государства. Безпутно, без руля и без ветрил, носится безверный, значит, безсемейный, безгосударный человек по морю житейской суеты. По словам митрополита Киевского Антония, «люди покидают спасительный корабль Церкви, и лишается разумного смысла государственное существование, основанное на народном себялюбии и

чуждое религиозной идее». «Это уже не народ,— писал владыка Антоний в 1899 г. в казанском журнале «Деятель».— Это гниющий труп, который гниение свое принимает за жизнь, а живут на нем и в нем лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниет, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни».

Затуманенному рассудку и затменной совести людей подносят *по виду* высокие нравственные понятия — свободы, равенства, братства — и затем незаметно вливают в эти пышные формулы ядовитое содержание, столь удобное для темных сил. Грубое поклонение вещам, черствое безудержное себялюбие, зависть, злоба и ненависть к лучшим и высшим, человекоубийственная война классов, засилие и произвол худших над лучшими.

И как дивно красивы, как небесно возвышенны те же стремления, освященные чудным сиянием веры Христовой! Перед Престолом Всевышнего все люди — братья, все свободны, все равны в обществе верующих. Молясь в храме Божием, причащаясь Святых Таин, все, как один, чувствуют внутреннее духовное братство и равенство, сознают себя членами единой общей семьи.

Наши предки прекрасно понимали весь глубокий смысл, все великое значение христианского начала, как таинственной силы, связывающей ткани государственного тела.

Весь строй старой России от быта беднейшего пахаря до помазания на Царство Государей-Самодержцев имел неизменно глубокий церковный уклад. И справедливо отечество наше тех времен именовалось Святой Русью. Конечно, немало грешили наши предки и, порою, тяжко грешили, но сила их покаяния соответствовала силе горячей веры и смывала грехи. Но как ни грешили они, никогда, согрешая, не посягали на самый уклад церковный, на самую Веру Господню. Поэтому из века в век росла, цвела и крепла Россия, и Промысл Божий охранял ее судьбы.

С середины XVIII века западные ветры стали заносить в Россию религиозные колебания и отрицания — вольтерьянство, франкмасонство, ложный мистицизм. Сперва из легкомысленной и натасканной энциклопедистами Франции проник к нам растлевающий дух сомнения. А затем твердокаменная философия немцев всполошила и довершила вредное дело угашения христианской души. «Кантом был положен запрет на религиозное мировоззрение, на догматическую веру, на религиозную метафизическую мысль. Кант сказал «нельзя» ре-

лигиозному мировоззрению», — говорил недавно о. Сергий Булгаков в Праге. И Канта послушались: ведь голос раздался с Запада, авторитет коего у нас считался непререкаемым. Поверив же сами, со свойственным нам увлечением, мы стали подгонять себя в следовании по пути удаления от Бога — значит, приближения к сатанинской бездне.

Мудрые сердцем и зоркие духом русские люди видели надвигавшееся бедствие и грядущее падение. Так, епископ Иоанн Выборгский, впоследствии Смоленский, в слове своем о значении христианской веры так определил тогдашнее (в 1866 г.) состояние общественной жизни:

«Открытое вольномыслие в самых священных для человека предметах; не только явное охлаждение и пренебрежение к Церкви, но и нескрываемая неприязнь к ней; извращение нравственных понятий; публичный разврат; убийство времени, достояния и жизни в денежных играх; роскошь и расточительность среди вопиющих нужд общественных и всеобщих жалоб на затруднения в средствах жизни; равнодушие и неразвитие общественной деятельности среди настоятельно вызывающих ее вопросов; странный голос среди отечества противу отечественных интересов; стремление ослаблять основы народной жизни; неуважение к

власти и, при слабом чувстве законности, неугомонные посягательства на неподлежащие права; упадок серьезного образования и воспитания; раздор в семействах между отцами и детьми; безмерное пьянство в народе; умножение дерзких общественных преступлений, — и все это в то самое время, когда речь и дело идет о возрождении России, и мы воображаем, что идем вперед! Не кажется ли вам, не может ли прийти мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотреть вокруг себя серьезно, что жизнь наша как будто сдвинулась с вековых религиозных и нравственных оснований и, в разладе с народною верою и совестью, с отечественною любовью и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идет будто невесть куда, без разумных убеждений и сознательно верных стремлений? Но это было бы ужасно. Народ! *Помни Бога*».

Но Бога все более забывали. Меньше всего поддавались разложению народные толщи, но им, в лучшем случае, *не мешали* жить «детской» верой. Образованные же круги и те полупросвещенные слои, которые вплотную примыкали к простому народу, — те более обезверивались и обезбоживались. По преданию, привычке, иногда из приличия многие оставались в Церкви по внешности: посещали в положенные дни храмы, говели, даже не ели

скоромного в Великом посту. Но душа была не холодна и не горяча, а едва теплилась и чадила. Глухи оставались русские люди к пророчествам таких исключительных людей, как Тютчев, Достоевский, Константин Леонтьев; не вникали в положение церковного быта, столь талантливо изображенного Мельниковым-Печерским, Лесковым.

Саров и Дивеев с просиявшим пророком и угодником Божиим преподобным Серафимом, Оптина пустынь с ее проникновенными старцами, отец Иоанн Кронштадтский, до конца подвизавшийся в миру,— все эти знаменательные явления последних времен России прошли мимо огромного большинства русских образованных (увы, не по образу Божию) кругов.

С насмешливой улыбкой и пренебрежением взирали верхи наши на церковные устремления и молитвенную жажду обоих последних царствовавших Государей. Шли в обители, стремились к святителям лишь те, кого судьба больно ударяла, кому надо было искать особой помощи у святой Матери-Церкви, которая всем могла дать утешение.

Такой чуткий и душевный народ, как наш русский, не может удовлетворяться одним животным материализмом. Искание духа свойственно самой природе нашей.

И вот завелось у нас западное сектантство, спиритизм, оккультизм, темный мистицизм, сатанински горделивое толстовство.

Святая Русь все более теряла свой святой облик и, обезверенная, не выдерживая тяжелых испытаний войны, разом сверглась в пропасть... И только затем пережитые страшные испытания, выявившаяся во всей своей наготе нищета, бренность и мнимость всех наших хваленых демократических достижений, витающая над всеми насильственная смерть — больно встряхнули наши мозги и разбудили усыпленную совесть.

Теперь мы вернулись к религиозному миросозерцанию. Только этому обязаны мы, что и там — в России, и здесь — за рубежом, задыхаясь иногда от окружающей нас удушливой атмосферы, сгибаясь под тяжестью несомого креста, преодолевая все препятствия, мы не только существуем, но и боремся, но и дерзаем...

Неусыпно поддерживать огонь веры в неугасимой лампаде святой Церкви Христианской должны все те, кто хотят истинного восстановления России. В восстановленной России, по историческому примеру и наказу, и государственный и общественный быт должны дышать христианским духом, должны святиться пламенем веры. Кто этого не постигает умом и не ощущает совестью, как бы умен и способен он

ни был, тот не должен иметь доли в государственном и общественном строительстве грядущей Российской Империи.

II

В Православии росли и воспитывались будущие Государи Российские, служением Православной Церкви проникнута была вся их работа на пользу Государства. Глубоко церковным проникновением объясняются незыблемые правила, которые с давних времен требовательно установили в Российских законах, чтобы лицо, могущее занять Престол Царский, рождено было и воспитано православными родителями. В церковно-народном представлении будущий Государь с малолетства должен быть окружен духом истого Православия, и ничто неправославное не должно влиять на впечатлительную душу Царственного ребенка. Отсюда суровое запрещение закона Членам Царского Дома жениться на иноверных принцессах. Глубоко понимал это Император Павел I, восстановивший в Основных Законах потревоженную было Петром I православную сущность Царского служения России. Также понимали это глубоко православные Императоры-Самодержцы Николай I и Александр III, при которых в законах о Престолонаследии вводились частные поправки и дополнения.

Сознание неразрывности связи Монархии с Православной Церковью воспринято было в России еще из Византии — вместе с православной верой. Уже Владимира святого епископы называют Царем и Самодержцем, говоря ему: «Ты поставлен от Бога». Е. Шмурло приводит в «Истории России» указания, что Лука Жидята так поучал народ: «Бога бойтесь, князя чтите: мы рабы, во-первых, Бога, а потом Государя»; та же мысль и в поучении митрополита Никифора Владимиру Мономаху: «Князья избраны от Бога, Он царствует на небесах, а князю определено царствовать на земле». Глубоким пониманием значения княжеской власти звучит и «Слово» митрополита Илариона, посвященное памяти Князя Владимира святого: «Государей наших сделай грозными народам, боляр умудри, Церковь возрасти».

Из приводимых выше исторических примеров мы видели, как первосвятители Русской Церкви крепко и постоянно стояли за утверждения единственной власти Русских Государей. «Можно сказать,— пишет историк Сергей Соловьев,— что вместе с мечом светским, великокняжеским против удельных князей постоянно направлен меч духовный». Выше приводились молитвенные чаяния двух иерархов — св. Ионы и архиепископа Ионы Новгородского об установлении Самодержавия в

России. В царствование Василия III старец Филофей так определяет значение русской Православной Монархии (привожу по «Истории» Шмурло): «Ныне одно только Православное Царство стоит Московское; во всем поднебесье наш Государь остался единым христианским Царем, браздодержателем святых престолов Вселенской Церкви, которая ныне, вместо Римской и Константинопольской, светится в богоспасаемом граде Москве». Великий печальник за Землю Русскую, св. Гермоген, как уже говорилось, был твердым стоятелем за Царскую власть. «Бывшими» православными христианами называет он мятежников, «ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от Соборной и Апостольской Церкви, отступили от Богом и святым елеем помазанного Царя»... Рязанский епископ Феодорит был во главе посольства, отправленного Земским Собором в Ипатьевский монастырь просить Михаила Феодоровича Романова на Царство, и из рук Владыки принял юный Монарх царский посох.

И после переворота, учиненного в строе Русской Церкви Петром Великим,— православный клир продолжал благословлять и поддерживать Царскую власть.

Епископ Воронежский Митрофан, современник Петра, смело восставший против вред-

ных для Церкви новшеств, горячо сочувствовал и помогал всем полезным для государства начинаниям Царя. Он усердно помогал Петру в его военных предприятиях, слал ему под Азов даже сбережения от своих епархиальных доходов. Как известно, святитель Митрофан был причислен Православной Церковью к лику святых.

В истекшее столетие лучшие иерархи являлись пламенными проповедниками благодетельной для народа монархической идеи. Прекрасно выразил это убеждение верующих священнослужителей знаменитый митрополит Филарет Московский, в слове своем, сказанном 25 июня 1851 г. в Успенском соборе, в день рождения Императора Николая Павловича:

«Народ, благоугождающий Богу, достоин иметь благословенного Богом Царя. Народ, чтущий Царя, благоугождает чрез сие Богу; потому что Царь есть устроение Божие. Как небо безспорно лучше земли и небесное лучше земного, то так же безспорно лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесному, чему и учил Бог Боговидца Моисея: *Виждь да сотвориши по образу, показанному тебе на горе* (Исх. 25, 40), то есть на высоте Боговидения. Согласно с сим, Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле Царя; по образу Своего Царства непре-

ходящего, продолжающегося от века и до века — Царя наследственного».

Такое же понимание Православной Царской власти выразил в 1863 г. подвизавшийся на Афоне подданный турецкого султана иеросхимонах Иларион грузинец: «Долг наш иметь сердце и мысли всегда устремляемыми к Богу за Августейшего нашего Императора и за всю Православную Церковь. Сия есть первейшая обязанность наша и наиприятнейшая по отношению к Богу и к *людям, хотя* мы и грешны. Кто, брате, может представить православного христианина, не молящегося за благочестивейшего Царя нашего, который есть только один, но не многие? И кто не обязан Его любить? Не есть ли Он единственная похвала христиан и слава Христа? Потому, что только Он, по образу Христа Помазанника, по естеству подобен Ему и достоин называться Царем и Помазанником Божиим, потому что Он имеет в себе Помазующего Отца, Помазанного Сына и Имже помазася Духа Святаго...

Поэтому! кто не любит своего благочестия (веры) и Богопоставленного Государя, тот недостоин именоваться и христианином».

«Кто из смертных на земле может быть священнее Помазанника Божия, Богоизбранного Царя», — говорил архиепископ Никанор Херсонский.

Священное значение Самодержавной Царской власти до последних дней исповедовалось и в твердыне Православия — Оптиной пустыни. В мае 1911 г. отец Иосиф, ученик и преемник старца Амвросия незадолго до своей кончины говорил своему духовному сыну: «Знай, пока стоит Престол Царя Самодержавного в России, пока жив Государь, до тех пор, значит, милость Господня не отнята от России...»

Светильник Земли Русской о. Иоанн Кронштадтский так определил сущность Царской власти: «Все верноподданные обязаны относиться к Царской власти с благоговением, по праву и закону Божественному, и повиноваться Царю не только за гнев, страшный особенно в Царе Самодержавном, но и за совесть, как учит Апостол, то есть по собственному каждого убеждению в святом долге повиновения Царю, как преобладающему вверенному народами, во благо им, в создание их, а не в разорение, как Вождю и Народоводителю.

Государь в своем Царстве, как душа в теле, сообщает стройность направления и действия всем членам великого политического тела.

Наша Православная Церковь постоянно молит Бога, Вседержавного Царя Царей, о спасении и благопоспешении Царя земного во всем, и покорении под ноги Его всякого врага и супостата.

Вы видите, братие, что для России единодержавие и самодержавие в государстве необходимо и есть величайшее благо для него, подобно как в мире Божием единоначалие и вседержавие. *Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро* (1 Пет., 2, 13—14). *Воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22, 21). Аминь».

Вникая в слова вероучителей и пастырей Церкви, понимаешь, что, говоря о Монархии, они разумеют истинную монархическую власть — Самодержавную и что только власть Царя — милостию Божией, а не мятежным хотением народа, приемлется церковно-православной совестью.

В своем освященном Божественным Помазанием подвиге Православный Царь-Самодержец должен подчиняться единственно велениям своей христианской совести. За свои поступки и ошибки Он ответственен только перед Господом Богом. Нет страшнее этой великой ответственности. Лишь немногие среди даже духовно развитых людей задумывались над тем, какой высоты должны достигать духовные переживания Самодержца, от воли и поступков которого зависит участь сотни миллионов

людей, судьба громадного государства. Только глубокая вера в Промысл Божий, только ощущение особой благодати священного Миропомазания дает Царю необходимую для царства сверхчеловеческую силу и волю.

Просты и легки обязанности Монарха конституционного — *безвластного*. Он ни перед кем не ответственен, он является вывеской и игрушкой царствующих его именем вождей политических партий. Если что делается явно противное его уму и совести, он успокаивает себя ссылкой на верность конституции. Верность Монарха конституции состоит в том, чтобы своим именем и своей подписью и своим словом узаконить любую гадость, любое преступление, если только этого желает захватившая власть политическая партия. Конституция лишь весьма редко совпадает с верностью монаршей совести. Конституционная Монархия, по существу, безсовестна. Конституционная Монархия претит православному сознанию. Православное сознание не может примириться с тем, что между делами и совестью Царя вклинивается кляуза, которой по конституции совесть царская обязана подчиниться. Конституционная Монархия построена на заведомом обмане и лицемерии. Монарх хорошо знает, какими нечистыми, безнравственными способами достигается успех на выборах в законода-

тельные учреждения, как мало избранные путем демагогии, обмана и подкупа депутаты являются истинными представителями народа, но он обязан поддерживать недобросовестных политиканов всей силою своего авторитета — наследия старых времен, когда предки его были настоящими властными и потому ответственными Государями. Безответственный и безвластный конституционный Монарх обязан назначать в министры по указке партийных интриганов людей, лично, быть может, им презираемых или ненавистных. Только иудо-масонская изобретательность могла придумать такое утонченное издевательство над благодетельной для народов монархической властью...

«Пока я жив и *Богу угодно будет*, чтобы я оставался на моем *тяжелом посту*, на котором Он Сам меня поставил, не допущу я этой лжи на Святой Руси, в этом будьте уверены: я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует во всей Европе. Пусть меня ругают и после моей смерти будут ругать, но, может быть, и наступит тот день, когда и добром помянут», — писал Император Александр III в своем историческом письме Победоносцеву 12 марта 1883 г. Этот доподлинно Русский Православный Царь-Самодержец глу-

боко и верно понимал свой Царственный долг и всю внутреннюю ложь конституционных ограничений Самодержавия. Подобным же осознанием религиозного значения Самодержавной власти проникнуты были из Императоров Павел I, Николай II.

«От Господа Бога вручена Нам Власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской», — объявлял Государь Император Николай II в Манифесте 3 июня 1907 г. при роспуске революционной второй Государственной думы и изменяя — по *Царской совести, но вопреки Основным Законам* — избирательный закон.

«То, что ты просишь — невозможно. В день моей коронации я *присягал на верность Самодержавию*. Я должен передать эту присягу неизмененной моему Сыну», — говорил Государь 3 декабря 1916 г. покойному Великому Князю Павлу Александровичу, передавшему Ему совет некоторых Членов Императорского Дома учредить для успокоения смуты конституцию.

Неразрывность связи Самодержавия с Православием устанавливают теперь и наши философы, работающие в области религиозных вопросов.

«Православие не может быть равнодушным к государственной жизни и деятельности, а

следовательно, и к той либо иной форме государственности. Но, помимо всякой веры и всяких религиозных убеждений, лучшею формой политического бытия является Монархия, и Монархия не конституционная, не сословная, а именно Самодержавная», — пишет профессор Л. П. Карсавин. И далее продолжает: «Будучи органически связанною с государственностью, Церковь Русская, конечно, может желать только наилучшей ее формы, т. е. Самодержавия. А оно обусловливается еще и религиозным значением Самодержца. Русскому народу нужен не только «хозяин», но, поскольку этот народ не отрекся от своего идеала, и Православный Царь, глава христианского мира. Но, очевидно, главою христианского мира может быть только один человек, ибо Вселенский Собор по самой природе своей не может стать учреждением постоянным. Вселенский Собор, как и Вселенский Патриарх нужны в Церкви, но не в отмену, а в во исполнение Самодержца, не вместо Него, а рядом с Ним» (О сущности Православия // Проблема русского религиозного сознания. Берлин, 1924. С. 178—179).

К вопросу о взаимоотношении Царя и Патриарха мы вернемся еще. Глубока мысль профессора Карсавина, что Православная Церковь — дополним: Русская в особенности — не может оставаться равнодушной к государствен-

ной жизни и может желать только Самодержавия. Тяжкий грех взяли на свою душу наши иерархи в марте месяце 1917 г., когда так легко отказались — в угоду миру сему — от Помазанника Божия и установили кощунственную молитву о «Богохранимом временном правительстве». Крестный путь Русской Православной Церкви начался как раз с тех пор... И теперь постоянно смущается наша верующая совесть, когда слышим, как, невольно запинаясь, выпускают из молитв моления за Царя и Царственный Дом и произвольно заменяют разными другими молениями. Если по неизвестности судьбы Царствующего Императора — Имя Его поминать признано неудобным, то, благодарение Богу, благополучно здравствует Миропомазанная Государыня Императрица Мария Феодоровна, за которую и надлежит молиться.

III

Пройдя по страдному пути низвержения и отрицания религии и вернувшись снова к Богу, мы должны понять, что восстановление России возможно только на основах Православной Церкви. Относясь терпимо, доброжелательно ко всем *не противогосударственным и не безнравственным* вероучениям, памятуя, что всякая религия облагораживает человека,— мы

обязаны твердо усвоить себе, что Православие, будучи религией чисто русской, является тем прочным цементом, который скрепляет нашу Родину. Восприняв Россию в колыбели ее исторической жизни, Православная Церковь дала должное духовное направление тогда еще детской народной душе; освещая ее и далее светом правой веры, она, в свою очередь, воспринимала от народа все лучшее. Вот почему только в России и горит своим ярким светом Православная Церковь.

«Каждый человек стремится к тому,— говорит профессор П. И. Ковалевский,— что ему симпатично и что его привлекает. Одни люди по своей натуре мягки, сердечны, уступчивы,— другие, напротив, воинственны, повелительны и склонны к господству. Что говорится об отдельных людях, то можно сказать и о нациях. Эти особенности наций послужили основою к тяготению к той или другой вере. Романские народы, в которых почти равномерно царят и возвышенные чувства, и блестящее мышление, увлеклись и воплотили в себе католическую религию и вошли в сферу воздействия воинствующей церкви. Хладнокровная, преимущественно холодно, логически-отвлеченно мыслящая германская нация увлеклась другим — холодным протестантизмом. В нем она нашла удовлетворение стремлениям холодного рас-

судка к господству, преобладанию и неуступчивости.

Славянская раса — мягкая, нежная, сентиментальная, с возвышенным чувством и благородными мыслями — нашла себе удовлетворение в Православной Церкви. Она всеми своими силами увлеклась любовью, состраданием, милосердием, самопожертвованием и всепрощением учения Христа...

Православие есть та нравственная формула,— продолжает он далее,— в которой душа русского находит себе удовлетворение,— и само уже Православие в дальнейшем утверждает и укрепляет прирожденные, присущие нации черты».

История России не отделима от истории Православной Церкви. «Наша Святая Русь,— писал А. С. Хомяков,— создана самим христианством. Таково сознание Нестора, таково сознание святого Илариона и других. Церковь создала единство Русской земли и дала прочность случайности Олегова дела» (т. I. С. 231).

И ту же мысль развивает в беседе, называемой «Церковь и Государство», архиепископ Херсонский Никанор, выступивший в 1890 г. печатно против анархических учений графа Л. Толстого.

«Православная Церковь,— писал Владыка,— принесла на Русь из Православной Византии

идею Великого Князя, как Богом поставленного владыки, правителя и верховного судии подвластных народов, устранив славяно-варяжскую идею князя, как старейшего в роде атамана удалой, покоряющей огнем, железом и дубьем дружины. Церковь перенесла на Русь из Византии идею государства, с устранением варяжской идеи земли с народом, которую княжеский род может дробить без конца, как удельную свою собственность. Церковь утвердила единство народного самосознания, связав народы единством веры, как единокровных, единодушных чад Единого Отца Небесного, призывающих Его Пренебесное Имя на едином языке, который с тех пор стал для всех славянских племен единым, родным и священным языком. Церковь создала сперва одно, потом другое дорогое для народа святилище, в Киеве и Москве, закрепив там своим благословением, своими молитвами, сосредоточением там высших церковных учреждений местопребывание всесвязывающей государственной власти. Церковь перенесла на Святую Русь грамоту и культуру, государственные законы и чины Византийского Царства. Единственно только Церковь была собирательницею разрозненных Русских княжеств, разделенных еще больше, чем старинные племена славянства, удельными усобицами. Единственно только Церковь сперв

воначала была собирательницею русских людей, князей, городов и земель, раздавленных татарским погромом. Церковь выпестовала, вырастила слабого Московского Князя сперва до Великокняжеского, а потом и до Царского величия. Пересадив и вырастив на Русской Земле идею византийского единовластительства, Церковь возложила и святое миропомазание древних Православных Греческих Царей на Царя Московского и всея Руси. Церковь же оберегла народ и Царство и от порабощения игу ляшскому в годину смут самозванцев и общего шатания умов...»

Поучительны примеры нашей истории... Св. Иларион, первый Киевский митрополит русского происхождения, являлся неизменным помощником Ярослава Мудрого. Преподобный Киево-Печерский Феодосий был главным советником Князей Киевских, основоположников русской государственности. Начало просвещения русского народа положено было православным духовенством. Св. Михаил, первый митрополит Киевский, дал и первое наставление учителям о том, как вести просвещение. Изначала при кафедрах епископов открывались училища для детей.

Во время монгольского ига, когда Русские Князья находились в полной зависимости от татарских ханов, — православные иерархи са-

моотверженно помогали им и оберегали духовную и государственную жизнь Руси... Митрополит Киевский Кирилл, управлявший Церковью в самом начале татарского ига, лишенный крова в разрушенном Киеве, все время своего святительства провел в разъездах по государству, наставляя паству и устрояя общественный быт. Он добился получения от хана Менгу-Темира ярлыка, освобождавшего духовенство от дани и гласившего: «Кто будет хулить веру русских или ругаться над нею, тот ничем не извинится, а умрет злою смертью». Митрополит Кирилл государственным чутьем понял значение Владимира на Клязьме и вот там в 1274 г. был им созван церковный Собор, установивший правила для духовенства и вместе с тем вынесший ряд постановлений, касавшихся нравственной жизни русского народа. Когда в половине XIII века папа Римский отправил ливонских рыцарей покорить Русь, надломленную татарским игом, и обратить ее в латинство, епископ Герман Юрьевский первый призвал народ к ополчению против врагов. И позже Новгородский владыка, во главе посольства, едет в Переяславль-Залесский просить Великого Князя Александра Невского идти спасать Россию.

Митрополит Киевский Петр также входил во все вопросы государственного строительства.

Он, лично побывав в Орде, сумел получить от только что принявшего магометанство хана Узбека подтверждение прав духовенства и даже расширения их. Сам уроженец Волыни, святитель Петр проникновенно оценил по достоинству высокие государственные качества Московского Князя Иоанна Даниловича Калиты и предсказал будущее величие Москвы. Укреплял положение Москвы и преемник св. Петра, первый митрополит Московский Феогност. Митрополит Московский св. Алексий был ближайшим советником трех Великих Князей; в малолетство Димитрия Иоанновича (Донского) правил Московским княжеством, отстояв для него и Великокняжеский престол. Временно захвативший престол Суздальский князь усиленно звал митрополита покинуть Москву, но св. Алексий остался и тем укрепил Престол за Москвой. Святитель Алексий усмирял удельных князей. По его поручению Преподобный Сергий ездил увещевать враждовавших против Великого Князя: в 1365 г.— Суздальских князей Бориса и Димитрия Константиновичей, а в 1385 г.— князя Олега Рязанского, подошедшего было с войском к самой Москве. Трижды ездил святитель Алексий в Орду, исцелил жену хана Чанибека — Тайдулу и впоследствии, благодаря ее просьбам, спас Россию от угрожавшего ей нашествием

жестокого хана Бурдибека... Преподобный Сергий Радонежский столь же неусыпно пекся о делах государственных. Он благословил Великого Князя Димитрия на Куликовскую битву и даже послал на бой с татарами иноков своей обители — Пересвета и Ослябю... Святитель Иона правил Московской митрополией в то время, когда, перед концом татарского ига, удельные князья особенно восставали против единой Великокняжеской власти. Владыка был неизменно на стороне Великого Князя Василия Васильевича Темного. По настоянию св. Ионы Собор русских архипастырей послал сопернику Великого Князя Василия — Димитрию Шемяке — обличительное послание, сравнивая его с Каином, и угрожал отлучением от Церкви. Шемяка должен был смириться. Святитель много содействовал Великому Князю в его борьбе с татарами. Вместе со своим другом Ионой, архиепископом Новгородским, св. Иона дал обет ежедневно горячо молиться Богу о победе Царя над татарами и об утверждении Самодержавия.

Всем известна отчизнолюбивая деятельность св. Патриарха Гермогена. Твердо отстаивал Святитель Царя Василия Шуйского, мужественно обличал он крамолу, говоря, что измена Царю есть страшное злодейство, за которое грозно накажет Бог. Когда же с 1610 г.

государство осталось без правящего Царя, то вся государственная власть перешла к Святителю. «Патриарх, — пишет историк В. В. Назаревский, — за отсутствием Государя, при измене русскому народу временного его правительства, в качестве начального человека земли Русской, счел себя вправе призвать всех к оружию».

Каким величием духа и мужеством звучит последняя, предсмертная грамота, отправленная Патриархом 5 августа 1611 г. через пробравшегося к нему свияженина Родиона Мосеева:

«Благословение архимандритам, и игуменам, и протопопам, и воеводам, и дьякам, и дворянам, и детям боярским, и всему миру; от Патриарха Гермогена Московского и всея Руси — мир вам и прощение и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтобы митрополит писал в полки к боярам учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крепко в вере, и боярам бы и атаманье говорили безстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятого Маринкина сына... (не брали)... Я не благословляю. И на Вологду ко властем пишите ж; также бы писали в полки; да и к Рязанскому (владыке) пишите тож, чтоб в полки также писал к боярам учительную грамоту, чтоб уняли грабеж, кормчу и разврат, и имели

бы чистоту душевную и братство, и помышляли бы, как реклись, души свои положити за Пречистыя дом, и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили; да и во все города пишите, чтоб из городов писали бы в полки к боярам и атаманье, что отнюдь Маринкин (сын) не надобен; проклят от святого Собора и от нас. Да те бы вам грамоты с городов собрати к себе в Нижний Новгород, да пересылати в полки к боярам и атаманье; а прислати же прежних, коих есте присылали ко мне с советными челобитными, — свияженина Родиона Мосеева да Романа Пахомова, — а им бы в полках говорити безстрашно, что проклятый отнюдь не надобен; а хотя буде постраждете, и вас в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем; а в городы для грамот посылати их же, а велети им говорить моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно; а я должен за вас Бога молити».

Патриархи Филарет (Романов) и Никон были ближайшими соправителями двух первых Монархов из Дома Романовых.

Из этих исторических примеров видно, какую огромную государственную работу совершали иерархи Православной Церкви, являясь главной опорой наших Государей.

Ту же работу в отношении религиозно-государственного воспитания творили ширившиеся по всему лицу Земли Русской святые обители.

Киево-Печерская Лавра, первообраз всех русских обителей, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Соловецкая обитель, Валаам, Коневец, Саров, Дивеево, Оптина пустынь, Задонский монастырь, впоследствии сиявший на Кавказе Новый Афон и множество других обителей православных источали и напитывали душу Русского народа целебной влагой Православной государственности.

Даже самое поклонение Пресвятой Богородице в сердцах и умах Руси Православной нерушимо связывалось со строем государственным. В представлении Московской и Новгородской Руси Покров Пресвятой Богородицы является Покровом над Русью Православной. Не Греция, где было явлено Божественное чудо, а только Россия столь чтит праздник Покрова. Большинство праздников в честь Божией Матери связаны с событиями из истории Русской Монархии. «Домом Пресвятой Богородицы» звался Великий Новгород.

В XIII веке Кострома, при князе Василии, спасена была от разгрома татар ослепившим их сиянием, исшедшим от чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, этой родовой

святыни Дома Романовых. Молитвами св. Меркурия перед иконой Богоматери спасен был от Батыя Смоленск. И перед Смоленской иконой Божией Матери молитвенно склонялся Кутузов и вся геройская Русская армия в канун Бородинской битвы. В 1581 г. стены псковские дрожали под натиском Батория, враги уже вторгались в город. Тогда князь Скопин-Шуйский указал отступающим воинам на образ Богоматери и мощи св. Всеволода. «Не предадим Богоматери и св. Всеволода!» — воскликнули православные и, ринувшись на поляков, отбили врага. В 1615 г. Тихвинская обитель спасена была от шведов чудотворною Тихвинской иконой Божией Матери. Царь Михаил Феодорович, заключая мир со Швецией, горячо молился перед этой иконой. Знаменитейшей из всех в нашей отечественной истории икон является образ Владимирской Божией Матери, пребывающий в московском Успенском соборе. По древнему преданию, эта святая икона писана св. евангелистом Лукой с Самой Богоматери на доске из стола, за которым трапезовали Пресвятая Мария и Иосиф Обручник. Икона эта была особо чтима Великим Князем Андреем Боголюбским. С нею выступил он в поход против волжских болгар и разгромил этих язычников. При нашествии на Россию Тамерлана в 1395 г. икона Владимирской Бо-

жией Матери перенесена была повелением Великого Князя Василия Дмитриевича из Владимира в Москву. Горячие молитвы русских людей, припадавших к Владычице по пути следования Ее иконы и в самой Москве, были услышаны. Тамерлану во сне явилась величественная Жена со тьмами устремлявшихся на него молниеобразных воинов, и полководец, испуганный видением, удалился от Москвы. В память этого чуда и установлен праздник 26 августа — день прибытия св. иконы в Москву. В 1480 г. Великий Князь Иоанн III, избавившись от нашествия хана Ахмета, установил в честь иконы Владимирской Богоматери празднество 23 июня. Празднуемый всей Россией день 22 октября — Казанской Божией Матери — установлен был в память того, что в 1612 г. в занятый отрядами князя Пожарского и князя Трубецкого Китай-город внесена была чудотворная икона Казанской Божией Матери.

Историю России лучше и вернее всего изучать по ее церквам и монастырям. Святыни Киева, Пскова, Новгорода, Владимира, Москвы — сама история Русского государства.

IV

Православная Русская Церковь благодатно освящает, помазует на Царство и дает силу и авторитет в государстве самой Верховной Вла-

сти. Нарочитое таинство миропомазания, совершаемое над коронующимся Самодержцем, вхождение Его в святой Алтарь через Царские врата, стояние и поклонение, совершаемое Им у святого Престола, причащение Святых Таин, по образу священнослужителей, особо Тела и особо Крови Христовой — прямо из святой Чаши, — это, весь этот чин, утверждает неразрывную связь между Церковью и государством и свидетельствует, что Православная Церковь признает Православного Царя как Помазанника Божия, как Лицо освященное и посвященное.

Русские же Государи, начиная от князей Киевских и кончая Императорами, — придавали исключительное значение Православию.

Самодержавие Православного Царя — образ правления, столь отличный от деспотизма восточных государств и абсолютизма западных Монархий, — выпестовано самим русским народом, разумом и чувством, осознавшим его творческую и охранительную силу. Царское Самодержавие давало полный простор духовной и телесной жизни народа, пробуждало и привлекало к созидательной работе всех лучших людей; всем существом своим оно проникалось таинственной тягой земли-матери и в земле черпало свою богатырскую силу. Вместе с культурным творчеством Самодержавие являло пример сурового хранения порядка и

нелицеприятной правды. Властно и мощно, сдерживая и смиряя бунтарские размахи стихийной разнузданности и безпорядочности, таящихся в глубинах русского характера, Самодержавие явилось не как власть поработителя над покоренными, а как плод долгой, упорной совместной работы Русской Церкви, Русских Князей и Русского народа, постепенно убравших с исторического пути все препятствия, которые мешали здоровому росту сильного, независимого, единого Русского государства.

Соседний нам славянский народ — польский — не смог возвыситься до самоподчинения своему королю и не сумел создать у себя королевского Самодержавия. Польские короли слишком легко отказались от милости Божией ради милости папского интернационала, слишком неразумно выбрали корни своей власти из зиждительных недр народных и оторвались от своей земли. Потому-то и судьбы двух славянских государств сложились так неодинаково.

Южный славянин Юрий Крижанич, современник Царя Алексея Михайловича, считал Самодержавие философским камнем, вылечивающим все политические болезни. Он же указывает на те основные положения, которые составляли тогда бытие Русского государства: вера православная, самовладство совершенное (Самодержавие), нераздельность государства и

обережение народа от чужой власти, недопущение праздного и бездельного жития. Крижанич говорит: «У ляхов и у чехов, и у задунайских словенцев сия речь *господарь* знаменует домовного отца и всякий отец, или челяди и дому господин, хочь богат, хочь убог, славет тамо *господарь*. А русский язык не простых людей, но владателев зовет господарями. И тем ее ознаняет, еже, что есть челядный отец или господарь во своем дому, то должен быть краль во своем кралевству».

Потому русские так доверчиво и относятся к своим Царям, — но в то же время требуют и от Царей, чтобы они также внимательно заботились о своем народе, как отец о своей семье (*проф. П. И. Ковалевский.* Национализм и национальное воспитание в России. Издание Союза «Единство Руси». Нью-Йорк, 1922. С. 181—182).

Вплоть до первого Смутного времени Самодержавие развивалось и укреплялось, возвеличивая Россию. Во время лихолетья перед народом стал вопрос — как быть дальше, какой государственный строй воссоздавать из развалин. Правильно освещает решение русского народа И. П. Корнилов в своей книге «Задачи русского просвещения».

«В страшное время междуцарствия, — пишет Корнилов, — Русское государство было

спасено самим народом, который сделался, так сказать, хозяином положения и решителем судеб России. Если бы он изверился в Самодержавии и пожелал разбить целость Русской Земли и полноту верховной власти, то, конечно, никто бы ему не мог препятствовать... Но учение православной веры глубоко проникло в наш семейный и общественный быт. Под его влиянием сложились и вошли в русскую жизнь идеалы родительного единодержавия в семье и единодержавия в государстве. По учению нашей Церкви и по сознанию православного народа, Царь есть избранник Божий, чтобы быть отцом и вождем народа».

Тот же вопрос во всей его широте встал перед русским народом и во время нынешней смуты. Такой же последует и ответ.

Но об этом речь будет ниже.

Профессор Т. В. Локоть в своем исследовании «Смутное время и революция» ясно показывает, насколько Самодержавная Монархия глубоко отвечала потребностям и интересам русского народа и государства и была люба народу.

Власть Русских Царей была действительно народной. Это все более признается и среди многих современных мыслителей, которых никак нельзя заподозрить в пристрастии к монархизму.

Профессор философии С. Л. Франк в статье своей «Из размышлений о русской революции», касаясь вопроса о разобщенности, существовавшей между народными толщами и культурными слоями, пишет:

«Эта отчужденность между верхами и низами русского общества была так велика, что удивительна, собственно, не шаткость государственности, основанной на таком обществе, а, напротив, ее устойчивость. Как могло грандиозное здание старой русской государственности держаться на столь необъединенном и неуравновешенном фундаменте? Для объяснения этого — и тем самым для объяснения того, почему она в конце концов рухнула, — нужно вспомнить, что подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма — Монархия. Замечательной, в сущности, общеизвестной, но во всем своем значении неоцененною особенностью русского общественного и государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть — власть Царя; все же остальное — сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных

классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, все это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силой Царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укреплено корнями — казалось, незыблемо — могучее древо Монархии; все остальное, что было в России, вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура произрастала от ее ствола и держалась только им, как листья, цветы и плоды — произведения этой культуры висели над почвою, непосредственно с ней не соприкасаясь и не имея в ней собственных корней».

Профессор Франк не говорит о Самодержавии, но из всего им сказанного ясно, что народ понимал и воспринимал Царскую власть как неограниченно Самодержавную основу всего государственного бытия. Крушение Российской Монархии профессор Франк объясняет вытеснением из понятия крестьянства Монарха «в качестве высшей надсословной, религиозно-освященной инстанции» «благодетельно-опекающей власти» и слияние Царя с самим порядком, с властью «господ». Этот трагический идейный отрыв Царя от народа, частью от Церкви, происходил постепенно, по мере того, как выполнители велений всемирного кагала,

вольные каменщики, — сумели воздвигнуть между Русским Царем, Русской Церковью и Русским народом ряд средостений, бюрократических, парламентарных и самоуправительных.

Только полновластным Самодержцам Всероссийским было под силу подвести и удержать под широкими крыльями Двуглавого Орла десятки независимых народов, создавая изо всех племен величайшую в мире Империю. Величие власти Самодержавных Царей влекло к ним не только народы, а целые государства. Под «Царя Московского Православного», под могущественного Православного Императора пошли добровольно и Малороссия, и Грузия. Царь-Самодержец был для всех олицетворением великой России.

Чрезвычайно показательны в этом отношении строки, принадлежащие перу убежденнейшего русского патриота, твердо державшего русское знамя в разноплеменном Юго-Западном крае. Крестьянин по происхождению, покойный профессор Д. И. Пихно 9 декабря 1905 г. писал в «Киевлянине» по поводу злополучного акта 17 октября 1905 г.: «У нас нет гордости бритта, но у нас есть гордость русского гражданина и природного хохла, неизвестные предки которого прогнали поляков и "волили под Царя Московского Православного" на Переяславской Раде. Нас, хохлов, никто не покорял

Москве; сами добровольно пошли в сознании величия союза русского народа. И потрудились хохлы для этого союза немало — от Петровских сподвижников из Киевской академии до Кондратенка включительно. Был среди нас Мазепа, но сейчас же явился и Кочубей против Мазепы, а нынешний хохол "мазепой" называет всякого изменника. От Царя готовы мы всякую милость принять, Царю и правду обязаны сказать. Но принять конституцию — "этого наша гордость не позволяет"».

Только при наличии Самодержавия и возможно выявление имперского национализма, который один и мыслим в разноплеменном государстве. Все населяющие Россию народы имеют право сохранять свои бытовые и племенные особенности, вдохновляться местным отчизнолюбием, хозяйничать на своей родной земле. Но все народы и племена, если в них жива общегосударственная связь, — какой бы веры сами они ни держались, — должны признавать исключительное значение для России Веры Православной, все они должны с гордостью носить имя верных сынов единой могучей Российской Империи. Высшим олицетворением этого всеобъемлющего Российского национализма является Российский Самодержец, Верховный Хозяин всех земель Российских, отчему сердцу которого дороги все вверенные Ему

милостию Божией племена и народности. Так свое назначение и понимали наши Государи. Граф А. А. Салтыков в своем очерке «Юрий Самарин и Император Николай I» приводит рассказ француза Кюстина о его разговоре на балу с Государем Николаем Павловичем. Указывая на окружающих, Император сказал: «Вы полагаете, что вы — среди русских. Вы ошибаетесь; вот это — немец, это — поляк, это — грузин, там — финляндец, этот — татарин... И все это *вместе* и есть *Россия*» («Двуглавый Орел». Вып. 4). Перед лицом Самодержца в Земском Соборе или в правительственном совещании должен одинаково звучать голос каждого верного Царю подданного. Всякий же парламент со своими партиями, фракциями, «колами», «блоками» и т.п. таит в существе своем пристрастие, насилие и предубежденность столкнувшегося ради раздела добычи безответственного большинства. Самодержавию не страшны широчайшие, построенные на хозяйственных и бытовых основах областные самоуправления. Областная самодеятельность приносит великую пользу всему государству, если только бразды правления находятся в единых твердых, зорких, беспристрастных и безсменных руках. Столь излюбленный масонами полусахалинский граф Витте, впоследствии автор злосчастной октябрьской консти-

туции, представил в 1899 г. Государю пространную записку о «несовместимости» «Самодержавия с самоуправлением». «Не знаю, сколько взять мне с Витте за эту работу», — спрашивал покойного профессора Н. Д. Сергеевского приват-доцент, составлявший по заказу эту записку. «Цена установлена уже давно, — отвечал Сергеевский. — Тридцать сребреников».

Масонский наемник Витте и его хозяева хорошо знали, чем можно разрушать Россию, и вот один и тот же Витте начинал с травли основы Самодержавия — земского самоуправления, кончает же ударом по самой власти Самодержавия и пишет конституцию.

V

С упованием на милость Божию ожидая возрождения России, необходимо спокойно, *с сыновним чувством* определить недуги, которыми под конец тяжко заболела Империя Всероссийская. Главнейший из них — затеснение и отдаление от Монархии Церкви Православной. Правильные отношения между клиром и миром порушились сначала в государственной жизни, потом в общественной и, наконец, в семейной.

Мудро принятая св. Князем Владимиром из Византии, Православная Русская Церковь долго и твердо держалась правил Константи-

нопольской Патриархии — прямой восприемницы благодати Святаго Духа от апостола Андрея Первозванного.

«Вы поставлены от Бога епископами во внутренних делах Церкви, а я — епископом же во внешних ее делах», — говорил св. равноапостольный Царь Константин Отцам Первого Вселенского Собора. «Когда священство непорочно, а царство пользуется лишь законною властью, между ними будет доброе согласие», — говорил мудрый Император Юстиниан, составитель догматической молитвы «Единородный Сыне и Слове Божий».

Из изложенного ранее мы видели, как русские иерархи помогали русским Князьям и Царям строить Русское государство. С соблюдением канонического размежевания — кесарева от Божия, — при содружестве в общем церковно-государственном деле, почти тысячу лет вершилась в России совместная работа духовных и мирских властей. Свойственное католичеству стремление сливать воедино Божие с кесаревым и подчинять Церкви государство никак не прививалось истинному христианскому православному пониманию. Если между церковными и мирскими властями в допетровской России иногда и происходили крупные столкновения, то лишь при исключительных обстоятельствах.

Так, князь Константин Острожский открыто восстал против изменившего Православию Киевского митрополита и епископов-отступников, принявших на Брестском соборе 1596 г. унию с католичеством. Твердость в святоотеческой вере из поколения в поколение передавалась верующим миром и спасла от упорного натиска иезуитов Православную Церковь в Малороссии.

Великую ревность в отстаивании Православия и противление духовной власти проявил в свое время Великий Князь Василий Васильевич Темный, когда Московский митрополит Исидор предал Православную веру на Флорентийском Соборе. Великий Князь решительно не одобрял поездку митрополита на созывавшийся папой «Восьмой Вселенский Собор»: «Если ты уже непременно желаешь идти на Восьмой Собор, то принеси нам оттуда наше *древнее Православие*, которое приняли от предка нашего Владимира, а нового и чужого,— говорил Великий Князь,— не приноси нам, *мы его не примем*». Исидор дал клятву стоять за Православие, но на Флорентийском Соборе приложил все старания для направления дела в благоприятную для католичества сторону. По окончании Собора и принятии им унии Исидор, в сане папского кардинала, возвратился в Москву и на первой же Литургии вместо

Константинопольского Патриарха стал поминать папу. Великий Князь Василий всенародно назвал его латинским прелестником и еретиком и велел посадить под стражу впредь до решения дела Собором епископов. Русские епископы собрались на Собор в Москву и осудили Исидора, который вместе с учеником своим Григорием убежал в Тверь, из Твери на Литву, наконец, в Рим, где и остался доживать свой безславный век. На место смещенного Исидора Собором был избран великий ревнитель Православия, впоследствии причисленный к лику святых Иона.

Эти примеры показывают, что вмешательство верующих Православных Монархов в дела Церкви иногда бывает необходимо и благодетельно для Церкви. По учению современных философов-церковников из числа непротивленцев злу и сторонников полного разъединения Церкви от Государства,— в этих случаях Православному Монарху надлежало оставаться в стороне и спокойно взирать на разруху Церкви. Но сама Церковь Православная не разделяет подобного суемудрия, и не разделитель Церкви от Государства Исидор, а церковно-государственник Иона причислен ею к лику святых.

Верующие Великие Князья и Цари Московские чутко понимали, когда их государственное

вмешательство в дела Церкви бывало неправильным. Показательно в этом смысле столкновение Великого Князя Иоанна III с митрополитом Геронтием. Иоанн III стал требовать, чтобы крестные ходы вокруг церкви ходили «посолонь», то есть от востока к западу. Митрополит же приказывал ходить от запада к востоку. Спор этот, возникший в 1479 г. при освящении Успенского собора, возобновился в 1482 г., когда Иоанн III, упорствуя в своем мнении, не давал митрополиту освящать новопостроенные храмы. Митрополит Геронтий, оставив в Успенском соборе свой посох, уехал в Симонов монастырь и заявил, что не вернется на свою кафедру, пока сам Великий Князь не будет бить ему челом. Вспыльчивый, властный, Иоанн III смирился. Сперва он послал своего сына просить митрополита вернуться. Митрополит отказал. Тогда Великий Князь сам поехал к Геронтию, просил его вернуться и предоставил ему совершать крестные ходы так, как митрополит считал правильным. Также вынужден был Иоанн III выдать митрополиту Геронтию любимца своего епископа Геннадия, бежавшего от суда митрополичьего во дворец к Великому Князю.

И позднее церковная власть, в лице архиепископа Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого, убедила Иоанна III выдать на

церковный суд и казнь еретиков жидовствующих, находивших опору у невестки Великого Князя и свивших было свое гнездо у самого Великокняжеского престола.

Ясно понимал свои обязанности к Церкви и Царь Иоанн Васильевич Грозный, как видно из его послания к Стоглавому Собору. Злодейское убиение митрополита Филиппа не есть доказательство противного. Владыка-мученик пал жертвою безумия, охватившего сознание этого глубоко верующего и мудрого Царя. Ведь в числе жертв этого безумия оказался и любимый сын Царя — Наследник Престола.

Ярким символом правильных отношений между Православной Церковью и Православным Царем является трогательный обычай. На Вербную Субботу в торжественном ходе через Спасские ворота Царь Московский вел в руках ослятю, на котором восседал Московский Патриарх. В этом величественном обряде Православный Царь являл себя народу смиренным сыном Православной Церкви.

Существенный перелом в правильных отношениях между церковной и царской властями произошел после Смутного времени. Патриарх Филарет — родной отец юного Царя Михаила Феодоровича и Патриарх Никон — личный друг Тишайшего Царя Алексея Михайловича — в силу этого родства и любви своих Монархов

заняли совершенно несвойственное духовным Владыкам положение Царских соправителей. Создалось какое-то государственное двоевластие. Патриархи стали именоваться в указах «великими Государями». Во время войны с Польшей и нахождения Царя в походе Патриарх Никон управлял государством, принимал доклады бояр. Это необычайное положение сказалось во время борьбы с расколом. Чисто церковному вопросу Патриарх Никон придал значение особой государственной важности и соответственно приравнял упорство в старом обряде к тяжкому государственному преступлению. Властный Патриарх не нашел в себе должного христианского смирения, когда Царь впоследствии охладел в своей дружбе к нему. Вместо того чтобы спокойно вернуться в довлевшее ему положение старшего иерарха Русской Церкви — Никон вступил в борьбу за свое государственное влияние. В 1658 г. Никон самовольно оставил Патриарший Престол, отстранился от дел и уехал в Воскресенскую обитель. Восемь лет Московская Патриархия оставалась без Патриарха, продолжавшего, однако, хотя и в бездействии, оставаться в сане. За это время управление делами Русской Церкви, по существу, оказалось в руках Царя Алексея Михайловича. Лишь в 1661 году Патриарх Никон был низложен постановлением

Собора епископов при личном участии двух Восточных Патриархов, и Православная Русская Церковь восстановила свой канонический порядок.

Такое длительное и сильное столкновение оставило глубокую трещину в отношениях Царской власти к Патриаршей. На печальных и тревожных воспоминаниях о покушениях на государственную власть Патриарха Никона воспитался Царь Петр Алексеевич. При первых же своих шагах по пути государственных и общественных реформ он наткнулся на противодействие со стороны Патриарха. Патриарх Иоаким грозил отлучением от Церкви не только тем, кто по приказу и примеру Царя брили бороду, но даже тем, кто имели с брадобрийцами общение. По требованию того же Патриарха в 1690 г. иноземцы-офицеры не были допущены к царскому обеду по случаю рождения Царевича Алексея. Патриарх Адриан также издавал обличения и прещения против брадобрития. И при этих резких и вытекавших не из церковных догматов, а из установившихся обычаев и понятий вмешательствах в государственные распоряжения Царя названные Патриархи не сумели проявить той мудрости, истинно христианской терпимости, которой так проникнуты были отношения к Петру I и его преобразованиям святителя Митрофана Воро-

нежского. Ранее мы уже говорили о существенной и постоянной помощи, которую Святитель оказывал Царю во всех его полезных для России начинаниях. В то же время Воронежский владыка отнюдь не останавливался перед обличением Царя в его увлечениях Западом. Протоиерей В. Смирнов в своей «Истории Православной Церкви» рассказывает, как однажды вызванный Петром святитель Митрофан отказался войти в Дом Царя потому, что перед воротами и на дворе поставлены были статуи языческих божеств. Услышав, что Петр сильно разгневался, Святитель стал открыто готовиться к смерти. И вот грозный Петр уступает и приказывает убрать языческие статуи. По кончине святителя Митрофана Царь горько плакал и сам нес гроб с его телом до места упокоения.

Воспоминания о столкновениях Царя Алексея Михайловича с Патриархом Никоном, об упорном сопротивлении русского духовенства его государственным преобразованиям, об участии многих клириков, и в особенности монахов, в противогосударственных заговорах, столь изобиловавших в труднейшие годы его жизни, — все это настроило Петра не только против определенных духовных лиц, но и против всего канонического строя Русской Церкви. Детство, проведенное в обстановке, недостаточно

пропитанной церковностью, частое общение с иностранцами, увлечение юного Царя рационалистически-протестантским отношением к Вере и Церкви, бурная, лишенная нравственных устоев личная жизнь — все это сильно затмило православное чувство Царя-Преобразователя. Петр I нанес страшный удар каноническому строю Русской Церкви. Сломан был исторический уклад церковный, в жизнь Церкви были введены чуждые ей начала. Русская церковная соборность заменилась шведской коллегией. Правда Воли Божией сменилась «правдой воли монаршей» в лицемерном изложении протестантствующего пиита Феофана Прокоповича. И Патриарх Никон, в его увлечениях захватами государственной власти, и Царь Петр I, в его вторжении и разгроме законной власти церковной,— оба внесли в строй и быт Русской Церкви смуту и нестроение. Но, конечно, второе было много горше первого.

Со времен Петра на Церковь наложена была печать казенного заведения. Правящий клир стал всецело зависим от мирской власти. Приниженность перед государственной властью и угнетение иерархов постепенно сказались на всем духовенстве, которое, постепенно утрачивая внутренние живые силы, духовно отрывалось от паствы и вместе с тем остава-

лось в зависимом от нее имущественном положении.

Исподволь, но неуклонно, под давлением нужды и сознания своей государственной отверженности русское духовенство уходило внутрь себя, становилось замкнутым сословием, оторванной от общей государственной жизни кастой со всеми ее недостатками. Верующая паства все более отходила от столь необходимого общения с пастырями и, под конец, соприкасалась с духовенством, лишь посещая богослужения и при исполнении необходимых церковных треб. Дошло до того, что не только государственная власть, но и все общество стало смотреть на священника как на чиновника православного ведомства, выполняющего церковную службу, как на какого-то нотариуса, долженствующего свидетельствовать и записывать в церковные книги акты о свершенных таинствах или обрядах.

Как ни мудрствовали над Церковью, как ни заблуждались многие Русские правители и иерархи, Дух Божий все же не отходил от Русской Православной Церкви. Господь не оставляет Своею милостью Русь Православную. За этот двухсотлетний срок принижения церковного ярким светом горели светочи Православия: святые епископы Димитрий Ростовский, Иоасаф Белгородский, Тихон Задонский,

преподобный Серафим Саровский, прозорливые старцы Оптинские, праведный протоиерей Иоанн Кронштадтский. И по заветам угодников Божиих право правили такие выдающиеся иерархи, как митрополит Московский Платон, законоучитель Цесаревича Павла Петровича, ревностный борец против масонства и его детища — либерализма; Филарет, митрополит Московский, строгий охранитель устоев Православия, выдающийся проповедник; Иннокентий, архиепископ Херсонский, Макарий, митрополит Московский, Филарет, митрополит Киевский, Никанор, архиепископ Херсонский, Иоанн, епископ Смоленский, Феофан, епископ Тамбовский, подвизавшийся затем в затворе и составивший ряд назидательнейших поучений, и многие, многие — одни уже в Бозе почивающие, другие еще на страже Святой веры Православной здесь пребывающие.

Произволением Божиим Церковь Христова устояла от нестроения и по сей день крепко стоит среди развалин государства Российского. Царство, затеснившее Церковь, пало, и общество, отошедшее от Духа Святаго, рассыпалось. Если хотим восстановить павшее Царство и собрать общество, то должны начать с устранения причин развала. Восстанавливая Царство земное, должно признать и прославить Царство Святаго Духа — Святую Соборную

Церковь Православную — и воздать и отдать ей все ранее неправедно отнятое.

Во главе Русской Православной Церкви должен стоять восстановленный по повелению Русского Православного Царя Церковный Собор. На этом Соборе должен быть избран Патриарх всея России. Просты и ясны должны быть взаимоотношения Православного Патриарха с Православным Царем. Русский Царь есть старший сын Православной Церкви, руководимой Патриархом. В делах государственных Русский Патриарх есть первый подданный Богом на Царство венчанного Царя-Самодержца. По заповеди святого Царя Константина, Царь не вмешивается во внутренний распорядок церковный. Но, как Глава Православного государства, Русский Царь, по той же заповеди Царя Константина, стоит на страже «внешних дел» церковных. Православный Царь должен видеть в Патриархе первого своего советника и наставника во всех делах государственных и личных и иметь с ним постоянное и ничем нестесненное общение.

Патриарх должен всю силу церковного авторитета и влияния направлять на помощь Православному Царю в деле лучшего устроения государства. В этом направлении аполитичность Церкви должна считаться пагубной ересью.

Пастыри должны близко и непосредственно подойти к своей пастве. Духовный отец должен стать также близок верующему, как отец телесный своей семье.

Тягостно вспоминаются слова, сказанные в 1910 г. на одном большом собрании приснопамятным епископом Саратовским Гермогеном, впоследствии во время революции замученным большевиками в Тобольске. «Вы обсуждаете вопрос о сближении с духовенством, — взволнованно говорил Владыка, — но ранее сумейте отрешиться от глубоко оскорбительного для духовенства суеверия: этой боязни встречи "с попом", этого безобразного отплевывания после такой встречи...» Подобные позорные предрассудки должны навсегда исчезнуть из русской жизни, должно всеми способами подымать значение и уважение к сану духовному. Должно также бороться и с вредной обособленностью православного духовенства, а посему всем верующим, чувствующим призвание к служению Господу Богу, должно идти в священники и в монахи. Священство отнюдь не должно превращаться в наследственное ремесло. В древней Московской Руси знали множество примеров принятия духовного сана людьми высших сословий. К счастью, эти примеры участились теперь после жестоких испытаний и гонений сатанистов на веру православную.

Мощный приток свежих верующих сил в среду духовенства безусловно необходим, и этот приток должно всячески поощрять.

Для имущественного обезпечения духовенства, для освобождения его от взимания денег за церковные требы нужно с помощью государства образовать особую Патриаршую казну, откуда духовенство должно обезпечиваться безбедным, достойным сана существованием.

Особое внимание должно быть обращено на монастыри, коим надлежит быть, как и встарь, средоточием высшей религиозной мощи и святости, из которой могли бы черпать все жаждущие и ищущие правды Христовой.

Освобожденное от тяжких забот пропитания, уважаемое государством и обществом, устремленное к духовному подвигу, русское духовенство несомненно выдвинет из своей среды горячих исповедников веры и мудрых законоучителей и христианских воспитателей. Таким истинно духовным пастырям спокойно будет отдать на воспитание и образование, хотя и огрубелую, но все же чуткую и восприимчивую душу русского народа.

Необходимо братское примирение с хранящим в себе столько духовной силы и устремления к святому подвигу — старообрядчеством.

Освобожденная от папоцезаризма в духе Патриарха Никона и от цезаропапизма в духе

Петра I, ведомая Церковным Собором и Патриархом, охраняемая и опекаемая Православным Царем-Самодержцем, освежившая среду духовенства живительным притоком новых сил, принявшая в свое материнское лоно старообрядцев, свято блюдущая долг укрепления Православной Царской власти как Божьего установления, — Святая Церковь Православная освятит неизменно пребывающей в ней благодатью Великое Православное Царство и озарит своим дивным светом необычайный простор Земли Русской.

VI

Ослабленное, с опустелой душой встретило Самодержавие смуту XX века. Исторический храм Православного Царства к этому времени был сплошь закрыт надстройками безверного абсолютизма и пристройками безнародного парламентаризма.

Создавший Россию Царско-Народный уклад стал меняться еще с середины Царствования Алексея Михайловича. Московская Русь, разрастаясь внешне, требовала скорых и решительных действий Государевой власти. Громоздкие Земские Соборы постепенно утрачивали свое значение. Последний настоящий Собор состоялся в 1653 г. для решения вопроса о присоединении Малороссии. Собрание 1682 г.,

собранное для уравнения служб и податей, являлось уже не Земским Собором, а совещанием при Боярской Думе. Но до воцарения Петра Алексеевича идея Земского Собора неизменно жила в государственном понимании русского народа и, при естественном ходе государственной жизни, несомненно, вылилась бы в новые внешние образы, с сохранением старого содержания — непрерывности общения Царя с Церковью и Народом. Великий разрушитель и великий преобразователь строил Империю наново и в мусоре развалин старого уклада засыпал соборную идею. Увлекаемый порывами умственных и волевых способностей своей гениальной личности, Он властно заменил православно-русское Самодержавие западноевропейским единовластием — образом правления, дававшим полный простор Его творческой страсти и неутолимой жажде к строительству и перестройкам всего бывшего. Необходимо, конечно, признать, что, несмотря на мрачные стороны нашей истории XVIII века — бироновщину, дворцовые перевороты, ожесточение крепостного права, чрезмерное засилие иноземцев, — оторванная от соборности с Церковью и Народом власть Императорская все же выполнила великую историческую задачу и способствовала внешнему богатырскому росту России. Но для того чтобы внешне могущественная

Империя стала внутренне сильной, недоставало в государственном строе Правды Божией и Разума народного. Как и всему весомому на земле, Русскому государству необходимы были три опоры — Вера, Царь и Народ, а Петербургский абсолютизм утверждался на одной. Сознание жизненной необходимости для Монархии вновь освятиться Небом и прикоснуться к Земле занимало умы и чувства Российских Монархов. Мудрая Екатерина II — эта иностранная принцесса, сумевшая стать истинно русской по духу,— произвела первый опыт. Собранная ею в 1767 г. Комиссия об Уложении, состоявшая из 564 представителей от дворян, горожан, государственных крестьян, казаков, инородцев, была попыткой вернуться на исторический соборный путь. К идее законосовещания с Народом близок был и Император Александр I. Император Александр II осуществил было эту мысль, как был злодейски убит. Император Александр III задыхался в бюрократическом Петербурге и отрицал народное представительство лишь «в том виде, как оно существовало во всей Европе» (письмо к Победоносцеву 12 марта 1883 г.). Император Николай II 6 августа 1905 г. создал законосовещательную Государственную думу. На пагубу России соборное основание удержано не было, и стараниями темных сил Государ-

ственная дума из православно-русского Земского Собора превратилась в западноевропейский парламент; из помощника Царской власти — в ее злейшего соперника. Так неизменно навстречу творческим устремлениям русских Монархов подымался тлетворный дух безверного Запада и завистливо губил Их лучшие начинания.

Безбожная, кровавая, великая разве в своей гнусности французская революция выявила уродливость идеи народовластия и народного представительства в западном его понимании. Народ — по названию, сплоченная шайка партийных заправил и политиканов — в действительности, явился супостатом власти Монарха Божией милостью. Лишив законного Монарха верховной власти и завладев властью, это, якобы народное, в действительности — партийное, представительство поставило себя в положение полной безответственности и перед Богом, и перед Монархом, и перед Народом. Идея народоправства в разных обличиях, но по существу неизменная, под кличкой «конституция» заполонила всю жизнь западных государств. Русский образованный слой, еще со времен Петра I оторванный от народной почвы, легко поддался европейским соблазнам. Не восприняв того хорошего, что, в силу природных качеств и привычек, все же было на Западе и что посейчас

спасает Европу от развала, — мы слепо преклонились перед мишурной культурой Запада и более всего перед конституционным строем. Отсюда естественное и полезное развитие государственной жизни понималось русским обществом не как разумное усовершенствование народного быта в соответствии с запросами жизни и ростом человеческих потребностей и исканий, а как рабское подражание тому, что, явно обманывая свои народы, стряпали на Западе выученики масонов — либералы и достойные их преемники — социалисты.

Государи наши, по разуму и по чутью стоявшие много выше своих подданных, оказывались в тяжком положении. Они болезненно чувствовали, что благодетельное и необходимое для России Самодержавие все более отходило от Церкви и от Народа, все меньше питалось корнями Земли, что полезный и необходимый для службы бюрократизм разрастался в злокачественное новообразование и мало-помалу затмевал Царскую власть от глаза и сердца народного.

«Сорок тысяч столоначальников правят Россией», — воскликнул однажды властный Император Николай I.

Вместе с тем Русские Государи ясно видели лживость и безнравственность западного конституционного строя и непригодность его к

историческому укладу России и мировоззрению Русского народа. Перед взорами Екатерины II и Павла I прошли кровавые картины французской революции и гибель Короля, нерешительного, отрекшегося от милости Божией, слабовольного, плывшего по революционному течению. Александр I, вначале склонный к либеральным мнениям, скоро на горьком опыте убедился, что Его свободолюбивые друзья являлись жалкими пешками в руках злейших разрушителей храмов и тронов — франкмасонов. Император Николай I только Божиим изволением спасся от уготованного Ему и всей Царской Семье истребления от руки сторонников конституции. Император Преобразователь и Освободитель Александр II всю свою жизнь испытывал, что Он и русское либеральное общество говорят и думают по-разному, что все творимое Им благо России принимается этой общественностью не как Царское благодеяние, а как отвоевание от самодержавной власти, как новый шаг на пути к заветной цели — конституции. Через истерзанное бомбами тело Царя-Мученика вступил на Престол Император Александр III. Немудрено, что все силы своего недолгого, но мудрого царствования посвятил Он усмирению и умиротворению, а не новым преобразованиям. Злобу, клевету и недоброжелательство вызывал среди либеральных кругов

нашей общественности Император Николай II, столь склонный к творчеству и, вопреки всех препон, так много сделавший для развития и процветания Русского Народа.

«Так отчаянно тяжело бывает по временам, что, если бы не верил в Бога и в Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но я не малодушен, а главное, верю в Бога и верю, что настанут, наконец, счастливые дни для нашей дорогой России», — эти из души вырвавшиеся слова только что вступившего на Престол Императора Александра III ярко выражают всю тяжесть положения Русских Государей, Которых за все Их благодеяния корили, поносили, оклеветывали, караулили с бомбами и револьверами и преследовали, точно злейших врагов, — на глазах у восторгавшейся злодеяниями широкой русской общественности.

Не имея ни покоя, ни времени для длительных преобразований, для прочного восстановления соборного самодержавного строя, приходилось выбирать из двух зол: либо отравленная конституционным ядом, явно рвавшаяся к захвату власти, но никчемная, как доказал 1917 г., либеральная общественность, либо бюрократия — сухая, самоуверенная, самовластная, самодовлеющая, оторванная от народной жизни, но все же способная к управлению, все же

подготовленная к власти. До решительного возвращения на исторический путь соборного с Церковью и Народом Самодержавия нашим Царям приходилось поневоле опираться на бюрократию, ибо, при всех ее недостатках, засилие слуг государства являлось менее опасным и вредным для России, нежели засилие захватчиков власти, врагов государственности.

«Пушкин не только величайший русский поэт, но и один из мудрейших русских людей, — пишет профессор Франк, — сознавал положение довольно ясно, как это показывает одно его письмо к Чаадаеву, в котором он на жалобы на некультурность и деспотизм правительства указывает, что, несмотря на все, Царское правительство есть самая культурная часть России» (*С. Франк*. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. Кн. VI—VIII. 1923 г.).

Развращенные пособничеством и подстрекательством «народных представителей», либеральные сановники занимались не столько государственной службой, сколько интригами, наговорами, заговорами, подсиживанием и свержением соперников. В это время правительственная машина все более развинчивалась и теряла ход. Грянула подстроенная теми же темными силами война, и не хотевшая и не умевшая справиться с солдатским бунтом военная и

штатская бюрократия предала Помазанника Божия в руки ложных народных представителей, а затем и сама жалко и постыдно погибла. Совершенно неспособное к созидательной государственной работе, упорно отворачивавшееся от истинных запросов народной жизни, постоянно тратившее силы свои на хулу и осмеяние государства, блудливо вызывавшее бунт черни и не могшее его утишить, в самую опасную для России минуту трусливо бросившее кормило правления — «народное представительство» как вошло насильственно и обманно в русскую жизнь, так же насильственно и обманно бежало. Конституция и парламент опозорили себя в России полностью. Теперь, после всего испытанного, в России невозможно восстановить ни засилья приказного самовластия, ни засилья поддельного представительства.

Россия будущего должна строиться на испытанных и одобренных историей старых основах. Единая, твердая и разумная, *решающая воля* должна исходить от Православного Царя-Самодержца. Самодержец, по своей совести и воле, правит государством; но самодержавство не есть право Царя, а Его тяжелый долг, Его безотменная обязанность. Православный Самодержец ответствует перед Богом и Россией за судьбы вверенного Ему Православного государства.

«Верую, ино о всех Своих согрешениях Суд Ми прияти, яко рабу, и не токмо о Своих, но и о подвластных Мне дать ответ, аще Моим несмотрением согрешает», — так понимал обязанности Самодержца Царь Иоанн Грозный.

Но как бы мудр и способен ни был Самодержец, все же Он человек, а потому не может все охватить, все познать. Для того чтобы усвоять правду, которую Он должен являть народу, чтобы всесторонне узнать истинное положение дел, чтобы безошибочно разобрать людей, их свойства и способности, Царь должен лично и постоянно слышать наставление Православной Церкви и мнение не только своих чиновников, но и лучших людей России. Прежде чем самодержавной волей явить Свою Царскую правду, Самодержец обязан выработать эту правду в Себе на совете с Церковью и избранниками Земли. Как таинственное превращение хлеба и вина в Тело и Кровь Господни должно совершаться в святом храме во время соборного богомоления особо посвященными лицами, так и правда Царская должна вырабатываться не «запершись сам-третей у себя в спальне», как упрекали некогда бояре Василия III, а в особом Государевом Соборе в присутствии Патриарха с Синклитом и особых, Царем на то назначенных и Народом к тому избранных советников. Советное мнение только тогда будет

ценно, когда будет высказываться не тайком с глазу на глаз, а громко и смело в присутствии всего Государева Собора.

В состав Государева Собора должны входить, во-первых, Патриарх и представители Церковного Собора, во-вторых, Наследник Престола и совершеннолетние Члены Императорского Дома, в-третьих, Наместник Государев, начальники служб и частей и советники по Царскому назначению, в-четвертых, выборные представители Земского Собора и их Старшина. В Государевом Соборе должен открыто и невозбранно, в присутствии Царя, звучать голос Православной Церкви, голос Царского Дома, голос Царской Службы и голос Русской Земли. При таком открытом обсуждении Царских дел избегнуты будут тлетворные, но неизбежные при тайных и единоличных докладах случайные влияния и обманы Государя временщиками и наушниками. При таком порядке решения Самодержца не будут так скоры; зато эти решения будут надлежаще взвешенны, проверенны и продуманны, а потому безошибочны. Торжественность обстановки, в особенности присутствие Государя и Святейшего Патриарха будут побуждать присутствующих к высказыванию лишь глубоко обдуманных мыслей и сообщению лишь тщательно проверенных сведений. И Самодержец при постановке на Со-

боре Своих решений будет Сам яснее ощущать дыхание Высшей Правды. Государев Собор принимает к объявлению то окончательное решение, которое, по выслушании мнений, лично на заседании Собора постановляет Царь.

В деле управления государством ближайшим помощником Царя является Наместник Государев, в ведении которого сосредоточены вся правительственная часть, и он направляет работу всех министров и начальников частей. Самодержавная власть Царская должна ясно ощущаться на всем пространстве государства. Царь не должен замыкаться в столице. Ему надлежит возможно чаще лично посещать области и края Своего государства. Постоянными представителями Самодержца на местах являются Начальники областей. Еще покойный Д. И. Менделеев советовал в целях лучшего управления разделить Империю на области. Начальник области, пользуясь чрезвычайными правами по управлению и за все отвечая перед Самодержцем, должен свои решения постановлять в Областном совете по выслушании и занесении в ведомость мнений членов сего Совета. Областной совет составляется на тех же соборных началах, то есть состоит, во-первых, из митрополита и представителей областного Церковного Собора, во-вторых, из помощника Начальника области и областных

начальников служб и частей и назначенных областных советников, в-третьих, из выборных областного Земского Собора и их Старшины.

Ввиду явной необходимости разгружения столицы от множества прежде восходивших туда на рассмотрение дел, большинство таких дел будет окончательно разрешаться в областных учреждениях. Тот же порядок — независимости и соборности мнений при единстве ответственных решений — должен последовательно проводиться также в губерниях и уездах, отчасти в волостях и приходах. Эти последние являются первичной единицей государственного управления.

Царево Око должно видеть все, что и как делается в государстве. К Престолу Государеву узкими ручьями и широкими реками от низов и до верхов и из самого нутра жизни народной должна струиться истинная Правда. Только непрестанный и свободный приток к совести и уму Государевым правды Неба и Земли может сделать волю Его источником действительной Правды Царской и человека с его слабостями и грехами превратить в истинного Самодержца. Правда Неба притекает к Царю через Собор Церковный и Святейшего Патриарха, Правда Земли — через Земский Собор и Собором избранного Старейшину, Прав-

да Служения через Око Царево — Главный Государев Сенат и его Начальника.

Высший надзор за всей совокупностью государственной и общественной деятельности принадлежит Главному Государеву Сенату.

Ведению Главного Государева Сената подлежат: 1) дела по принятию прошений, на Высочайшее Имя приносимых; 2) дела по производству в чины и удостоению наградами и аттестационные; 3) дела по политическому надзору (прежнее 3-е Отделение); 4) цензура (печати, собраний, представлений, зрелищ, увеселений, нравов); 5) производство ревизий и обследований; 6) дела Государственного Контроля; 7) дела Нотариата и Кадастровые и 8) дела Центрального Статистического комитета.

Главный Государев Сенат состоит из Начальника и сенаторов, — частью по Высочайшему назначению, частью утвержденных Государем в звании сенаторов, — по их избрании Всероссийскими Церковным и Земским Соборами. Начальник Главного Сената является начальником всего сенатского ведомства и в Государевом Соборе докладывает по всем делам Надзора и Учета.

В областях учреждаются Областные Государевы Сенаты. Строй этих учреждений во всем подобен строю Главного Государева Сената, причем Начальник Областного Сената и

часть сенаторов назначаются Высочайшими Указами, а другая часть областных сенаторов Высочайше утверждаются в звании по избрании их Областными Церковными и Земскими Соборами.

В округах (губерниях) и уездах на тех же основаниях учреждаются Окружные и уездные Надзоры.

Ответственное осуществление Государева Надзора и Учета лежит на Начальниках Сената и Надзора, а также на сенаторах и чинах Надзора, ведающих отделами и отделениями (контроля, ревизии, цензуры, статистик и т.д.).

Участие в Сенате и Надзоре чинов по избранию Церкви и Земства разумеется не как служебное осуществление Надзора, а как всестороннее осведомление Царя, Церкви и Народа о несовершенствах, непорядках и недостатках, встречающихся в областях государственного, церковного, земского и общественного управления. Посему чины Надзора по избрании Церкви и Земства не назначаются к отправлению общественных должностей, а участвуют во всех заседаниях и советах с правом равного с прочими чинами голоса. Решение дел принадлежит ответственным начальникам, которые обязаны предварительно выслушать и записать в книгу постановление мнения пред-

ставителей Церкви, Земства и Службы (своего ведомства).

Несовершенство изложения законов вызывает необычайный рост их толкований и разъяснений, причем толкования и разъяснения эти часто разноречивы, иногда противоречивы. Все это создает благодарную почву для кляуз и судебной волокиты.

Царский Закон должен излагаться и обнародоваться не иначе как учеными знатоками и опытными в законодательстве государственными чинами. Дух же и мысль Царского Закона необходимо до его обнародования подвергать проверке и обсуждению со стороны исполненной Святого Духа — Православной Церкви и сведущего в нуждах и стремлениях Народа — Земства.

Высшее в государстве законодательное установление есть Главная Государева дума. Во главе оной находится Начальник и в состав ее входят Думные чины — частью по Высочайшему назначению и частью Высочайше утвержденные по избранию их Всероссийскими Церковными и Земскими Соборами.

Законы местного и менее важного значения составляются и обнародуются в Областных Государевых думах, действующих под наблюдением Главной Государевой думы. Во главе Областных Государевых дум стоят Высочайше

назначенные Начальники, в состав их входят чины, Высочайше назначенные, и чины, Высочайше утвержденные по избрании их Областными Церковными и Земскими Соборами.

Законы Государственные обнародуются Начальником Главной Государевой думы после утверждения таковых Самодержцем на Государевом Соборе. Начальник Главной Государевой думы является Начальником всего Законодательного ведомства, а в Государевом Соборе — докладчиком по законодательству.

Законы областные обнародуются начальником Областной Государевой думы после утверждения таковых Начальником Главной Государевой думы на заседании сей последней. Начальники Главной и Областной Государевых дум принимают окончательное изложение закона единоличным своим решением после выслушания и занесения в книгу мнений о сем законе и его изложении представителей в думе Церкви, Земства и Службы.

В округах (губерниях) и уездах дела законодательного свойства, издание обязательных постановлений и обложений сборами и повинностями подлежат ведению Окружных (Губернских) и Уездных Думных Советов. В зависимости от количества дел в Думных Советах соответственно председательствуют либо пред-

седатели Окружных и Уездных Судов, либо особо назначенные председатели.

Думные Советы и их председатели действуют на тех же основаниях, что Государева дума и Областная и их Начальники. В состав Думных Советов входят чины по назначению и чины, утвержденные высшим Думным начальством по избрании их соответственными Окружными и Уездными Церковными и Земскими собраниями.

Толкование законов в том распространительном виде, как это существовало при Судебном Сенате, необходимо устранить. Несовершенно составленный закон должен заменяться новым законом, а не извращаться путем судебных толкований.

Во главе судебного дела стоит Главная Государева Палата, ведающая делами бывших судебных департаментов Сената и Министерства юстиции. Во главе Главной Государевой Палаты стоит Начальник оной, являющийся Начальником всего судебного ведомства и докладчиком в Государевом Соборе по судебным делам. Главная Государева Палата состоит частью из судебных чинов по Высочайшему назначению, частью из судей, Высочайше утвержденных по избрании их Церковными и Земскими Соборами.

На тех же началах учреждаются и действуют Областные Судебные Палаты и Окружные (Губернские) и Уездные Государевы Суды с их председателями. Судьи по избранию участвуют в судопроизводстве, но не касаются управительной части судебного ведомства.

На местах судебная власть осуществляется Приходским Судьей по назначению председателя Уездного Суда, при судопроизводстве имеют право присутствовать с совещательным голосом приходские Церковный настоятель и Земский староста. Единоличный приговор Приходского Судьи сопровождается указанием, каково было мнение представителей Церкви и Земли, если таковые мнения были заявлены.

Вторая степень: Суд, назначаемый Председателем Окружного Суда. При судопроизводстве Волостного судьи имеют право присутствовать с совещательным голосом благочинный, протоиерей и Волостной Земский староста, мнение которых прикладывается к приговору.

Публичность заседаний Судов должна быть сведена до возможно наименьших размеров. Государев Суд не должен быть местом судебных представлений, ареной наемного красноречия.

Желательно, чтобы в приходах и волостях Государев Суд совершался в церквах, во всяком случае открывался и закрывался молебном.

Все дело благотворительности сосредотачивается в ведомстве Государевой Жалости. Это ведомство строится и действует на общих основаниях, то есть на сотрудничестве назначенных правительственных чинов с чинами по избранию от Церкви и Земли.

Начальник Государевой Жалости в Государевом Соборе является докладчиком по делам благотворительности. Верховной Попечительницей Государевой Жалости является Императрица-Мать и Ее Помощницами и Заместительницами — Царствующая Императрица и Супруга Наследника Престола.

VII

Безопасность государства оберегает Государево Войско. Всей постановкой военного дела, сухопутного, морского и воздушного, начальствует и руководит Начальник Государевой Обороны. Опыт мировой войны, последовавшие на Западе изменения приемов и способов военного искусства и коренное расслоение народов на враждующие классы приводят к заключению, что «вооруженный народ» более не может быть опорой государства. Слишком многочисленна та часть народа, которая, под названием пролетариата, уже среди мира идет войной на свое государство. Вооружать и обучать военному делу своих социалистов и коммуни-

стов для государства равносильно самоубийству. На смену всеобщей воинской повинности идет постоянное кадровое войско, посменно пропускающее через свои основные ряды для обучения и военной подготовки молодых людей из имущих слоев населения. Обязательная всеобщая повинность должна быть заменена отбором и военной подготовкой всех тех, которые защиту государства не отделяют от самозащиты и во внешних и внутренних врагах государства видят и своих врагов. Не тягостною повинностью, а честью и гордостью должна стать служба в Государевом Войске. Русское Войско должно стать действительно Христолюбивым Воинством. В день Усекновения Главы св. Иоанна Крестителя — 29 августа — Православная Церковь молится за всех воинов, на поле брани убиенных. По учению Святой Церкви, св. Иоанн Предтеча — первый Воин Христов — возглавляет Христолюбивое Православное Воинство. Христолюбивое Воинство не может иметь в своих рядах врагов Христа, тем более безбожников. Государево Войско должно быть насквозь пропитано монархическим духом и как бронею облечено твердым убеждением, что охрана Царя и верность Ему есть безусловный долг воина. Впредь не должно повторяться что-либо подобное преступному Псковскому действу, когда ничтожная кучка

заговорщиков смогла на глазах у всей Армии безнаказанно и безпрепятственно взять в плен Верховного Вождя и Императора Всероссийского. В Государевом Войске должна быть восстановлена старая воинская дисциплина. И каждый воин должен точно знать, как надлежит пресекать измену против Царя и чего стоит военачальник, не верный Государевой присяге.

Особую силу Самодержной Монархии дает постоянное, непосредственное единение и связь Царя с Народом. Для того чтобы полтораста миллионов людей являли собой не сыпучий человеческий песок, не носимую по воле ветров пыль людскую, а связную, сплетенную множеством корней плодородную почву народную, не должно представлять себе Народ, как скопление обывательских единиц. Народ должно собирать, устраивать и сплачивать в его бытовых пластах, не препятствуя, конечно, вызываемому естественным развитием нарастанию и отслоению наиболее жизненных слоев. Народ, для выполнения его предназначения, должен быть устроен на историческом православном соборном начале. Излечившийся от революционной политики, Земский Мир будет стремиться не к добыванию каких-то прав, не к оспариванию Царской Власти, а наряду с служилыми людьми будет исполнять свою земскую работу —

ту же службу Государеву. Из земской жизни всякая игра в политику должна уйти. Не болтуны и бездельные политиканы, а добрые хозяева и честные труженики должны стать к земскому делу. Всеобщую, прямую, тайную и равную выборную четыреххвостку надо выбросить на свалку и навсегда забыть. Земским делом должны ведать земские, а не чуждые земле люди, хозяйственные мужи, а не бобыли, тем более не нищие бездельники.

В основу земских выборов кладется ценз: возрастной, имущественный — уплата определенной для каждой выборной степени суммы налогов, нравственный — неопороченность по суду, перед Церковью и политическая обязательная грамотность.

Земское устроение начинается с прихода. Приходский земский сход созывается ежемесячно из всех обладающих приходским цензом местных земских людей. Желательно, чтобы земские сходы происходили в церквах. Церковная обстановка придает занятиям и поведению схода надлежащий тон и устранит возможность появления пьяных и ругателей. Приходский земский сход выбирает приходского земского старосту (совмещение этой должности с должностью церковного старосты не только допустимо, но желательно) и гласных на волостной земский сход.

Волостной Земский сход состоит частью из гласных, выбранных приходами, частью из местных земских людей, обладающих волостным земским цензом. Волостной сход собирается четыре раза в год и во главе своей имеет выборного Волостного Земского Старшину.

Тот же порядок с выбором управ и их председателей чинится в уездах и округах, где действуют Земские Собрания, причем в эти Собрания также выходят частью гласные по выбору младшей земской степени, частью земские люди, обладающие цензом для участия в данном Собрании. Уездные Собрания созываются два раза в год, а Окружные — раз в год.

В областях раз в два года созываются Областные Земские Соборы, которые избирают областное Земское Управление и его председателя. В Областной Собор входят частью гласные по избранию Окружными собраниями, частью земские деятели, обладающие областным земским цензом.

В случае, если лиц, обладающих цензом для вхождения в состав без выборов, больше предоставленных для них числа мест, съезд таких цензовиков производит между собой жеребьевку.

Областной Земский Собор выбирает и посылает своих Земских послов на Всероссийский Земский Собор, разрабатывает и представляет Самодержцу челобитную, включающую в

себя доклад нужд и запросов земской жизни, перечень основных положений желательных для народа законов*, жалобы на замеченные Земским Собором неправильные или преступные действия Государевых властей и сообщение о происшедших в Государстве нестроениях и непорядках.

Подобные записи составляются и подаются местным главным Начальникам областными Земскими Соборами и Земскими Собраниями соответственно месту и кругу их ведения.

Одной из важнейших обязанностей Земских Соборов и Собраний является выбор доверенных лиц в правительственные Учреждения для службы в оных и взаимного осведомления и согласования Земской деятельности с Государевой службой. Эти доверенные земские люди, работающие в Правительстве, но не порывающие связи с Землей, составляют свежий запас, из коего Самодержец сможет черпать пополнения правительственного состава.

Всероссийский Земский Собор избирает постоянно действующий Совет Земских Блюстителей и Земского Старейшину. Земский Старейшина и Блюстители составляют Земскую часть Государева Собора.

* Отзывы о государственных сметах, законопроектах и мероприятиях Государева Правительства.

Земский Старейшина вместе с Патриархом, Государевым Наместником и старшим по возрасту Членом Царского Дома составляют Верховный Совет Государев, в который входит по совершеннолетию и Наследник Престола.

«Ведь отчего так легко верит народ самозванцам. Оттого, что так крепко любит своего Царя, но до которого далеко-далеко, как до Бога высоко, где же тут народу о Царе правду знать. Да и Царь о народе... с тех пор, что вот уже без двух годов два века, нет у них, у Царя и Земли, прежнего непосредственного общения друг с другом, полного общения в любви и в совете. Не стало того с 6 мая 1682 г., с лихого дня, в который, от имени малолетнего Царя Петра, подписана отпускная грамота последнему Земскому Собору, созванному Царем Феодором Алексеевичем для совета о великом его Государевом и Земском деле, об изравнении в службах и податях. Но ведь этот второй страх страшен только от предположения, что в России будет конституция.— Зачем ей и откуда быть? — Вся Европа в конституциях.— Да мало ли в какой проказе Европа грехами своих фарисеев и книжников? Не прививать же России к, слава Богу, здоровому телу вместо Православия папизм и нигилизм, вместо общины — майорат и пролетариат, вместо Самодержавия — конституцию и коммуну, потому

только, что в Европе ни Бога, ни Царя, *ни народа*. Ну, пусть в Европе нет уже и какой-нибудь Румынии без парламента; мы — не Румыния, мы — Россия. Россия: Царь да народ. И в Европе-то, чтобы снять корону с Монарха и сделать из нее куафюру на конституционного манекена; должны были англичане снять сперва голову с Карла I, Франция — с Людовика XVI, без этого дают конституции только короли Сандвичевых островов, по совету своих европейских камердинеров. Каким же образом может венец Монарха с главы Русского Царя-Самодержца очутиться на верхней части конституционного абстракта?

Ведь в самом-то деле может разве Царь — не боярская креатура Шуйский, а *предызбранник Божий*, ибо потомок и Самодержца всея Руси, в роды и роды, соборне избранного всею Землею единогласно: глас же народа, по Апостолу, глас Божий, а не человечь (подлинные слова избранной грамоты Царя Михаила Феодоровича) — этот Царь разве может дать конституцию? Нечего, стало, народу страшиться, а бунтарям рассчитывать и кандидатам в предки российских пэров надеяться, чтобы когда-нибудь потомок Мономаха вдруг снял ту восьмистолетнюю шапку, развинтил ее и кинул половину: лови, кому хочется власти. Грызитесь из-за нее, московские лорды с петербургскими

социал-демократами: чья возьмет, тот и верти Святой Русью, как вертят, вон, Англией, Австрией, Францией какой-нибудь жид — писака романов о повстанцах, сорванец с виселицы, адвокат воздухоплавания. Мое же, Царское дело отныне, что и ее величества императрицы Индии: затверживать фразы, какие пропишет премьер для открытия и закрытия палат, да объявлять войну, в какую ему впутать народ мой заблагорассудится...

...Ибо час будет великий: а в тот или в иной великий час, ведь же неминуемо, ведь же положит Бог Царю на разум познать, что без народа, безо всей самой Земли, не нашей старонемецкой чиновничьей машиной правительственной, ни нарочитой семигенеральщиной, все равно не справиться ни со смутьянами, ниже с иными многими у нас непорядками.

Но лучше бы, конечно, призвать Землю вовремя; и спокойно, спокойно-грозным судом и расправой (по-старинному) — собора излюбленных всея Земли, всех православных христиан, всякого чина людей, от каждого города с волостьми по столько-то человек добрых, разумных, постоятельных, с которыми Государю можно бы говорить и промышлять о всех людях ко всему добру, — покончить, прежде всего, с этой бедой, со смутой и со смутьянами.

"Миром да собором и черта поборем". Эта пословица не с Косьмы ли Минина жива в народе и посейчас недаром.

Но ведь не взаправду же или не все же та чертовщина у нас наводная, да накупная. Бурьяну рост от залежи. Покончить, тут, значит, не листья ощипывать, да не на выбор стебли рвать, а мало тут и коренье вытеребить: надо самое залежь поднять да, по-евангельски, во всю *глубину* земли и засеять добрым семенем. Вот бурьяну конец — хлеба начало...»

Вот поистине вещие слова и мудрые мысли, столь образно и сильно выраженные 10 декабря 1879 г. в письме Звенигородского (Московской губернии) мирового судьи Павла Дмитриевича Голохвастова на имя К. П. Победоносцева.

«Нашел много справедливого», — отметил Император Александр II на письме Голохвастова.

«Посылаю Вам обратно это письмо с собственноручной отметкой Государя после прочтения, — писал 31 декабря 1879 г. Победоносцеву Наследник Цесаревич Александр Александрович. — Государь, кроме того, на словах говорил мне несколько раз, что читал с удовольствием и что много правды в этом письме».

Да — много правды... Эту глубокую правду единения Царя с Народом сознавали Самодержцы Российские Александр II, Александр III и Николай II. Помазанники Божии душою чуяли, всем сердцем влеклись к живительному возрождению мистической связи Русского Царя с Русской Землей. Не отсутствие этого сознания, а злобная ненависть и дикая травля темных сил не дали Им осуществить и окончательно претворить в жизнь великую идею творческого соединения Самодержавной Воли с разумом Народным и совестью Православной. Отец лжи позавидовал процветанию Святой Руси, и полки бесовские сорвали, смутили, сбили Россию с пути правого и истинного и толкнули на путь злодейский и гибельный.

Истерзанный, размозженный бомбой иудея Гриневицкого испустил скорбный дух Свой Царь-Освободитель; безвременно скончался от последствий сотрясения и ушибов, полученных при злодейском крушении поезда в Борках, Царь-Миротворец; вместе со всей нежно любимой Семьей прошел тяжкий крестный путь Император Николай II...

Пусть же будут эти великие жертвы и страдания святыми жертвами искупления, пусть одумается Народ, пусть поймут наши ученые горе-умники, что не в безвластии, не в безволии

Царском, а в истинном мудром и грозном Самодержавии, действующем в любовном единении с Народом, таятся семена мирового подъема, расцвета и преуспеяния государства Российского.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕТИЙ РИМ: РУСЬ МОСКОВСКАЯ И ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ

По историческому пути 7
Православная Монархия 20
Государи — веры ревнители 48
Царь-Самодержец и Святейший Патриарх 69
К 500-летию падения второго Рима 99
400-летие взятия Казани 113
Русские Государи 133
Несколько памятных черт из Царствования Императора Александра Благословенного . . . 141
Исторические Пасхальные дни в XIX веке . . . 147
Как Александр I встречал в Париже Пасху . . 159
Христианин на Престоле (К столетию со дня кончины Императора Николая I) . . . 163
Император Николай I — Православный Царь . . 180
Царская Россия и Северо-Американская Республика 257
Светлой памяти Царицы Марии Александровны 287
Царско-народное церковное торжество 297

РУССКАЯ СМУТА

Политическое предвидение 313
Жизнь в Духе 347

Работа масонов 353
По заповедям Ахад-Хама 371
Все повторяется 378
Зловещий юбилей 387
Царские воины 404
Псковское действо 410
Трагедия русского офицерства 430
Из скверного прошлого 465
Кара Божия 474
Перед судом Правды 483
В свете Истины 492
Сила веры и верности 506
О чем и страшно, и отрадно вспомнить 517
Поучительные уроки 522
Чаемая Монархия 529

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ПРАВИЛО ВЕРЫ»
вышли в свет:

Н.Д.Тальберг. Русская быль. Очерки истории Императорской России.

В серии
«Творения святых Отцов Православной Церкви. Аскетика»

1. Древний Патерик, изложенный по главам.
2. *Преподобный Макарий Египетский.*
   Духовные беседы, послание и слова.
3. *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин.*
   Собеседования египетских отцов.
4. *Блаженный Иоанн Мосх.*
   Луг духовный.
   Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов.
5. *Преподобный Иоанн,*
   игумен Синайской горы.
   Лествица возводящая на Небо.
6. *Преподобный авва Исаак Сирин.*
   Слова подвижнические.
7. *Преподобный Симеон Новый Богослов.*
   Слова. Деятельные и богословские главы.

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

Издательство «Правило веры» продолжает издание духовного наследия святителя Феофана Затворника. В издание войдут серии: «*Слова и проповеди*», «*Толкования беседовательные*», «*Начертание христианского нравоучения*», «*Собрание писем*» и другие.

Вышли в свет

В серии «*Краткие поучения*»: «Мысли на каждый день года», «Созерцание и размышление». В серии «*Собрание писем*»: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться», «Письма о христианской жизни», «Письма о разных предметах веры и жизни». В серии «*Начертание христианского нравоучения*»: «Путь ко спасению». В серии «*Толкования беседовательные*»: «Псалом Давида 118, истолкованный святителем Феофаном». В серии «*Путеводитель по Святому Евангелию*»: «Евангельская история о Воплощении Бога Слова».

Серия «*Слова и проповеди*», состоящая из четырех томов, — полное собрание слов и проповедей святителя Феофана. Каждый том включает в себя несколько самостоятельных книг, составленных самим святителем Феофаном Затворником.

В сборники, составляющие серию «*Слова и проповеди*», входят следующие произведения:

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ СЕРДЦА
ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

- Три слова о несении креста;
- Четыре слова о молитве;

• О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха;

• Пять поучений о пути к спасению;

• Внутренняя жизнь;

• Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество;

• Четыре беседы по руководству книги «Пастырь» святого Ермы.

ЛЮБОВЬЮ НАЗИДАЯ

• Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни;

• Небесный над нами покров святых и уроки от лица их во дни празднственного чествования их.

СЛОВО ВЕРЫ
О ПРАВОСЛАВИИ

• О православии, с предостережениями от погрешений против него;

• Наши отношения к храмам;

• Девять слов по случаю пожаров в Тамбове и губернии Тамбовской;

• Слова на разные случаи.

ДВЕРИ ПОКАЯНИЯ

• О Покаянии, Причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни;

• Семь слов в недели, приготовительные к посту, и на седмицу первую Великого поста;

• Богоугодная жизнь вообще.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА. ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЙ СВЯТИТЕЛЕМ ФЕОФАНОМ ЗАТВОРНИКОМ

Эта книга является сводным томом, подготовленным по восьми томам Толкований святителем Феофаном Посланий апостола Павла. Она повествует — по словам святителя Феофана Затворника — «о высоте христианского откровения, или Евангельской истины, с изложением и того, как она водворяется на земле». В ней последовательно, по трудам святого апостола Павла, обозревается все Домостроительство Божие по спасению падшего человечества.

Собранные воедино и выстроенные в хронологическом порядке житие святого Апостола, его Послания, толкования их, исторический комментарий о жизни, нравах и обычаях тех мест, которые посещал Апостол, проповедуя Евангелие, разъяснение поводов к написанию Посланий и обстоятельств, сопутствующих этому, позволяют читателю во всей полноте воспринять путь становления Церкви Христовой на земле и соотнести его с сегодняшним днем.

Развернутое содержание толкования каждого Послания и тематический указатель позволяют читателю быстро найти разъяснение интересующих его мест из Апостола.

Издание дополнено указателем ежедневных чтений на Литургии Посланий апостола Павла в течение года. Пользуясь этим указателем, можно легко найти в книге и текст Послания, и его толкование. Это даст возможность православным христианам вместе с Церковью ежедневно назидаться глубиною мудрости апостола Павла, которая, благодаря толкованиям святителя Феофана Затворника, раскрывается во всей полноте и становится доступна всем.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, а также может быть рекомендована учащимся семинарий и духовных школ при изучении курса по толкованию Священного Писания Нового Завета.

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ

СЛОВА. ДЕЯТЕЛЬНЫЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ГЛАВЫ

В переводе на русский язык с новогреческого святителя Феофана Затворника

Православное предание наделило именем Богословов трех великих мистиков: святого евангелиста Иоанна, святого Григория (Назианзина) и преподобного Симеона Нового Богослова. Мистицизм в Восточном христианстве – это вершина богословия. Для преподобного Симеона христианская вера предполагает личный опыт общения с Богом.

Святитель Феофан Затворник высоко ценил творения преподобного Симеона и часто рекомендовал своим духовным чадам это «...сокровище неоцененное. Сильнее всех он внушает ревность о внутренней благодатной жизни... Как настойчиво излагает он суть дела жизни христианской, производя ее во всем пространстве от Господа Спасителя – исключительно. И все у него так ясно излагается, что беспрекословно покоряет ум и требует повиновения» – свидетельствовал в письмах Святитель во время работы над переводом.

Главный предмет наставлений святого Симеона – делание во Христе сокровенное. Он объясняет пути внутренней брани, обучает мерам совершенствования, заставляет подвизаться преимущественно против духовных страстей, против помыслов и движений греховных. Преподобный Симеон говорит об этом так, как только может говорить человек, изучавший опытом жизнь нравственную, притом не год, а десятки лет. Сочинения его – богатейшая сокровищница мыслей о жизни духовной, с силою действующих на душу, жаждущую благочестия.